



ISSN 2308-152X (Print)

ISSN 2313-6197 (Online)

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4>

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2025. Том 13, № 4

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE =
GOLDEN HORDE REVIEW

2025, vol. 13, no. 4

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа»

The preparation and publication of the journal were carried out within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the National Identity of the Tatar People"

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан», 2025

© State Institution "Tatarstan Academy of Sciences", 2025

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

«Золотоордынское обозрение» – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого находят отражение научные публикации конкретно-исторического, историографического и источниковедческого характера, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

Журнал печатает ранее неопубликованные, оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках. «Золотоордынское обозрение» уделяет также большое внимание обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки), 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Размещение и индексирование журнала в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Scopus, Web of Science (ESCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), ERIH PLUS, ResearchBib, Dimensions, Google Scholar, Internet Archive, Berkeley Library, Peeref, Scilit, CoLab, Белый список, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Национальная платформа периодических научных изданий (РЦНИ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка.

Журнал является участником партнерств: CrossRef и профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ)»

Регистрация СМИ:	Номер свидетельства: ПИ № ФС 77-87864 Дата регистрации: 22.07.2024
Журнал основан:	2013 г.
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель и издатель:	Государственное научное бюджетное учреждение «Академия наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул. Баумана, 20, Республика Татарстан, Российская Федерация)
Адрес редакции:	420111, г. Казань, ул. Батурина, 7, Республика Татарстан, Российская Федерация Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Типография:	Издательство Академии наук Республики Татарстан (420111, г. Казань, ул. Баумана, 20, Республика Татарстан, Российская Федерация)
Сайт:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Тел./факс:	(843) 292 84 82 (приемная), (843) 292 00 19
Подписка:	Подписной индекс П7934

GOLDEN HORDE REVIEW

Academic Journal

“Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” is a peer-reviewed academic journal publishing articles of historical, historiographical and source-researching nature, covering all fields of study of the history of the Golden Horde and the Tatar Khanates.

The journal publishes unpublished and original articles by Russian and foreign authors in Russian and English. “Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” also pays considerable attention to the discussion of new researches (monographs and other academic publications) in the form of reviews.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences in scientific specialties: 5.6.1. – Domestic history (historical studies), 5.6.5. – Historiography, source study and methods of historical research (historical studies).

The journal is indexed by: Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich’s Periodicals Directory, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), ERIH PLUS, ResearchBib, Dimensions, Google Scholar, Internet Archive, Berkeley Library, Peeref, Scilit, CoLab, Russian White List, Russian Science Citation Index Database, National Platform of Periodical Scientific Publications (RCSI), CyberLeninka.

The journal is a participant in partnerships: CrossRef and Association of scientific editors and publishers (ASEP).

Media registration:	Certificate Number: PI No. FS 77-87864 Date of registration: July 22, 2024
The journal was founded:	2013
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Publication frequency:	4 times a year
Founder and publisher:	State Institution “Tatarstan Academy of Sciences” (20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)
Editorial address:	7, Baturin Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Press:	Publishing House of the Tatarstan Academy of Sciences (20, Bauman Str., Kazan 420111, Republic of Tatarstan, Russian Federation)
Web-site:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Tel./Fax:	(843) 292 84 82 (receiving office), (843) 292 00 19
Subscription:	Subscription index II7934

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Миргалеев Ильнур Мидхатович, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Минниханов Рифкат Нурғалиевич, д.тех.н., президент Академии наук Республики Татарстан, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович, д.и.н., директор Института истории им. Ш.Марджани АН РТ, академик АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Виктор Спинеи, Ph.D. (история), профессор, вице-президент Румынской академии, почетный директор Института археологии (Яссы, Румыния)

Карпов Сергей Павлович, д.и.н., профессор, академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Юлай Шамильоглу, Ph.D. (история), профессор Назарбаевского Университета (Астана, Республика Казахстан); профессор Висконсинского университета в Мадисоне (Мадисон, США)

Тасин Джемиль, доктор философии, профессор, директор Института тюркологии Университета Бабеш-Бойяи – Клуж-Напока, член-корреспондент Тюрк Тарих Куруму, почетный член Академии ученых Румынии, иностранный член АН РТ (Румыния)

Мария Иванич, д.и.н., заслуженный профессор кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Стивен Поу, Ph.D. (история), Университет Калгари (Калгари, Канада)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор исследований Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Зайцев Илья Владимирович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Крамаровский Марк Григорьевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

Ильяс Кемалоглу, д.и.н., профессор Исторического отделения Университета Мармара (Стамбул, Турция)

Горский Антон Анатольевич, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Измайлов Искандер Лерунович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Александар Узелац, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Маслюженко Денис Николаевич, к.и.н., доцент кафедры «История и документоведение», директор Гуманитарного института Курганского государственного университета (Курган, Российская Федерация)

Иванов Владимир Александрович, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумлы (Уфа, Российская Федерация)

Беляков Андрей Васильевич, д.и.н, ведущий научный сотрудник Центра истории русского феодализма Института российской истории Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)

Почекаев Роман Юлианович, д.и.н., к.ю.н., профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Тимохин Дмитрий Михайлович, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Аканов Анвар Васильевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИЯ

Литературный редактор: Сайфетдиновна Эльмира Гадельзяновна, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Корректор: Байбулатова Лилия Фаритовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; **Хузеев Ильнур Иршатович**, аспирант (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор, ответственный секретарь: Гиниятуллина Люция Сулеймановна, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

Il'nur M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Rifkat N. Minnikhanov, Dr. Sci. (Technical Sciences), President of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Radik R. Salikhov, Dr. Sci. (History), Director, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Academician of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Victor Spinei, Ph.D. (History), Professor, Vice-president of the Romanian Academy, Honorary Director of the Institute of Archaeology (Iasi, Romania)

Sergey P. Karpov, Dr. Sci. (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Uli Schamiloglu, Ph.D. (History), Professor, Nazarbayev University (Astana, Kazakhstan); Professor Emeritus, University of Wisconsin-Madison (Madison, USA)

Tasin Gemil, Ph.D. (Philosophy), Professor, Director of the Institute of Turkology, Babeş-Bolyai University – Cluj-Napoca, Corresponding Member of the Türk Tarih Kurumu, honorary member of the Academy of Scientists in Romania, foreign member of the Tatarstan Academy of Sciences (Romania)

Mária Ivanics, Dr. Sci. (History), Professor Emeritus of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

Stephen Pow, Ph.D. (History), University of Calgary (Calgary, Canada)

Nicola Di Cosmo, Ph.D. (History), Professor of East Asian Studies, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Il'ya V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mark G. Kramarovskiy, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

Charles J. Halperin, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

İlyas Kemaloğlu, Dr. Sci. (History), Professor, Marmara University (Istanbul, Turkey)

Anton A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Iskander L. Izmailov, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

Denis N. Maslyuzhenko, Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Documentation, Director of the Institute of Humanities, Kurgan State University (Kurgan, Russian Federation)

Vladimir A. Ivanov, Dr. Sci. (History), Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M.Akmulla (Ufa, Russian Federation)

Andrey V. Belyakov, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Roman Yu. Pochekaev, Dr. Sci. (History), Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Head of the Department of theory and history of law and state, National Research University – Higher School of Economics (St. Petersburg, Russian Federation)

Dmitry M. Timokhin, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Anvar V. Aksanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL OFFICE

Literary editor: **Elmira G. Sayfedinova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Corrector: **Liliya F. Baybulatova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; **Il'nur I. Khuzeev**, Postgraduate Researcher (Kazan, Russian Federation)

Technical editor, Executive secretary: **Lyutsiya S. Giniyatullina**, Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Публикации

Филюшкин А.И. Понятия и термины посольской документации Московской Руси XVI века (сравнительный анализ крымских и турецких посольских книг)	732
Аряев Л.Н. Казанская царица Каракуш в источниках и историографии	746
Мухаметзянова Л.Х. Историческая память в произведениях эпического фольклора татар периода Казанского ханства	770
Беляков А.В. Еще раз о казанском гербе: семиотика дракона в русских землях XV–XVII вв.	785
Yolsever U. The importance of the Kazan Khanate in the foreign policy of the Crimean Khanate	806
Муртазина Л.Р. Освещение истории Казанского ханства в татарской эмигрантской прессе (на примере журнала «Яңа милли юл» и газеты «Милли байрак»)	823
Маслюженко Д.Н. Шибаниды на Казанском престоле в XV веке	843
Исхаков Д.М., Тычинских З.А. Проблема восточных границ Булгарского вилайета Золотой Орды и Казанского ханства в конце XIV–XV вв.	859
Белоусов М.Р., Исхаков Р.Р. О так называемой «Копии со списка жалованной грамоты башкиру Уранской волости Авдуаку Санбаеву» времени Ивана IV	880
Asar S. Crimean khan Mehmed Giray's attempt to revive the Golden Horde	888
Самигулов Г.Х. Зауралье XVI–XVII вв.: тюрки Зауралья или башкиры?	901
Охотникова С.В. Чувашские исторические предания как источник по истории Казанского ханства: к постановке проблемы	928
Новосёлов А.Л., Литвин А.А. Хронология московско-казанских войн 1467–1530 гг. и церковный календарь	939

Хроника

Смирнова Л.О., Теплякова А.Н. Обзор научной конференции в честь 85-летия М.Г. Крамаровского «Золотая Орда и Причерноморье. Между Востоком и Западом»	959
Гиниятуллина Л.С. Ученый, просветитель: 65-летний юбилей Искандера Измайлова	963



CONTENTS

Publications

Filyushkin A.I. Terms and Notions in the Diplomatic Documentation of 16th-century Muscovy: A Comparative Analysis of Crimean and Turkish Embassy Books	732
Aryayev L.N. The Kazan Tsarina Karakush in Sources and Historiography	746
Mukhametzianova L.Kh. Historical memory in works of epic Tatar folklore of the Kazan Khanate period	770
Belyakov A.V. Once Again on the Kazan Coat of Arms: the Semiotics of the Dragon in the Russian Lands of the 15th–17th centuries	785
Yolsever U. The importance of the Kazan Khanate in the foreign policy of the Crimean Khanate	806
Murtazina L.R. Coverage of the Kazan Khanate History in the Tatar Emigrant Press (based on the “Yaņa Milli Yul” journal and the “Milli Bayrak” newspaper)	823
Maslyuzhenko D.N. The Shibanids on the Kazan throne in the 15th century	843
Iskhakov D.M., Tychinskikh Z.A. The Problem of the Eastern Borders of the Bulgar Vilayet of the Golden Horde and the Kazan Khanate at the end of the 14th–15th centuries	859
Belousov M.R., Iskhakov R.R. About the so-called “Copy from the List of the Granted Charter to the Uran Volost bashkir Avduak Sanbaev” from the time of Ivan IV	880
Acar S. Crimean khan Mehmed Giray’s attempt to revive the Golden Horde.....	888
Samigulov G.Kh. The Trans-Urals in the 16th–17th centuries: Trans-Ural Turkic Peoples or Bashkirs?	901
Okhotnikova S.V. Chuvash historical legends as a source for the Kazan Khanate history: to the problem statement	928
Novoselov A.L., Litvin A.A. Chronology of the Moscow-Kazan wars of 1467–1530 and the Church Calendar	939

Chronicle

Smirnova L.O., Teplyakova A.N. Review of the scientific conference in honor of the 85th anniversary of M.G. Kramarovsky “The Golden Horde and the Black Sea Region. Between East and West”	959
Giniyatullina L.S. Scholar and Educator: the 65th Anniversary of Iskander Izmailov	963



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

ПУБЛИКАЦИИ

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.732-745>
EDN: COGFPQ

УДК 94(47).043 + 341.222

ПОНЯТИЯ И ТЕРМИНЫ ПОСОЛЬСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ МОСКОВСКОЙ РУСИ XVI ВЕКА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КРЫМСКИХ И ТУРЕЦКИХ ПОСОЛЬСКИХ КНИГ)

А.И. Филюшкин

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
a.filushkin@spbu.ru*

Резюме. В статье на материалах посольских книг как исторического источника рассматриваются понятия, которые использовались в XVI в. русскими, татарскими, турецкими дипломатами в международном диалоге. Это термины, связанные с наименованием монарха, иерархией государств, концепцией власти. Специально разбирается понятие «челобитья» и его эволюция в дипломатических отношениях. В статье утверждается, что к XVI в. понятие «челобитье» в международных отношениях обозначало не разный статус дипломатических партнеров, а конкретную ситуацию, в которой одна сторона обращается к другой с какой-то инициативой. «Челобитье» выступает этической категорией, элементом политического ритуала. В статье рассматривается проблема непризнания Крымским ханством царского титула Ивана Грозного. Отдельно рассматриваются способы легитимации власти России над присоединенными территориями и проблемы религиозной толерантности. Отмечается разная политика в отношении мусульманских и католических стран, различные способы дипломатической аргументации и стратегий объяснения. Взаимная религиозная терпимость была связана с практическими мотивами. Стороны старались уменьшить факторы, отягчающие перспективы достижения дипломатических договоренностей, и отказ от обострения противостояния на религиозной основе был одним из способов дипломатического инструментария.

Ключевые слова: Российское царство, Крымское ханство, Османская империя, посольские книги, царский титул, челобитье, Иван Грозный, исторические понятия

Для цитирования: Филюшкин А.И. Понятия и термины посольской документации Московской Руси XVI века (сравнительный анализ крымских и турецких посольских книг) // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 4. С. 732–745. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.732-745> EDN: COGFPQ

© Филюшкин А.И., 2025



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование: Исследование выполнено по гранту РФФ № 24-28-00538 «Понятия и категории в социальнополитическом дискурсе государств Восточной Европы в раннее Новое время».

TERMS AND NOTIONS IN THE DIPLOMATIC DOCUMENTATION OF 16th-CENTURY MUSCOVY: A COMPARATIVE ANALYSIS OF CRIMEAN AND TURKISH EMBASSY BOOKS

A.I. Filyushkin

*Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation
a.filyushkin@spbu.ru*

Abstract. This paper, using materials from embassy books as a historical source, examines concepts that were used in the 16th century by Russian, Crimean, and Turkish diplomats in international dialogue. These are terms associated with the name of the monarch, the hierarchy of states, and the concept of power. The concept of "petition" (*chelobitie*) and its evolution in diplomatic relations is specifically examined. The author argues that by the 16th century, the concept of "petition" in international relations did not imply the different status of diplomatic partners, but a specific situation in which one party addresses the other with some initiative. The "petition" was acting as an ethical category, an element of political ritual. The article examines the problem of non-recognition of the Tsar's title of Ivan the Terrible by the Crimean Khanate. The methods of legitimization of Russia's power over the annexed territories and the problems of religious tolerance are considered separately. Different policies towards Muslim and Catholic countries, various methods of diplomatic argumentation, and explanatory strategies are noted. Mutual religious tolerance was linked to practical motives. The parties tried to reduce the factors that aggravated the prospects of reaching diplomatic agreements, and the refusal to exacerbate confrontation on religious grounds was one of the diplomatic instruments.

Keywords: Russian Tsardom, Crimean Khanate, Ottoman Empire, ambassadorial books, Tsar's title, petition, Ivan the Terrible, historical concepts

For citation: Filyushkin A.I. Terms and Notions in the Diplomatic Documentation of 16th-century Muscovy: A Comparative Analysis of Crimean and Turkish Embassy Books. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 4, pp. 732–745. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.732-745> (In Russian)

Financial Support: The study was supported by the Russian Science Foundation no. 24-28-00538: "Concepts and Categories in the Socio-Political Discourse of the States of Eastern Europe in the Early Modern Times".

Посольские документы представляют собой особый тип источника. По своей природе они предполагают двойственность терминологии: употребляемые в них термины, понятия и фразеологизмы должны одинаково понимать обе стороны, иначе не состоится дипломатический диалог. В этом ценность данного типа документации: она отражает политический тезаурус одновременно нескольких контрагентов. При этом речь идет не о языковых заимствованиях (Ч. Гальперин справедливо отмечает, что татарский язык не повлиял на политическую лексику Ивана IV [29, р. 197]), а именно о единстве по-

нятий. Питательной средой для формирования этих универсальных понятий были маргиналы – представители и русской, и татарской (крымской и казанской) элиты, имевшие тесные контакты с другими культурами (русской, османской, казанской, Великого княжества Литовского и т.д.) [28, с. 94–111].

Помимо практической функции (реализация сценариев посольских миссий), как отметил М.В. Моисеев, «Дипломатические послания сами по себе выполняли репрезентационные функции, провозглашая место монарха в мировой системе власти... В целом, дипломатические послания могут рассматриваться как пример авторитетного дискурса» [9, с. 185]. Лексика, используемая в качестве определения статуса правителя в крымских и турецких посольских книгах, указывает на оттенки смыслов, причем происхождение этих смыслов относится к разному времени.

«Великие Орды великого царя» – так обращались к крымскому хану русские послы в XVI в. [15, с. 51, 60–61, 111 и др.]. Очевидно, что перед нами не название государства («Великая Орда»), а возвеличивающий, глаголицирующий эпитет, отражающий ханскую титулатуру. Как справедливо заметил А.В. Парунин, «Такие красочные эпитеты, как “Великая, Белая, Большая, Золотая”... явились прямым результатом устной традиции как кочевых народов Поволжья, так и фиксацией культурных контактов тюркоязычных кочевников с оседлым русскоязычным населением» [13, с. 89]. Восхваляющая лексика характерна как для русско-крымского, так и для русско-турецкого дипломатического диалога. Хан в московских документах – «силы находец» [15, с. 264] и «победитель»¹. Как отметил И.В. Зайцев, «...скорее всего это выражение — перевод слова *kuwetli* (сильный, мощный, могучий)» [6, с. 237].

Крымский правитель был скромнее в определениях, зато разнообразнее в категориях, означающих отношения между правителями, например: «Брату моему великому князю Ивану Васильевичу много-много поклон и с любовью заповедь и слово то» [15, с. 153]. Братство, любовь – это все дипломатические термины, обозначавшие равный статус контрагентов, их уважение друг к другу и доброжелательные, практически союзные отношения [24, с. 5–20; 25, с. 375–408]. Но в обращении крымского хана не звучало главного: царского титула [15, с. 145]. Этот казус интересен, потому что если непризнание российского царского титула европейскими странами вызывало открытый острый дипломатический конфликт, вплоть до угроз войны, то аналогичное отношение со стороны Крыма терпели. Возмущались, высказывали недовольство, но терпели: «А нечто будет Сулеш о царском имяни откажет, и за тем того дела не порвати, делати и без того имяни» [15, с. 332]. В русских грамотах в Крым протест против непризнания царского титула ханом был невнятен и малоубедителен для правителя мусульманского государства: «А будет не похочет црьского имени в шертной грамоте писати... о том крепко говорити, что государь наш пишет имя свое, что ему Бог дал, изобрел свое от прародителей своих, и царя чести некоторые тем не уимают... царь волной человек» (из наказа 1577 г.)².

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 123. Оп. 1. Д. 9. Л. 55 об.

² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 229 об.

При этом любопытна иерархия дипломатических обращений. Если хан не признавал царского титула Ивана IV, то послания от имени крымской знати наполнены самыми высокими титулами, например: «Вольному человеку и государю великому князю, белому царю...» [15, с. 50], «Всего христианства государю великому князю Ивану Васильевичу...»³, «Великого улуса многие Руси и всего христианства государю...»⁴. Здесь примечательно как восточное обращение «Белый царь» (его семантика раскрыта в работе В.В. Трепавлова [23]), так и перенос акцента на власть правителя Москвы над «всеми христианами», что разводило хана и русского государя по разным сферам влияния. Интересна трансформация выражения «государь всея Руси» в «государь многие Руси» и именование Руси «улусом». Русь и Крым также зовут «юртами» (не будет мира, будет война между двумя юртами, 1577 г.)⁵.

Стоит отметить и еще один парадокс: если для легитимации царского статуса Ивана IV для западного направления дипломатии сочинялись и использовались в посольской переписке специальные легенды о происхождении Рюриковичей от кесаря Августа [5, с. 3–55], то попытки обосновать царский титул перед правителями Востока весьма невняты. Посол в Османскую империю в 1569 г. Иван Новосильцев получил наказ: «А нечто спросят его про царское имя, почему государь ваш царем ся зовет? И ему молвити: Аз паробок молодой, того яз не ведаю, почему государь наш царем ся зовет. Кто будет того похочет проведати, и он поеди во государя наше государство, и он, ехав, там проведает»⁶. В 1571 г. посол Андрей Кузьминский озвучивал сходное объяснение: «А по моему по молодому разуму, почему государю нашему не зватца царем на таком великом государстве живучи, а у государя нашего цари и царевичи и многие государьские дети служат»⁷. То есть для обоснования царской титулатуры на восточном направлении дипломатии в Москве апеллировали не к политическим легендам, обращающимся к античной истории, а к понятным для крымского хана иерархическим отношениям службы [ср.: 9, с. 400–401].

Если позиция Крыма была понятной (признание правителя Руси «царем» означало бы согласие с его историческим реваншем над Ордой, что было недопустимо), то турецкому султану, который «осеняет вселенную»⁸, меряться титулами с правителем далекой и малой по сравнению с Османской империей Московией было не к лицу. При дворе султана считали всех, кто обращался в Стамбул с посольской миссией, зависимыми и подчиненными, исходя из самого факта обращения. Поэтому все равно, как его называть в грамотах, адресованных в чужое государство. Турецкие дипломаты легко сыпали в своих посланиях цветистыми и ни к чему не обязывающими высокими эпитетами: Василий III – «государям государь», «великий государь начальный», «царь царем», «великий гамаюн». «Пишет те высота царствами, подает тебе многое здравие и веселие и радость высоте кралеествовати, мудрому и благородному всякой чести и славе достойному, и богом дарованому нашему лас-

³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 12. Л. 268.

⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 94 об.

⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 15. Л. 368.

⁶ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 23 об.

⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 172 об.

⁸ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 331 об.

ковому и доброму приятелю и любимому суседу кралоу великому князю Василию, государю Московскому и Русскому и Болгарскому...» (1532)⁹. Василий – «светлость кравества»¹⁰.

Но 12-летний Иван IV восхваляется в турецких грамотах еще пышнее: «Христианству верходержашему, во князех величайшему, месианских всех превосходяй честию, также и всех христианских родов повелитель, господарскому имени достойны пореченному в чести величества изящному и доброчайному Московские земли князю и великих государей степени дошедшему...» (1542)¹¹. Этому вторит грамота кафинского митрополита Василия Ивану IV от 15 сентября 1541 г.: «Самодержавному от Бога славнейшему победителному храброму и благородному великому Богом подобному от Христа Бога Богом утвержденному владыка и святыи царю самодержавному Московскому и всеа Руси и иных многих земли столнаго восточные и западные» [10, с. 106]. Сам султан обращался к Ивану IV: «Всем князем начало и величество и величанье и всем крестьянским странам государь и всем тем царствам, которые во крестьянстве, государь Московского царства князю Ивану Васильевичу величеству и величанью»¹².

Вышеописанная практика указывает на особенности политической культуры Османской империи и вассального Крымского ханства. Четкая позиция по непризнанию титула царя (равного титулу и статусу крымского хана) со стороны высших властей сочеталась со славословием и цветастыми определениями со стороны менее значимых акторов. Вместе с тем, османский султан демонстрирует ничтожность официальных именований, поскольку московский правитель выводится из значимого правового поля. Это христианский государь, которого можно называть самыми высокими эпитетами, потому что это не имеет важности для его статуса в мусульманском мире. Это следует из цветастости и разнообразия прилагаемых титулов и почетных определений, их неустойчивого состава.

Вопрос о непризнании царского титула крымским ханом в сочетании с толерантностью османской риторики ставит вопрос, в каких терминах и категориях в дипломатическом диалоге обозначалась иерархия правителей. Для его решения неизбежен анализ феномена челобитья. Мнение о происхождении понятия «челобитье» из практики подчинённого положения древнерусских князей по отношению к монголо-татарским правителям еще в 1825 г. году высказал А. Рихтер [18, с. 334–335]. Дополнительные аргументы в пользу этой точки зрения были высказаны в работах Н.И. Веселовского [1, с. 1] и Д. Островского [30, р. 525–542]. Однако А. Накадзава указал на бытование обряда *поклона* и *челобитья* в дипломатической практике еще домонгольской Руси [12, с. 657–661; см. также: 3, с. 46–61], что позволяет усомниться в исключительно восточном происхождении этого понятия. Как отмечено исследователем, «...фразеологизм «бити челом» (и производное от него существительное челобитье) является одним из самых популярных выражений в деловой речи Московской Руси» [12, с. 653]. А.Л. Хорошкевич выделила несколько значений термина «челобитье» в эпоху средневековья: поклон, приветст-

⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 334–334 об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 335.

¹¹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 341–341 об.

¹² РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 56 об.

вие, просьба, прошение в службу, жалоба, признание вины, доклад, передача [27, с. 121, примеч. 50].

С 1470-х гг. русские государи, обращаясь к крымскому хану, использовали формулу «бить челом», а ответные действия хана квалифицировались как «пожалование» [20, с. 1, 2, 13]. При этом в одну конструкцию объединялись понятия братства, предполагающее равный статус контрагентов, и челобитья, напр., на переговорах в марте 1482 г. Ю.И. Шестак обращался от имени Ивана III к хану Менгли-Гирею: «... и впредь хочешь жаловати, братство свое и дружбу к нам хочешь высити, о том тебе челом бью» [20, с. 29]. В дипломатии Ивана IV выражение «бить челом» крымскому хану встречается постоянно.

Понятие челобитья, несомненно, несло некоторые оттенки приниженности контрагента. Но оно к XVI в. стало слишком распространенным в дипломатическом языке. Его употребление обозначало, скорее, одномоментную ситуацию, чем постоянно определенный подчиненный статус государств. Сигизмунд Герберштейн писал об обычае челобитья: «Великий господин, граф Леонард бьет челом (*frontem percutit; schlecht oder naigt sein hiern*), и снова: “[Великий господин] граф Леонард бьет челом на великой твоей милости”. Точно так же и о Сигизмунде. Первое значит, что он-де кланяется и выражает почтение, второе – что благодарит за полученную милость. Ибо “бить челом” у них говорится в знак приветствия, благодарности и другого тому подобного. Именно, всякий раз, как кто-нибудь просит чего-либо или приносит благодарности, он обычно наклоняет голову» [4, с. 213].

Обращение в 1558–1559 гг. датского короля, вмешавшегося в Ливонскую войну, в посольской книге было названо «бити челом о Ливонской земле» [14, с. 315]¹³. «Челобитьем» именуется и миссия шведского гонца в феврале 1561 г. с известием об отпуске русского посла и просьбой опасной грамоты на больших послов [14, с. 332]. Раздел Ливонии между Данией и Россией в июле 1562 г. делался «по челобитью» датского короля Фредерика, причем Иван IV «дал землю» датскому королю [14, с. 342] по его «покорному челобитью»¹⁴. Это же относится к шведам: «свейский король в господаря нашего воле, и ныне от него гонец с челобитием у господаря нашего был» [14, с. 216]. В русских посольских книгах отправка английской королевой Елизаветой на службу к Ивану IV доктора называется «челобитьем», через которое Лондон продемонстрировал свою дружбу с Москвой [19, с. 2]. На переговорах с Ф. Писемским в Лондоне в 1582 г. намерение королевы заключить союз в ответ на предложение царя русскими послами было записано следующим образом: «Яз де брату своему, а вашему государю, на его любви челом бью, и в братцкой любви и в докончанье быти...» [19, с. 31].

В лексике русской посольской книги крымские послы тоже бьют челом¹⁵, называют себя «твоими холопами», и апеллируют к Богу: «А бысть бы бог век твой в величестве хранил» [15, с. 50]. Крымский дипломат Сулеш [о нем см.: 2, с. 26-73] к Ивану IV «бьет челом с холопством»¹⁶. Даже османские подданные бьют челом русскому государю. В 1524 г. «холоп твой Магомет

¹³ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 32 об., 36.

¹⁴ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 317 об.

¹⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 11.

¹⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 332.

бек азовский государю своему челом бьет»¹⁷. Все эти примеры подтверждают, что употребление термина «челобитье» в XVI в. указывает на этические оттенки конкретной ситуации, но не на статус контрагентов. Его применение означает не иерархию правителей, а расстановку политических ролей в момент обращения.

Декларация подчинения была не только дискредитирующим, но и возвеличивающим фактором. Русские дипломаты подчеркивали, что они «государевы холопы», но их холопство – это не принижение, а достоинство несения верной службы: «И государю нашему воля, он государь, а мы холопе, как ему государю годно, так и посылает, а нам его государево хотенье как рассуждать – куды он, государь великий, едет, туды и мы едем» [15, с. 125]. На попытку литовцев подкупить его русский посол в Крыму Афанасий Нагой гордо заявил: «А мы от деди от прадеди холопи московских государей, и служим московским государем з веку прямо» [15, с. 247].

Подлинный манифест этих отношений помещен в Лицевом летописном своде в уста возвращенного в 1535 г. из заточения с Белоозера Шах-Али, в его речи к пятилетнему Ивану IV: «... и государь мой паки меня пожаловал великим своим жалованием, города мне подавал в своей земле, и яз государю своему великому князю Василею Ивановичю всея Руси изменил и правду свою преступил, и во всех есми своих делех пред своим государем виноват, и вы, государи мои, меня, холопа своего, пожаловали, таковую мою проступку мне отдали, и меня, холопа своего, пощадили и очи государьские мне, холопу своему, дали видети, и яз, холоп ваш, ныне как вам учинили правду, государем своим, и на той на своей правде и до смерти своей хочю крепко стояти и умерети за ваше государево жалование тако же хочу умерети, яко же брат мой, чтобы и мне тот миньят¹⁸ с собою вам, государем своим, свести, и на вашей службе государеве голова бы ми своя положить» [7, с. 474].

Антагонистом этой безграничной верности и преданности (как положительного эталона поведения) выступает непослушание, противодействие воли правителей. Все ссоры государей происходят из-за измен «ближних людей», и задача монарха – их выявить, покарать и злых советов не слушать [15, с. 53, 125]. В 1563 г. Иваном IV выдвигается формула опалы: «... а которые наши люди ближние промеж нас з братом нашим Девлет Киреем царем ссорили, мы того сыскали да опалу на них положили есмя, иные померли, а иных разослали есмя, а иные ни в тех ни в сех ходят» [15, с. 52]. «Лихие люди», согласно грамоте Ивана IV, в 1569 г. ссорили царя с султаном и могли стать причиной похода на Астрахань¹⁹. В 1574 г. крымский посол Темлеша хвалил Ивана IV, что он – правильный правитель, карает лихих людей, ссорящих государей [17, с. 151].

В то же время, иерархия государств в картине мира и Крыма, и Москвы присутствовала. Но она вытекала не сколько из их актуальной влияния (она была изменчивой, и понималась сторонами по-разному), столько из исторической репутации. В инструкциях русским послам говорилось: «А нечто спросит Петра литовской гонец об Асторохани, и Петру говорити: Асторо-

¹⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 259 об., 263–264.

¹⁸ Ответственность (татар.).

¹⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.

хань государство было болши Казанского государства. Изначала Болшие Орды государство начальное в мусульманских государех» [15, с. 233]. Этот расклад (Астраханское ханство как наследник Большой Орды) совпадал с представлениями о политической иерархии татарских государств [8, с. 118–121].

Но Москву, естественно, больше интересовал статус соседей в их отношениях с Российским царством, а еще более конкретно – обоснование прав России на соседние земли. В 1564 г. в ответ на претензии Турции на Астрахань велено было отвечать: Астрахань – исконно русская земля, вотчина великих князей. Она построена русскими людьми²⁰. В 1565 г. послом в Крым А.Ф. Нагим после принятия 26 декабря 1564 г. Девлет-Гиреем решения о принципиальном требовании возврата Казани и Астрахани были подробно сформулированы пункты доказательства «русской» принадлежности Казани:

В Казани построены церкви;

По селам и волостям сидят русские люди, земли розданы детям боярским в поместья;

Большие и средние казанские люди все выведены на поместья в Московском, новгородском и Псковском уездах;

В Казанской земле Иван IV поставил семь городков: на Свияге, на Чебоксари, на Суре, на Алатаре, на Курмыше, г. Варск, г. Лайшев;

В Казанской земле сидит русский наместник²¹.

В наказе сопровождавшим литовских дипломатов приставам В. Злобину и Б. Ростовцеву от 6 ноября 1568 г. говорилось: «В Казани ныне поставил государь церкви и учинил архиепископа, да и по казанским уездом государь церкви многие поставил и многих княжат и детей боярских в казанских местах поместья государь пожаловал и наполнил Казанскую землю всю русскими людьми. А куды государь казанским людем на свое дело велит ийти, ино их до ста тысяч ходят» [22, с. 577].

В 1561 г. русские дипломаты, отправленные в Великое княжество Литовское, получили новые инструкции, как объяснять присоединение Казани: «Казанское царство великое, изначально садились цари на царство на Казанское из рук государей наших прежних. Которого царя на Казанской земле государи наши Московские цари и великие князи посадят на Казани, те цари и были на царстве Казанском, а опосле того Казанское царство почало шириться, и всякими обилии исполнилось, и люди многих орд в нем учинились, государьских сродычев, и казанские люди, позабыв правду и государей наших, искони почали от государя нашего от Царства Руского отставати» [22, с. 232–233].

Примечательно, что политические, военные и исторические аргументы сочетались с апелляцией к внутреннему состоянию территорий, их устройству. В 1560 г. в наказе послу в Литву Н. Сушеву говорилось: «А учнут говорить, что Казань отложила, и Никите молвити: лзе, господине, тому дивитися, что говорите: кому ся откладывати? Оставлены одни люди черные, а князи и мурзы и всякие служилые люди побиты, а достальные выведены к Москве и в Новгород, по их челобитью, чтоб им волненья не было, и черным людям как одним откладыватися?» [21, с. 615]. Порой звучат также сакральные мотивы:

²⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 111–111 об.

²¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 187 об.

по словам Ивана Грозного, «Бог нам милосердие свыше дарует», помогая завоевывать другие земли²².

На крымских дипломатов эта аргументация действовала слабо. Они видели в территориальном росте Российского царства тенденцию, которая угрожает Крымскому ханству и всему мусульманскому миру. В 1567 г. в посольской книге приводятся аргументы Бахчисарая: русские завоюют Киев, начнут ставить города по Днепру, Казань и Астрахань уже взяты, поставлен городок на Тереке. Терский городок открывает путь к присоединению Шавкальской и Черкасской земель [16, с. 119]. Не стоит верить ласковым речам и подаркам меховых шуб и шапок от Ивана IV: «А наперед дет того казанцом шубы посылал, да опосле и Казань, и Азсторозань взял» [16, с. 115–116].

Противостояние христианского и мусульманского мира прекрасно осознавалось обоими сторонами. В ответ на просьбу Сигизмунда к Османской империи не торговать с Московией, а торговать с Великим княжеством Литовским султан ответил, что есть «государи мусульманские», а есть «государи христианские», и им людей «на пособ» давать не годится²³. Но в то же время градус взаимного неприятия был ниже, чем между православными и католиками. Все стороны, и Стамбул, и Бахчисарай, и Москва старались проявлять взаимное уважение в плане дипломатической риторики. Русский посол Афанасий Нагой в 1563 г. должен был речи к хану начинать со слов: «Бога в Троице славимого милостию» [15, с. 60], то есть с декларации христианских символов веры. Но прескрипт грамоты Ивана IV в 1563 г. уже начинался со слов: «Бога всеми владеющего милостью...» [15, с. 166]²⁴, то есть с более универсальной и религиозно нейтральной формулы. Она же повторялась в 1565 г. в наказе Семену Бартеневу²⁵, и в дальнейшем активно использовалась русскими дипломатами. Здесь очевидна переключка с ханскими прескриптами (в русском переводе): «Бог богатый и щедрый всех соох балуя, великия Орды великаго царя... много много поклон и с любовью заповедей слово то» [15, с. 153].

Стороны громко и категорично заявляли о своей веротерпимости как залог возможных успешных переговоров и добрососедских отношений. Русские дипломаты утверждали в 1567 г.: «... те есмь юрты Казанской и Азстороханской устроили, ка ким от нас неподвижным быти, а не для того, что мусулманского роду веру изводя: которые нам измены делали, – над теми для их неправды потому и ссталось, а которые мусулмане нам правдою служат, и мы по правде их жалуем великим жалованием, а от веры их не отводим» [16, с. 133]. В грамоте наместника Кафы 1515 г. к Василию III говорится, что «...о том Бога молим и сего просим, дабы господь бог тебя хранил в здравии неподвижно до веком избранному радоватись». Василий назван «Величайшим в божьем заступлении»²⁶. Василия III в грамотах от султана называли «богом подарованный»²⁷. В 1569 г. в диалоге с ханом Иван IV прибегал к христианской аргументации: «А что еси брат наш писал высокие слова, ино то в бо-

²² РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 150.

²³ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 277–277 об.

²⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 144 об.

²⁵ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 356.

²⁶ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 73–73 об.

²⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 318 об.

жих руках: бог дает власть ему ж хочется, всякой победитель живет о бозе, а не о своей силе» [16, с. 202].

Очевидно, что в вышеприведенных примерах дипломатического диалога имелся в виду не христианский бог, а некий универсум, который каждая сторона понимала по-своему. И это всех устраивало. Данная толерантность была обусловлена не веротерпимостью как таковой, а политическим прагматизмом [26, с. 145–180]. Было понятно, что если упираться на религиозный антагонизм, договориться не удастся ни о чем. Риторическая нейтрализация фактора «верных» и «неверных» народов была жестом доброй воли, призванным облегчить переговорный процесс.

Приведенные примеры изучения семантики политического языка XVI в., представленного на страницах посольских книг, дают материал для реконструкции картины мира, ментального ландшафта исторического процесса в регионе, который позже назовут Восточной Европой, на рубеже Средневековья и Раннего Нового времени. Эти примеры показывают, что наиболее перспективный путь их изучения – сравнительный, сопоставление однотипных ситуаций, ритуалов, понятий и терминов, происходящих из разной исторической, культурной, религиозной, этнической среды. Источники по истории международных отношений являются для этого наиболее ценными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веселовский Н.И. Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории // Отчет о состоянии и деятельности Санкт-Петербургского университета за 1910 г. Отд. 10. СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1911. С. 1–19.
2. Виноградов А.В. Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. // Тюркологический сборник 2005: Тюркские народы России и Великой степи. М.: Наука, 2006. С. 26–73.
3. Волков С.С. Из истории русской лексики. II. Челобитная // Русская историческая лексикология и лексикография. 1972. Вып. 1. С. 46–61.
4. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Издательство МГУ, 1988. 429 с.
5. Ерусалимский К.Ю. История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI в.: препринт WP6/2005/03. М.: НИУ ВШЭ, 2005. 55 с.
6. Зайцев И.В. «Вольная грамота» турецкого султана «некому русину» // Тюркологический сборник. 2002. Россия и тюркский мир. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2003. С. 230–242.
7. Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Т. 19: 1528–1541 гг. М.: ООО «Фирма АКТЕОН», 2014. 670 с.
8. Миргалеев И.М. Позднезолотоордынские ханства: к определению верхней даты существования золотордынского государства // Средневековые тюрко-татарские государства. 2009. Вып. 1. С. 118–121.
9. Моисеев М.В. Исторические примеры в посланиях Ивана IV в Крымское ханство и Ногайскую Орду // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 283–303. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2018-6-2.283-303>
10. Моисеев М.В. Обоснование прав на Казанское ханство в русском средневеком нарративе // Мининские чтения: Труды участников международной научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (24–25 октября 2008 г.). Нижний Новгород: Редакционно-издательский отдел Центрального архива Нижегородской области, 2010. С. 400–401.

11. Моисеев М.В. Послания митрополита Каффы в Москву в 1542 г. (исследование и публикация текстов). // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 94. С. 97–111.
12. Наказова А. К проблеме происхождения и эволюции этикетных формул «поклон» и «челобитье» в Древней Руси // Труды отдела древнерусской литературы. 2016. Т. 64. С. 657–661.
13. Парунин А.В. О некоторых обстоятельствах употребления термина «Орда» и его эпитетов в письменных источниках // Средневековые тюрко-татарские государства. 2018. № 10. С. 84–91.
14. Полное собрание русских летописей. Т. 13. М.: Наука, 1965. 532 с.
15. Посольская книга по связям России с Крымским ханством. Вып. 4: Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1562–1564 гг. Казань: Татарское книжное издательство, 2023. 471 с.
16. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом 1567–1572 гг. М.: Фонд «Русские витязи», 2016. 400 с.
17. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1571–1577 гг. М.: ИД Марджани, 2016. 400 с.
18. Рихтер А. Исследования о влиянии монголо-татар на Россию // Отечественные записки. 1825. Т. 22. № 62. С. 333–371.
19. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 38: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 2. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией. Ч. 1 (годы с 1581–1604). СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1883. 493 с.
20. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 41: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 3. Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией, за время Великих Князей Иоанна III и Василия Иоанновича. Ч. 1 (годы с 1474 по 1505). СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884. 558 с.
21. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 59: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 5. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, Ч. 2 (годы с 1533 по 1560). СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1887. 630 с.
22. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 71: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, часть 3-я (годы с 1560 по 1570). СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1892. 807 с.
23. Трепавлов В.В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная литература РАН, 2007. 253 с.
24. Филюшкин А. И. Московская неонатальная империя: к вопросу о категориях политической практики // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 2: История. Вып. 2. С. 5–20.
25. Филюшкин А.И. Проблема генезиса Российской империи // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 375–408.
26. Филюшкин А.И. Религиозный фактор в русской внешней политике XVI века: Ксенофобия, толерантность или прагматизм? // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 2010. Band 76. S. 145–180.
27. Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 333 с.
28. Чернышева Е.В. проблема идентичности и маргинальность в контексте особенностей межконфессиональных отношений в Крымском ханстве // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2020. № 10. С. 94–111.

29. Halperin Ch.J. Ivan IV and the Tatars // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 1. С. 188–200. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-1.188-200>
30. Ostrowski D. The Mongol Origins of Muscovite Political Institutions // Slavic Review. 1990. Vol. 49. No 4. P. 525–542.

REFERENCES

1. Veselovsky N.I. Tatar influence on Russian ambassadorial ceremony in the Moscow period of Russian history. In: Report on the State and Activities of Saint Petersburg University for 1910. Section 10. St. Petersburg: Tipografiia B.M. Vol'fa, 1911, pp. 1–19 (In Russian)
2. Vinogradov A. V. The Sulesha Clan in the Foreign Policy of the Crimean Khanate in the Second Half of the 16th century. In: Turkological Collection 2005: Turkic peoples of Russia and the Great Steppe. Moscow: Nauka, 2006, pp. 26–73. (In Russian)
3. Volkov S.S. From the history of Russian vocabulary. Part II. Petition *Russkaja istoricheskaja leksikologija i leksikografija*. 1972, vol. 1, pp. 46–61. (In Russian)
4. Herberstein S. Notes on Muscovy. Moscow: Moscow State University Publ., 1988. 429 p. (In Russian)
5. Yerusalmitsky K.Yu. History in the Embassy Service: Diplomacy and Memory in Russia in the 16th Century: preprint WP6/2005/03. Moscow: National Research University Higher School of Economics Press, 2005. 55 p. (In Russian)
6. Zaitsev I.V. “Free Charter” of the Turkish Sultan to “a Certain Rusyn”. In: Turkological Collection. 2002. Russia and the Turkic world. Moscow: Vostochnaja literatura, 2003, pp. 230–242. (In Russian)
7. Illustrated Chronicle Collection of the 16th Century. *Russian Chronicle History*. Vol. 19: 1528–1541 rr. Moscow: Akteon, 2014. 670 p. (In Russian)
8. Mirgaleev I.M. Late Golden Horde Khanates: Towards Determining the Upper Date of the Existence of the Golden Horde State. *Medieval Turkic-Tatar States*. 2009, vol. 1, pp. 118–121. (In Russian)
9. Moiseev M.V. Historical Examples in the Letters of Ivan IV to the Crimean Khanate and the Nogai Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 283–303. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2018-6-2.283-303>. (In Russian)
10. Moiseev M.V. Justification of Rights to the Kazan Khanate in the Russian Medieval Narrative. In: Minin Readings: Proceedings of the Participants of the International Scientific Conference. Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky (October 24–25, 2008). Nizhny Novgorod: Redaktsionno-izdatel'skii otdel Tsentral'nogo arkhiva Nizhegorodskoi oblasti, 2010, pp. 400–401. (In Russian)
11. Moiseev M.V. Letters of the Metropolitan of Kaffa to Moscow in 1542: Study and Publication of the Texts. *St Tikhon's University Review. Series II: History. Russian Church History*. 2020, vol. 94, pp. 97–111. (In Russian)
12. Nakazawa A. On the problem of the origin and evolution of the etiquette formulas “bow” and “petition” in Ancient Rus'. Proceedings of the Department of Old Russian Literature. 2016, vol. 64, pp. 657–661. (In Russian)
13. Parunin A.V. On some circumstances of the use of the term “Horde” and its epithets in written sources. *Medieval Turkic-Tatar States*. 2018, no. 10, pp. 84–91. (In Russian)
14. Complete collection of Russian chronicles. Vol. 13. Moscow: Nauka, 1965. 532 p. (In Russian)
15. Ambassadorial book on relations of Russia with the Crimean Khanate. Issue 4: Ambassadorial book on relations of the Moscow state with Crimea 1562–1564. Kazan: Tatar Book Publ., 2023. 471 p. (In Russian)

16. Ambassadorial book on the relations of the Moscow state with Crimea 1567–1572. Moscow: Russian Knights Foundation, 2016. 400 p. (In Russian)
17. Ambassadorial book on the relations of the Moscow state with Crimea. 1571–1577. Moscow: Mardjani Publishing House, 2016. 400 p. (In Russian)
18. Richter A. Research on the influence of the Mongol-Tatars on Russia *Otechestvennye zapiski*. 1825, vol. 22, no. 62, pp. 333–371. (In Russian)
19. Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 38: Monuments of diplomatic relations of ancient Russia with foreign powers. 2. Monuments of diplomatic relations of the Moscow state with England. Part 1 (years from 1581–1604). St. Petersburg: Tipografia V. S. Balasheva, 1883. 493 p. (In Russian)
20. Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 41: Monuments of diplomatic relations of ancient Russia with foreign powers. 3. Monuments of diplomatic relations of the Moscow state with Asian peoples: Crimea, Kazan, Nogai and Turkey, during the time of the Grand Dukes Ivan III and Vasily Ivanovich. Part 1 (years from 1474 to 1505). St. Petersburg: Tipografia F. Eleonskogo i Ko, 1884. 558 p. (In Russian)
21. Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 59: Monuments of diplomatic relations of ancient Russia with foreign powers. 5. Monuments of diplomatic relations of the Moscow state with the Polish-Lithuanian state, Part 2 (years from 1533 to 1560). St. Petersburg: Tipografia F. Eleonskogo i Kp, 1887. 630 p. (In Russian)
22. Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 71: Monuments of diplomatic relations between the Moscow State and the Polish-Lithuanian Commonwealth, part 3 (years from 1560 to 1570). St. Petersburg: Tipografia F. Eleonskogo i Ko, 1892. 807 p. (In Russian)
23. Trepavlov V.V. “The White Tsar”. The Image of the Monarch and the Notions of Citizenship among the Peoples of Russia in the 15th–18th Centuries. Moscow: Vostochnaia literatura, 2007. 253 p. (In Russian)
24. Filyushkin A.I. Moscow neonatal empire: on the issue of categories of political practice. *Vestnik of Saint Petersburg University*. 2009, vol. 2: History. Iss. 2, pp. 5–20. (In Russian)
25. Filyushkin A.I. The Problem of the Genesis of the Russian Empire. New Imperial History of the Post-Soviet Space: Collection of Articles. Kazan: Tsentr issledovaniy natsionalizma i imperii, 2004, pp. 375–408. (In Russian)
26. Filyushkin A.I. Religious factor in Russian foreign policy of the 16th century: Xenophobia, tolerance or pragmatism? *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 2010, vol. 76, pp. 145–180. (In Russian)
27. Khoroshkevich A.L. Rus and Crimea: from union to confrontation. Late 15th – early 16th centuries. Moscow: Editorial URSS, 2001. 333 p. (In Russian)
28. Chernysheva E.V. The problem of identity and marginality in the context of the peculiarities of interfaith relations in the Crimean Khanate. *Voprosy krymskotatarskoj filologii, istorii i kul'tury*. 2020, no 10, pp. 94–111. (In Russian)
29. Halperin C.J. Ivan IV and the Tatars. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 1, pp. 188–200. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-1.188-200>. (In Russian)
30. Ostrowski D. The Mongol Origins of Muscovite Political Institutions. *Slavic Review*. 1990, vol. 49, no 4, pp. 525–542.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Ильич Филюшкин – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славянских и балканских стран, Санкт-Петербургский государственный университет (199036, Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-2456-7514. E-mail: a.filushkin@spbu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander I. Filyushkin – Dr. Sci. (History), Professor, Head of the Department of Slavic and Balkan History, Saint Petersburg State University (Universitetskaya Nab., 7/9, Saint Petersburg 199036, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2456-7514. E-mail: a.filushkin@spbu.ru

Поступила в редакцию / Received 29.09.2025

Поступила после рецензирования / Revised 24.11.2025

Принята к публикации / Accepted 02.12.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.746-769>

EDN: DHGSJD

УДК 930.23[94(47).041+94(47).042]

КАЗАНСКАЯ ЦАРИЦА КАРАКУШ
В ИСТОЧНИКАХ И ИСТОРИОГРАФИИ*Л.Н. Аряев**Независимый исследователь**Зальфельд, Германия**l.aryayev@yandex.ru*

Резюме. Цель исследования: дать обзор сведений о казанской царице Каракуш, содержащихся в синхронных аутентичных источниках, и проследить развитие ее образа в позднейших источниках и историографии.

Материал исследования: русские летописи XV–XVI вв., Посольские книги по связям России с Крымским ханством и Ногайской ордой, важнейшие историографические работы, посвященные московско-казанскому конфликту 1505–1507 гг.

Результат исследования и научная новизна: Известия русских летописей о Каракуш в целом согласуются между собой, хотя и восходят к четырем независимым друг от друга летописным традициям (великокняжеской, «оппозиционной», тверской и устюжской). Наряду с посольскими книгами летописи дают достоверную, но крайне скудную информацию о Каракуш. Отцом ее был ногайский мурза Ямгурчи. Выданная замуж за казанского царя Ильхама, она вместе с ним в 1487 году после первого казанского взятия была приведена пленницей в Москву, а затем сослана в заточение в Вологду. Ее отец настойчиво добивался у Ивана III ее освобождения. Каракуш была выдана замуж за Мухаммед-Амина после его вторичного воцарения в Казани в 1502 г. Содержащиеся в «Казанском летописце» и дополненные в «Истории Российской» В.Н. Татищева сведения о важной роли Каракуш в развитии московско-казанского конфликта 1505–1507 гг. получили широкое распространение в историографии. Однако, как показано в данной работе, рассказ «Казанского летописца» о событиях 1505 года составлен более полувека спустя, он не подтверждается другими источниками и сконструирован на основе библейского нарратива о царице Иродиаде. Таким образом, известие о «нашептываниях» царицы, побудивших Мухаммед-Амина выступить против Ивана III, является художественным вымыслом и не может считаться исторически достоверным.

Ключевые слова: Казанское ханство, Каракуш, русские летописи, посольские дела, Ногайская орда, «Казанский летописец», В.Н. Татищев, историография, московско-казанский конфликт 1505–1507 гг.

Для цитирования: Аряев Л.Н. Казанская царица Каракуш в источниках и историографии // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 4. С. 746–769. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.746-769> EDN: DHGSJD

© Аряев Л.Н., 2025



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Благодарности: выражаю признательность к.и.н. М.А. Несину за важные указания касательно летописных датировок событий 1487 г.

THE KAZAN TSARINA KARAKUSH IN SOURCES AND HISTORIOGRAPHY

L.N. Aryayev

Independent Researcher

Saalfeld, Germany

l.aryayev@yandex.ru

Abstract. Objective: A review of the information about the Kazan queen Karakush contained in synchronous authentic sources; a consideration of the transformation of her image in later sources and historiography.

Research materials: Russian chronicles of the 15th–16th centuries; embassy books on Russia's relations with the Crimean Khanate and the Nogai Horde; the most important historiographical works on the Moscow-Kazan conflict of 1505–1507.

Research results and scientific novelty: The pieces of information in the Russian chronicles about Karakush generally agree with each other, although they go back to four independent chronicle traditions (grand ducal, “oppositional”, Tver, and Ustyug). Together with the embassy books, the chronicles provide reliable but extremely sparse information about Karakush. Her father was the Nogai Murza Yamgurchi. She was married to the Kazan King Ilham and was taken prisoner with him to Moscow in 1487 after the first conquest of Kazan and then exiled to Vologda. Her father urged Ivan III to grant her release. Karakush was married to Muhammad-Amin in 1502 after his second accession to the throne in Kazan. Information about the important role of Karakush in the development of the Moscow-Kazan conflict of 1505–1507, contained in the “Kazan Chronicler” and supplemented in “Russian History” by V.N. Tatishchev, is widespread in the historiography. However, as demonstrated in this present article, the story of the “Kazan Chronicler” about the events of 1505 was compiled more than half a century later, and is not confirmed by other sources, being based on the biblical story about Queen Herodias. Thus, the story about the queen's “inspirations” that caused Muhammad-Amin to turn against Ivan III is a purely literary narrative and cannot be considered historically reliable.

Keywords: Kazan Khanate, Karakush, Russian chronicles, embassy books, Nogai Horde, “Kazan Chronicler”, V.N. Tatishchev, historiography, Moscow-Kazan conflict 1505–1507

For citation: Aryayev L.N. The Kazan Tsarina Karakush in Sources and Historiography. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 4, pp. 746–769. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.746-769> (In Russian)

Acknowledgments: I would like to express my gratitude to Cand. Sci. (History) M.A. Negin for important information regarding the chronicle dating of the events of 1487.

Каракуш, дочь ногайского мурзы Ямгурчи, супруга двух казанских ханов (в русских источниках называемых царями) – Ильхама и Мухаммед-Амина – неоднократно упоминалась как в современных и хронологически близких к ней источниках, так и в исторических работах. Устойчивая историографическая традиция, восходящая уже к «Казанскому летописцу, приписывает ей существенную роль в развязывании московско-казанского конфликта

1505–1507 гг. Даваемые ей оценки – от «прелукавой змеи» [32, с. 228] до «патриотки казанской земли» [64, с. 148] – ощутимо зависели от веяний времени и от идеологических установок. При всей популярности образа Каракуш, ей практически никогда не посвящали отдельных работ. Предлагаемая статья представляет собой попытку дать обзор источников, содержащих сведения о «царице алегамовской», а также в общих чертах проследить, каким образом данные этих источников преломлялись в научной историографии.

Знатное происхождение и высокое социальное положение Каракуш обусловили внимание к ней со стороны русских летописцев. Лишь некоторые летописи, например, Ермолинская, сообщая о взятии Казани в 1487 г. и пленении казанского царя, ничего не упоминали о его «царице» [37, с. 195]. В тех же сводах, которые отразили официальное московское великокняжеское летописание, сообщается о приводе казанской царицы, супруги Ильхама, в Москву, и о последующем ее заточении вместе с мужем в Вологде. В Сокращенном своде 1493 г. читается:

«В лето 6995. Тое же весны, апреля 11, отпустил князь велики Иван Васильевич всея Руси воевод своих х Казани, князя Данила Дмитриевича Хольмского, да князя Александра Васильевича Оболенского, да князя Семена Ивановича Ряполовского, да князя Семена Романовича, в четверток в велики. А царя Махмет-Аминя Казанского отпустил князь велики на другои недели по Велице дни в вторник, Априля 24. А пришли воеводы великого князя и з силою под город под Казань месяца маия в 18 день, в четверток на 5 недели по Велице дни, и взяша город Казань июля в 9 день, и царя Алегама Казанского изымаша с материю и с его царицаю, и с двумя браты и з сестрою и с его князьми, и приведоша их на Москву. Того же лета, июля в 20, приде весть великому князю, что город Казань взяли его воеводы и царя полонили, а пригонил с тою вестью князь Федор Хрипоун Ряполовски. И князь велики Иван Васильевич всея Роуси царя Махмет-Яминя из своеи руки поставил на царство в Казани; а коромолных князеи и уланов казанских смертию казнил и иных коромолников. А царя Алегама с царицею послал князь велики в заточение на Вологду, а мать его и братью его и сестру послал князь велики в заточение на Белоозеро в Карголом» [41, с. 287–288].

С некоторыми разночтениями (например, то с одной, то с несколькими сосланными сестрами Ильхама), иногда с подзаголовком «О казанском взятии» этот рассказ представлен в Московском великокняжеском своде конца XV века [39, с. 331] (с дефектной концовкой), в Сокращенных сводах 1495 года [41, с. 359] и 1497 года [42, с. 153], в Симеоновской летописи [31, с. 271–272], в северорусских летописях (Холмогорской [46 с. 125], Новгородской по списку Дубровского [25, с. 526–527]), в списке Царского Софийской I летописи [48, с. 164] (испытавшем влияние великокняжеского московского летописания) и, разумеется, в официальных общерусских сводах – Иоасафовской [9, с. 126], Воскресенской [28, с. 217] и Никоновской [29, с. 218–219] летописях. Текст Никоновской летописи лег в основу Лицевого свода, на соответствующей миниатюре которого рядом с царем Алегамом на одной с ним лошади сидит женщина в красном платье с золотой оторочкой, в золотой короне [16, с. 63–67]. Это – самое раннее (и чисто условное) изображение Каракуш.

Также рассказ «О Казанском взятии» вошел в Синодальную редакцию Типографской летописи [38, с. 205], созданную, по предположению Я.С. Лу-

рье [17, с. 233], в кругах, близких к ростовскому архиепископу Тихону. Читается он и в «Русском Хронографе», в котором повествование о казанских событиях, как и многие другие, оказались сдвоенным, и наряду с рассказом «О Казанском взятии» читается сообщение, восходящее к Вологодско-Пермскому летописцу [36, с. 462, 504–505].

Владимирский летописец, тоже испытавший влияние московского великокняжеского летописания, сообщил о казанском взятии 1487 г. в значительно сокращенном варианте: «Князь великий Иван Васильевич взял град Казань, и царя поимали Олехама и привели его на Москву с царицею» [44, с. 137].

В Степенную книгу рассказ «О Казанском взятии» вошел уже в измененном виде (например, ее автор, показывая ученость, назвал Казань «болгарским городом»), с неправильной датировкой (6993 год вместо 6995), но все же легко узнаваем [35, с. 566]. Из Степенной книги этот текст позаимствовал составитель Мазуринского летописца, подкорректировавший дату [45, с. 117].

Вологодская летопись конца XVII века сообщает под 1487 г.: «Того же лета князь великий Иван Васильевич Казань взял, и царя привел с царицею, и поставил на царство царя Махмет Аминя в Казани» [47, с. 172]. Основным источником Вологодской летописи послужила летопись Вологодско-Пермская, в одном из списков которого читается сокращенный вариант рассказа «О Казанском взятии, контаминированный в единой годовой статье с событиями 6997 г. – вятским походом и освящением церкви Благовещения, сведения о которых также сокращены [12, с. 278] (как и в великокняжеском летописании, казанским событиям в годовой статье предшествует рождение княжича Семена Ивановича). Столь же вторично известие о пленении казанского царя с царицею в летописце Ивана Слободского [47, с. 194]. Его составитель превратил дату взятия Казани – 9 июля – в дату присылки царя с царицей в Вологду «за сторожи», что в реальности могло произойти лишь пару месяцев спустя.

Другое, независимое от великокняжеского летописания, упоминание о пленении казанской царской семьи содержится в летописном тексте с подзаголовком «О взятъе Казанском от великого князя Ивана». Этот рассказ с незначительными вариациями читается в летописях Львовской [34, с. 352–353], Софийской II [26, с. 322–333], Уваровской [42, с. 318] и Типографской (Академической ее редакции) [38, с. 236]: «В лето 6995. О взятъе Казанском от великого князя Ивана. Того же лета о Велице дни князь великий собрав силу многу, посла с царевичем Казанским на Казань в судех, а кони берегом повеле гнати. Тогда же и Вятчане отступиша от великого князя; князь же великий посла на Вятчан воеводу своего Юрья Шестака Кутузова со мною силою, и он шед умирися с ними, и взвратишия; тогда же и воевода Вятцкий Костянтин прибеже к великому князю к Москве. Того же лета гибло солнце на Ильин день. В той же день пригонил от Казани князь Федор Хрипун Ряполовской, поведая великому князю, яко воеводы его Казань взяли и царя поимали; князь же великий рад быв, и посла к митрополиту, повеле молебнаа свершати; митрополит же повеле звонити во вся колоколы, и по всему граду повелением великого князя молебнаа свершиша и хвалу Богу воздаша. Царя же приведоша к Москве в четверток за неделю до Оспожина дни и посадиша в городе на княжь Данилове дворе Александровича Ярославского; приведоша же мать его и две жены его» [34, с. 352–353].

Все летописи, содержащие рассказ «О взятъе Казанском», генетически связаны с независимым летописанием 80-х гг. XV века – оппозиционным сводом, происходящим из окружения митрополита Геронтия, и Ростовским сводом 1489 г., созданного при ростовской архиепископской кафедре [17, с. 232]. Из оппозиционного митрополичьего свода происходит свод 1518 г., послужившим протографом для Львовской и Софийской II летописей. Этот же свод отразился в летописи Уваровской. Академическая редакция Типографской летописи восходит к Ростовской летописи, оказавшей влияние и на свод 1518 года. Наиболее вероятным представляется, что известие «О взятъе Казанском» впервые было записано именно в Ростовском своде. Этот рассказ в целом совпадает с великокняжеским летописанием, уступая ему по точности в некоторых деталях (нет имен воевод, посланных к Казани вместе с «царевичем Казанским», не сказано о ссылке царя с царицей в Вологду, а его матери, братьев и сестер в Карголом), зато сообщая некоторые дополнительные обстоятельства (о вятских событиях, о солнечном затмении на Ильин день, о времени привода царского семейства в Москву, о его заточении во дворе Даниила Александровича Ярославского).

Наиболее важное разночтение в отрывке «О взятъе Казанском» по сравнению с великокняжеским летописанием – привод в Москву не одной, а двух жен казанского царя. Исключение представляет Уваровская летопись – в ее старом списке (30-х гг. XVI в.) сказано только о приводе царской матери, а в Синодальном списке [39, с. 318] над строкой дописано «и жену его». А.Н. Насонов полагал, что составитель Уваровской летописи усмотрел «неудобство» в чтении о двух женах и потому счел за лучшее его исправить [21, с. 396]. Но какое неудобство русский книжник мог увидеть в том, что у татарского царя было несколько жен? Проще и вероятнее связать появление этого чтения с тем, что в более старом списке Уваровской летописи фраза осталась недописанной («преводоша же и мать его и»), составитель же Синодального списка восполнил лауну, обратившись к какому-то тексту, где фигурировала только одна жена.

Сколько же на самом деле жен привели вместе с Ильхамом в Москву? Казалось бы, больше оснований доверять великокняжеским летописцам, которые лучше были осведомлены о государственных делах. Однако возможно, что они уделяли особое внимание Каракуш, поскольку ее судьба была важна для московско-ногайских отношений; вторая же супруга Ильхама, не имевшая знатных родственников, не представляла для них интереса.

Вопрос решается при обращении к третьей независимой традиции летописания – тверской, в которой казанский царь довольствуется только одной царицей. Как оповещает Тверская летопись: «В лето 6995. Князь великий Иван Васильевич всеа Руси Московский посилал ратию на Казань, на царя Абреима, болшего боярина своего и воеводу князя Данила Дмитриевича Холмского, да с ним многих воевод; а Казань град взял(и), а царя и с царицею и с царевичи на Москву привели к великому князю Ивану. Князь же великий Иван Василиевич на Казани царя посадил из своеа руки Обреимова же сына царева середнего, Махмедилеима; да с ним посадил наместника своего и боярина Дмитрея Василиевича Шеина, месяца Июля в 14 день, на память святаго апостола Акыла». [30, с. 500].

Относящееся ко времени уже после ликвидации самостоятельности Великого княжества Тверского, это известие все же сохраняет отчетливый тверской «след» (из всех воевод упомянут только князь Холмский). Содержит оно и уникальное известие – об «интронизации» Мухаммед-Амина в Казани 14 июля и о наместничестве Д.В. Шеина. Это сообщение хорошо вписывается в хронологическую канву казанских событий 1487 г.: 11 апреля – начало похода на Казань Холмского, Оболенского и Ряполовского, 24 апреля – выступление Мухаммед-Амина, 18 мая – начало осады, 9 июля – взятие Казани, 14 июля – утверждение Мухаммед-Амина на царстве, 20 июля – прибытие в Москву гонца с известием о победе, 31 августа («в четверток за неделю до Оспожина дни») – привод царя с семейством в Москву. В отличие от великокняжеского и «оппозиционного» летописания, тверское сообщение не содержит привязки к прибытию в Москву гонца от Ряполовского 20 июля (судя по всему, весть о взятии Казани, полученная в день солнечного затмения, произвела немалое потрясение в Москве, в великокняжеском летописании ему даже отвели отдельное известие, маркированное оборотом «того же лета», в одном ряду с самим казанским взятием); видимо, гонец Ряполовского отбыл из Казани еще до того, как состоялась официальное «возведение на трон» Мухаммед-Амина, информатор же тверского летописца, оставшийся в Казани, не мог наблюдать радостно-тревожного переполоха в Москве с солнечным затмением и колокольным перезвоном.

К сожалению, сообщение тверской летописи, при всей своей достоверности, ничего не добавляет к нашим знаниям о Каракуш. То же самое верно и в отношении еще одного, уже четвертого независимого сообщения о казанских событиях, читаемого в Устюжской летописи. О военной компании 1487 г. эта летопись приводит уникальные (но в целом не противоречащие другим источникам) сведения – о полевым сражении под Казанью, о ежедневных вылазках осажденных, о действиях князя Ольгазы в тылу осаждающих. О казанской же царице данный источник не предоставляет никаких новых данных, разве что еще раз подтверждая, что в Москву была приведена только одна пленная царица, а не две: «А город взяли, и матери цареву, и его царицу, и князей татарских и княгинь поймали» [47, с. 50].

В рассказе о первом Казанском взятии вологодско-пермского летописца конца XV – нач. XVI века, опубликованном Б.М. Клоссом, тоже приводится уникальное известие о пленении и экзекуции на Кучковом поле двух князей Чеботаевых детей (совпадающие со сведениями великокняжеских летописцев о казни «кормольников»), сведения же этого источника о царице (одной) не содержат ничего нового в сравнении с данными других источников – говорится только о ее пленении вместе с мужем и свекровью [12, с. 270].

Итак, в 1487 г. Каракуш сменила казанский трон на вологодское заточение. Следующая резкая перемена в ее судьбе произошла в 1502 г., когда Иван III по не ясным до конца соображениям вывел из Казани Абдул-Латифа и посадил на престол Мухаммед-Амина, отдав ему в жены вдову его брата Ильхама. Об этом сообщала Иоасафовская летопись, из которой этот рассказ попал в Никоновскую [29, с. 255] и Воскресенскую [28, с. 241] летописи. «В лето 7010... Тое же зимы, генваря, послал князь великий князя Василья Ноздроватого да Ивана Телешова в Казань и велел поймати царя Казаньского Абдыл-Летифа за его неправду; они же, ехва, створиша тако: поймав царя и

приведоша в Москву. Князь же великий посла его в заточение на Белоозеро, а на Казань пожаловал князь великий на царство старого Казаньского Магамед-Аминя, Абреимова сына, да и царицу невестку его ему дал Алегамовскую, бывшего царя Казаньского. А с царем послал князь великий в Казань князя Симеона Борисовича Суздальскаго да князя Василья Ноздроватого» [9, с. 143].

В Лицевом своде текст из Никоновской летописи сопровождается миниатюрой, на которой можно увидеть уже знакомое условное изображение царицы в золотой короне и красном платье [16, с. 479–482]. Вошел этот текст и в «оппозиционное» летописание – Софийскую II [26, с. 366–367], Львовскую [34, с. 372–373], Уваровскую летописи [42, с. 335]. Составители Холмогорской [46, с. 134], Вологодско-Пермской летописей [40, с. 295] и Хронографа [36, с. 515], переписывая это сообщение, не сочли царицу достойной упоминания.

Вот и все, что сообщают об «Алегамовской царице» синхронные повествовательные источники. Что до документальных источников, то в Разрядных книгах упоминаются только мужа Каракуш, но не она сама [50, с. 19, 20, 27, 32, 35, 36]. Несомненно, немало интересного можно было бы обнаружить в посольских делах по связям с Казанским ханством, но они не сохранились. Само имя Каракуш, равно как и ее происхождение, не обозначенные в русских летописях, долгое время оставались неизвестным. Установить их удалось лишь при обращении к ногайским и крымским посольским делам.

Но и это произошло не сразу. В указателях к изданию крымских и ногайских дипломатических актов 1884 года Каракуш названа царицей ногайской и дочерью ногайского мурзы Ямгурчя, при этом упоминаемый в переписке «человек» Каракуш по имени Кудайкул показан как «человек жены ногайского князя Ямгурчя» [53, с. 29, 32]. Лишь в фундаментальном труде В.В. Трепавлова Каракуш однозначно отождествляется с «алегамовской» царицей [63, с. 136, 137, 141].

В 6998 г. ногайский мурза Ямгурчи просил Ивана III отпустить его детей, которые к Ивану «попали». В ответ Иван III написал: «Ино Алегам царь был с нами в правде, и грамоты были меж нас с ним записаны: другу другом быти, а недругу недругом быти. Да на чем нам молвил и как с нами в грамотах записал, в том ни в чем не стоял, а нам не правил. И мы, видев его неправду, уповав на Бога, посылали есмя на него. И Божиим милосердьем того своего недруга Алегама царя достали, есмя и с его матерью, и с женою, и, с его братьею, и землю его взяли есмя, и посадили есмя на том юрте на Казани своего брата и сына Магмет-Аминя царя. А наш недруг Алегам царь Божьею милостью нынеча в наших руках, и нам его не пустити» [49, с. 20–21]. Отметим, что здесь еще раз подтверждается, что в 1487 г. казанского царя привели в Москву только с одной женой. В октябре следующего года Ямгурчи в своей грамоте снова просит Ивана III отпустить «моих тех детей, двоих полоняников» [49, с. 34]. На все просьбы Иван III отвечает отказом, одновременно давая согласие на брак своего казанского ставленника Мухаммед-Амина с кузиной плененной царицы, дочерью брата Ямгурчи Мусы [49, с. 29–30, 32, 35, 36, 37]. Лишь после вторичного утверждения Мухаммед-Амина в Казани просьбы ногайских мурз были услышаны, в феврале 1503 года русский посол в Крыму говорил Менгли-Гирею: ««И государь наш, господине, их доля чело-

битье пожаловал, Емгурчееву дочь отпустил и дал ее за Магмед-Аминя царя; и послал государь наш веснось к Емгурчею мырзе и к пяти мырзам своего посла приводит их самих к шерти на том, что им государя нашего другу другом быти, а недругу недругом, а на всякого недруга со государем нашим быти им заодин» [53, с. 461].

Этим бесспорно устанавливается, что плененное дитя Ямгурчи – это та самая царица, жена Ильхама, которая была вместе с ним приведена в Москву, сослана на Вологду, а затем вышла замуж за Мухаммед-Амина. Ее имя трижды упомянуто в посольских ногайских делах. В грамоте к Ивану III в сентябре 7013 года Ямгурчи пишет: «Да мое дитя Каракуш и боле меня твое дитя стоит, и ты тому одному человеку пожаловал, свое дитя за него дал, да еще и нынечь то свое дитя, как побережешь, ты ведаешь». В октябре того же года Иван III передавал Каракуш через посла Кудайкула: «Молви от нас Карагуш царице, чтобы наше добро к себе памятовала и дела бы нашего меж меня и отца своего Емгурчеа берегла, что, как на чем нам отец ее молвил, на том бы и стоял, другу бы нашему друг был, а недругу недруг. Да приказал к ней поклон. А князь великий Василей приказал с ним Карагуш царице поклон же» [49, с. 50, 52]. Тут прямым текстом озвучен мотив, побудивший Ивана III выдать вдову Ильхама за ее деверя – таким способом он рассчитывал укрепить союзнические отношения с Ногайской Ордой и упрочить свое господство над Казанью.

Как известно, расчеты Ивана III на этот раз не оправдались, в августе 1505 года Мухаммед-Амин «поймал» московского посла и русских гостей в Казани, а в сентябре попытался атаковать Нижний Новгород, причем в его войске присутствовали и ногайцы. Автор «Казанского летописца» приписал важную роль в этих событиях влиянию на Мухаммед-Амина его царицы, и эта версия получила широкую поддержку – причем даже среди исследователей, не склонных доверять «Казанскому летописцу» в целом.

«Казанский летописец», именуемый также «Казанской историей» или «Историей О Казанском царстве», написан значительно позже войны 1505–1507 гг.: самые ранние его редакции исследователи относят к 60-м годам XVI в. [20, с. 20]. Однако его автор сообщает о своем 20-летнем пребывании в казанском плену, о своих доверительных отношениях с Сафа-Гиреем, о частых беседах с царем, его вельможами и другими «честнейшими» и «мудрейшими» казанцами [32, с. 192–193], что позволяло видеть в нем ценного свидетеля, способного донести такую информацию, которой не обладали великокняжеские летописцы. Правда, при изложении важных событий казанской истории автор нередко ограничивался компиляцией все из тех же русских летописей, при этом допускал странные для столь осведомленного человека промахи. Так, его изложение первого казанского взятия 1487 г. – это явно слегка сокращенный пересказ великокняжеского летописания с добавлением известия Устюжской летописи о полевом сражении под Казанью; упоминает он и пленение царицы. Однако местом заточения захваченного царя автор «Летописца» вместо Вологды называет Белоозеро, о событиях между 1487 и 1505 годом ничего не говорит и явно не знает о двукратном утверждении Мухаммед-Амина в Казани [32, с. 226–227]. Зато о подоплеке казанских событий 1505 года он сообщает много такого, о чем молчат другие источники:

«Той же царь Махметеим седе на Казани царем и взять за себе сноху свою, брата своего жену, Алехама царя болшицу – царицу – по прошению его у вели-

каго князя, из заточения, ис темницы с Вологды, мужу ея Алехаму царю умершу в заточении. И любю ему бысть вельми братня жена. И начать по малу она яко огонь разжигати сухими дровы, и яко червь точити сладкое древо, и яко прелукавая змия, научаема от вельмож царевых, охавившись о выи, шептати во уши царю день и ночь, да отложится от великаго князя, и да не словет Казанский царь (раб) Московского великаго князя во всех землях, да не срам убо и уничижение будет всем царем, и всю Русь да побьет живущую в Казан(и), и корень их изведет из всего царства своего. И аще, рече сия (со)твориши, то много лет имаши царствовать на Казани; аще ли же сего не сотвориши, то вскоре з бесчестием и с поруганием сведен будеши с царства, яко же и брат твой Алехам царь, и умреш тако же в заточении, в темницы. И всегдашняя капля дождневняя жестоки камень пробивает сквозе, а лщение женское снedaет прмудрыя человеки. И, много крепився, царь прельстився злыя жены своея, и послуша проклятого совета ея окаянныя – о безумию его! – измени великому князю Московскому нареченному отцу своему и присече коупцов богатых и всю Русь, живущую в Казани и во всех улусех, и з женами и з детми, в лето 7013-г(о), на рождество великаго Ивана Предтечи» [32, с. 228–229].

В следующий раз о коварной казанской царице автор «Летописца» упоминает, описывая обстоятельства кончины Мухаммед-Амина, который, как положено персонажу назидательной литературы, не мог не получить достойной кары за свои злодеяния: «И за сие преступление порази его Бог язвою неисцелимою, от главы и до ногу его, и люте боля(ше) три лета, на одре лежа, весь кипия гноем и червми. И враче же и волхвы не возмо(го)ша от язв тоя исцелити его, и никто же к нему в ложницу вхожаша посетити его, но ни царица та, прельстившая его, ни болшая его рядцы, смрада ради злаго, исходящаго от него». Мухаммед-Амин понимает, что недуг ему послан «за неправду мою и измену, и за клятвенное преступление, и за напрасное и неповинное и многое крови пролитие христианское». Он со стыдом вспоминает доброе отношение к нему со стороны Ивана III, которому он отплатил черной неблагодарностью, «лестных словес и облазивых жены моея послушах». Теперь же «несть ми ныне ползы ни от жены змеи, прелстившие мя, ни от множества силы моея, ни от богатства моего, вся бо исчезоша, яко прах от ветра». Движимый раскаянием, царь посылает Василию III богатые дары, передает ему Казань, куда просит прислать царя или воеводу. Автор не сообщает, простил ли царя Василий III, но сам он его явно не прощает: «И зле царь тои Махметмин житие свое сконча, жив червми снeden бысть яко детуу(б)ица Ирод, не исцелев от врачей, и отоиде во огонь вечный равно мучитися с ним». Божья кара не минула и «змею» царицу: «Так же и царица та, прельстившая его, борзо по нем, того жа месяца, с печали умре и, от совести своеа бодома, смертнаго зелия вкусив. И се Бог преступающе(м) клятву воздает» [32, с. 237–241].

Сообщаемые «Казанской историей» подробности не подтверждаются ни одним источником. Современные Каракуш летописцы ничего не знают ни о раскаянии Мухаммед-Амина, ни о передаче им Казанского царства Василию III, ни о самоубийстве его супруги. В равной степени не находят подтверждения обвинения царицы в подстрекательстве к мятежу. Согласно Архангелогородскому летописцу, Мухаммед-Амин сразу после повторного воцарения в Казани держал «на великаго князя гнев» и начал свое правление с убийства

лояльного к Москве князя Калемета [47, с. 99] – и это явно еще до того, как Каракуш успела на него каким-то образом повлиять. Примечательно, что русские летописцы не знают даже имени «Алегамовской царицы», что было бы необъяснимым, играй эта женщина действительно столь важную роль в государственных делах: имена Нур-Салтан и Сююмбике они прекрасно знали и неоднократно упоминали. Кроме того, активное участие Каракуш в антимосковском выступлении должно было бы как-то отразиться в московско-ногайской дипломатической переписке 1505–1507 годов, чего, однако же, не наблюдается.

Не менее симптоматично и молчание на этот счет С. Герберштейна, сообщившего немало подробностей о московско-казанских отношениях. Мало того, одно из его известий, будь оно правдивым, могло бы служить опровержением принципиально «русофобской» позиции Каракуш. Согласно С. Герберштейну, Шах-Али смог сесть на казанский престол благодаря браку со вдовой Мухаммед-Амина и помощи, полученной от государя московского и от брата своей новой супруги [71, с. 300]. Этой вдовой вполне могла быть и Каракуш, которой, с учетом ранних браков в те времена, к 1518 году вряд ли было больше 40–50 лет. Косвенно это подтверждается указанием на брата вдовы, способного даже помочь обрести казанский престол – на эту роль подходит сын Ямгурчи Агиш-бий. Впрочем, с равным основанием речь может идти о другой жене Мухаммед-Амина – кузине Каракуш Фатиме, дочери Мусы, и ее брате Мамае, достигшим значительного политического веса в Дешт-и-Кипчаке [63, с. 166]. Но едва ли это та самая Фатма-Салтан – супруга Шах-Али, которая была в 1536 г. на приеме у Елены Глинской и которую приветствовал по-татарски 5-летний Иван IV [43, с. 22]: слишком много лет прошло со времени ее сватовства за Мухаммед-Амина. Впрочем, само известие С. Герберштейна не поддается проверке и не имеет соответствий в русских источниках.

«Казанский летописец» представлял собой уже не источник, а настоящий историографический труд, особенно применительно к тем его фрагментам, где автор сообщал о прошлом Казани. Позиционируемое как «свидетельство очевидца», это произведение предлагало читателям целый ряд занимательных мелких подробностей, но одновременно и давало глобальные толкования событий, превращая московско-казанские столкновения в эсхатологического масштаба битву христианства с исламом. Неудивительно, что это высокохудожественное произведение оказало сильное влияние на отечественную историографию. В Латухинской Степенной книге 1676 года события 1505–1507 гг. пересказываются близко к тексту «Казанского летописца»; приведен там и рассказ о назидательной смерти Мухаммед-Амина и его царицы [15, с. 431–434, 438–439, 445–446]. В этом труде – впервые в русских нарративах – царица называется по имени: составитель Латухинской книги принял указанный в «Казанской истории» статус царицы («большица», т. е. старшая жена) за личное имя: «взя ея въ жену себе, имя бо ей Болшица, и любя ему бысть велми» [15, с. 432]. А.И. Лызлов, автор «Скифской истории», по-видимому, знал значение слова «большица», и в его пересказе «Казанского летописца» коварная царица осталась анонимной. А.И. Лызлову удалось исправить явную ошибку своего источника – у него Ильхама с женою ссылают в 1487 году не на Белозеро, а в Вологду. Возможно, он воспользовался Латухинской Степенной книгой, в которой тоже названа Вологда [15, с. 420]. К сожалению, историо-

граф в свою очередь не удержался от домысла – согласно «Скифской истории», Ильхам и его царица отправились в заточение из-за отказа креститься [18, с. 53, 54].

В «Ядре русской истории» влияние «Казанского летописца» не прослеживается, о Каракуш упоминается косвенно: «В году 1487 июля в 9 день через воеводу своего князя Даниила Холмского город Казань взял, и царя Казанского Алегам со всею семьею привезти велел к Москве и в тюрьмы посадить» [70, с. 173]. Впрочем, «Ядро» было опубликовано спустя более полувека после своего написания о особом влиянии на российскую историографию оказать не смогло. Другое дело – «История Российская» В.Н. Татищева, остававшаяся самым популярным трудом по отечественной истории вплоть до карамзиновских времен. Татищев обильно заимствовал живописные подробности «Казанской истории» – как напрямую, так и из ее пересказов в «Латухинской Степенной» и в «Скифской истории», имевшихся в его библиотеке [23, с. 59; 55, с. 485].

Автором «Казанской истории» В.Н. Татищев считал попа Иоанна Глазатого [59, с. 102]. Неизвестны ни причины возникновения этой гипотезы – в тексте «Казанской истории» нет ни прямых, ни даже косвенных на то оснований [14, с. 555], – ни время ее появления: в письме к Шумахеру 1735 г. книга «о казанском походе» названа анонимной [58, с. 214], в примечаниях на работу Страленберга в 1736 г. В.Н. Татищев ссылается на «Гисторию Казанскую» без указания ее авторства [61, с. 531]. Несмотря на шаткость татищевского свидетельства, об авторстве Ивана Глазатого уверенно писали многие последующие историки [14, с. 552–553]. С.М. Шпилевский [68, с. 558, 560], Г.З. Кунцевич [14, с. 555], Г.Н. Моисеева [19, с. 278], М.Н. Тихомиров [62, с. 51] полагали, что Иван Глазатый написал только одну часть «Казанского летописца», отраженную в т. н. «Отрывке русской летописи» [32, с. 303–315]. Г.З. Кунцевич обратил внимание на тот фрагмент «Казанского летописца» и «Отрывка...», в котором к Ивану Грозному обращается некто, представляющийся «протопопом» и «богомольцем», и посчитал это указанием на авторство духовного лица, каковым мог быть и Иван Глазатый [14, с. 555]. Однако же эти слова в тексте принадлежат не автору произведения, а одному из персонажей – протопопу Благовещенского собора Андрею [32, с. 438–439]. Л.А. Дубровина указывала на приписку об авторстве Глазатого, сделанную на списке Срезневского [33, с. V, XIX]. Но это приписка сделана рукой бывшего владельца рукописи Сулакадзева, в двух местах списка стоит его штампель с датой его рождения – 1771 [22, с. 374] – следовательно, приписка сделана уже после публикации первого тома татищевской «Истории» (1768) и не может считаться независимым свидетельством. В общем, на сегодняшний день у исследователей нет на руках ничего, кроме неизвестно на чем основанного утверждения Татищева, так что от гипотезы авторства Иоанна Глазатого приходится отказаться.

В отличие от авторов Латухинской Степенной и «Скифской истории», Татищев не просто перенес известия «Казанской истории» в свое произведение, но и дополнил их подробностями, неизвестными никаким другим источникам. Особенно красочным получился у него рассказ о выступлении Мухаммед-Амина против Ивана III в 1505 году. Татищев скомпилировал свое известие из двух источников – помимо «Казанского летописца», он использовал

Академический список Никоновской летописи, в котором сообщалось: «Тоя же весны прислал к великому князю Ивану Васильевичу всея Руси царь Магмед-Амин Казанский с грамотою о неких делах князя городского Шаиньуфа; и князь великий Иван Васильевич по своему крепкому слову послал к нему о тех делах в Казань своего посла Михаила Кляпика, чтобы он тем речем всем не потакал. И того же лета, Июля 24, на Рождество святого Иоанна Предтечи, безбожный и зловерный царь Магмед-Амен Казанский, будучи у великого князя Ивана Васильевича всея Руси в дружбе и в шерти, и забыв свое слово и преступи шертныя грамоты, великого князя Михаила Кляпика поимал, и людей великого князя торговых поимал, да иных секл, а иных пограбив, розослал в Нагаи» [29, с. 259].

Об участии в заговоре казанской царицы Никоновская летопись ничего не знает. «Казанская история», в свою очередь, молчит о Кляпике и «Шаиньуфе». Татищев мастерски переплавил оба рассказа в единый высокохудожественный политический детектив, сумев заодно ответить на вопросы, неизбежно возникающие при чтении великокняжеского летописания – о каких таких делах «Шаиньуфа» идет речь, каким речам и каким именно образом должен был не потакать Кляпик, почему его приезд в Казань спровоцировал резню и проч.

Согласно В.Н. Татищеву, великий князь, отправляя Мухаммед-Амина в Казань, «надеяся на него крепше». Царь первое время начал «добре правити по данной шерти, верне во всем с воеводами великаго князя управляша и о всем, что приключися, возвестуя, и крамольников казняша, и к великому князю отсылаша...». Но тут начала действовать его новая супруга «иже бе на Вологде стерегома», которая в татищевском рассказе получила имя Урбетъ. «Жена же оная, яко паче иным любима ему бысть, вспомяная преднее ее пленение и детей ея, нача смусчати его отложитися от великаго князя...». По сравнению с героиней «Казанского летописца» в речах татищевский царицы появляется новый мотив – она не просто хочет, чтобы казанский царь перестал быть «рабом» московского князя, но и с явной ностальгией вспоминает о временах, «яко деды наши Русью владяху и дани взимаху полетнии». Царь поначалу только «ужасается» ее подстрекательствам. Тогда Урбетъ клеветает на городского князя «Шаиньуфа», который был «вельми верен великому князю и хану Махмет-Амину» и не позволял «другим на зло замышляти».

Мухаммед-Амин оповестил Ивана III о мнимой измене «Шаиньуфа». Московский князь «посла к нему в Казань Михаила Кляпика с тем, чтоб он Мехмет-Амин добре о всем уведал и таким речам не потакал, крамольников казнил и городского князя Шаиньуфу прислал бы за сторожею в Москву». Урбетъ, опасаясь, что с приездом московского посла «да и сама с ея приятели не обличена и казнена будет», принялась запугивать супруга, уверяя, что московский князь собирается его уморить, всех казанских князей изгубить и заселить Казань русскими. Напуганный царь собирает вельмож, которые решают избить «всю русь». Чтобы никто из русских гостей не успел спастись, «уложиша послати всюду заставы по путем, да никто не убежит, а егда съедутся на базар отовсюду, тогда всех избити». Но среди этого сонма предателей оказался благородный князь Алачай, «его же князь великий Иван Васильевич, пленив ранена, повеле исцелити, прежде плененную жену его и с чады, отыскав, возврати и его отпусти». Из благодарности Алачай «даде о том вскоре Михаилу знати». Посол успел отравить назад своего сына, который

предупредил об опасности некоторых русских купцов, подъезжающих к казанским рубежам. Но участь остальных была предreshена, и царь Мухаммед-Амин якобы лично возглавил избиение русских на базаре: «выеха сам той нечестивый клятвопреступник Махмет-Аминь, и вси князи с ним, и множество татар во оружии, начаша русских всех имати, убивати и грабити, иже не чаяху никоего зла на себе и опасения не имеша» [60, с. 121–123].

Ни в каком из более чем 200 известных на сегодняшний день списков «Казанской истории» ничего похожего на все эти известия нет, и в их чисто беллетристическом происхождении вряд ли стоит сомневаться. О генезисе конкретных деталей татищевского рассказа можно высказываться только предположительно. Так, рассылка застав для перехвата беглецов явно навеяна сведением имевшегося у Татищева Владимирского летописца о том, что часть русских гостей, успевших было спастись от резни, были «по дорози» перебиты черемисами [44, с. 140]. Уникальное и невозможное имя Урбет скорее всего возникло из-за того, что Татищев посчитал указанное в Латухинской Степенной имя «Большица» калькой с татарского и попытался, в меру своих скромных познаний в татарском языке, дать «обратный перевод». Сколь своеобразны и непредсказуемы были представления Татищева о татарском языке – видно хотя бы из того, что название «Сибирь» он производил от якобы татарского слово «Сенбирь», что, по его мнению, означало «главный» [61, с. 161]. Возможно (но совершенно недоказуемо), что историограф пытался «слепить» имя царицы из слов «зур» (большой) и «бит» (лицо). Благодарный князь Алачай был введен в сюжет для того, чтобы объяснить, каким образом «рассказчику» стали известны подробности альковных интриг и секретных совещаний казанского царского двора. Правда, может возникнуть соблазн идентифицировать этого персонажа с Алач-мирзой, братом Каракуш. Но Алач был не казанским князем, а ногайским мирзой [63, с. 710] и на совещание знати у казанского царя не мог попасть по определению. Вряд ли о нем знал Татищев: Алач-мирза упоминается только в посольских ногайских и крымских делах, с которыми Татищев не работал. Зато в татищевской карьере числится приведение к присяге Младшего жуза казахов («киргиз-кайсаков»), в котором, как Татищев мог узнать от своего сослуживца и помощника А.И. Тевкелева, числились роды Алчин и Алача [56, с. 302–303]. Причисляя киргиз-кайсаков к татарским народам [58, с. 307], Татищев мог с чистой совестью сконструировать для казанского князя личное имя Алачай.

Татищевский рассказ о 1505 г. не вписываются в какую-либо летописную традицию: те летописи, которые упоминали о «Шайныуфе» и Кляпике (Никонская, 2 Софийская, Воскресенская, Львовская), молчат о казанской царице и ее «нашептываниях», в то время как «Казанский летописец» не знает ни «Шайныуфа», ни Кляпика. Структура татищевского повествования больше напоминает историографические дискурсы Нового Времени, созданные путем комбинации разнородных источников. Примечательно, что и Щербатов [69, с. 355–358] и Карамзин [11, с. 208–209] тоже пытались вплести «Шайныуфа», Кляпика и происки коварной царицы в единую фабулу повествования, несмотря на то, что с татищевским трудом они знакомы не были (4 часть «Истории Российской» была обнаружена Погодиным лишь в 1843 г.). Это и неудивительно, поскольку все они пользовались как одинаковыми источниками (Нико-

новской летописью, «Казанским летописцем»), так и одним и тем же приемом, который Р.Дж. Коллингвуд называл «ножницами и клеем» [13, с. 245].

Характерно, что известия «Казанского летописца» о смерти царя от проказы и о самоубийстве его «бодомой совестью» царицы Татищев в свою «Историю» не включил – видимо, представителю петровского Просвещения такого рода история показалась слишком уж библейски-назидательной, говоря его языком – баснословной. Правдоподобность или неправдоподобность известия служила главным критерием «критики» Татищевым его источников, при этом сведения о влиянии альковных нашептываний на политические дела вполне могли показаться достоверными человеку, писавшему историю в «галантный век».

Впрочем, младший современник Татищева и его корреспондент П.И. Рычков счел правдивыми и те свидетельства «Казанского летописца», которые отверг Татищев: в его «Опыте Казанской истории древних и средних времен» можно прочесть как о коварных нашептываниях царицы, так и о ее самоубийстве после смерти ее прокаженного и раскаявшегося супруга; при этом Рычков допустил просто несуразные ошибки в датировке (52, с. 85–86, 91–92).

В XIX в. исследователи уже менее склонны были доверять занимательным рассказам «Казанского летописца». К.Ф. Фукс [66], М.С. Рыбушкин [51], Н.А. Фирсов [65], Г.И. Перетяткович [24] не упоминают в своих трудах ни «Казанский летописец», ни «алегамовскую царицу». С.М. Соловьев охарактеризовал этот источник как «мутный», однако же привел версию, что упоминаемый Архангелогородским летописцем «гнев» Мухаммед-Амина на великого князя «еще более был воспламенен новою женою Магмет-Аминя, вдовою прежнего царя казанского, Алегамы, на которой великий князь позволил жениться: будучи научаема вельможами, она день и ночь шептала хану, чтоб отложился от Москвы» [57, с. 365]. С.М. Шпилевский считал «Казанскую историю» «плохою компиляцией из русских летописей с прибавлением весьма немногих новых данных», не поясняя, однако же, насколько надежными считает он эти самые новые данные, в том числе о нашептываниях царицы Мухаммед-Амину. По-видимому, он не был склонен полностью их отвергать, поскольку в другом месте писал: «...Казанская история в первой ее части представляет и некоторые, хотя и немногие, данные, которые не встречаются в других источниках» [68, с. 566].

В.В. Вельяминов-Зернов указывал, что ни откуда не следует, что царица, отданная в 1502 г за Мухаммед-Амина, та же самая, которую привели пленницей в Москву 1487 г; об этом прямо говорит только «Казанский летописец», и нет оснований ему не верить [5, с. 193]. Это, конечно, натяжка: Иван III мог распоряжаться судьбой вдовы Ильхама только в случае, если она была его пленницей, а таковой могла быть только та самая царица, которую сослали в вологодское заточение в 1487 г. Примечательно, однако же, что даже такой вдумчивый и обстоятельный исследователь склонен был считать «Казанскую историю» надежным источником. В.В. Вельяминов-Зернов даже допускал, что те «речи», которым не должен был «потакать» Михаил Кляпик, «были действительно, как утверждает Казанский летописец, злые наущения вдовы Ильгамовой» [5, с. 195]. Это – все та же попытка механической компиляции «Казанской истории» с великокняжеским летописанием, к которой прибегал еще Татищев.

В зарождающейся татарской национальной историографии первоначально тоже преобладало некритичное доверие к «Казанскому летописцу». Г.Н. Ахмеров в своем труде не только повторял его известия (включая предсмертный недуг царя с язвами по всему телу), но дополнял их собственными интерпретациями, мало отличимыми от домыслов: что Мухаммед-Амин «не мог противостоять горячо любимой жене и во всех делах следовал ее советам» или что его супруга «люто ненавидела московского князя» [3, с. 95–97]. Более скептичен и даже ироничен был М.Г. Худяков, который по поводу событий 1505 года писал: «Составитель «Казанского летописца» описывает эти события, как яркий роман. Возникновение самой войны он приписывает вдове хана Али, вышедшей замуж за Мухаммеда-Эмина и таким образом вносит в изложение исторических фактов своеобразное *cherchez la femme*» [67, с. 67–68]. Вместе с тем исследователь не отвергал свидетельств «Казанского летописца» напрямую и даже повторял некоторые сообщаемые им сведения (например, о больших богатствах, награбленных казанцами во время погрома 1505 г.).

К.В. Базилевич, признавая «Казанский летописец» историко-литературным памятником, содержащим «риторику, оснащенную нравоучительными сентенциями», все же настаивал, что «фактическая сторона рассказа заслуживает внимания». Среди прочего он допускал, что влияние жены послужило одним из многих факторов, побудивших Мухаммед-Амина выступить против своего «сюзерена» Ивана III, хотя и не считал этот фактор решающим [4, с. 535–537].

В работах татарских историков со временем нарастала тенденция к критической оценке «Казанского летописца», однако критика касалась главным образом его идеологической составляющей – явно «промосковской», «антитатарской» и антимусульманской позиции его автора. Сами же его сведения, в том числе роль царицы в выступлении 1505 года, сомнению не подвергались, а лишь получали оценку «с обратным знаком»: если для московских книжников XVI века царица была «прелукавой змеей», то в оценке некоторых современных татарских историков она становится «патриоткой», способствующей ни много ни мало пробуждению «национальных чувств» у своего супруга [64, с. 148], что, конечно, является анахронизмом. Яркий пример амбивалентного отношения к «Казанскому летописцу» продемонстрировал С.Х. Алишев. С одной стороны, он чуть ли не высмеивал этот источник и тех, кто ему доверяет, характеризовал его автора как «изошренного фанатика» [2, с. 39]. В то же время, историю о казанской царице, побудившей мужа восстать против московской власти, С.Х. Алишев излагал с полным доверием, разумеется, меняя оценки с «минусов» на «плюсы» и наоборот. Татищевские дополнения также не вызвали у С.Х. Алишева подозрений, и в его работе царица фигурирует под «татищевским» именем Урбет. Словно вдохновляемый художественными красотами «Казанского летописца» и «Истории Российской», исследователь дополняет их нарративы собственными домыслами: «Слышавший о дивной красоте жены умершего в Вологодской тюрьме Али хана Урбет, он захотел увидеть ее. Поехав в Вологодскую тюрьму и увидев красавицу, сладострастный Мухамет влюбился в Урбет. Она была действительно привлекательной, с очаровательным лицом и изящной, грациозной фигурой. Он умолял Ивана III отпустить ее за себя в жены и добился своего... Свободолюбивая и властная его жена Урбет играла важную роль в умонастроении самого хана» [2, с. 17].

Нетрудно заметить, что источником домыслов служат фразы из «Казанского летописца». Так, фраза «любо ему бысть вельми братня жена» под пером исследователя превратилась в рассказ о поездке в Вологду: чтоб сильно влюбиться, царь должен лично увидеть предмет своей страсти. Вслед за «Казанским летописцем», Лызловым и Ахмеровым Алишев приписывает инициативу брака Мухаммед-Амину, который якобы уговаривал Ивана III отдать ему в жену невестку. Для объяснения столь неистовой влюбленности пришлось наделять царицу привлекательным лицом и изящной, грациозной фигурой. Такого рода «реконструкции» вполне пригодны для романа или кино-сценария, но в научном труде смотрятся странно.

Сказанное ни в коей мере не умаляет заслуг уважаемого Саяма Хатыповича и призвано лишь подчеркнуть извечную опасность «соскальзывания» научно-исторического дискурса в литературно-художественный. При использовании таких изначально беллетризованных произведений, как «Казанский летописец» или татищевская «История Российская», эта опасность возрастает многократно. Между тем, в академической многотомной «Истории татар» ссылки на татищевский труд даются через запятую со ссылками на аутентичные летописи, в рассказе о событиях 1505 года фигурируют имена Урбеть и Алачая [10, с. 300–301], а влияние супруги на решение Мухаммед-Амина выступить против Ивана III излагается как бесспорный факт, без какого-либо намека на критику.

Примечательно, однако же, что и те исследователи, которые не склонны безоговорочно доверять ни автору «Казанского летописца», ни Татищеву, находят правдоподобным известие о влиянии Каракуш на Мухаммед-Амина. Так, Б.А. Илюшин в своей монографии о казанских войнах Василия III в числе причин конфликта 1505–1507 указывает «шаткость положения Мухаммед-Эмина (у которого перед глазами была судьба родного и сводного братьев, оказавшихся в русской ссылке, а также вдова последнего, причем со стоявшими за ней ногайскими родственниками)» [7, с. 115]. В другой своей работе исследователь выразился предельно осторожно: «...вряд ли мнение жены стало в этом деле определяющим, хотя и могло существенно повлиять на отношения хана к русским людям» [6, с. 82].

А.В. Аксанов справедливо указал на сложную структуру текста «Казанского летописца», автор которого наряду с известными летописями использовал известия явно нелетописного происхождения, изучение которых – «поле для герменевтического анализа», вследствие чего «раскрыть полный смысл известия пока не представляется возможным». Особенно важно учитывать библейский контекст, в который автор «Казанского летописца» помещал излагаемые им события: «Бесспорно, важнейшую роль в миропонимании автора «Казанской истории» играла Библия. Так, Мухаммад-Амин дважды сравнивается с Иродом. Сначала избиение купцов ставится в один ряд с избиением младенцев в Вифлееме, что приравнивает поступок хана к деяниям Ирода. Затем автор напрямую сравнивает двух правителей, говоря, что хан умер той же смертью, что и Ирод» [1, с. 132].

Подход А.В. Аксанова выглядит очень перспективным, поскольку радикально меняет парадигму исследования. Большинство историков, затрагивающие проблему «Казанского летописца», упирали на разбор достоверности или «правдоподобия» отдельных его сообщений – например, о той же вдове

Алегама – оставляя без должного внимания критику источника в целом. Литературный характер «Казанского летописца» не заметить было невозможно, но этому обстоятельству не всегда придавали должное значение. В результате литературное правдоподобие принималась за историческую достоверность. Однако психологическая убедительность поступков царицы, стремящийся отомстить московскому князю за свое заточение и смерть мужа в неволе, говорит не о достоверности этого известия, а только и исключительно о литературном мастерстве автора «Казанского летописца». В отсутствие каких-либо сведений, подтверждающих версию о ее «нашептываниях» мужу, этот нарратив следует рассматривать исключительно как художественное произведение. И даже если правы те исследователи, которые выступление Мухаммед-Амина против Ивана III считают следствием ногайского влияния, то из этого не следует автоматически, что ногайское влияние осуществлялось именно через Каракуш – более того, все источники, включая даже сам «Казанский летописец», об этом молчат (в «Казанском летописце» царица была «научаема» не ногайцами, а казанскими же вельможами).

Для автора «Казанской истории», как для средневекового книжника, библейские топосы служили мерилami для осмысления окружающего мира и готовыми образцами для описания событий. Отдельные исследователи отмечали это и прежде – так, Кунцевич указывал, что приводимое в «Казанской истории» сравнение царицы с червем, точащим сладкое дерево, происходит из древнерусской «Пчелы», в которой это изречение приписано Соломону [14, с. 257; 54, с. 418]. Но только А.В. Аксанов в полной мере оценил степень насыщенности «Казанского летописца» библейскими реминисценциями. Его замечание о связи образа Мухаммед-Амина с библейским Иродом дает ключ к пониманию образа не только самого Мухаммед-Амина, но и его супруги Каракуш.

Нетрудно заметить, что автор Казанского летописца, подобно многим другим средневековым книжникам, смешал разных Иродов: Ирода Великого, которому приписывают избиение младенцев, и его внука Ирода Агриппу, который «быв изъеден червями, умер»¹. Подобно Ироду Великому, Мухаммед-Амин устроил массовую резню невинных; события в Казани выглядят даже страшнее, ведь в Вифлееме убивали только младенцев, «зде же состаревшиеся мужи, и жены, и юноша младая, и красныя отроковица, и младенца вкупе убивахуся» [32, с. 229]. Подобно Ироду Агриппе, казанский царь умирает в гное и язвах. Но автор «Казанского летописца», работая над своим поистине бессмертным произведением, явно имел в виду еще одного Ирода, которого тоже путал с двумя предыдущими.

Обратим внимание, что погром русских гостей в Казани произошло 24 июня, на день Рождества Иоанна Предтечи. Этот пророк, как известно, был обезглавлен сыном Ирода Великого Иродом Антипой по наущению царицы Иродиады. Для средневекового книжника такого рода «совпадения» не могли быть случайными – они раскрывали самую сокровенную суть событий. Если казанский царь все равно что Ирод, а Ирода подтолкнула к преступлению его жена, то и казанского царя должна была наущать на злые деяния его супруга. Этим же заодно можно было объяснить внезапную измену Мухаммед-Амина, до того всегда остававшегося лояльным Москве. Сходство Мухаммед-Амина

¹ Деян. 12: 21–23.

с Иродом в глазах московского литератора превращалось чуть не в тождество с учетом того, что казанский царь, подобно Ироду Антипе, женился на супруге своего брата! Правда, в отличие от Ирода, он не отнимал жены от еще живого брата, но для православного человека левират уже сам по себе выглядел предосудительным. И именно потому в «Казанской истории» инициатива этого «неканонического» по православным меркам супружества приписывается не Ивану III (как во всех других источниках), а самому Мухаммед-Амину; как мы видели выше, этот домысел впоследствии породил ряд других – о страстной влюбленности Мухаммед-Амина, о свидании в вологодской тюрьме, об изящной фигуре казанской царицы.

Образ Иродиады неоднократно использовался в христианской литературе. Иоанн Златоуст сравнивал с Иродиадой своего врага – императрицу Евдоксию. Написанное им в обличение Евдоксии «Слово о злых женах» («Опять Иродиада беснуется...») было очень популярно в Древней Руси. Обличение Златоустом злой жены начальника, которая «день и ночь нашептывает ему про убийства и козни, как Иродиада Ироду», имеет соответствие в тексте «Казанского летописца»: «И начать... шептати во уши царю, день и ночь, да отложится от великаго князя» [32, с. 228]. Этот факт неопровержимо доказывает, что автор «Казанской истории», работая над своим произведением, моделировал свой сюжет и своих героев по образцу истории об Ироде и Иродиаде.

Известно, что образ Ирода разнится синоптических Евангелиях. Согласно Марку, он «боялся Иоанна, зная, что он муж праведный и святой, и берег его; многое делал, слушаясь его, и с удовольствием слушал его» (Марк 6:20) и лишь настойчивость Иродиады подтолкнула его к преступлению. По Матфею же, Ирод еще до рокового танца Саломеи «хотел убить его, но боялся народа» (Матф. 14:5). Можно сказать, у автора Казанского летописца, равно как и у Татищева, образ Мухаммеда-Амина более «марковский», инициатива в совершении злодеяния целиком отводится его супруге; в то же время, Щербатов и Карамзин в своих нарративах скорее тяготеют «к Матфею» и представляют Мухаммед-Амина значительно более активным. Но ни «марковский», ни «матфеевский» образы Мухаммед-Амина не имеют отношения к исторической реальности. Это же верно и в отношении Каракуш: ее «иродиадский» образ – это литературный костюм, надетый на нее автором «Казанского летописца».

Подведем итог. Рассказ «Казанского летописца» о событиях 1505 года написал более полсотни лет спустя, он построен на основе библейской истории об Иродиаде, подталкивающей мужа на преступление, и он не подтверждается ни единым источником. Этого более чем достаточно, чтобы отказать этому памятнику в исторической достоверности если не целиком, то по крайней мере касательно рассказа о влиянии Каракуш на выступление Мухаммед-Амина против Ивана III.

Таким образом, достоверных сведений о Каракуш оказывается совсем не много, и ее научно выверенную «биографию» можно уместить буквально в одном абзаце. Ни дата ее рождения, ни время смерти неизвестны. Отцом ее был ногайский мурза Ямгурчи. Выданная замуж казанского царя Ильхама, она вместе с ним в 1487 году после первого казанского взятия была приведена пленницей в Москву, а затем сослана в заточение в Вологду. Ее отец настойчиво добивался у Ивана III ее освобождения. После смерти Ильхама и вто-

ричного воцарения Мухаммед-Амина в Казани в 1502 году она была выдана замуж за нового казанского владыку. Дальнейшая ее судьба неизвестна, о ее роли в московско-казанском конфликте 1505–1507 гг. достоверных данных нет. Таким образом, нет оснований говорить ни о «прелукавой змее», ни «свободолюбивой и властной» царице – «патриотке».

Многого о Каракуш мы не знаем и, может быть, не узнаем уже никогда. Но, как писал великий Шлецер, лучше не знать, чем быть обманутым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования: Монография. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 288 с.
2. Алишев С.Х. Источники и историография города Казани. Казань, 2001 76 с.
3. Ахмеров Г.Н. Избранные труды. Казань: Татарское книжное издательство, 1998. 239 с.
4. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М.: Изд-во МГУ, 1952. 542 с.
5. Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Часть первая. 2-е изд. СПб., 1863. XIII. 558 с.
6. Илюшин Б.И. Мухаммед-Эмин, «царь» казанский. Биографический очерк. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 168 с., 10 с. ил.
7. Илюшин Б.И. Казанские войны Василия III: монография. Казань: Логос, 2021. 428 с.
8. Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI–XVI веков. Каталог гомилий. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 215 с.
9. Иоасафовская летопись / Под ред. А.А. Зимина. М.: Изд. Акад. Наук, 1957. 239 с.
10. История татар. В 7 томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Институт истории АН РТ, 2014. 1080 с.
11. Карамзин Н.М. История государства Российского. Изд. 5 Книга 2. Т. 6. СПб., 1842. 228 с., разд. паг.
12. Клосс Б.М. Вологодско-Пермские летописцы XV в. / Летописи и хроники. М. Н. Тихомиров и летописеведение. М.: Наука, 1976. С. 264–282.
13. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. М.: Наука, 1980. 488 с.
14. Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. СПб., 1905. 682 с.
15. Латухинская Степенная книга. 1676 год. М.: Языки славянской культуры, 2012. 881 с.
16. Лицевой летописный свод XVI века. Кн. 17. М., 2014. 496 (VIII) с.
17. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л.: Наука, 1976. 283 с.
18. Лызлов А.И. Скифская история. М.: Наука, 1990. 518 с.
19. Моисеева Г.Н. Автор «Казанской истории» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.-Л., 1953. Т. 9. С. 266–288.
20. Моисеева Г.Н. Казанская история / Казанская история. Под ред. В.П. Адриановой-Пететц. М.-Л. Изд. Акад. наук, 1954. 191 с.
21. Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М.: Наука, 1969. 354 с.
22. Описание рукописного отдела Библиотеки Академии Наук СССР. Т. 3 Вып. 1 2-е изд. М.-Л.: Изд-во Акад. Наук, 1959 707 с.
23. Пекарский П. Новые известия о В.Н. Татищеве. СПб., 1864 66 с.

24. Перетяткович Г.И. Поволжье в XV и XVI вв. (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. 331 с.
25. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. IV. Ч. 1. Новгородская IV летопись. Вып. 1. Л., 1925. С. 321–536.
26. ПСРЛ. Т. VI. Софийские летописи. СПб., 1853. 358 с.
27. ПСРЛ. Т. VI. Вып. 2. Софийская вторая летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. I–VIII, 240 с.
28. ПСРЛ. Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859. 302 с.
29. ПСРЛ. Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб., 1901. 266 с.
30. ПСРЛ. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб., 1863. 540 с.
31. ПСРЛ. Т. XVIII. Симеоновская летопись. СПб., 1913. 321 с., разд. паг. (III с., 316 с.).
32. ПСРЛ. Т. XIX. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903. 546 с.
33. ПСРЛ. Т. XIX (б). История о Казанском царстве. Изд. 2-е. М., 2000 разд. паг. (IV–XI, 328 с.).
34. ПСРЛ. Т. XX. Львовская летопись. Часть первая. СПб., 1910. 418 с.
35. ПСРЛ. Т. XXI. Степенная книга царского родословия. Часть вторая. СПб., 1913. 708 с.
36. ПСРЛ. Т. XXII. Русский хронограф. Часть первая. СПб., 1911. 568 с.
37. ПСРЛ. Т. XXIII. Ермолинская летопись. СПб., 1910. 239 с.
38. ПСРЛ. Т. XXIV. Типографская летопись. Петроград, 1921. 271 с.
39. ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л.: Изд. Акад. Наук, 1949. 464 с.
40. ПСРЛ. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М.-Л.: Изд. Акад. Наук, 1959. 412 с.
41. ПСРЛ. Т. XXVII. Никаноровская летопись; Сокращённые летописные своды конца XV века. М.: Изд. Акад. Наук, 1962. 417 [1] с.
42. ПСРЛ. Т. XXVIII. Летописный свод 1497 года. Летописный свод 1518 года (Уваровская летопись). М.-Л.: Изд. Акад. Наук, 1963. 410 с.
43. ПСРЛ. Т. XXIX. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. 389 с.
44. ПСРЛ. Т. XXX. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 272 с., разд. паг.
45. ПСРЛ. Т. XXXI. Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. 262 с.
46. ПСРЛ. Т. XXXIII. Холмогорская летопись. Двинской летописец. М.-Л., 1965, 240 с.
47. ПСРЛ. Т. XXXVII. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л.: Наука, 1982. 227 с.
48. ПСРЛ. Т. XXXIX. Софийская I летопись по списку И. Н. Царского. М.: Наука, 1994. 208 с.
49. Посольские книги по связям России с Ногайской ордой. 1489–1549 гг. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995. 360 с.
50. Разрядная книга. 1475–1598. М.: Наука, 1966. 614 с.
51. Рыбушкин М.С. Краткая история города Казани. Казань, 1848. 149 с.
52. Рычков П.И. Опыт казанской истории древних и средних времян. СПб., 1767.
53. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 41. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскую и Ногай-

скою ордами и с Турцией. Т. 1. С 1476 по 1505 г., эпоха свержения монгольского ига в России. СПб., 1884. 640 с., с разд. паг. (558 с., 82 с.).

54. Семенов В. Древняя русская Пчела по пергаменному списку // Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук 1893 Т. 54, № 1 444 с.

55. Сиренов А.В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII веков. Альянс-Архео. М., СПб., 2010 545 с.

56. Служебные и исследовательские материалы российского дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахской степи (1731–1759 гг.) / История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. III. Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759 гг.). Алматы. Дайк-пресс. 2005. 484 с.

57. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 3 Т. 5–6. История Российская с древнейших времен. М.: Мысль, 1989 783 с.

58. Татищев В.Н. Записки. Письма. М.: Наука, 1990 440 с.

59. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен: В 7 т. Т. 1 М.: Академический проект, 2016 403 с.

60. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен: В 7 т. Т. 6 М.: Академический проект, 2018 (а). 557 с.

61. Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен: В 7 т. Т. 7 М.: Академический проект, 2018 (б). 579 с.

62. Тихомиров М.Н. О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: В 7 т. Т. 1 М.: Академический проект, 2016 С. 46–64.

63. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: «Восточная литература», 2002. 752 с.

64. Фахрутдинов Р.Г. История татарского народа и Татарстана. (Древность и средневековье). Казань: Магариф, 2000. 255 с.

65. Фирсов Н.А. Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г. и колонизация закамских земель в это время. Казань, 1869.

66. Фукс К.Ф. Краткая история города Казани. Казань, 1817.

67. Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства, издание 3-е, дополненное. Воспроизведено по тексту 1-го издания (Казань. Комбинат изд-ва и печати, 1923). М.: ИНСАН, Совет по сохранению и развитию культур малых народов, СФК, 1991. 320 с.

68. Шпилевский С.М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Унив. тип., 1877. [4], X, 586, XVI с.

69. Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 4 Ч. 2 СПб., 1783. 544 с.

70. Ядро Российской истории. СПб., 1784. 392, [6] с.

71. Herberstein Sigismund von. Rerum Moscoviticarum Commentarii. Synoptische Edition der lateinischen und der deutschen Fassung letzter Hand Basel 1556 und Wien 1557. Redigiert und herausgegeben von Hermann Beyer-Thoma. München 2007.

REFERENCES

1. Aksanov A.V. Kazan Khanate and Muscovite Rus': Interstate relations in the context of hermeneutical research: Monograph. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 288 p. (In Russian)

2. Alishev S.Kh. Sources and historiography of the city of Kazan. Kazan, 2001. 76 p. (In Russian)

3. Akhmerov G.N. Selected works. Kazan. Tatar book Publ., 1998. 239 p. (In Russian)

4. Bazilevich K.V. Foreign policy of the Russian centralized state. Second half of the 15th century. Moscow: Moscow State University Publ., 1952. 542 p. (In Russian)
5. Velyaminov-Zernov V. V. Research on the Kasimov kings and princes. Part 1. 2nd ed. St. Petersburg, 1863. xiii+558 p. (In Russian)
6. Ilyushin B.I. Muhammad-Emin, “Tsar” of Kazan. Biographical essay. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 168 p., 10 p. of illustrations. (In Russian)
7. Ilyushin B.I. Kazan Wars of Vasily III: Monograph. Kazan: Logos, 2021. 428 p. (In Russian)
8. John Chrysostom in Old Russian and South Slavic writing of the 11th–16th centuries. Catalog of homilies. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1998 215 p. (In Russian)
9. Joasaph Chronicle. Ed. A.A. Zimin. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1957. 239 p. (In Russian)
10. History of the Tatars. In 7 volumes. Vol. 4. Tatar states in 15th–18th centuries. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 1080 p. (In Russian)
11. Karamzin N.M. Istoriia gosudarstva Rossiiskogo. 5th ed., Book 2, Vol. 6. St. Petersburg, 1842. 228 p. (In Russian)
12. Kloss B.M. Vologda-Perm chroniclers of the 15th century. Chronicles and annals. M. N. Tikhomirov and chronicle history. Moscow: Nauka, 1976, pp. 264–282. (In Russian)
13. Collingwood R.J. The Idea of History. Moscow: Nauka, 1980, 488 p. (In Russian)
14. Kuntsevich G.Z. History of the Kazan Kingdom, or the Kazan Chronicler. St. Petersburg, 1905. 682 p. (In Russian)
15. Latukhinskaya Royal Degree Book. 1676 Moscow: Languages of Slavic Culture, 2012. 881 p. (In Russian)
16. Illustrated chronicle vault of the 16th century. Book 17. Moscow, 2014, viii+496 p. (In Russian)
17. Lurie Y.S. All-Russian chronicles of the 14th–15th centuries. Leningrad: Nauka, 1976. 283 p. (In Russian)
18. Lyzlov A.I. Scythian history. Moscow: Nauka, 1990. 518 p. (In Russian)
19. Moiseeva G. N. Author of “Kazan History”. In: Proceedings of the Department of Old Russian Literature, vol. 9. Moscow-Leningrad, 1953, pp. 266–288. (In Russian)
20. Moiseeva G.N. Kazan history. In: Kazan history. Ed. V. P. Adrianova-Petetz. Moscow-Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1954. 191 p. (In Russian)
21. Nasonov A.N. History of Russian chronicles of the 11th – early 18th centuries. Essays and research. Moscow: Nauka, 1969. 354 p. (In Russian)
22. Description of the manuscript department of the Library of the USSR Academy of Sciences, vol. 3, iss. 1. 2nd ed. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1959. 707 p. (In Russian)
23. Pekarsky P. New news about V.N. Tatishchev. St. Petersburg, 1864. 66 p. (In Russian)
24. Peretyatkovich G.I. Volga region in the 15th and 16th centuries. (essays on the history of the region and its colonization). Moscow, 1877. 331 p. (In Russian)
25. Complete Collection of Russian Chronicles (PSRL). Vol. 4, Part 1: 4th Novgorod Chronicle. Iss. 1, Leningrad, 1925, pp. 321–536. (In Russian)
26. PSRL. Vol. 6: Sofiyskie Chronicles. St. Petersburg, 1853. 358 p. (In Russian)
27. PSRL. Vol. 6, Issue 2: Sofiyskaya 2nd Chronicle. Moscow: Languages of Russian Culture, 2001. viii+240 p. (In Russian)
28. PSRL. Vol. 8: Continuation of the Chronicle according to the Voskresensky List.. St. Petersburg, 1859. 302 p. (In Russian)
29. PSRL. Vol. 12: Chronicle Collection Known as the Patriarchal or Nikon Chronicle. St. Petersburg, 1901. 266 p. (In Russian)

30. PSRL. Vol. 15: Chronicle Collection; Known as the Tver Chronicle. St. Petersburg, 1863. 540 p. (In Russian)
31. PSRL. Vol. 18: Simeon Chronicle. St. Petersburg, 1913. III+316 p. (In Russian)
32. PSRL. Vol. 19: History of the Kazan Tsardom (Kazan Chronicler). St. Petersburg, 1903. 546 p. (In Russian)
33. PSRL. Vol. 19b: History of the Kazan Tsardom, 2nd ed. Moscow, 2000. iv–xi+328 p. (In Russian)
34. PSRL. Vol. 20: Lvov (Lviv) Chronicle, Part 1. St. Petersburg, 1910. 418 p. (In Russian)
35. PSRL. Vol. 21: “Stepennaya Kniga” of the Royal Genealogy, Part 2. St. Petersburg, 1913. 708 p. (In Russian)
36. PSRL. Vol. 22: Russian Chronograph, Part 1. St. Petersburg, 1911. 568 p. (In Russian)
37. PSRL. Vol. 23: Ermolinskii Chronicle. St. Petersburg, 1910. 239 p. (In Russian)
38. PSRL. Vol. 24: Tipograf Chronicle. St. Petersburg, 1921. 271 p. (In Russian)
39. PSRL. Vol. 25: Moscow Chronicle Compilation of the Late 15th Century. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1949. 464 p. (In Russian)
40. PSRL. Vol. 26: Vologda-Perm Chronicle. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1959. 412 p. (In Russian)
41. PSRL. Vol. 27: Nikanor Chronicle; Abbreviated Chronicle Compilations of the Late 15th Century. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1962. 417 p. (In Russian)
42. PSRL. Vol. 28: Chronicle Compilation of 1497; Chronicle Compilation of 1518 (Uvarov Chronicle). Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1963. 410 p. (In Russian)
43. PSRL. Vol. 29: Chronicler of the Beginning of the Reign of Tsar and Grand Prince Ivan Vasilyevich; Alexander Nevsky Chronicle; Lebedev Chronicle. Moscow: Nauka, 1965. 389 p. (In Russian)
44. PSRL. Vol. 30: Vladimir Chronicle; Novgorod 2nd (Archival) Chronicle. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi, 2009. 272 p. (In Russian)
45. PSRL. Vol. 31: Chroniclers of the Last Quarter of the 17th Century. Moscow: Nauka, 1968. 262 p. (In Russian)
46. PSRL. Vol. 33: Kholmogory Chronicle; Dvinsk Chronicler. Moscow-Leningrad, 1965. 240 p. (In Russian)
47. PSRL. Vol. 37: Ustyug and Vologda Chronicles, 16th–18th Centuries. Leningrad: Nauka, 1982. 227 p. (In Russian)
48. PSRL. Vol. 39: Sofiyskaya 1st Chronicle according to the I. N. Tsarsky Copy. Moscow: Nauka, 1994. 208 p. (In Russian)
49. Embassy books on relations between Russia and the Nogai Horde. 1489–1549. Makhachkala: Dag. kn. izd-vo, 1995. 360 p. (In Russian)
50. Razriady (books) 1475–1598. Moscow: Nauka, 1966. 614 p. (In Russian)
51. Rybushkin M. S. A brief history of the city of Kazan. Kazan, 1848. 149 p. (In Russian)
52. Rychkov P.I. Attempt to the Kazan history of ancient and middle times. St. Petersburg, 1767. (In Russian)
53. Collection of the Imperial Russian Historical Society. Vol. 41. Documents of diplomatic relations of Ancient Russia with foreign powers. Documents of diplomatic relations of the Moscow state with the Crimean and Nogai hordes and with Turkey. Vol. I. From 1476 to 1505, the era of the overthrow of the Mongol yoke in Russia. St. Petersburg, 1884. 558+82 p. (In Russian)
54. Semenov V. Ancient Russian “Bee” according to the parchment list. In: Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences 1893 Vol. 54, no. 1 444 p. (In Russian)

55. Sirenov A.V. Royal Degree book and Russian historical thought of the 16th–18th centuries. Alliance-Archeo. Moscow-St. Petersburg, 2010 545 p. (In Russian)
56. Official and research materials of the Russian diplomat A.I. Tevkelev on the history and ethnography of the Kazakh steppe (1731–1759). History of Kazakhstan in Russian sources of the 16th–20th centuries. Volume 3. Journals and official notes of diplomat A.I. Tevkelev on the history and ethnography of Kazakhstan (1731–1759). Almaty. Daik-Press. 2005. 484 p. (In Russian)
57. Soloviev S. M. Sochineniia. In 18 books. Book 3 Vol. 5–6. Russian history from ancient times. Moscow: Mysl, 1989 783 p. (In Russian)
58. Tatishchev V.N. Letters. Moscow: Nauka, 1990 440 p. (In Russian)
59. Tatishchev V.N. Russian History from the Earliest Times. In 7 vols. Vol. 1. Moscow: Akademicheskii proekt, 2016 403 p. (In Russian)
60. Tatishchev V.N. Russian History from the Earliest Times. In 7 vols. Vol. 6. Moscow: Akademicheskii proekt, 2018 (a). 557 p. (In Russian)
61. Tatishchev V.N. Russian History from the Earliest Times. In 7 vols. Vol. 7. Moscow: Akademicheskii proekt, 2018 (b). 579 p. (In Russian)
62. Tikhomirov M.N. About Russian sources of “Russian History”. In: Russian History from the Earliest Times. In 7 vols. Vol. 1. Moscow: Akademicheskii proekt, 2016, pp. 46–64. (In Russian)
63. Trepavlov V.V. History of the Nogai Horde. Moscow: Vostochnaia literatura, 2002. 752 p. (In Russian)
64. Fakhrutdinov R. G. History of the Tatar people and Tatarstan. (Antiquity and Middle Ages). Kazan: Magarif, 2000. 255 p. (In Russian)
65. Firsov N.A. Foreign population of the former Kazan kingdom in new Russia until 1762 and the colonization of the Trans-Kama lands at that time. Kazan, 1869. (In Russian)
66. Fuchs K.F. A brief history of the city of Kazan. Kazan, 1817. (In Russian)
67. Khudyakov M.G. Essays on the history of the Kazan Khanate, 3rd edition, supplemented. Reproduced from the text of the 1st edition (Kazan. Combine of publishing and printing, 1923). Moscow: INSAN, Sovet po sokhraneniui i razvitiui kul’tur malykh narodov, SFK, 1991. 320 p. (In Russian)
68. Shpilevsky, S. M. Ancient cities and other Bulgar-Tatar monuments in the Kazan province. Kazan: Univ. typ., 1877. iv+x+586+xvi p. (In Russian)
69. Shcherbatov M.M. Russian history from ancient times. Vol. 4. Part 2. St. Petersburg, 1783. 544 p.
70. The core of Russian history. St. Petersburg, 1784. 392+6 p. (In Russian)
71. Herberstein Sigismund von. Rerum Moscoviticarum Commentarii. Synoptic edition of the Latin and German versions from Basel 1556 and Vienna 1557. Edited and published by Hermann Beyer-Thoma. Munich 2007. (In Latin and German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леонид Николаевич Аряев – независимый исследователь (Зальфельд, Германия);
ORCID: 0000-0002-8394-5856. Email: l.aryayev@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leonid N. Aryayev – Independent Researcher (Saalfeld, Germany); ORCID: 0000-0002-8394-5856. Email: l.aryayev@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 25.08.2025

Поступила после рецензирования / Revised 03.11.2025

Принята к публикации / Accepted 02.12.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.770-784>
EDN: ERVDFS

УДК 398

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЭПИЧЕСКОГО ФОЛЬКЛОРА ТАТАР ПЕРИОДА КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Л.Х. Мухаметзянова

Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова

Академии наук Республики Татарстан

Казань, Российская Федерация

lilmuhat@mail.ru

Резюме. Цель исследования – рассмотрение проблемы исторической памяти народа и национального культурного кода татар, проявляющихся в фольклорных образцах о Казанском ханстве.

Материалы исследования: в статье автором прослеживаются памятники эпического фольклора, связанные с Казанским ханством. Материалом исследования выступают опубликованные и архивные тексты исторических преданий и легенд, а также героических эпос-дастанов. Памятники татарского фольклора, о которых идет речь в исследовании, были записаны из уст соотечественников, проживающих в разных областях и регионах Российской Федерации, а также найдены в старых арабографичных рукописях во время комплексных научных экспедиций, либо извлечены из сборников и рукописей, сданных под роспись их хозяевами в фонд архивов; часть материалов была включена в академическое издание «Татар халык ижаты» («Татарское народное творчество») в 13 томах, изданный в период с 1977 по 1993 годы в г. Казани.

Результаты и научная новизна. В исследовании систематизируются отдельные жанры народного словесного творчества татар периода Казанского ханства, через фольклорные материалы выявляется специфика национального менталитета и культурного процесса народа. В эпических произведениях обнаруживаются историческая память и ценные национальные коды. Автор определяет, что сохранившиеся реликвии раскрывают прошлое татар, помогают найти историческую правду, принимают непосредственное участие в возрождении образа национального характера, идентичности, в определении будущего. В процессе анализа текстов народного творчества выявлено, что истоки фольклорного словесного искусства татарского народа восходят к глубокой древности; устные народные произведения передают мировоззрение народа своего времени, в них отражены религиозные воззрения татар. Работа является первым опытом системного анализа и описания отдельных жанров татарского народного творчества периода Казанского ханства.

Ключевые слова: эпический фольклор, Казанское ханство, исторические предания, легенды, героический эпос-дастан, мировоззрение народа, фольклорные источники

© Мухаметзянова Л.Х., 2025



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Мухаметзянова Л.Х. Историческая память в произведениях эпического фольклора татар периода Казанского ханства // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 4. С. 770–784. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.770-784>
EDN: ERVDFS

Благодарность: Автор выражает признательность И.М. Миргалееву, кандидату исторических наук, руководителю Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ за помощь при написании данного исследования.

HISTORICAL MEMORY IN WORKS OF EPIC TATAR FOLKLORE OF THE KAZAN KHANATE PERIOD

L.Kh. Mukhametzianova

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
lilmuhat@mail.ru*

Abstract. Research objective: To consider the problem of the historical memory of the people, and the national cultural code of the Tatars, manifested in folklore samples about the Kazan Khanate.

Research materials: In this article, the author traces the monuments of epic folklore associated with the Kazan Khanate. The research material is published and archival texts of historical traditions and legends, as well as heroic epic dastans. The monuments of Tatar folklore discussed in the study were recorded from the lips of compatriots living in different regions of the Russian Federation, and were also found in old Arabic manuscripts during complex scientific expeditions, or extracted from collections and manuscripts submitted for signature owners to the archives fund; Some of the materials were included in the academic publication «Tatar Folk Art») in 13 volumes, published from 1977 to 1993.

Results and novelty of the research: The study systematizes individual genres of folk verbal creativity of the Tatars during the Kazan Khanate period; through folklore materials, the specifics of the national mentality and cultural processes of the people are revealed. Historical memory and valuable national codes are revealed in epic works. The author determines that the surviving relics reveal the past of the Tatars, help to find historical truth, and take a direct part in reviving the image and identity of national character, something which sheds light on determining the future. In the process of analyzing folk art texts, it was revealed that the origins of the folklore verbal art of the Tatar people go back to ancient times; oral folk works convey the worldview of the people of their time; they reflect the religious views of the Tatars. The work is the first experience of systematic analysis and description of individual genres of Tatar folk art of the Kazan Khanate period.

Keywords: epic folklore, Kazan Khanate, historical legends, legends, heroic epic-Dastan, worldview of the people, folklore sources

For citation: Mukhametzianova L.Kh. Historical memory in works of epic Tatar folklore of the Kazan Khanate period. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 4, pp. 770–784. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.770-784>
(In Russian)

Acknowledgments: The author is grateful to I.M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates (Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences) for help in writing this study.

Исследователям порой бывает сложно определить дату создания и авторство того или иного прозаического или поэтического творения. В таких случаях обращаются прежде всего к освещаемым в них историческим событиям или к актуальной на то время лексике. Фольклорное наследие татар периода, затронутого в данном исследовании, очень богатое и многообразное: оно представляет собой не только исторические предания, легенды и эпос-дастаны, но и многие исторические песни, беиты, хушавазы, афористические жанры (пословицы, загадки, мэеки (народная хитрость)), многочисленные сказки, которые, в свою очередь, подразделяются на волшебные, бытовые, о животных, – все они также хранят в себе много интересного из истории средневековой татарской государственности. Татары испокон веков тянулись к знаниям, ценили юмор и представления, поэтому вне зависимости от места своей локации, они с колыбели находили единение, впитывали в себя то родное и важное, что открывалось им в рукописных книгах и устных сказаниях народного творчества. В то же время и семейно-обрядовая поэзия татарского фольклора также донесла до наших дней много ценной информации о быте и культуре, менталитете татар Средневековья. Скажем, такие традиционные обряды, как разные помочи (тат. өмәләр), Сабантуй, сходы (тат. жыен), свадебно-обрядовый комплекс, различные гадания, зафиксированные в поэтических произведениях старины, могут донести до наших дней отголоски времен татарских ханств. Все эти фольклорные материалы, независимо от того, к какому жанру или виду относятся, одинаково ценны как трансляторы истории и культуры народа и представляют огромный интерес для изучения с разных аспектов. Однако большой объем материала не позволяет охватить в данном исследовании все жанры и образцы татарского фольклора. В связи с этим для участия составления корпуса статьи были отобраны наиболее близкие к истории народа жанры: предания, легенды и героические эпос-дастаны, являющиеся своеобразными историческими источниками, художественно интерпретирующие реальные события. Статья имеет характер научного обзора, использованы сравнительно-исторический, текстологический и структурно-описательные методы.

В целом следует отметить довольно обстоятельную изученность жанра преданий и дастанов. Наиболее значимыми трудами по изучаемой проблеме можно назвать труды С.М. Гилязутдинова [1], Ф.И. Урманчеева [16], Д.М. Исхакова [6] и др. Также в академическом издании “История татарской литературы” на татарском языке имеется специальный раздел, посвященный фольклору периода Казанского ханства [11, с. 71–86], где тексты эпического, лирического, лиро-эпического творчества становятся материалом филологического исследования. Однако предания, легенды и дастаны вполне достойны стать объектами научных исследований не только филологов-фольклористов, но и историков, культурологов, языковедов и других исследователей татарской гуманитарной науки. Специальные теоретические разработки на заявленную тему до сих пор в полной мере не имеются. Отсутствие научных исследований по систематизации татарских преданий и эпос-дастанов

периода Казанского ханства и проблемы комплексного анализа обуславливают актуальность данной статьи, которая является своего рода попыткой актуализации фольклорного материала в историческом ракурсе.

Предание (тат. риваять, от арабского «повествование») – жанр фольклора, восходящий к реальным событиям и историческим личностям, подразделяется на исторические и топонимические разновидности. Как отмечает Ф.И. Урманчеев, «термины «риваять» и «легенда» у нас часто используют в одном и том же или близком значении» [14, с. 152]. В то же время как жанр народного творчества легенда от предания отличается уровнем отражения в них исторической информации: объясняя происхождение того или иного явления или предмета, легенда больше использует фантазию, чем реально обоснованную интерпретацию; строится на необыкновенных происшествиях.

Среди *преданий* и *легенд* на казанскую тему имеются те, которые повествуют о событиях из истории становления Старой и Новой Казани («Иске Казан каласының корылуы», («Основание Старой Казани»), «Яңа Казан каласының корылуы» («Основание Новой Казани»), «Шәһәр нигә Казан дип аталган» («Почему город был назван Казанью?»), «Минем шәһәрәм этләргә эләгер» («Мой город достанется собакам»)); о значимой роли личности в духовной и политической жизни народа («Сөембикә» («Сююмбике»), «Иске Казан каласының корылуы» («Основание Старой Казани»), «Шәрифкол» («Кулшариф»)); о трагических событиях падения Казани («Казан алынган» («Взятие Казани»), «Иван Грозный ничек итеп Казанга сугыш ачкан» («Как Иван Грозный пошел войной на Казань»)) и др. В этом ряду также можно упомянуть легенды, в которых освещена история деревень Среднего Поволжья. Они составляют основную часть фонда татарских преданий и легенд периода Казанского ханства.

Предания, повествующие о строительстве города Казани, являются самыми ранними произведениями данного исторического периода. В основе их центрального мотива лежат события становления города Казани, связанные с древним культом змеи; к таким, например, можно отнести следующие предания: «Казан тарихы» («История Казани»), «Сихерче кыз» («Девочка-чародейка»), «Яңа Казан» («Новая Казань»), «Жигүле казак» («Запряженный казак»), «Елан тавы» («Змеиная гора»). В этих и во многих других эпических произведениях народа рассказывается о жертвоприношении на месте возникновения города; данный обряд, как известно, имеет давнюю историю и своими корнями восходит к народным верованиям и мифам. Наряду с вышеупомянутыми мифическими сюжетами в преданиях находят место и события, основанные на реальных исторических фактах. К примеру, во многих вариантах предания об основании древней Казани [4, с. 44–47] рассказывается о побеге от воинского вторжения Аксака Тимура (Тимура Хромого) сыновей последнего хана государства Булгар Габдуллы, Алтынбека и Галимбека, и основании ими на реке Казанке (тат. Казансу) города. Согласно преданию, город, построенный переселенцами из Булгара, в дальнейшем получает мощное развитие и становится столицей Казанского ханства.

В легенде «Казан, который закипает без огня» [18, с. 43] становление Казани также напрямую связывается с коренным народом Булгарского государства. Дошедший до Биляра Аксак Тимур пытается осадить и захватить его, но долгое время ему это не удается. После очередного набега монгольский за-

воеватель пытается узнать секрет непоколебимости и стойкости защитников этого города, для этого он облачается в нищенское одеяние, входит в Биляр и перемешивается в толпе простого народа. Наконец, одна старушка открывает ему тайну: «Аксак Тимур завоюет наш город лишь в том случае, если подожжет лапку голубя и выпустит ее». В качестве благодарности монгольский завоеватель приказывает старушке немедленно покинуть город и поселиться в том месте, где казан закипит без огня. Захватив с собой котел, она покидает город и находит пристанище именно в том месте, где казан начинает кипеть без огня. По этому удивительному случаю город, в котором поселяется старушка, называют Казань (тат. Казан). Данная мифологическая версия происхождения названия города Казань отображается и во многих других сказаниях и легендах: «Угым кайда төшсә, каланы шунда салам» («Куда упадет моя стрела, там и построю город»), «Казан кайда корылган» («Где построена Казань?»), «Минем шәһәрәм этләргә эләгер» («Мой город достанется собакам»), «Шәһәр нигә Казан дип аталган?» («Почему город был назван Казанью?») и др. В данном ряду многочисленных эпических текстов Казань представлена наследницей поволжского государства Булгар.

Другой ряд сказаний и легенд связан с сюжетом падения Казани. На передний план таких повествований выдвигаются мотивы взятия города, описание изменений во внутренней политике ханства, отношений народа с соседним русским государством, неминуемой трагической участи для татар. При этом произведения сохраняют свойственные эпическому жанру особенности. «Казан алынган» («Взятие Казани»), «Казан тарихы» («История Казани»), «Иван Грозный ничек Казанга сугыш ачкан» («Как Иван Грозный пошел войной на Казань»), «Патша хәйләсе» («Хитрость царя»), «Зөя каласы» («Город Свяга»), «Шәрифкол» («Кулшариф») и многие др. относятся именно к этому ряду. В них по большей части упоминаются реальные события, исторические личности; наряду с этим при описании этих событий наблюдается явление фольклорной контаминации, т.к. параллельно с реалистичными сюжетами в произведениях имеется немало свойственных эпическим творениям и ничем не обоснованных фантастических мотивов.

В легенде «Как Иван Грозный пошел войной на Казань» [3, с. 59] в то время, когда главный персонаж ломал голову над тем, как бы отвоевать у татар их главный город, один из его доверенных лиц предложил ему раздуть скандал, который послужит поводом начать военные действия. Затем этот доверенный входит в Казань и просит ее правителя выделить ему место в центре города, достаточное для того, чтобы расстелить на нем звериные шкуры. После того, как разрешение было получено, он отправляется на базар и скупает у местных торговцев все шкуры, затем складывает их одну поверх другой посреди городской площади. Татары начинают выгонять его, но смутьяну все это на руку: он обращается к своему царю, Ивану Грозному, чтобы тот утихомирил народ. После этого, если верить этой легенде, Иван Грозный выдвигает свои полки и, громя все на своем пути, захватывает город. Такого рода эпические сказания представляют интерес как с точки зрения фольклорного разнообразия жанров, так и с точки зрения общественно-исторического комментирования.

Значительная часть легенд, преданий и мифов периода Казанского ханства посвящена историческим личностям. В центре повествований «Сөембикә»

(«Сююмбике»), «Шәрифкол» («Кулшариф»), «Зәя каласы» («Город Свияга»), «Казан тарихы» («История Казани»), «Казан алынганы» («Взятие Казани»), «Явызлыгы башына житкән» («Своей злобой превзошел себя») – реальные личности, сыгравшие на исторической арене татар значительную роль: Ядигер, Шахали, Сююмбике; сеид Кул Шариф; русский царь Иван Грозный и др. В особенности образу легендарной правительницы Казанского ханства Сююмбике в кладези татарских эпических произведений уделено большое место. Возможно, эти легенды по большей части не претендуют на истинность в исторической плоскости, однако они привлекают к себе внимание описанием жизни видных деятелей периода Казанского ханства. Часто в них звучат и местные территориальные топонимы: Казань, Казанка, Идель (совр. Волга), озеро Кабан и т.д.

Такого рода фольклорным произведениям, не подтвержденным историческими документами, бывают присущи анахронизмы. Например, в одном известном варианте предания «Основание Старой Казани» перечисляются имена правителей ханства: «Сначала правил Алтынбек-хан, сын Абдуллы хана, затем – Алимбек-хан, после него – Халиль-хан, затем – Ибрахим-хан, затем – Ильхам-хан, затем – Абдуллатиф-хан, затем – Сахипгирей-хан, затем – Сафагирей-хан, после – Али-хан, затем – Утеш-хан, после него – Ядигер-хан. Однако во времена правления Ядигера был 950-ый год. Затем пришел Шахали-хан, а после него [на трон] был посажен русский царь» [5, с. 344–346]. Различия приведенного списка правителей с достоверными историческими хрониками очевидны. Без труда ясность в эту проблему вносят исторический и археологический материалы [19, с. 126], однако, как бы ни было, фольклорные источники, несмотря на их приверженность общефольклорным тенденциям, отражают дух, народные настроения той далекой эпохи, освещают народную память о реальных личностях того времени.

Духовная культура Казанского ханства, впитавшая в себя нравственно-этические ценности религии ислам, в своем развитии достигла больших высот; это своего рода явление преемственности, т.к. и в период Золотой Орды и ранее, во время существования Булгарского государства, коренные народы, заселявшие Волго-Уральский регион, являлись представителями высокоразвитой цивилизации, что в первую очередь отразилось и на развитии фольклора и литературы. То мнение, что основоположниками города Казани были поволжские булгары, вполне имеет место быть, и оно подтверждается историческими преданиями периода Казанского ханства. Так, например, многочисленные варианты предания «Основание Старой Казани», или «Становление Старой Казани», рассказывают о последнем правителе Булгарии Габдулле, его супруге и сыновьях Аксаке и Галимбеке. Как говорится в этом фольклорном памятнике, после взятия Булгарии Аксак Тимур расправляется с ханом Габдуллой, малолетних его сыновей тайно вывозят сначала в город Билляр, затем переправляют за Каму, на побережье реки Казанки. В этой местности Аксак и Галимбек основывают Старую Казань. Согласно преданию, первым ханом Старой Казани становится Алтынбек и правит он городом пятьдесят лет. После него трон занимает второй сын Габдуллы – Галимбек. Сыновья булгарского хана Габдуллы правят в общей сложности сто четыре года, затем город перемещается в нынешнее местоположение современной Казани – в устье реки Казанки. Хотя данные сведения официально не документали-

зированы, если раскрыть связи Волжской Булгарии и Казанского ханства, то нельзя вовсе не принимать всерьез события, описанные в преданиях. Напротив, они достойны самого внимательного рассмотрения и изучения.

Еще одна заметная часть легенд и преданий освещает историю развития татарских деревень, их возникновения, происхождения топонимов. Важной чертой таких преданий, как «Мамадыш», «Югары Шырдан» («Верхние Ширданы»), «Аюкөйдергән» («Аюкудерган»), «Сәед» («Сеид»), «Мулла иле» («Молвино»), является то, что они раскрывают правду об истории возникновения названий той или иной местности компактного проживания татар, начиная с периода Казанского ханства. Именно эти произведения говорят о том, что истинной родиной современных казанских татар является Волжская Булгария, а их вероисповеданием была религия ислам. Легенды и предания, освещающие историю жизни татарских деревень, предоставляют возможность не только проникнуться историческим прошлым, веянием быта того времени, но и в полной мере оценить культурные ценности, мировоззрение, жизненную философию жителей страны. «Один из них – человек по имени Замет (тат. Жәмәт) – вместе с пятью сыновьями, одной сестренкой переехал из Булгара и обосновался в этих местах (...). Оставил после себя многочисленное потомство от нескольких жен. Некоторые из его детей в дальнейшем разъехались по разным местам, образовав новые поселения. Так, один из сыновей по имени Маметкул основал деревню, которая сейчас носит название Мамадыш-Акилово (тат. Мамадыш Әкил)» [8, с. 141]. Данный отрывок из предания «Мамадыш» показывает, насколько важную роль в истории татарского народа играли традиционные большие семьи. На примере таких историй можно детально отследить хронологические события основания и развития того или иного села или города на протяжении нескольких столетий.

Подытоживая вышесказанное об исторических преданиях и легендах, можно отметить, что легенды и предания о жизни татарских деревень примечательны тем, что в них в полной мере отображены традиционный уклад и быт средневековой эпохи. Помимо прочего, их отличает живость и естественность сюжетной линии, простота и красочность описания жизненных деталей.

Героические эпос-дастаны – объемные эпические произведения народа, в которых присутствует героизм и где фигурируют исторические личности и конкретные факты реальных событий, тесно переплетенные в сюжете с творческой фантазией сказителя.

Дастаны «Чура-батыр» [13, с. 108–119], «Жик Мәргән» («Джик-стрелок») [13, с. 94–98], «Гыйсә улы Амәт» («Сын Исы Амәт») [13, с. 102–105] – фундаментальные образцы эпического фольклора – в истинном смысле слова являются жемчужинами татарского народного творчества. «Чура-батыр» можно рассматривать как продолжение «Идегея», где на пьедестал, как и в знаменитом эпосе времен смуты Золотой Орды, поставлен непобедимый батыр. Ученые, занимающиеся проблематикой данного дастана, утверждают, что прототипом главного героя произведения является живший в период Казанского ханства политик и государственный деятель Чура сын Нарыка [15, с. 17–27; 2, с. 7–27; 9; 6, с. 100–125]. Действительно, в дастане существует много неопровержимых доводов в пользу этого утверждения. Эпос, построенный на данном сюжете, был широко распространен среди многих народов, входивших в состав Золотой Орды. В нем речь идет о людях, так или иначе

связанных с Казанским ханством, взаимоотношениях края с соседними ханствами, а город Казань представлен в качестве духовного центра. Среди всех тюркоязычных вариантов эпоса произведения на татарском языке выделяются своей близостью к теме города Казани.

Дастан о Чура-батыре считаем достаточно изученным, также имеются специальные научные статьи, которые полностью освещают его отношение к Казани, поэтому здесь подчеркиваем лишь следующее: в татарских дастанах начиная с середины XVI века, после покорения Казани усилившемуся за последние годы русскому государству, героика постепенно заменяется на религиозную героику. Если в более ранних эпосах главный герой в своей борьбе возлагает надежды на себя и свои силы, то теперь в аналогичных ситуациях он полагается на волю Аллаха; понятие времени в дастанах соотносится со временем совершения намазов. Так, например, когда наступает время для намаза, боевые действия приостанавливаются. Соответственно, враги в татарских вариантах дастана о Чуре-батыре представлены как неверующие-кяфиры; также в них много говорится о мечетях. Например, последняя песнь Чура-батыра во время битвы с сыном, рожденным от русской женщины, несет в себе исламскую идеологию того времени:

Шагали ханның йорты өчен,
Сарыканиның күңеле өчен
Күк чобарым арытмай,
«Күк чыбыгым» кара канга жебетмэй,
Бу гәвернең кереш күзле малаен
Иңрә-иңен ана Иделгә колатмай,
Бу гәвер менә серен чыктырмай,
Ак мәсҗедләр салдырмай,
«Аллаһ»лап азан әйттермэй,
Морадыма житкермэй
Кайтмам да! Кайтмам да! [22, с. 119]

/Я загоняю своего чубарого
Ради страны Шагали-хана,
Для радости Сарыкани.
Пока не утомится мой чубарый,
Пока мой меч «Кук чыбык»
Не станет черным от крови.
Пока глазастого сына этой неверной
Не утоплю в Волге-матери,
Пока не узнаю их тайну,
Пока не возведут белые мечети,
Пока не произнесут азан,
Пока не добьюсь этой цели
Не вернусь, не вернусь! [20, с. 153] /

Такого рода религиозные образы, мотивы и элементы значительно сближают дастан о Чура-батыре с исламом. Главная идеология Казанского ханства получает дальнейшее развитие в рамках исламского вероучения.

Другой героический дастан «Жик Мәргән» («Джик-стрелок») впервые издается под рубрикой «Народное сказание» в журнале «Аң» за 1916 год [23,

с. 232–234]. В этом дастане речь идет о борьбе местного батыра против ханских правителей. В нем героические мотивы переплетены с трагическими событиями.

Повествование начинается с рассказа о госпоже Тугзак (Тугзак-эби, Тугзак-ана), жене предводителя. В один из дней она вместе с девятью сыновьями отправляется провести лето к побережью реки Белая. В рассказе упоминается эпизод состязаний местных батыров у рек Яика и Камы. Однажды би (би, бий, бей, бек – тюркский дворянский титул, соответствует титулам князь, властелин, господин) Тугзак-ана уходит на охоту с другими батырами на дальнейшее расстояние и оттуда не возвращается. После этого госпожа Тугзак со своими детьми решает обосноваться в долине под названием Курыч. Когда сыновья подрастают, она их женит, и те, как и их славный отец, становятся охотниками. Побережье Камы трясется от конского топота лошадей этих юношей.

Однажды, вернувшись с очередной охоты, испив хмельной мед, юноши засыпают крепким сном. В это время на них нападает войско злобных, завистных недругов и подчистую истребляет род Тугзак-ана. Только девятая невестка, предчувствуя скорое нападение врага, вместе со своим дитя убегает прочь от этого места, однако вскоре умирает от выпавшего на ее долю непосильного горя. В живых остается только ее ребенок, который вырастает под присмотром матушки-природы и становится невероятно сильным богатырем. Бродя по окрестностям, он приходит в место, где некогда жили его родичи. Только теперь на месте юрт там оказались одни развалины. Он вытягивается на земле рядом с обглоданными белыми костями отца и матери и засыпает. Во сне он видит старца верхом на прекрасном вороном коне, на плече у него лук со стрелами. Остановившись перед осиротевшим юношей, он рассказывает ему о его роде и племени, затем велит разыскать предназначенное для него оружие. «Пусть имя тебе будет Яик (тат. Жик), пусть лук твой будет крепок!» После этого Яик, вооружившись и оседлав на лугу коня, направился в западную сторону. По дороге он собрал войско из башкир, призывая их не платить больше в ханскую казну Казани, затем пошел войной на казанского хана.

Яик был очень искусным и метким стрелком, этим искусством он прославился на всю округу. В дастане говорится о том, что в Зауралье казахские богатыри, знаменитые беки и казанские атаманы боялись оказаться на пути Яика и погибнуть от его метких стрел. Однажды хан Казани объявляет войну против Яика и его войска. В итоге этой войны он уничтожает воинов Яика, а его самого берет в плен и приказывает привезти в Казань. Его заключают в темницу каменного дворца. В один из дней хану, одним из занятий которого была охота, докладывают, что лебедя, плавающего на озере, никто еще до сих пор не смог подбить, и на это способен только Яик. После этого хан приказывает привести к нему заключенного. Яик просит приближенных хана вспугнуть того лебедя, и после того, как белая птица взлетает, он подбивает ее одним метким выстрелом. За это хан освобождает Яика. Тот немедленно возвращается в земли своих предков – на побережье Белой реки. В дастане рассказывается о многих героизмах славного Яика, и заканчивается повествование его смертью.

С точки зрения освещения эпических явлений в рамках эпоса и исторических преданий и легенд произведение близко к народному эпосу, однако в

его сюжет вошли и элементы, которые не помещаются в рамки героического дастана. Например, в произведении главный персонаж добровольно сдается врагу в плен, затем, оказав хану услугу, удостоивается «жирного куска» – обретает свободу. Эпическому герою не свойственно преклоняться перед своим врагом, служить ему; у тюркских народов герой дастанов – непреклонный победитель, даже в момент своей смерти он не перестает сражаться. Поэтому эти эпизоды в «Яик стрелке» чужды для эпоса. В плане языка повествования, хода рассказа также чувствуется некоторое несоответствие эпическим канонам; в этом смысле «Яик стрелок» отличается от других эпос-дастанов. В то же время в произведении представлены вполне реальные картины, исторические события и факты: описание конной охоты, внутриплеменных взаимоотношений, особенностей служения хану, границ обширных территорий Казанского ханства, включавшего в то время земли восточной части современного Башкортостана и т.д.

Основная причина возникновения противоречий в дастане «Яик стрелок», выходящих за пределы законов героического эпоса, связана со стремлением обработавшего и опубликовавшего дастан Файзи Валиева (1892 – 1942) представить его в виде оригинальной прозы. Дастан «Яик стрелок», представленный как народный дастан, вправе рассматриваться как произведение, в свое время подвергшееся влиянию бытовой авантюристской прозы. Автор-обработчик дастана при создании сюжетных линий опирался на татарские народные эпические традиции, а также на исторические предания и легенды, сказки (например, предания «Бачман-хан», «Хан кызы Алтынчэч» («Ханская дочь Алтынчеч»), сказка «Алтынчэч» («Алтынчеч»), легенда «Ян-мый торган кыз» («Несгораемая девочка»)). По своей композиции и построению произведение близко к сказкам о стрелках, в частности к популярному у сибирских татар дастану «Сәңгелгөлек мәргән» («Сангелмулюк»), записанному Х. Ярми в деревне Байби Тевризского района Омской области у Габдулхата Аллагулова (род. 1870) [12].

Историческая память народа о событиях, связанных с Казанским ханством, также прослеживается в дастане «Гыйсә улы Амәт» («Сын Исы Амәт»). Это произведение – один из шести дастанов, включенных в «Дафтаре Чингизнаме» [17, с. 97–133] (точное название сборника не сохранилось, поэтому есть разночтения: «Сборник дастанов», «Сборник», «Книга о дастанах», «Татарская хроника» и др.). Все включенные в сборник произведения: «Дастан о роде Чингизхана», «Дастан о роде Аксака Тимура», «Дастан о сыне Исы Амәте», «Дастан об Идеги-бие» – объединяет то, что они посвящены известным историческим личностям из рода чингизидов. В исследовании известного татарского тюрколога, историка М. Усманова [17], об этом подробно изложено.

С художественной точки зрения «Сын Исы Амәт» примечателен тем, что он был одним из излюбленных народных дастанов. Данное произведение сохранилось как в составе «Чингиз-наме», так и в отдельных, найденных в разное время рукописях; его текст многократно переиздавался вплоть до нашего времени. Также включенность «Сына Исы Амәта» в вышеуказанный сборник стало для дастана счастливым уделом, т.к. «Чингиз-наме» привлекал и продолжает привлекать внимание многих ученых-фольклористов.

Подобно любому героическому дастану, «Сын Исы Амет» также основывается на реальных событиях. Главные персонажи дастана: золотоордынский хан Джанибек, его супруга Тайдулы, сын Бирдибек, ханская дочь и Амет – являются реальными личностями, топонимы совпадают с названиями местностей преемника Золотой Орды Казанского ханства, характер взаимоотношений главных героев произведения подтверждается документальными источниками. Однако несмотря на то, насколько интересными и захватывающими были исторические факты, события тех далеких лет в дастане описаны с помощью художественных методов, свойственных жанрам фольклора. В книжном дастане «Сын Исы Амет», повествующем о сложной перипетийной судьбе татарского народа, проза перемежается с рифмованной прозой; наряду со сценами военных баталий имеются и приключенческие, любовные истории, эпизоды песенных диалогов, сопровождаемых игрой на национальных музыкальных инструментах: варгане, домбре. В деятельности Салчи, родившегося в результате любви главного героя Амета и дочери хана Джанибека, мы можем видеть различные проявления политики Казанского ханства. Нижеследующий пример поэтического монолога, свойственного традиционному тюркскому эпосу, представляет из себя ценность в исследовательском плане:

Ак Сарайда балчымын,
Ана Иделдә салчымын,
Әчтерханда тучымын,
Кыр-далада уенчымын,
Анам сорсаң – нияхсыз,
Атам сорсаң – белексез.
Төбем сорап нидәсез,
Үзем артык туган соң [21, с. 105]

/В Ак-Сарае я виночерпий, У матушки-Волги – сплавщик плотов, В Астрахани – знаменосец, В степях – музыкант, Спросите про мать – без нияха, Спросите отца – неизвестен, Спросите про мою родословную – Зачем рожден я на этот свет?/ (Подсточный перевод автора).

Казанское ханство – наследница Золотой Орды на территории Поволжья. Дастан был создан уже после распада Золотой Орды, в тот период, когда Казанское ханство переживало свой расцвет, и в последующие годы был широко распространен в различных вариантах.

Выше уже было подмечено, что ислам в жизни ханства сыграл значительную роль: он проник в быт не только представителей верхушки власти имущих, но и стал важнейшим компонентом в быту, повседневных делах, менталитете, жизненном укладе, творческом потенциале простого народа. Соответственно, все фольклорные произведения периода Казанского ханства: дастаны, легенды, предания, беиты, мунаджаты, лиро-эпические хушавазы, исторические песни, афоризмы – пронизаны исламским вероучением. Ислам в статусе государственной религии укоренился не только в самой Казани, но и далеко за ее пределами, охватив обширную территорию, далеко не сопоставимую с современными границами Татарстана, и этот факт ярко освещен в словесном народном творчестве.

В состав Казанского ханства входили территории, где и поныне проживает большое количество этнических татар: Ульяновск, Пенза, Тамбовская область,

Чувашия, Марийская республика, Удмуртия, Мордовия. Часть территории Нижнего Новгорода, Саратова, Самары, Пермской области, западная часть современной Республики Башкортостан также входили в состав Казанского ханства. Как известно, задолго до включения этих и многих других областей в границы Казанского ханства они были в составе прежних татарских государственных образований. Единство территории, языка, вероисповедания способствовало распространению фольклорных памятников на многие регионы. Это подтверждается многочисленными находками ученых-исследователей различных татароязычных вариантов фольклорных образцов на один и тот же сюжет в разных регионах компактного проживания татар по всей Российской Федерации. Так, например, в популярных среди проживающих в Астраханской области татар лиро-эпических песнях-хушавазях [10, с. 150–160] многие сюжеты и образы встречаются и в отрывках преданий, легенд, дастанов, мунаджатов, бытующих в татарских населенных пунктах различных других регионов страны. Об этом подробно пишет Н.Ф. Катанов в своем известном исследовании «Исторические песни Казанских татар» [7, с. 5–7]. Широкое распространение того или иного эпического произведения периода Казанского ханства по регионам России в различных вариантах отличается от типичной схожести в фольклоре.

Помимо вышеупомянутого и проанализированного объемного эпического наследия народы, проживающие в Казанском ханстве, непременно были знакомы с такими широко известными вариантами любовных дастанов, как «Книга о Йусуфе», «Сайфульмулюк», «Тахир и Зухра», «Лейля и Маджнун», «Туляк» и др. Широкая распространенность рукописей среди татар на данные сюжеты, которая наблюдается испокон веков, подтверждает большую вероятность такого заключения.

Памятники устного народного творчества, относящиеся к жанрам преданий, легенд и дастанов, формировались и совершенствовались, передавались из поколения в поколение. В этом процессе отражались судьба татарского народа, великие исторические события, среда обитания, историческое развитие, духовное состояние.

Итак, в период Казанского ханства получили развитие различные жанры народного творчества, появились объемные и содержательные произведения татарского фольклора. Сложная и противоречивая история этого времени, события, потрясшие душу народа, нашли отражение в преданиях и легендах, дастанах. Фольклорные произведения бытовали как в устной, так и в письменной форме. Основной идеей произведений того периода является благополучие государства, борьба за свой род, племя, защита интересов кровных братьев. Идеиная направленность в творчестве народа отображает его традиционно-консервативные устои. Сохранившиеся до наших дней предметы материальной культуры, исторические документы, архивные записи об эпохе Казанского ханства ярко запечатлели следы бытового уклада, религиозных культов народов, населявших территорию ханства. Именно в таких жанрах народного творчества, как предания и легенды, эпос-дастаны, мотивы расцвета исламской религии, провозглашения нравственно-этических и эстетических воззрений находят еще более яркое звучание. Вследствие этого значимость этих текстов с историко-культурной точки зрения, несомненно, весьма существенна.

Татарский эпический фольклор периода Казанского ханства в совокупности составляет гармоничное целое, отшлифованное веками, доносящее до наших дней ценные факты о прошлом. Рассмотренные нами образцы татарского эпического фольклора – унаследованные от предков базовые духовные ценности татар. Они являются своего рода ценными источниками для понимания исторической действительности. Исторические предания и легенды, а также героические эпос-дастаны, относящиеся к периоду Казанского ханства, ценны тем, что в них так или иначе фиксируются особенности народной жизни, национальной мысли и менталитета в целом. Образцы словесного фольклора татар являются «живыми свидетелями» судьбоносных событий прошлого; они выявляют глубокие тюркские корни татарского народа, участвуют в обозначении ареала его расселения, отображают многовековые проблемы и потрясения, радости и горести, надежды и чаяния, философию познания жизни, особенности семейно-бытового уклада народа. В этом смысле эти жанры фольклора играют важную роль в современном мире, в совокупности создают общую эпическую картину мира татар XV–XVI вв., хранят народную память о важных ступенях нации в определенный период, способствуют формированию национального самосознания у молодого поколения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гилязутдинов С.М. Татарские исторические предания и легенды и их художественные особенности: автореф. дис. ... канд. филол. наук / ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Казань, 2000. 32 с.
2. Ибраһимова Л.Х. Төрки халыклар ижатында «Чура батыр» дастаны. Казан: Фикер, 2002. 190 с.
3. Иван Грозный ничек Казанга сугыш ачкан // Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар. Томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләргә язучы Гыйләжетдинов С.М. Казан: Татар. кит. нәшр, 1987. Б. 59.
4. Иске Казан каласының корылуы // Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар. Томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләргә язучы Гыйләжетдинов С.М. Казан: Татар. кит. нәшр, 1987. Б. 44–47.
5. Иске Казанның салынуы // Борынгы татар әдәбияты. Төз.: Х. Мөхәммәтов, Х. Хисмәтуллин, Ш. Абилов һ.б. Казан: Татар. кит. нәшр., 1963. Б. 344–346.
6. Исаков Д.М. Халкыбызның эпик әсәрләрендә милли тарих. («Түләк һәм Сусылу», «Ак Күбәк», «Идегәй», «Чура батыр» дастаннары һәм тарихи риваятьләргә анализ): монография. Казан: ООО «Груммант», 2022. 160 с.
7. Катанов Н.Ф. Исторические песни казанских татар : текст, транскр. и пер. Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1899. 36 с.
8. Мамадыш // Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар. Томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәртмәләргә язучы Гыйләжетдинов С.М. Казан: Татар. кит. нәшр, 1987. Б. 140–142.
9. Мухаметзянова Л.Х. Чура Нарыков – политический деятель Казанского ханства // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 1. С. 212–228. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.212-228>
10. Мөхәммәтжанова Л.Х. Әстерханда татар фольклоры: тарихи-мәдәни экскурс // Гасырлар авазы. Эхо веков. 2021. № 2. С. 150–160.
11. Мөхәммәтжанова Л.Х. Казан ханлыгы чоры халык ижаты // Татар әдәбияты тарихы: сигез томда. Т. 2. Төз. Г.М. Дәүләтшин. Яңарт. 2нче басма. Казан: Татар. кит. нәшр., 2022. Б. 71–86.

12. Сәңгелгөлек мәргән // Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ. Фольклорный фонд, 1940. Колл. 4. Папка 1, ед. хр. 9.
13. Татар халык ижаты. Дастаннар. Томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәрмәләрне язучы Әхмәтова Ф.В. Казан: Татар. кит. нәшр, 1984. 384 б.
14. Урманче Ф. Татар халык ижаты. Казан: Мәгариф, 2002. 335 б.
15. Урманчиев Ф.И. Чура батыр // Мирас. 1995. № 7–8. Б. 17–27.
16. Урманчиев Ф.И. Татарский народный эпос. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2023. 384 с.
17. Усманов М.А. Татарские исторические источники. Казань: Изд-во ун-та, 1972. 223 с.
18. Утсыз кайный торган казан // Татар халык ижаты. Риваятьләр һәм легендалар. Томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәрмәләрне язучы Гыйләжетдинов С.М. Казан: Татар. кит. нәшр, 1987. Б. 43.
19. Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984. 216 с.
20. Хикаят о Чуре батыре // Татарское народное творчество: в 15 т. Т.8. Дастаны. Составитель тома, автор вступительной статьи Ф.В. Ахметова. Перевод: А.Х. Садековой, отв. ред. Д.Э. Нигматуллина. Казань: Татар. кн. изд-во, 2019. С. 141–154.
21. Хикәятә Гыйсә улы Амәт // Татар халык ижаты. Дастаннар. Томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәрмәләрне язучы Әхмәтова Ф.В. Казан: Татар. кит. нәшр, 1984. Б. 102–105.
22. Чура батыр хикәятә // Татар халык ижаты. Дастаннар. Томны төзүче, кереш мәкалә һәм искәр. язучы Әхмәтова Ф.В. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. Б. 108–119.
23. Жик мәргән. Халык хикәятә. Фәйзи эшкәрткән // Аң. 1916. №4. 232–234 б.

REFERENCES

1. Giliyazutdinov S.M. Tatar Historical Legends and Tales and Their Artistic Features: Author's Abstract of the Dissertation for the Degree of Candidate of Philological Sciences. IALI im. G. Ibragimova AN RT. Kazan, 2000. 32 p. (In Russian)
2. Ibragimova L.Kh. Dastan “Chura-Batyr” in the Creativity of the Turkic Peoples. Kazan: Fiker, 2002. 190 p. (In Tatar)
3. How Ivan the Terrible started the war against Kazan. In: Tatar folk Art. Traditions and Legends. Kazan: Tatar book Publ., 1987, 59 p. (In Tatar)
4. Foundation of the city of Old Kazan. In: Tatar folk Art. Traditions and Legends. Kazan: Tatar book Publ., 1987, pp. 44–47. (In Tatar)
5. Foundation of Old Kazan. In: Ancient Tatar literature. Kazan: Tatar book Publ., 1963, pp. 344–346. (In Tatar)
6. Iskhakov D.M. National history in the epic works of our people (Analysis of the dastans “Tulek and Susylu”, “Ak Kubek”, “Idegey”, “Chura-batyr” and historical legends): Monograph. Kazan: Grumant, 2022. 160 p. (In Tatar)
7. Katanov N.F. Historical Songs of Kazan Tatars: text, transcription and translation. Kazan: Tipo-lit. Imp. un-ta, 1899. 36 p. (In Russian)
8. Mamadysh. Tatar folk Art. Traditions and Legends. Kazan: Tatars book Publ., 1987, pp. 140–142. (In Tatar)
9. Mukhametzianova L.Kh. Chura Narykov is a Politician of the Kazan Khanate. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review.* 2022, vol. 10, no. 1, pp. 212–228. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-1.212-228> (In Russian)
10. Mukhametziyanova L.Kh. Tatar folklore in Astrakhan region: historical and cultural insight. *Gasyrlar avazy – Eho vekov*, 2021, no. 2, pp. 150–160. (In Tatar)
11. Mukhametziyanova L.Kh. Folk art of the period of the Kazan Khanate. History of Tatar literature. In 8 vol. Vol. 2. Expanded 2nd edition. Kazan: Tatar book Publ., 2022, pp. 71–86. (In Tatar)

12. A sharpshooter named Sangelgelik. IALI im. G. Ibragimova AN RT, 1940. Collection 4. Folder 1, storage unit 9. (In Tatar)
13. Tatar folk Art. Dastans. Kazan: Tatar book Publ., 1984, 384 p. (In Tatar)
14. Urmanche F. Tatar folk Art. Kazan: Magarif, 2002, 335 p. (In Tatar)
15. Urmancheev F.I. Chura-batyr. *Miras*. 1995, nos. 7–8, pp. 17–27. (In Tatar)
16. Urmancheev F.I. Tatar folk epic. Kazan: IALI im. G. Ibragimova AN RT, 2023. 384 p. (In Russian)
17. Usmanov M.A. Tatar Historical Sources of the seventeenth and eighteenth centuries. Kazan: Izd-vo un-ta, 1972. 233 p. (In Russian)
18. A cauldron that boils without fire. Tatar folk Art. Traditions and Legends. Kazan: Tatar book Publ., 1987, 43 p. (In Tatar)
19. Fakhretdinov R.G. Essays on the history of Volga Bulgaria. Moscow: Nauka, 1984. 216 p. (In Russian)
20. Hikayat about Chura-batyr. Tatar folk Art: in 15 volumes. Vol. 8. Dastans. Kazan: Tatar book Publ., 2019, pp. 141–154. (In Russian)
21. Son of Isa Amet. Tatar folk Art. Dastans. Kazan: Tatar book Publ., 1984, pp. 102–105. (In Tatar)
22. Hikayat about Chura-batyr. Tatar folk Art. Dastans. Kazan: Tatar book Publ., 1984, pp. 108–119. (In Tatar)
23. Jick the shooter. Folk story. Edited by Faizi. *Ang*. 1916, no. 4, pp. 232–234. (In Tatar)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лилия Хатиповна Мухаметзянова – доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела народного творчества, Институт языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АН РТ (420111, ул. К.Маркса, 12, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-0071-7058. E-mail: lilmuhat@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liliya Kh. Mukhametzyanova – Dr. Sci. (Philology), Chief Research Fellow of the Department of Folk Art, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (12, K. Marks Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-0071-7058. E-mail: lilmuhat@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 29.09.2025

Поступила после рецензирования / Revised 01.12.2025

Принята к публикации / Accepted 01.12.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.785-805>
EDN: FTFEPP

УДК 94(47)

ЕЩЕ РАЗ О КАЗАНСКОМ ГЕРБЕ: СЕМИОТИКА ДРАКОНА В РУССКИХ ЗЕМЛЯХ XV–XVII ВВ.

А.В. Беляков

*Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация
belafeb@yandex.ru*

Резюме. Цель исследования: проанализировать вещественные памятники с изображением драконов, ранее не рассматривавшиеся в контексте происхождения герба г. Казани и становления государственной символики Русского царства.

Материалы исследования: русские монеты, частные печати, печные изразцы, военные знамена, барельефы XV–XVII вв. с изображением драконов, литературные памятники («Повесть о Вавилоне граде», «Сказка о Борме Ярыжке»).

Результаты и научная новизна: привлечение новых вещественных памятников XV–XVII вв. с изображением драконов позволили в значительной мере переосмыслить семиотику изображений драконов в русской культуре рассматриваемого периода и высказать новую версию о причинах выбора и значении именно этого сюжета для казанского герба.

Показано, что помимо ранее приписываемого драконам символа зла эти изображения обозначали государя/царя. Данные представления прочно утвердились не только в придворных кругах, но и среди более широких слоев населения государства. Об этом, в частности, свидетельствуют многочисленные перстни-печати с изображением драконов. Эти фантастические животные наряду с пешими и конными воинами, лютым зверем, единорогом, птицами и двуглавым орлом в XV–XVII вв. рассматривались как протогеральдические символы русского монарха. Их проникновение из придворной среды в широкие народные массы было вызвано потребностью части подданных православного государя в отождествлении себя как его служебников. Однако после того, как дракон стал символом Казани/Казанского царства, он начинает терять общегосударственное значение.

Ключевые слова: герб Казани, Русское государство XV–XVII вв., сфрагистика, геральдика, нумизматика

Для цитирования: Беляков А.В. Еще раз о казанском гербе: семиотика дракона в русских землях XV–XVII вв. // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 4. С. 785–805. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.785-805> EDN: FTFEPP

© Беляков А.В., 2025



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

ONCE AGAIN ON THE KAZAN COAT OF ARMS: THE SEMIOTICS OF THE DRAGON IN THE RUSSIAN LANDS OF THE 15th–17th CENTURIES

A.V. Belyakov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

belafeb@yandex.ru

Abstract. Purpose of the study: To analyze the physical monuments depicting dragons that had not previously been considered in the context of the origin of the coat of arms of Kazan and the formation of the state symbols of the Russian Empire.

Research materials: These include Russian coins, private seals, stove tiles, military banners, and 15th–17th century bas-reliefs depicting dragons.

Results and scientific novelty: The attraction of new physical monuments of the 15th–17th centuries depicting dragons allowed us to significantly rethink the semiotics of dragon images in the Russian culture of the period under review and to express a new version of the reasons for the choice and significance of this particular plot for the Kazan coat of arms. It is here demonstrated that in addition to the evil symbol previously attributed to dragons, these images denoted the sovereign/tsar. These ideas were firmly established not only in court circles, but also among the wider population of the state. This, in particular, is evidenced by the numerous seal rings with the image of dragons. These fantastic animals, along with foot and horse warriors, fierce beasts, unicorns, birds and double-headed eagles, were considered proto-heraldic symbols of the Russian monarch in the 15th–17th centuries. Their penetration from the court environment into the broad masses of the people was caused by the need of some of the subjects of the Orthodox sovereign to identify themselves as his servants. However, after the dragon became the symbol of Kazan/Of the Kazan Kingdom, it was beginning to lose its national significance.

Keywords: coat of arms of Kazan, Russian state of 15th–17th centuries, sphragistics, heraldry, numismatics

For citation: Belyakov A.V. Once Again on the Kazan Coat of Arms: the Semiotics of the Dragon in the Russian Lands of the 15th–17th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie* = *Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 4, pp. 785–805. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.785-805> (In Russian)

О казанском гербе писали много. Список литературы на эту тему превышает по своему объему исследования по геральдическим символам иных городов. Определенный итог в изучении этого вопроса был подведен Н.А. Соболевой [41]. Однако в дальнейшем исследовании данной проблематики наметился определенный кризис, вызванный недостатком привлекаемых источников. Целью представленной работы является расширение комплекса исторических свидетельств (монеты, частновладельческие печати, барельефы Московского кремля, печные изразцы, знамена, литературные произведения), позволяющее под иным углом взглянуть на, казалось бы, хорошо известную проблему. Нами будут рассмотрены памятники XV–XVII вв., что даст возможность проследить, как воспринимался дракон на русской почве и какое место в выстроенном ряду занимает казанский герб.

Отметим, что в эту эпоху в России хорошо разбирались в стилистических особенностях изображений драконов, они часто встречались на монетах

удельного периода [5; 6; 12; 13]. На платежных средствах драконы известны в виде одиночных самостоятельных фигур, так и в паре с вооруженным человеком – драконоборцем – который изображался пешим (рис. 1) или конным (рис. 2). или конным. Всадник копьем поражающий дракона (монеты великого князя Василия Дмитриевича и удельных князей Андрея Дмитриевича и Ивана Андреевича можайских) [5] традиционно вызывает ассоциацию со Св. Георгием, хотя над головой воина отсутствует нимб. На втором варианте, представлен пеший человек с мечем в руке, именно таким он изображен на пулах, чеканенных от имени великого князя Ивана Ивановича Молодого [6, с. 104–105, № 70.1–70.4]. В композициях, где присутствует человек, дракон явно выступает как образ зла. Подобный взгляд прочно утвердился среди исследователей еще с середины XIX в. [12, с. 81–83]. Интерпретировать одиночные изображения фантастического существа значительно сложнее, здесь требуется привлечение дополнительных источников.

Так на некоторых монетах Ивана Андреевича можайского помещалось изображение дракона не отягощенное дополнительными символами. На другой стороне этого памятника расположили изображение, на котором просматривается пеший человек, вооруженный двумя мечами, перерезающий шею некоему чудовищу [12, с. 28, рис. 15] (рис. 3). Количество подобных примеров при желании можно увеличить. Символы, выбираемые для помещения на денежных знаках, были более чем не случайны и маркировали платежные средства знаками власти конкретного человека или носителя конкретного титула (великий князь московский, владимирский и др.). А.Б. Лакиер отмечал явную связь изображений на монетах того времени с оттисками на княжеских печатях, многие из которых являлись античными геммами или их копиями [19, с. 60, 86–97]. Таким образом, можно говорить о том, что как минимум с XV в. в Московском княжестве уже существовала устойчивая традиция, в которой дракон играл роль геральдического (протогеральдического) символа.

Следующее изображение дракона фиксируется на барельефе с Боровицкой башни Московского Кремля (рис. 10). На значительной высоте в кирпичной кладке находятся три белокаменные вставки в виде вертикально вытянутых шестигранников (гербовой щит «голова лошади», занимавший доминирующее положение в итальянской геральдике конца XV в.). На одной из них изображен всадник, скачущий справа налево от зрителя. Правая рука поднята вверх как для замаха и держит саблю (?). По-видимому, это изображение было более чем не случайным. Среди перстней царя Алексея Михайловича отмечен и такой: «Перстень с разными финифты, в нем изумруд четверуголен, на нем вырезано: персона человеческая на лошади с саблею, под лошадью змий» [19, с. 84, 96]. Кроме того всадник с саблей изображен на печати великого князя тверского Бориса Александровича [42, с. 176]. После присоединения Твери к Москве этот титул в конце XV–XVI в. носил наследник московского престола князь Иван Иванович Молодой. Тем самым всадник с саблей вполне мог на момент создания этого барельефа символизировать Ивана Ивановича Молодого. Хотя обращение к более ранним изображениям на печатях и монетах позволяет предположить, что перед нами один из знаков, принадлежащих великому князю владимирскому.



Рис. 1. Пеший змееборец на монетах великого князя Ивана Ивановича Молодого [13, с. 105].

Fig. 1. A dragon-slayer shown on foot on the coins of Grand Prince Ivan Ivanovich the Young [13, p. 105].



Рис. 2. Конный змееборец на монетах удельного князя Ивана Андреевича можайского [12, с. 28, рис. 11].

Fig. 2. A mounted dragon-slayer on the coins of the appanage prince Ivan Andreevich of Mozhaisk [12, p. 28, fig. 11].



Рис. 3. Дракон на монетах Ивана Андреевича можайского (середина 30-х – конец 40-х гг. XV в. [12, с. 28, рис. 15].

Fig. 3. A dragon on the coins of Ivan Andreevich of Mozhaisk (mid-1430s to late 1440s) [12, p. 28, fig. 15].

На втором барельефе помещены две фигуры, обращенные друг к другу: слева смотрящий вправо лев в геральдической позе, стоящий на задних лапах и держащий в правой лапе меч, касающийся плеча; справа, смотрящее влево фантастическое существо (виверна – разновидность дракона) со змеевидным вытянутым телом, свернутым посередине в одно кольцо, с перепончатыми крыльями и двумя лапами, парой стоячих острых ушей и приоткрытой пастью, из которой виднеется язычок в виде стрелки; над каждым животным парят по венцу.

На третьем шестиграннике находится фигура двуглавого орла явно имперского типа под одной трехзубцовой короной с широким ободом. Ограниченное поле гербового щита заставило резчика значительно изменить положение крыльев орла, вместо распростертых их сделали несколько поднятыми и компактно размещенными по бокам от тела. Ближайший известный нам подобный тип хищной птицы зафиксирован на прикладной светловосковой печати князя Василия Ивановича (будущего Василия III) на указной грамоте 1496 г. [38, № 14749/1]. Исследователи, проводившие визуальное изучение и

замеры этих памятников пришли к выводу, что вставки были сделаны итальянскими мастерами, соорудившими эту пристройку в 1490 г. [28; 30; 31]. Подчеркнем, что на самом деле к началу строительства белокаменные детали убранства башни уже могли быть готовы.

Все три изображения явно объединены единым программным смыслом, однако для нас в первую очередь важны изображения льва и виверны (разновидность дракона). Заманчиво увидеть здесь аллюзию на сюжет перстневых печатей Василия II и Ивана III «Лев пожирающий змею» [40, с. 153–155] (рис. 4). Однако на перстнях помещена змея (гадина), и она явно выступает в роли жертвы, на барельефе дракон является одной из двух равнозначных ронованных фигур.

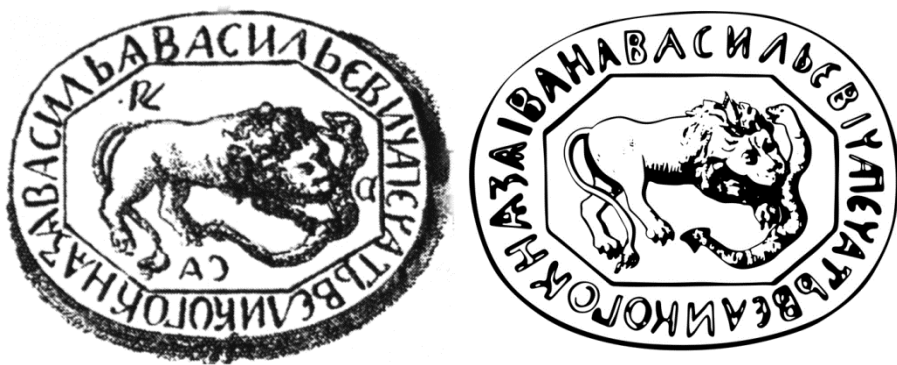


Рис. 4. Печати Василия II Васильевича и Ивана III Васильевича с сюжетом «Лев, пожирающий змею» [42, с. 208, 238].

Fig. 4. The seals of Vasilii II Vasil'evich and Ivan III Vasil'evich featuring the motif “A lion devouring a serpent” [42, pp. 208, 238].

Г.И. Королев обратил внимание на главу 67 «Казанской истории» – Похвала царю Шигалею и князю Симеону. Здесь содержится следующая фраза о князе Семене Ивановиче Микулинском: «... аки огненна всего яздыша на коне своем, и мечь, и конь его аки пламень метающиеся на страны, и сецаючи противных, и твореще улицы, и коня его мети аки змия крылата летаючи выше знамен» [35, стб. 136–137]. По справедливому замечанию исследователя, здесь крылатый змей выступает, как аллегория большой и опасной для врагов силы [18]. По-видимому, и на кремлевском барельефе этому фантастическому животному приписывались подобные качества.

Данный символ имел к этому времени уже древнюю историю на Руси. А.В. Чернецов, исследуя эмблематику Владимиро-Суздальского княжества, где также широко использовались такие символы как лев и дракон, обратил внимание на то, что образы хищников и чудовищ могли связываться с идеей власти и воинской доблести и использовались в качестве государственных и владельческих символов. Так в «Повести о Вавилоне граде» («Повесть о Вавилонском царстве») он обратил внимание на следующие места: «И повеле Навходоносор царь во всем Вавилоне граде знамя учинити на платье, и на оружии, и на конях, и на уздах, и на седлах, (при повторном перечислении подобных объектов добавлено «и [на] всякой воинской збруе») и на хоромаш,

и на всяком бревне, и на дверех, и на окошках, и на судах (сосудах), и на ставцах, и на блюдах, и на лошках, и на всяких судах, и на всяком скоту знамя свое все змии». Все там же отмечается, что Навуходносор также повелел, кроме того, «урядити и по полком знамена львовы» [49, 50]. Здесь описываются все случаи помещения властных атрибутов правителя на предметах. Отметим, параллели описываемой практики можно найти как в русских землях, так и в Орде. Драконы довольно часто встречаются на статусных ордынских поясах. Однако если цитату данного памятника несколько расширить, то мы получим более детальную информацию о символике змея: «Навходносор царь нача говорити: "князи, и боляре, и велможи и вси вавилонстии витязи, сотворите мне новыи град Вавилон о седми стенах, на семи верстах, а въезд и выезд едины врата, а около града сотворите змии велик. Во главу бы змиеву въезд во град". Они же вси, князи, и боляре, и велможи, и вси вавилонстии витязи, и вси вавилоняне, царя не ослушались, сотвориша новыи град Вавилон велми чюден. Полюбися новыи град Вавилон Навходносору царю. И вниде Навходносор царь в новыи царский дом, и вси князи, и боляре, и велможи и новыя дома свои. И повеле Навходносор царь во всем Вавилоне граде знамя учинити на платье, и на оружие, и на конях, и на уздах, и на седлах, и на хороммах, на всяком бревне, и на дверях, и на окошках, и на судах, на ставцах, и на блюдах, и на лошках, и на всяких судах, и на всяком скоту знамя все змии. Полюбися царю то знамя и повеле себе зделати меч самосек аспид змеи. И взя за себя царицу от великого роду царьского, и прижил с нею сына царевича имянем Василия. В некоторыи день великии Навходносор царь повеле во вратех градных, во главе змиеве по обе стороне решотки медные поделати и за те решотки повеле уголия навозити. И как во время посольскаго приходу, егда послы приидут от великих царей или от великих кралеи, и тогда Навходносор царь вавилонский повелит грозным своим воеводам за градом и на поле, на двадцати верстах до града полки великия урядити и по полкам знамена львовы, и во всех полцех набаты, и накры, и многоголосныя трубы. Егда же послы пойдут вскрозь великие полки, тогда во всех полках ударити повелят воеводы во все набаты и накры и во многогласные трубы, и тогда послы веселобуяше идучи. А как близ врат градных приидут, и тогда триста кузнецов начнуть в мехи дути, разжогши уголье. И тогда дым и искры. А как внидут послы во врата во главу змиеву, и тогда огонь и поломя опоят послов. И тогда послы ужаста великия наполнятся и, пришед к великому царю Навходносору, поклонятся и трепеташе сердцами своими и едва посольство справя...» [27, с. 394–396]. Исследователи обращали внимание на сложность этого памятника, многие сюжеты в котором интернациональны [11; 51]. В него явно вплетены воспоминания о визите русских послов в Константинополь, но также есть и более чем явные отсылки на монгольскую практику (провод послов меж двух костров). Поэтому Вавилон это одновременно и Царьград, унаследовавший его славу, а также и Каракорум, а змеи выступают как образы добра, так и зла. В таком случае змей/дракон на Боровицкой башне, может служить как знак верховной власти, так и охранительным символом (змий опоясавший Вавилон). В целом же Вавилон выступает в образе некоего идеального города. Москва явно отождествляется или, как минимум, сравнивается с Константинополем/Вавилоном, но здесь можно найти и определенные параллели с Каракорумом и, по-видимому, столицами

Золотой Орды. Понятно, что данные представления во многом являются народными переосмыслениями тех или иных событий и текстов, однако, по-видимому, в них в той или иной мере отобразились и официальные представления о статусе изображений дракона. Позднее фиксируется схожая картина. В XVI–XVII вв. изображение двуглавого орла часто помещают на дворцовой посуде. После того, как в конце XVII в. началась активная государственная компания по продвижению двуглавого орла как главного символа России, эти изображения начинают украшать предметы обихода как городских, так и сельских жителей. Вплоть до начала XX в. они фиксируются на рушниках, сундуках, скатертях и иных изделиях.

Москва, похоже, активно впитывала в себя опыт не какой-то конкретной политической традиции (ордынской, византийской и др.), а их совокупность, вычленив из них именно то, что, по мнению ее властей, соответствовало статусу государя. Поэтому утверждение В.В. Трепавлова о том, что «русские власти кое в чем заимствовали у татар технологию власти» [45, с. 188], можно расширить. Данная тенденция в той или иной степени прослеживается и по отношению к иным государствам, причем как существовавшим одновременно с Московским княжеством / государством, так и прекратившим свое существование задолго до его возникновения. Об этом свидетельствует множество разрозненных фактов, которые начинают говорить сами за себя только тогда, когда их объединяют. Но тут следует учитывать и то, что явление импорта идей и институтов явление общекультурное.

Лев и дракон на боровицком барельефе выступают фактически равнозначными фигурами, недаром над ними возвышаются венцы. На последние следует обратить особое внимание. Венец над драконом значительно пострадал от времени, но все же позволяет предположить, что при общей схожести форм с венцом надо львом он имеет отличительные особенности (они хорошо прослеживаются в прорисовке, но на фотографии не столь явны). Мы вправе предположить, что перед нами аллюзия на правителя и наследника (наследника-соправителя). Их сила и единство подчеркивали мощь Русского государства. В таком случае лев и дракон выступали в одной ипостаси с двуглавым орлом, головы которого также могли символизировать великого князя и его наследника. События феодальной войны в Московском княжестве второй четверти XV в. способствовали возникновению института соправительства, в той или иной степени просуществовавшего вплоть до XVII в. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения не дают прямого ответа на вопрос о том, какое животное кого из них символизировало. Отметим только один момент, на перстне наследника Ивана IV, царевича Ивана Ивановича был изображен лев [4, с. 237]. Но для окончательных выводов этого явно недостаточно. Если наши построения верны, то тогда дракон – это великий князь / царь. В таком случае на эмблеме Казанского царства (крылатый огнедышащий дракон) так же помещен символический образ царя, но был он русским или татарским остается непонятно. Хотя после казанского взятия два эти образа прочно слились в один. Укажем на иную трактовку. Д.А. Петров предположил, что лев и дракон символизируют собой Великий Новгород и Казанское ханство (царство) [29]. Однако данная гипотеза не выглядит убедительной и требует дополнительной аргументации.

Вернемся к изображениям на деньгах. Дракон на монетах фиксируется на несколько десятилетий раньше, чем попал на разбираемый барельеф. Так он известен на монетах Кашина, Рязани и некоторых анонимных пулах [5, № 384, 420, 454, 479–483 (?)], а также в середине XV в. на деньгах удельного можайского князя Ивана Андреевича [12, рис. 15] и тверского князя Бориса Александровича [20]. Укажем и тот факт, что в народной памяти (Сказка о Борме Ярыжке) Навуходоносор распорядился поместить изображение дракона и на монетах. Средневековый человек стремился выстраивать свою жизнь в соответствии с библейскими текстами, или произведениями, построенными на них. Небезынтересен и тот факт, что в этом произведении за инсигниями Навуходоносора в Вавилон посылал царь Иван Васильевич: «Царь Иван Васильевич кликнул клич: «Кто мне достанет из Вавилонского царства корону, скипетр, рук державу и книжку при них?»» [11, с. 1–2]. Понятно, что в данном случае речь идет об Иване IV, но также звали и его деда, Ивана III, а народная память часто смешивала двух этих правителей. Интересен и тот факт, что в этом произведении помимо Вавилона/Царьграда появляется образ Казани, которая в какой-то степени замещает собой Вавилон. А в сказке о Борме корону православному царю из Вавилона доставили в Казань [11, с. 7–10]. Встречается здесь и сюжет борьбы льва и дракона/змея, в котором Борма помогает первому, подстрелив второго [11, с. 4]. Таким образом, образ дракона, как в представлениях властей, так и народа был очень сложным и мог менять знак с «+». По-видимому, это и послужило причиной того, что он в конечном итоге не смог закрепиться как знак верховной власти.

Другое предание связывало дракона с именем Александра Македонского. В Византийской империи существовало так называемое драконовое знамя, которое наряду с другими (всего восемь) выносили перед императором при выходе из храма по окончании службы. Его якобы заимствовал Кир от ассирийцев и оно было в употреблении у персов до Дария. Победивший персов Александр Македонский передал эту эмблему на знамени Македонскому царству, а при покорении последнего римлянами драконовое знамя перешло и в римское войско. Императоров Византии (Восточной Римской империи), почитали как преемников Александра, почему последние и сохраняли эмблему дракона на своих знаменах [1].

Не позднее, чем во второй половине XVII в. в Москве вновь вспомнили о драконе / змее. Этот символ был воплощен в так называемых «копьях змеями», применяемых при встрече иностранных послов. Это были копья, на вершину которых посредством кожаных ремней крепились деревянные головы змей со стеклянными глазами. Туловища и хвосты змей изготавливали из ткани (тафта), а их каркас из черемуховых прутьев и набивали «бумагой хлопчатой» (вата). Крылья и языки изготавливали из жести (белого железа) и золотили. Снаружи полученную конструкцию оклеивали «медной шумихой» (предположительно медная фольга или мишура). Поражают размеры этих змеев-драконов. Сведения об этом сохранились в материалах Оружейной палаты за 1678 г.: «скроили они, шатерной мастер Леонтей Терентьев с товарищи сто тридцать три змеи и набили бумагою хлопчатой. А мерою в длину по четыре аршина змея (2,84 м – А.Б.). В ширину около змеиных голов деревянных по четыре вершка и больши (около 18 см – А.Б.)». Изначально конструкция была еще сложнее. В 1672 г. мастеру Оружейной палаты Григорию

Вяткину «по указу великого государя велено сделать к древку тошому потешному змей на пружинных железных, чтоб по тому древку змей бегал». Сами древки, похоже, расписывали красками. В целом создавалось вполне величественное зрелище. В 1680-е гг. для церемонии встречи польских послов «конюшенного чину сотенным людям» выдали 160 подобных копий. Сохранилась и их цена – 16 алтын 4 денги (50 копеек). Упоминаются они и ранее, в 1654 г. дворцовый плотник Григорий Гаврилов просил деньги за свою работу: «к потешному древку змейку починивал 3 дни» [25; 26, с. 54–56]. Подобные змеи-драконы хорошо перекликаются с символами Вавилона, о которых мы писали выше. Имеется описание таких встреч иностранцами: «Подъехав к городу ближе, глядим — новый, невиданный дотоле отряд воинов! Цвет длинных красных одеяний был на всех одинаков, сидели они верхом на белых конях, а к плечам у них были прилажены крылья [24], поднимавшиеся над головой и красиво расписанные; в руках — длинные пики, к концу коих было приделано золотое изображение крылатого дракона, вертевшееся по ветру. Отряд казался ангельским легионом. Кто не подивился бы на такое чудное зрелище...» [44, с. 44–45] (рис. 5). Драконы и крылья сгорели в московском пожаре 1737 г.

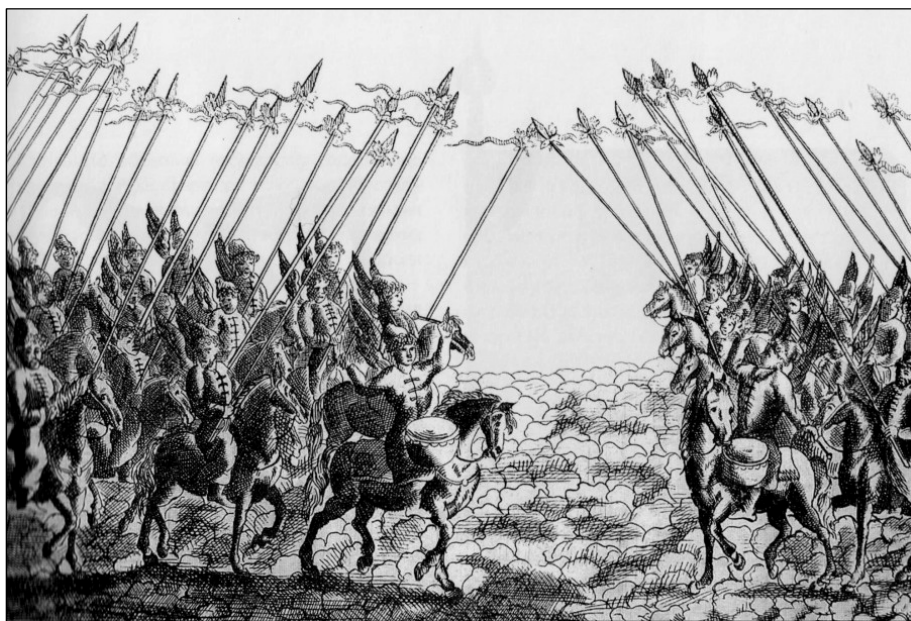


Рис. 5. Изображение крылатых всадников со змеями
из книги Б. Таннера [44, между с. 44–45].

Fig. 5. Depictions of winged horsemen with serpents
from B. Tanner's book [44, between pp. 44–45].

Подобные сооружения были известны и в Риме. Они появились здесь во II в. н.э., как заимствование, когда во вспомогательных кавалерийских отрядах стали использовать конницу сарматов и даков. Его задачей было определение направления ветра для конных лучников. Драко представлял собой

длинный шест, увенчанный бронзовой головой дракона с широко раскрытым ртом и привязанной к ней сзади цветной материей, когда ветер дул через открытый рот дракона она развевалась в виде змеи, и издавал звук напоминающий шипение (рис. 6–7). Известны они в Византии и у ранних Каролингов. Воин, несший дракона, назывался драконарий.



Рис. 6. Единственный сохранившийся драко, найденный в римской крепости Нидербибер. Государственный музей Кобленца (Landesmuseum Koblenz), Германия.

Fig. 6. The only extant draco found in the Roman fort of Niederbieber. Landesmuseum Koblenz, Germany.



Рис. 7. Драконарий, современная реконструкция.

Fig. 7. A dragonarium, modern reconstruction.

Отметим, что образ змеи и дракона в целом был общекультурным. Известен он и у монголоязычных народов. У них образ этих животных был довольно сложным, и одновременно носил как положительные, так и отрицательные черты [3; 7; 8].

Что касается льва стоящего на задних лапах и с мечем в передних, то в литературе упоминается, что это был символ императора Андроника II Палеолога (1282–1328 гг.). Такого льва, якобы, можно было видеть на одной из башен Константинополя, обращенной к морю еще в XIX в. [52, pp. 189–190] (рис. 8). Имеются упоминания о том, что дочь последнего великого дуки (главнокомандующего флотом) Луки Нотара, женатого на женщине из рода Палеологов, Анна Нотара, после того как переселилась в Италию изготовила для себя печать на которой были изображены два смотрящих друг на друга льва, каждый из которых в правой руке держал меч, а в левой полумесяц [53].

Практически идентичные барельефу, коронованные лев и дракон встречаются и на иных предметах, в частности, на прапоре конца XVII в. [23, с. 114, № 207]. Укажем, что лев и дракон становятся популярными у поданных русских государей. Известен оттиск печати Прокофия Зиновьевича 1501 г. на котором отчетливо просматривается именно этот сюжет, но без корон [15, табл. III, № 1]. Другие исследователи описывают ее как печать «с изображением сцены борьбы единорога со змеем и круговой надписью «Печать Прокофия Зиновьева» [22, № 1784/7] (рис. 9). За рог, по-видимому, был принят язык, торчащий из широко раскрытой пасти.



COAT-OF-ARMS OF ANDRONICUS II. PALÆOLOGUS.³

Рис. 8. Эмблема императора Андроника II Палеолога на стенах Константинополя, зарисовка XIX в. [52, p. 189].

Fig. 8. The emblem of Emperor Andronikos II Palaiologos on the walls of Constantinople, 19th-century drawing [52, p. 189].



Рис. 9. Печать Прокофия (Скурата) Зиновьева (Станищева), прорисовка XIX в. [15, табл. III, № 1].

Fig. 9. The seal of Prokofii (Skurat) Zinov'ev (Stanishchev), 19th-century drawing [15, table III, no. 1].

В отдельных случаях лев действительно мог заменяться единорогом. Именно такую композицию мы можем наблюдать на оттиске печати верейского князя Василия Михайловича Удалого 1482 г., кстати, женатого на племяннице Софьи Палеолог, дочери Андрея Фомича Палеолога Марии [42, № 113–114, с. 275, 279]. Поэтому здесь также, возможно, просматривается византий-

ское влияние. В более позднюю эпоху значительно чаще можно было наблюдать именно эту пару [36, с. 79–92]. Данный сюжет также известен на полихромных печных изразцах второй половины XVII в. [2, с. 127]. Отметим, что все перечисленные композиции ни в коем случае нельзя характеризовать как «борьбу». Данное наблюдение ставит очередной вопрос: были ли фигуры льва, дракона и единорога взаимозаменяемы? В настоящее время ответ на него отсутствует. До унификации монетного дела, произошедшей в правление Ивана IV, на штемпелях наблюдается более широкое использование различных символов власти, часть из которых со временем войдет в государственную геральдику. Среди них отмечены лютый зверь/лев, хищная птица, дракон/змей, всадник, поражающий змея и др. На настоящий момент подобные монеты активно анализируются в двух направлениях – принадлежность конкретной монетной регалии и используемая при этом монетная стопа. Настало время подробнейшим образом рассмотреть, помещенные на них изображения с точки зрения символов власти. Здесь главным препятствием остается тот факт, что изображения вводимых в научный оборот монет разбросаны по огромному числу публикаций и к тому же не всегда имеют качественные прорисовки. Обращение к этому виду исторических источников позволит совершить значительный прорыв в понимании того, как складывалась и развивалась официальная государственная геральдика Московского княжества (царства).

Одиночные двух и четырехлапые драконы в различных видах регулярно встречаются на перстневых и воротных печатях весь XVI в. [15, табл. IV. № 20 (1519 г.), № 36 (1537 г.), 39 (1541 г.), 47 (1544 г.), табл. V. № 50 (1545 г.), 52 (1545 г.), табл. VI. № 83 (1561 г.); 17]. Появление подобных перстней у частных лиц не случайно. Распространение вширь сюжетов с государственной символикой было наглядным показателем того, что подданные государя принимали эту символику и стремились через нее быть сопричастными государству. Точнее сказать владельцы печатей подобным образом отождествляли себя как непосредственных членов того или иного двора (великокняжеского/царского или удельного). При этом, принадлежность ко двору рассматривается нами в расширенном виде, как служебных людей, предложенном ранее Б.Н. Флорей [47]. Поэтому символика, встречавшаяся на них, дублировала ту, что принадлежала их патрону. Это объясняет столь частый перенос княжеских/великокняжеских и царских символов на печати их слуг. К таким нисходящим символам следует отнести многочисленных пеших и конных воинов, птиц, при этом, возможно, не только хищных, разнообразных животных под общим именованием «лютый зверь», двуглавых орлов, единорогов и драконов.

При попытке выстраивания механизмов заимствования мы попадаем в затруднительную ситуацию, объясняющуюся положением источниковой базы. В нашем распоряжении имеется значительное число сохранившихся перстней-печатей как из благородных металлов, так и из медных сплавов, однако точная их датировка и привязка к конкретному владельцу возможны далеко не всегда. Наиболее надежная информация по этой проблеме содержится в сборнике снимков печатей из фонда Грамот Коллегии экономии, изданных в середине XIX архивом МАМЮ [15]. Понятно, что несколько сотен точно отождествляемых оттисков не могут создать полной картины, но все же вме-

сте с комплексом сохранившихся перстней-матриц [17; 43] позволяют сделать некоторые общие наблюдения.

Первыми были заимствованы изображения воинов, лютого зверя и птиц. Позднее появились драконы и единороги. Двуглавые орлы замыкают данный список. Царственная птица по косвенным данным на личных печатях появляется в конце XVI в., а в XVII столетии и далее, вплоть до рубежа XIX–XX вв. является вполне обычным делом. На первых порах перстни-печати изготовлялись из серебра, но начиная с XVIII в. материалом для них, как правило, становятся медесодержащие сплавы. Тем самым наблюдается распространение использования подобного символа по ниспадающей, из верхних страт русского общества в нижние. Возможно, вначале князья сами провоцировали закрепление данной традиции, передавая во временное пользование те или иные личные перстни-печати своим статусным слугам. Эти перстни становились символом власти, а также могли использоваться для заверения тех или иных документов, исходивших из княжеской канцелярии. Такой пример известен вначале XVI в., когда удельный рузский князь Иван Борисович передал золотой перстень с перелефтом¹ своему слуге Ивану Борисовичу Вельяминову Облязу, но по завещанию он должен был отойти к великому князю вместе с остальными золотыми перстнями его родственника [10, с. 352; 14, с. 161].

Нечто подобное наблюдается и в восточной традиции. На настоящий момент мы можем привести два примера: 1) находка медных перстней с изображением на щитках высокостатусных тамг; 2) пристрастие к компоновке ювелирных украшений с монетами на которых изображен двуглавый орел. Психологический механизм данного явления можно проиллюстрировать стремлением части современного российского социума, далеко не всегда чиновничества, окружать себя геральдическими эмблемами с двуглавым орлом.

Рассматриваемый дракон лучше всего подходит на роль прототипа для казанского герба на большой печати с медальонами Ивана IV. Данной теме посвящена обширная литература, высказывались различные точки зрения, в том числе и о европейском заимствовании этого символа, в этом случае дракон постепенно трансформируется в грифона [48]. Действительно, на печати дракону были преданы определенные черты грифона. Вновь полученные сведения дают дополнительный аргумент версии о западном, в широком понимании этого термина, происхождении этого символа. В таком случае казанский дракон должен был символизировать собой Ивана IV, а в более позднюю эпоху православного государя как такового. Обратим внимание, что на гербе Казани изображен не дракон из «Казанской истории», в которой тот описывается как двуглавый: «Живяше ту возгнездився змий велик и страшен о дву главу: едину имея змиеву, а другую главу волову. Единою пожираше человеки и скоты и звери, а другою главою траву ядяше» [18; 35, стб. 11].

¹ Перелефт (переливт) – мелкокристаллический диксит-кварцевый агрегат, имеющий слоистое строение. По внешнему виду сильно напоминает агат, но, тем не менее, отличается от него. Использовался ювелирами для создания гемм. Упоминание перстня с подобной вставкой является косвенным указанием на то, что перед нами матрица печати.

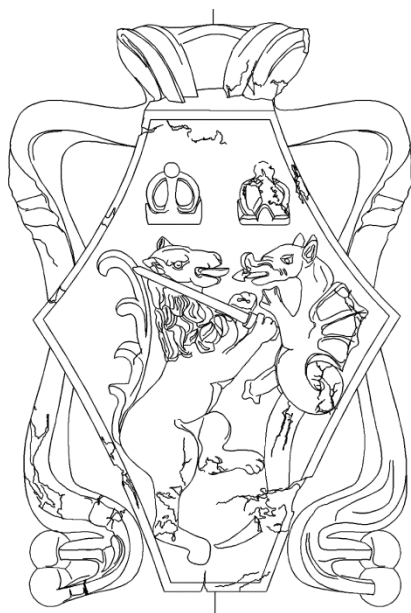


Рис. 10. Лев и дракон с Боровицкой башни Московского Кремля.
Прорисовка [31, с. 151] и фотография.

Fig. 10. The lion and the dragon of the Borovitskaya Tower of the Moscow Kremlin.
Drawing [31, p. 151] and photograph.

Отметим, что в массовом сегменте перстней-печатей дракон явно опережает по количеству изображений двуглавого орла [17]. Это говорит о том, что он появился раньше своего более удачливого соперника и нашел понимание в широкой народной среде. Почему же дракон не удержался среди иных государственных символов? Причин этому несколько. Во-первых, это тот факт, что двуглавый орел пусть и не сразу, но занял главенствующее положение среди подобных знаков, потеснив все иные, включая и ездоца (всадника, попирающего копьём дракона). Он оказался хорошо воспринят как внутри государства, где стал одной из разновидностей столь популярного символа, как птица, так и за рубежом, где орлы были понятными воплощениями символа власти. Во-вторых, этому поспособствовало превращение данного фантастического животного в эмблему Казани. В первую очередь это касается не появления дракона на большой печати 1577 г., а его размещение на городской казанской государевой печати вначале 1590-х гг. Постепенно дракон стал восприниматься не как символ государя, а как знак символизирующий Казань и Казанское царство. Таким образом, размещение дракона на личной печати с какого-то момента стало давать отсылку не к государю, а только к одной из множества областей, которой он владел. Но разрыв с прежней традицией проходил не так быстро. Пропав с частновладельческих печатей, дракон сохранился на печных изразцах и знаменах, и здесь он символизировал царя, а не поволжский город. Окончательный разрыв с прежней традицией произошел только при Петре I, когда многие образы получали новое осмысление, а список сюжетов претендовавших ранее на символы верховной власти был значительно переработан и сокращен.

Также несколько слов следует сказать о причинах появления городской казанской государевой печати. Впервые в Московском государстве подобные символы власти были изготовлены для юрьевского (1564 г.) [34, с. 386] и новгородского (1565 г.) [34, с. 398] наместников. Следующая городская печать появится не позднее 22.11.1592 г. [38, № 6430/22] (возможно до 20.05.1591 г. [38, № 6427/19; 21; 46, с. 285]) и будет сделана для Казани, точнее царства Казанского. За ней подобным атрибутом обзаведется Тобольск. Государева печать в городе фиксируется в наказе от 19 февраля 1608 г. воеводе Михаилу Михайловичу Салтыкову [37, оп. 1, кн. 2, л. 46]. При этом можно предположить, что ее изготовили еще при Борисе Годунове, когда в 1599 г. в город назначили воеводой окольничего Семена Федоровича Сабурова, который получил старшинство над остальными воеводами сибирских городов. Подбор городов явно не случаен и включает в себя «столицы» царств, присоединенных к Москве. В XVII в. такие печати официально будут называться печатями царств. Предсказуемо то, что они дополнятся печатями Астраханского царства (не позднее 1652 г.) и Смоленского княжества (не позднее 1664 г.) [32, № 503, с. 866; 33, № 858, с. 295; 16, № 196, с. 307; 39, № 66], а также Новгорода и Пскова. Их следует рассматривать, как некие переходные типы от собственно государевой печати к государевой печати конкретного города (городские) или даже целого царства (Казанского, Астраханского, Сибирского). Только как городские они не могут рассматриваться по той причине, что их изначально применяли для дипломатической переписки. Эти печати исправили несколько странную ситуацию, когда ранее подобные послания скреплялись частновладельческими печатями наместников [9, с. 74].

Таким образом, было показано, что образ дракона был хорошо известен на русских землях в XV–XVII вв., при этом он далеко не всегда являлся атрибутом зла, а выступал, в том числе, и как один из признанных символов верховной власти. Обращение к нумизматическим и литературным памятникам показывает, что казанский дракон, скорее, является отсылкой к средневековым представлениям о символах власти в реальном или мнимом Вавилонском царстве и Византии. Также важно указание на существовавшую, как минимум в кругах русских книжников, посредническую роль Казани в приобретении московскими государями прав на царский титул. Как следствие на город переносится символ, принадлежавший ранее Вавилону. Данное наблюдение ставит вопрос о пересмотре как предшествующих построений об истоках геральдического символа Казани, так и значении этого фантастического существа в русской символике. Следует отметить дискуссионность предложенных трактовок дракона. Однозначный ответ о его значении может быть получен только в случае обнаружения текстов той эпохи, в которых приводилась бы причина выбора именно этого символа. Нам же остается искать те или иные новые параллели и смыслы, подтверждающие или опровергающие наблюдения предшественников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсеньев Ю.В. О геральдических знаменах в связи с вопросом государственных цветах древней России / Высочайшее учрежденное при Министерстве юстиции особое совещание для выяснения вопроса о русских государственных национальных цветах. СПб.: Сенатская типография, 1911. 41 с.
2. Баранова С.И. Русский изразец. Записки музейного хранителя. М.: МГОМЗ, 2011. 432 с.
3. Ванькаева Е.В. Образ змеи в представлениях монголов как отражение картины мира // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2018. № 1. С. 72–79.
4. Викторов А. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1613–1727 г. М.: Типо-литография С.П. Архипова и К^о, 1877. Вып. 1. С. 1–376.
5. Гайдуков П.Г. Медные русские монеты конца XIV–XVI веков. М.: Наука, 1993. 293 с.
6. Гайдуков П.Г. Русские полуденги, четверцы и полушки XIV–XVI вв. М.: Палеограф, 2006. 408 с.
7. Дампилова Л.С. Мифологическая семантика змей (могой), хозяев вод (лус) и дракона (луу) в фольклоре монгольских народов // Традиционная культура: научный альманах. 2017. № 4. С. 182–189.
8. Дампилова Л.С. Функции змеи в обрядовом фольклоре монгольских народов // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 4. С. 1167–1176.
9. Дипломатическая переписка Ивана Грозного (1533–1584). Т. I. Кн. 1: Священная Римская империя и страны Европы. М.: Наука, 2023. 647 с.
10. Духовные и договорные грамоты. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. 585 с.
11. Жданов И.Н. Повесть о Вавилоне и «Сказание о князьях Владимирских». СПб.: Типография В.С. Балашова, 1891. 147 с.
12. Зайцев В.В. Монеты Ивана Андреевича можайского (1432–1454 гг.) // Нумизмат. 2011. № 3 (30). С. 25–29.
13. Зайцев В.В. Русские монеты времени Ивана III и Василия III. Киев: Юнона-Монета, 2006. 208 с.
14. Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука, 1988. 348 с.
15. Иванов П.И. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства Юстиции. М.: Типография С. Селивановского, 1858. 43 с.
16. Кабардино-русские отношения XVI–XVIII вв. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. Т. I: XVI–XVII вв. 476 с.
17. Каталог старинных перстней [Электронный ресурс]. URL: <https://rings.guru/catalog/pozdnee-srednevekovye/epigraficheskie/pechat-na-buzumnago> (дата обращения: 20.01.2025)
18. Королев Г.И. «Печать царства Казаньскаго» на большой государственной печати Ивана Грозного // Гербовед. 2006. №. 1. С. 55–60.
19. Лакиер А.Б. Русская геральдика. М.: Книга, 1990. 432 с.
20. Лейбов В.Л. О типе денег Бориса Александровича тверского с изображением дракона // Двадцатая всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М., 2019. С. 156–157.
21. Лукичев М.П., Станиславский А.Л. Печать Казанского царства начала XVII в. // Лукичев М.П. Боярские книги XVII века: Труды по истории и источниковедению. М.: Древлехранилище, 2004. С. 189–197.
22. Описание Грамот Коллегии экономии. М.: Древлехранилище, 2016. Т. I. 1192 с.
23. Орел и Лев. Россия и Швеция в XVII веке. Каталог выставки. М., 2001. 158 с.

24. Орленко С.П. «Крылатые всадники» в церемониале русского двора и Оружейная палата XVII в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2024. № 4. С. 28–36.
25. Орленко С.П. Змеи Оружейной палаты XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2025. № 2. С. 64–75.
26. Орленко С.П. Оружейной палаты «первый мастер» Григорий Никитич Вяткин (ок. 1615–1688). М.; СПб.: Нестор-История, 2022. С. 54–56.
27. Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. 1: Сказания, легенды, повести, сказки и притчи. СПб., 1860. С. 394–396.
28. Петров Д. Об итальянских гербовых щитах 1490 г. на Боровицкой башне // Russica Romana. Anno XIX. 2012. Р. 9–33.
29. Петров Д.А. Гипотетическое истолкование льва и виверны на каменном гербе 1490 г. на фасаде Боровицкой башни // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXIII Международной научной конференции. Москва, 2020 г. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 324–327.
30. Петров Д.А. О датировке гербовых щитов 1490 г. на Боровицкой башне Московского Кремля // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXV Международной научной конференции. Москва, 31 января – 2 февраля 2013 г. Ч. II. М.: ФГБОУ ВПО «РГГУ» Историко-архивный институт. Высшая школа источниковедения, вспомогательных и специальных исторических дисциплин, 2013. С. 471–476.
31. Петров Д.А., Яковлев Д.Е. Белокаменные гербы на Боровицкой башне Московского Кремля. Результаты предварительного осмотра // Российская археология. 2014. № 3. С. 147–155.
32. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. I. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1072 с.
33. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. II. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 979 с.
34. Полное собрание русских летописей. Т. XIII: Никоновская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 544 с.
35. Полное собрание русских летописей. Т. XIX: История о Казанском царстве (Казанский летописец). М.: Языки русской культуры, 2000. 328 с.
36. Пчелов Е.В. Бестиарий Московского царства: животные в эмблематике Московской Руси конца XV–XVII вв. М.: Старая Басманная, 2011. С. 79–92.
37. Российский государственный архив древних актов. Ф. 214 (Сибирский приказ).
38. Российский государственный архив древних актов. Ф. 281 (Грамоты Коллегии экономии).
39. Снимки с древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. М.: Типография А. Гатцука, 1882. Вып. 1. 204 с.
40. Соболева Н.А. Русская геральдика. М.: Наука, 1991. 240 с.
41. Соболева Н.А. Феномен казанского герба: история, семантика, реальность // Очерки феодальной России. Вып. 15. М.: Альянс-Архео, 2012. С. 126–172.
42. Собрание государственных грамот и договоров. Т. I. М.: Типография Н.С. Всеволожского, 1813. 533 с.
43. Станюкович К.А., Авдеев А.Г. Неизвестные памятники русской сфрагистики. Прикладные печати-матрицы XIII–XVIII веков из частных собраний. М.: Группа Искатели, 2007. 189 с.

44. Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. М.: Университетская типография, 1891. XII, 203 с., 5 л. ил.
45. Трепавлов В.В. Степные империи Евразии: монголы и татары. М.: Квадрига, 2015. 368 с.
46. Ураносов А.А. Русские областные и городские гербы в период образования и укрепления Русского централизованного государства: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1952.
47. Флоря Б.Н. «Служебная организация» и ее роль в развитии феодального общества у восточных и западных славян // Отечественная история. 1992. № 2. С. 56–74.
48. Фоменко И.К., Щербакова Е.И. Западный след «Казанского дракона» // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 379–389.
49. Чернецов А.В. К изучению феодальной эмблематики и юридических знаков Владимиро-Суздальского княжества // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А.Е. Леонтьева. М.: Институт археологии РАН, 2018. С. 39–40.
50. Чернецов А.В. Светская феодальная символика Руси XIV–XV вв.: диссертация ... доктора исторических наук. М., 1988.
51. Eremina V. An International Tale-Type: "The City of Babylon". 2010, Vol. XV, pp. 99–128.
52. Millingen Van A. Bizantine Constantinople. London, 1899. XI, 361 p.
53. Tipaldos, G.E. "Εἶχον οἱ Βυζαντινοὶ οἰκόσημα". Ἐπετηρίς Ἐταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν. 1926. III, pp. 206–222.

REFERENCES

1. Arsenyev Yu.V. On heraldic banners in connection with the issue of the state colors of ancient Russia. In: The Highest special meeting established under the Ministry of Justice to clarify the issue of Russian state national colors. St. Petersburg: Senatskaia tipografiia, 1911. 41 p. (In Russian)
2. Baranova S.I. Russian tiles. Notes of a museum curator. Moscow: Moscow State Integrated Art and Historical Architectural Museum-Reserve, 2011. 432 p. (In Russian)
3. Vankaeva E.V. The image of a snake in the representations of the Mongols as a reflection of the worldview. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territorii*. 2018, no. 1, pp. 72–79. (In Russian)
4. Viktorov A. Description of notebooks and papers of ancient palace orders of 1613–1727. Iss. 1. Moscow: Tipo-litografiia S. P. Arkhipova i Ko, 1877, pp. 1–376. (In Russian)
5. Gaidukov P.G. Copper Russian coins of the end of the 14th–16th centuries. Moscow: Nauka, 1993. 293 p. (In Russian)
6. Gaidukov P.G. Russian poludengi, chetverts and polushki of the 14th–16th centuries. Moscow: Paleograf, 2006. 408 p. (In Russian)
7. Dampilova L.S. Mythological semantics of snakes (mogoi), masters of waters (lus) and dragon (luu) in folklore of Mongolian peoples. *Traditsionnaia kul'tura = Traditional culture : nauchnyi al'manakh*. 2017, no. 4, pp. 182–189. (In Russian)
8. Dampilova L.S. The functions of the snake in the ritual folklore of the Mongolian peoples. *Oriental Studies*. 2020, vol. 13, no. 4, pp. 1167–1176. (In Russian)
9. The diplomatic correspondence of Ivan the Terrible (1533–1584). Vol. I. Book 1: The Holy Roman Empire and the countries of Europe. Moscow: Nauka, 2023. 647 p. (In Russian)
10. Spiritual and contractual documents. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1950. 585 p. (In Russian)
11. Zhdanov I.N. The Tale of Babylon and the Legend of the Princes of Vladimir. St. Petersburg: Tipografiia V.S. Balashova, 1891. 147 p. (In Russian)

12. Zaitsev V.V. Coins of Ivan Andreevich Mozhaisky (1432–1454). *Numizmat*. 2011, no. 3 (30), pp. 25–29. (In Russian)
13. Zaitsev V.V. Russian coins of the time of Ivan III and Vasily III. Kyiv: Yunona-Moneta, 2006. 208 p. (In Russian)
14. Zimin A.A. The formation of the boyar aristocracy in Russia in the second half of the 15th – first third of the 16th century. Moscow: Nauka, 1988. 348 p. (In Russian)
15. Ivanov P.I. Collection of photographs from ancient seals attached to charters and other legal acts kept in the Moscow Archive of the Ministry of Justice. Moscow: Tipografiia S. Selivanovskogo, 1858. 43 p. (In Russian)
16. Kabardino-Russian relations of the 16th–18th centuries. Vol. 1: 16th–17th centuries. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1957. 476 p. (In Russian)
17. Catalog of antique rings [Electronic resource]. URL: <https://rings.guru/catalog/pozdnee-srednevekove/epigraficheskie/pechat-na-buzumnago> (accessed 20.01.2025). (In Russian)
18. Korolev G.I. “The seal of the Kazan Tsardom” on the great state seal of Ivan the Terrible. *Gerboved*. 2006, no. 1, pp. 55–60. (In Russian)
19. Lakier A.B. Russian heraldry. Moscow: Kniga, 1990. 432 p. (In Russian)
20. Leibov V.L. About the type of money of Boris Alexandrovich Tversky with the image of a dragon. In: Twentieth All-Russian Numismatic Conference. Abstracts of reports and communications. Moscow, 2019, pp. 156–157. (In Russian)
21. Lukichev M.P., Stanislavsky A.L. The seal of the Kazan Kingdom at the beginning of the 17th century. In: Lukichev M.P. Boyar books of the 17th century: Works on history and source studies. Moscow: Drevlekhreshche, 2004, pp. 189–197. (In Russian)
22. Description of the Diplomas of the College of Economy. Vol. 1. Moscow: Drevlekhreshche, 2016. 1192 p. (In Russian)
23. The Eagle and the Lion. Russia and Sweden in the 17th century. Exhibition catalog. Moscow, 2001. 158 p. (In Russian)
24. Orlenko S.P. “Winged horsemen” in the ceremonial of the Russian court and the Armory of the 17th century. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2024, no. 4, pp. 28–36. (In Russian)
25. Orlenko S.P. Snakes of the Armory of the 17th century. *Drevniaia Rus’*. Voprosy medievistiki. 2025, no. 2, pp. 64–75 (In Russian)
26. Orlenko S.P. of the Armory Chamber, “the first master” Grigory Nikitich Vyatkin (c. 1615–1688). Moscow-St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2022, pp. 54–56. (In Russian)
27. Monuments of ancient Russian literature, published by Count Grigory Kushelev-Bezborodko. Vol. 1: Tales, legends, novellas, fairy tales and parables. St. Petersburg, 1860, pp. 394–396. (In Russian)
28. Petrov D. On the Italian coat of arms of 1490 on the Borovitskaya tower. *Russica Romana*. Anno XIX. 2012, pp. 9–33. (In Russian)
29. Petrov D.A. Hypothetical interpretation of the lion and wyvern on the 1490 stone coat of arms on the facade of the Borovitskaya Tower. In: Auxiliary historical disciplines in modern scientific knowledge: Proceedings of the XXXIII International Scientific Conference. Moscow, 2020. Moscow: Institute of World History, Russian Academy of Sciences (IVI RAN), 2020, pp. 324–327. (In Russian)
30. Petrov D.A. On the dating of the coat of arms of 1490 on the Borovitskaya Tower of the Moscow Kremlin. In: Auxiliary historical disciplines in modern scientific knowledge: Proceedings of the XXV International Scientific Conference Moscow, January 31 – February 2, 2013 Part 2. Moscow: RSUH, Historical and Archival Institute, Higher School of Source Studies, Auxiliary and Special Historical Disciplines, 2013, pp. 471–476. (In Russian)
31. Petrov D.A., Yakovlev D.E. White stone coats of arms on the Borovitskaya Tower of the Moscow Kremlin. The results of the preliminary inspection. *Rossiiskaia arkheologiya*, 2014, no. 3, pp. 147–155. (In Russian)

32. The Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st Collection. Vol. 1. St. Petersburg: Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii, 1830. 1072 p. (In Russian)
33. The Complete collection of laws of the Russian Empire. 1st Collection. Vol. 2. St. Petersburg: Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii, 1830. 979 p. (In Russian)
34. The Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 13: Nikonovskaia letopis'. Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. 544 p. (In Russian)
35. The Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 19: Istoriia o Kazanskom tsarstve (Kazanskii letopisets). Moscow: Languages of Russian Culture, 2000. 328 p. (In Russian)
36. Pchelov E.V. Bestiary of the Moscow Kingdom: animals in the emblems of Moscow Rus at the end of the 15th–17th centuries. Moscow: Staraia Basmannaia, 2011, pp. 79–92. (In Russian)
37. The Russian State Archive of Ancient Acts. F. 214 (Siberian Order). (In Russian)
38. The Russian State Archive of Ancient Acts. F. 281 (Letters of the Collegium of Economy). (In Russian)
39. Photographs from ancient Russian seals of state, royal, regional, city, government offices and private individuals. Iss. 1. Moscow: Tipografiia A. Gatsuka, 1882. 204 p. (In Russian)
40. Soboleva N.A. Russian heraldry. Moscow: Nauka, 1991. 240 p. (In Russian)
41. Soboleva N.A. The phenomenon of the Kazan coat of arms: history, (In Russian) semantics, reality. Ocherki feodal'noi Rossii. Iss. 15. Moscow: Al'ians-Arkheo, 2012, pp. 126–172. (In Russian)
42. Collection of state charters and treaties. Vol. 1. Moscow: Tipografiia N.S. Vsevolozhskogo, 1813. 533 p. (In Russian)
43. Stanyukovich K.A., Avdeev A.G. Unknown monuments of Russian sphragistics. Applied matrix seals of the 13th–18th centuries from private collections. Moscow: Gruppya Iskateli, 2007. 189 p. (In Russian)
44. Tanner B. Description of the journey of the Polish embassy to Moscow in 1678. Moscow: Moscow University Press, 1891, xii+203 p. +5 p. of illustrations. (In Russian)
45. Trepavlov V.V. Steppe empires of Eurasia: Mongols and Tatars. Moscow: Qvadriha, 2015. 368 p. (In Russian)
46. Uranosov A.A. Russian Russian regional and city coats of arms in the period of formation and strengthening of the Russian centralized state.: Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Moscow, 1952. (In Russian)
47. Florya B.N. "Service organization" and its role in the development of feudal society among the Eastern and Western Slavs. *History of the homeland*. 1992, no. 2, pp. 56–74. (In Russian)
48. Fomenko I.K., Shcherbakova E.I. The Western trace of the "Kazan Dragon". *Golden Horde civilization*. 2017, no. 10, pp. 379–389. (In Russian)
49. Chernetsov A.V. Towards the study of feudal emblems and legal signs of the Vladimir-Suzdal principality. In: Native lands past fate... On the anniversary of A.E. Leontiev. Moscow: Institute of Archeology, Russian Academy of Sciences, 2018, pp. 39–40. (In Russian)
50. Chernetsov A.V. Secular feudal symbols of Russia of the 14th–15th centuries: dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. Moscow, 1988. (In Russian)
51. Eremina V. An International Tale-Type: "The City of Babylon". 2010, Vol. 15, pp. 99–128.
52. Millingen Van A. Bizantine Constantinople. London, 1899. XI, 361 p.
53. Tipaldos, G.E. "Εἶχον οἱ Βυζαντινοὶ οἰκόσημα". *Ἐπετηρίς Ἑταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν*. 1926. III, pp. 206–222. (In Greek)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Васильевич Бемяков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук (117292, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8588-9192. E-mail: belafeb@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey V. Belyakov – Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dm. Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8588-9192. E-mail: belafeb@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 31.07.2025

Поступила после рецензирования / Revised 20.10.2025

Принята к публикации / Accepted 02.12.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.806-822>
EDN: GIKIOS

УДК 94(47).031 + 327(091)

THE IMPORTANCE OF THE KAZAN KHANATE IN THE FOREIGN POLICY OF THE CRIMEAN KHANATE

Umut Yolsever

Independent Researcher

Eskişehir, Türkiye

umutyolsever44@gmail.com

Abstract. This study examines the role of the Kazan Khanate in the foreign policy of the Crimean Khanate and analyzes its political, economic, and cultural significance in the light of chronicles and archival documents. The Kazan Khanate held strategic importance for the Crimean Khanate in its struggle to inherit the legacy of the Golden Horde and establish influence over Moscow. During the reigns of Mengli Giray Khan and Mehmed Giray Khan, Kazan became a key element in Crimea's relations with Moscow. Mehmed Giray aimed to increase Crimea's influence in the region by placing his brother, Sahib Giray, on the Kazan throne. However, internal conflicts within the Crimean Khanate and increasing pressure from Moscow made controlling Kazan more difficult. This study details how Kazan became a tool in the foreign policy of the Crimean Khanate and examines the political and military developments of the period. Ultimately, the fall of the Kazan Khanate weakened the Crimean Khanate's influence in the region and paved the way for Moscow's expansion. By highlighting Kazan's crucial role in Crimean-Moscow relations, the study sheds light on the political dynamics of the era.

Keywords: Crimean Khanate, Kazan Khanate, Grand Principality of Moscow, Ottoman Empire, Giray Dynasty, Foreign Policy

For citation: Yolsever U. The importance of the Kazan Khanate in the foreign policy of the Crimean Khanate. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 4, pp. 806–822. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.806-822>

Introduction

The basis of the Kazan Khanate was the Volga Bulgars [1, p. 121; 2, p. 248; 6, 146]. Subsequent to the Golden Horde, the Volga Bulgars intermingled with Mongols and Kipchaks, resulting in the emergence of the Tatars. The Kazan Tatars resided there. The Kazan Khanate governs the Turkic Kazan Tatars, Bashkirs, Chuvash, and the Finno-Ugric Udmurts, Maris, and Mordvins [18, p. 316; 27, p. 105; 37, p. 50]. The Khanate is bordered by the Nogay Horde to the east, Astrakhan to the south, Crimea to the southwest, Moscow to the west, and the Komi Republic and its inhabitants to the North [13, p. 3].

© Yolsever U., 2025



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ulugh Muhammed Khan, the founder of the Kazan Khanate, moved to Belev, within the Grand Principality of Moscow, after being dethroned by Kichi Muhammed Khan in 1436, anticipating assistance from Vasilii II. He implored for Belev as his native place. Vasilii II advanced against Ulugh Muhammed Khan [12, p. 81]. On December 5, 1437, Ulugh Muhammed Khan vanquished the Russians at Belev and founded his khanate in Kazan along the Volga River [12, p. 8–9; 39, p. 23]. This entity was designated by historians as the Kazan Khanate.

Kazan is a prominent city in terms of politics, culture, and economy. The primary political rationale for Kazan's significant role in Crimean foreign policy was the aspiration to inherit the Golden Horde Khanate. The Crimean Khanate advanced significantly towards becoming the direct successor of the Golden Horde State when Mengli Giray Khan captured the Throne Province (*Taht İli*) Saray in 1502, so establishing the Crimean Khanate as the new Throne Province. The title of “Ulugh Khan of the Golden Horde, Sultan of Dasht-i Kipchak, and All Mongols” held by Mehmet Giray Khan indicates the significance of this objective. [19, pp. 652–662]. Additionally, Kazan held political significance for exerting influence over Moscow. Under these circumstances, the Crimean Khanate aimed to assert dominance over the Kazan Khanate.

Kazan was also of economic importance. The route Kazan Road was designated due to its function in accessing Kazan [8, p. 93–94]. The designation of one of Kazan's gates as “Tyumen” indicates the strong commercial and diplomatic ties formed through this route. S. U. Remezov, along with his three sons, constructed *Chertejnaya Kniga Sibiri* in 1701. The illustrations depict a road going south of the Tura River, featuring a network of branching and intersecting pathways [33, p. 12]. The route progressed through the cities of Isker and Irtysh, passed through Chimgi Tura, and extended to the Kalmyk territories and China in the east via Baraba [3, p. 58; 4, p. 223]. The Kazan route efficiently facilitated traders' access to Siberia, Turkestan, and China from the Volga and Western Urals. Maslyujenko and Ryabinina estimate it to be three times shorter than the Chusovaya road [25, p. 197].

The Beys of Kazan dispatched an embassy to Ivan III to seek pardon for their insurrection against Muhammed Emin Khan. Muhammed Emin Khan remains condemned. Following the anger of people towards Muhammed Emin Khan, Ivan III designated Abdullatif, the younger son of Ibrahim Khan, to govern the Kazan Khanate. Moscow and Abdullatif attended his coronation. In contrast to Muhammed Emin Khan, Crimean Abdullatif Khan resisted Moscow's orders. Upon assuming the title of khan, he operated autonomously from Moscow. His autonomy astonished the pro-Russian faction in Kazan. They demonstrated against Abdullatif in Moscow. Ivan III dispatched an envoy to Kazan to depose Abdullatif Khan [15, p. 41]. Subsequent to this period, the Kazan Khanate had a pivotal role in the foreign policy of the Crimean Khanate and was instrumental in its relations with other states. The importance of the Kazan Khanate to the Crimean Khanate was influenced by various political and economic circumstances and consequences. This article seeks to clarify the subject using chronicles and archival records, which are the primary sources of the period.

1. The Kazan Khanate in the Foreign Policy of the Mengli Giray and Mehmet Giray Khans Period

The issue of the Kazan Khanate played a major role in the foreign policy of the Crimean Khanate, especially after the deposition of Abdullatif from the Kazan throne. The visit of Nur Sultan Bike to Kazan in 1510, accompanied by Sahib Giray (perhaps his son), emphasizes the significance attributed to Kazan by the Crimean Khanate [23, p. 174–175; 32, p. 251; 30, p. 384; 31, s. 199; 40, p. 59].

Nur Sultan Bike, who was first married to Khalil Khan and subsequently to Ibrahim Khan following his demise, married Mengli Giray Khan after Ibrahim Khan's passing. Nur Sultan Bike's inclusion of Sahib Giray, the youngest son of Mengli Giray Khan, in her Moscow-Kazan journey underscores one of Mengli Giray Khan's strategic objectives concerning Kazan. The absence of male heirs from the last representatives of Ulugh Muhammad Khan's lineage, Muhammad Emin Khan and Abdullatif, who governed the Kazan Khanate from 1510, resulted in a substantial void over the future of the Kazan Khanate. Furthermore, Abdullatif was incarcerated in Moscow. These circumstances facilitated Mengli Giray Khan's implementation of a member from his own lineage on the Kazan throne. It is conceivable that he incorporated Nur Sultan Bike into this journey to familiarize him with the Kazan nobility and populace, particularly to enhance the prospects of his son Sahib Giray's future ascension to the Kazan throne.

The Kazan issue was significant in the foreign policy of the Crimean Khanate, particularly following the illnesses of Abdullatif and Muhammed Emin Khan. The contest for supremacy over Kazan between Crimea and Moscow intensified significantly. Muhammed Emin Khan was about 48 years old when he became gravely ill in 1516. This circumstance triggered a novel political dispute between Moscow and Crimea regarding Kazan. On November 10, 1517, Mehmet Giray Khan's jarliq dispatched to Moscow requested that Abdullatif succeed the ailing Muhammed Emin Khan. Vasiliy III, however, denied this plea and did not liberate Abdullatif. As per the Litsevoy Letopisnyy Svod, Abdullatif passed away in Moscow on November 19, 1517 [23, p. 330.]. The embassy reports corroborated the particulars of this death, while the gramota dispatched to Nur Sultan Bike explicitly indicated the demise of Abdullatif: "Abdullatif Khan fell ill and perished by the will of God." Betey, the partner of his mother Nur Sultan Bike, observed his illness and death. We are now sent Betey to inform you about this situation." [28, p. 482].

Mehmet Giray Khan's strategic initiative to install Sahib Giray as the ruler of the Kazan Khanate was formalized by an ultimatum-style jarliq dispatched to Moscow in August 1518. In this document, transmitted via Hudayar Mirza, the Crimean Khan explicitly articulated: "Should the directive of Kazan Khan Muhammad Emin Khan be realized, I am prepared to appoint my brother Sahib Giray as the khan of that territory. Should anything occur to Muhammad Emin Khan, my brother Sahib Giray will assume the role of khan in his nation. If an individual from another country attempts to assume the role of khan within that nation, our connections with you, my brother the Great Knez, would worsen and weaken." [28, p. 520]. Kazan Khan Muhammad Emin Khan perished in December 1518 during the subsequent events. Kazanskaya Istoria documents his demise as: "For the transgressions of the Kazan Khan, God inflicted upon him an ulcer replete with unrelenting agony from head to toe" [16, p. 63–64].

Following the demise of Muhammad Emin Khan, the pro-Russian faction in Kazan swiftly mobilized and dispatched a delegation to Vasiliy III, seeking the appointment of a new khan to the Kazan throne. On December 29, 1518, the *jarliq*, collaboratively composed by the Kazan *beys*, *seyyids*, *oghlands*, *karachis*, *mirzas*, *mollas*, and the populace of Kazan, was conveyed to Moscow by Kul Dervish. In this document, the inhabitants of Kazan petitioned Vasiliy III for a new khan, stating, "The Kazan lands are the property of Allah and you, the Great Prince, and we are the servants of Allah and you, the Great Ruler."¹ [23, p. 360–361]. Consequently, Shah Ali was appointed to the Kazan throne in April 1519, accompanied by a delegation that included Prince Dimitriy Fedorovich Belsky, Mikhail Yurev, and deacon Ivan Teleshev.

Mehmet Giray Khan's control over Kazan was constrained by internal struggles during this period. The conflict for the throne with his brother Ahmet Giray destabilized the political equilibrium of the Crimean Khanate; nevertheless, following the assassination of Ahmet Giray in March 1519, Mehmet Giray Khan attained a degree of stability in domestic matters. This stability enabled the Crimean Khanate to realign its foreign policy objectives. On October 21, 1520, Mehmet Giray Khan endeavored to counterbalance Moscow's dominance by establishing an alliance with Lithuania-Poland. The significance attributed to the Kazan Khanate by the Crimean Khanate was distinctly seen in the interactions between the Ottomans and Crimea during this period. Suleiman the Magnificent directed Mehmet Giray Khan to assault Lithuania-Poland during the 1521 Belgrade Campaign; however, this directive was not executed. In March or April of that year, Mehmet Giray Khan dispatched a letter to Suleiman the Magnificent, expressing grievances with the religious policies of the Grand Principality of Moscow at Kazan. Vasiliy III fired the Kazan judge, assigned priests to manage Muslim affairs, constructed churches, and enforced his religious rituals upon the Muslims² [22, pp. 112–113]. This circumstance illustrates that Kazan was not merely a political objective for the Crimean Khanate, but also a locus of religious and cultural conflict.

In March/April 1521, Mehmet Giray Khan executed his strategy to install Sahib Giray on the Kazan throne to augment his authority over Kazan. According to Gülbün-i Hânân, he dispatched Sahib Giray to Kazan with a limited contingent of soldiers, and as reported by the *dizdar* of Azak, with 300 men commanded by Mertyak Mirza³ [22, pp. 112–113; 14, p. 59]. Sahib Giray succeeded to the Kazan throne in the spring of 1521, resulting in a significant shift in the power dynamics along the Volga. Serkan Acar's evaluation indicates that the Girays' conquest of the Kazan Khanate was a significant political and military turning point in the region, offering a strategic advantage by encircling the Grand Principality of Moscow from the south and east [2, p. 179–180]. The Crimean Khanate's impact on Kazan indicates that the Kazan Khanate served not merely as an ally, but also as a crucial component in encircling Moscow and sustaining the equilibrium of power.

The ascension of Sahib Giray to the Kazan throne exacerbated tensions between Crimea and Moscow. In the correspondence from Mehmet Giray Khan to Suleiman the Magnificent, dated March/April 1521, it is indicated that following

¹ RGADA, F. 123, Op. 1, Kn. 6, L. 34.

² BOA, TSMA. E. 1308/2; RGADA, F. 89, Op. 1, Kn. 3, L. 190ob–192.

³ BOA, TSMA. E. 1308/2; RGADA, F. 123, Op. 1, Kn. 1, L. 140ob.

Sahib Giray's accession to the Kazan throne, Vasiliy III dispatched a substantial contingent of soldiers to Kazan, secured the passes and bridges, obstructed access to and from the khanate's borders, and besieged the Kazan Khanate. A survivor of the siege approached Mehmet Giray Khan to solicit assistance⁴ [22, pp. 112–113; 10, p. 133]. Herberstein states that Mehmet Giray Khan, upon recognizing the allegiance of the Kazan populace to Sahib Giray and the absence of threat to his brother, devised strategies to confront Moscow [40, p. 61]. Subsequent to these events, Mehmet Giray Khan, alongside his brother Sahib Giray, commenced preparations for a substantial offensive aimed at compelling the Grand Principality of Moscow to acknowledge the alteration of authority following the reestablishment of order in Kazan [7, p. 782].

In July 1521, Mehmet Giray Khan, during his assault on the Grand Principality of Moscow, mobilized the Lithuanian-Polish and Nogay forces and progressed towards the Oka River [23, p. 420–422; 32, p. 269; 30, p. 401; 31, p. 203]. The extent and planning of the assault indicate that Mehmet Giray Khan had orchestrated this operation far in advance. Despite the intelligence relayed by Zanka Vasilyev Zudov to Moscow on May 20, 1521, which indicated that Mehmet Giray Khan had invited Astarkhan Khan Canibek Khan to participate in the expedition, Russian chronicles and Sahib Giray's decree from April 1538 reveal that this assault was unexpected for the Grand Principality of Moscow⁵ [23, p. 420–422; 32, p. 269; 30, p. 401; 31, p. 203]. This abrupt and extensive offensive by Mehmet Giray Khan served as a significant manifestation of the pressure exerted by the Kazan and Crimean alliance on Moscow.

In 1521, the Crimean and Moscow armies confronted each other in the contest for supremacy over Kazan. Herberstein reports that upon learning of Mehmet Giray Khan's arrival, Vasiliy III promptly assembled an army led by Dimitry Fedorovich Belskiy and dispatched it to the cities along the Oka River [40, p. 61]. The Litsevoy Letopisniy Svod states that the Tatars swiftly traversed the Oka River and arrived at the opposite bank due to the “transgressions of the Russians and god’s help” [23, p. 426–428]. Following the rapid crossing of the Oka River by the Crimean army, the Moscow army, led by Dimitry Fedorovich Belskiy, disbanded after the initial engagement with the Crimean forces. Subsequently, Mehmet Giray Khan arrived in Kolomna, where he encountered Prince Yuri Ondreyevich Hoholkov and Mikita Mihaylov, the son of Kleopin Kutuzov, and commenced a siege of the city [40, p. 15,66–67].

Khan of Kazan, Sahib Giray, initially raided Nizhny Novgorod and Vladimir before proceeding to see his elder brother, Mehmet Giray Khan, at Kolomna. Upon discovering the unification of the two Tatar Khanates in Kolomna, Vasiliy III, believing he lacked the capacity to oppose them, entrusted the defense of Moscow to Huday Kul, the son of Ibrahim Khan and Fatma Sultan Bike, who had been brought to Moscow, baptized, and renamed Pyotr. He then fled to Volokolamsk, located approximately 100 km northwest [23, p. 426–428; 40, p. 61–62]. Following the unification of the Crimean and Kazan forces in Kolomna, they advanced to Moscow and commenced a siege of the city. Regrettably, no more sources of infor-

⁴ BOA, TSMA. E. 1308/2.

⁵ RGADA, F. 123, Op. 1, Kn. 8, L. 491; RGADA, F. 89, Op. 1, Kn. 1, L. 140ob; 141–141ob.

mation have been identified except than Herberstein. Herberstein states that on July 26, 1521, the German bombers in Moscow, particularly Nicholas from the Spier region, assumed full control due to the cowardice of Huday Kul Pyotr and other leaders in the city, who failed to mount a defense [40, p. 62–63]. On July 29, 1521, the Tatars infiltrated the Grand Principality of Moscow, ignited conflagrations in the vicinity, and besieged Moscow.

Mehmet Giray Khan's report from March/April 1521 indicates that the Nogays were vigilant over the potential alliance with the Astrakhan Khanate to launch an assault on Crimea.⁶ [22, pp. 112–113]. The worry of Mehmet Giray Khan materialized as he stormed Moscow alongside Sahib Giray. In the report of Zanka Vasilyev Zudov, dated 20 May 1521, it is noted that the Astrakhan Khan, Canibek Khan, declined to partake in the expedition against Moscow.⁷ Consequently, Canibek Khan, presumably an ally of Moscow, exploited Mehmet Giray Khan's presence in Moscow along with the Crimean army by sent 580 Astrakhan men to assault Crimea. The Crimean populace, unprepared for the assault, preserved their lives by seeking sanctuary in the Ottoman territory of Kefe. The Astarkhan warriors withdrew after appropriating numerous animals and capturing them [36, p. 179; 2, p. 265; 17, p. 469]. Mehmet Giray Khan and Sahib Giray Khan, who were besieging Moscow, received news of the Astarkhan Khanate forces' attack on Crimea. During that period, Pyotr (Huday Kul) and the commanders dispatched several gifts, primarily mead, to convince Mehmet Giray to alleviate the siege. Mehmet Giray Khan accepted the gifts and pledged to not only end the siege but also vacate the territories of the Grand Principality of Moscow, contingent upon Vasily III's agreement to pay the *tish*, as his forebears had done [40, p. 63]. In a state of desperation, Vasily III vowed to be the Khan's perpetual tributary and consented to pay the *tish* annually [20, p. 171; 41, p. 571].

It is highly likely that Mehmet Giray Khan had no intentions of seizing Moscow. He conducted this expedition to compel Sahib Giray Khan to acknowledge the Kazan Khanate and to subjugate Vasily III. Russian chronicles indicate that Mehmet Giray Khan departed from the territories of the Grand Principality of Moscow upon observing Vasily III approaching Kolomna. It seemed illogical for Mehmet Giray Khan to escape Moscow due to apprehension over an individual who had previously fled and consented to pay the *tiş* [32, p. 269; 29, p. 38; 30, p. 402]. The mission proved to be highly advantageous for Crimea and the Kazan Khanate. Alongside Vasily III's submission and agreement to pay the *tiş*, Herberstein reports that Mehmet Giray Khan and Sahib Giray Khan returned with a substantial number of captives from the Moscow expedition. Mehmet Giray Khan sold almost 800,000 captives to the Ottomans in Caffa, and some of these captives returned to Moscow after paying their ransom. [40, p. 65]

Alongside his elder brother Mehmet Giray Khan for around two years. This is attributable to the successful outcome of the Moscow expedition, which dismantled Moscow's authority, rendering it incapable of intervening in the Kazan Khanate. The Kazan Khanate, governed by Sahib Giray Khan, who was liberated from Moscow's influence, underwent a period of tranquility lasting around two years. The

⁶ BOA, TSMA. E. 1308/2.

⁷ RGADA, F. 89, Op. 1, Kn. 1, L. 141–141ob.

sole historical document from this period is Sahib Giray Khan's tarkhanlik jarliq, dated January 1, 1523 [21, p. 68].

The era of peace in the Kazan Khanate was interrupted in the spring of 1523. Mehmet Giray Khan advanced towards Astar Khan with several objectives: to exact vengeance on the Astar Khanids who assaulted Crimea in 1521; to relocate and settle all Tatars and Nogays residing in Astar Khan to Crimea to augment its territory and population, as documented in the *Es-Seb'ü's-Seyyar Fi Ahbâr-ı Mülûki't-Tatar Çelebi Akay Tarihi*; and to seize control of the Astar Khan Khanate, appointing his son as its sovereign, in accordance with his designation as Ulugh Khan of the Ulugh Orda, Desht-i Kipchak, and Padishah of All Mongols. As Mehmet Giray Khan proceeded towards Astar Khan, Sahib Giray Khan, for unspecified reasons in Russian accounts, commanded the execution of Vasily Yurevich Pocegin, the Moscow ambassador who had arrived in Kazan in the spring of 1523, along with the Christians present in Kazan at that time [23, p. 464; 32, p. 270; 29, p. 43; 30, p. 402]. Simultaneously, Evliya Mirza, who traveled to the Lithuanian-Polish State, executed a treaty between the Crimean Khanate and the Lithuanian-Polish State [19, p. 663–664]. Consequently, a coalition was formed between the Crimean Khanate and the Lithuanian-Polish State against the Grand Principality of Moscow.

Mehmet Giray Khan likely besieged Astrakhan, governed by Hüseyin Khan, the progeny of Canibek Khan, in mid-March. Hüseyin Khan absconded from the city before to the arrival of the Crimean army. Consequently, Astrakhan was surrendered to the Crimean Khanate without resistance. Mehmet Giray Khan designated his son Bahadır Giray as the sovereign of the Astrakhan Khanate [14, p. 60; 41, p. 571; 42, p. 114; 9, p. 322]. Mehmet Giray Khan designated his brother Sahib Giray Khan as the sovereign of the Kazan Khanate, and his son Bahadır Giray as the sovereign of the Astrakhan Khanate. Consequently, the majority of the Golden Horde State was consolidated under the governance of the Giray Dynasty.

According to the historical accounts of *Es-Seb'ü's-Seyyar Fi Ahbâr-ı Mülûki't-Tatar* and *Çelebi Akay*, in October/November 1523, as per *Gülbün-i Hânân* in January 1523, and based on the testimony of Moscow ambassador Ivan Kolichev, likely in March 1523, Agish Mirza and Mamay Mirza, Nogays loyal to Mehmet Giray Khan, conducted a nocturnal raid on the camp, resulting in the assassination of the 58-year-old Mehmet Giray Khan and numerous Crimean Tatar soldiers. They plundered the camp's wealth and retreated to the steppe⁸ [34, p. 117; 11, p. 119; 14, p. 57].

Due to the difficult situation of the Crimean Khanate, Vasiliy III took action at the most appropriate moment against Sahib Giray Khan, who was deprived of support after his elder brother Mehmet Giray Khan. Wanting to legitimize his movement against Kazan, Vasiliy III ostensibly appointed Shah Ali as the head of the army and sent him to Kazan with the river fleet via the Volga River. In addition, he mobilized land forces to capture the surroundings of Kazan [23, p. 465–466]. The campaign ended before Shah Ali could be appointed as the head of the Kazan Khanate. However, Vasiliy III. Vasiliy had a wooden fortress called Vasilsursk or Vasilgrad built on the lands of the Kazan Khanate, at the point where the Sura River flows into the Volga River, in order to protect the Grand Principality of Moscow from attacks from Kazan via the Volga River and to serve as an outpost in

⁸ RGADA, F. 123, Op. 1, Kn. 6, L. 2–8.

future attacks on the Kazan Khanate [23, pp. 467–468; 32, p. 270; 31, p. 203; 26, p. 46; 12, p. 126; 24, p. 362].

The Kazan Khanate in the Foreign Policy of Saadet Giray Khan's Era

After the demise of Mehmet Giray Khan, Saadet Giray, backed by Suleiman the Magnificent, was dispatched from Istanbul to Kefe with 200 janissaries in June 1523.⁹

The initial *jarliq* dispatched by Saadet Giray Khan to Moscow following his ascension to the throne distinctly illustrates the pivotal significance Kazan held for the Crimean Khanate. The decree dated August 27, 1523, contained the following assertion: “Sultan Suleyman Khan is my brother. Astarkhan Khan Huseyin Khan is my sibling. Kazan Khan Sahib Giray Khan is my blood brother, and Kazakh Khan is likewise my brother. Agish Bey is my subordinate; the Circassians and Taman are under my dominion. Lithuania-Poland is my subordinate, whereas Moldavians (Boghdan) are my allies. Those I want to be friends with are thankful to God”¹⁰. Furthermore, Saadet Giray Khan dispatched an ambassador to Moscow to safeguard Sahib Giray's standing in Kazan. Ambassador Hudayar, who arrived in Moscow on September 9, 1523, requested Vasiliy III to dispatch an ambassador to Kazan and to cultivate amicable relations with Sahib Giray Khan, akin to those with Saadet Giray Khan. To demonstrate this friendship, he advised against sending military forces to Kazan and urged the establishment of peace with the populace of Kazan.¹¹ On the same date, during the reign of Devlet Bahtı Bey of Baryns, it was documented that the Crimean Khanate and the Kazan Khanate were, in fact, the same entity coexisting in the same territory¹². The ambassadorial *gramota* of Ostanya Andreyev, dispatched from Moscow to Crimea in December 1523, once again underscored the sensitivity of the Kazan situation. The *gramota* accompanying the embassy of Ostanya Andreyev indicated that the Kazan Khans were appointed by the decree of Vasiliy III; however, Sahib Giray Khan seized Kazan without Vasiliy III's consent. Nonetheless, they consented to establish peace with Sahib Giray Khan to foster amicable relations with Saadet Giray Khan¹³.

During the initial years of Saadet Giray Khan's rule, it is evident that the Kazan Khanate was paramount in his foreign policy. On October 26, 1523, the ambassador of Kazan Khan Sahib Giray Khan, Shah Hüseyin Seyyid, arrived in Crimea and bestowed onto Saadet Giray Khan silver, garments, and horses. Furthermore, he indicated that Vasiliy III established a city named Vasilsursk or Vasilgrad at the confluence of the Sura River, and that this endeavor was a precursor to a military campaign against Kazan. Sahib Giray Khan acknowledged that an assault by the Moscow army on Kazan was imminent and informed Saadet Giray Khan that the cannons, rifles, and janissaries he had previously requested were delivered in limited quantities, rendering resistance against Moscow unfeasible with the current inadequate armament. Observing Moscow's resolve to seize Kazan, Saadet Giray Khan dispatched an ambassador to Istanbul, requesting Suleiman the Magnificent to provide Vasiliy III with a letter. He insisted that Vasiliy obstruct his deployment

⁹ RGADA, F. 123, Op. 1, Kn. 6, L. 4ob–5.

¹⁰ RGADA, F. 123, Op. 1, Kn. 6, L. 8–9ob.

¹¹ RGADA, F. 123, Op. 1, Kn. 6, L. 9ob.

¹² RGADA, F. 123, Op. 1, Kn. 6, L. 12ob.

¹³ RGADA, F. 123, Op. 1, Kn. 6, L. 17ob–19ob; 24–42.

of an army to Kazan and instruct him to negotiate peace with Sahib Giray Khan. Nonetheless, the Grand Principality of Moscow postponed Saadet Giray Khan by pledging to negotiate peace with Sahib Giray Khan; concurrently, Suleiman the Magnificent refrained from taking any measures to deter Vasiliy III from his war against Kazan.

Exploiting the circumstances of the Crimean Khanate, Vasiliy III dispatched Shah Ali to Kazan with a naval fleet of 150,000 troops and a terrestrial army, as documented in the *Kazanskaya İstoriya*, which he provided in the spring of 1524 [16, p. 67]. Upon learning of a substantial Russian force advancing on Kazan, Sahib Giray Khan appointed his 13-year-old nephew, Safa Giray, as the regent of the Kazan Khanate and proceeded to Crimea [12, p. 129]. Russian sources indicate that Sahib Giray Khan retreated upon encountering the substantial Russian force before him [32, p. 270; 23, pp. 473–476; 35, p. 269]. As per *Es-Seb'ü's-Seyyar Fi Ahbâr-ı Mülûki't-Tatar Çelebi Akay Tarihi*, and *Tarih-i Sahib Giray Han*, Sahib Giray Khan departed from the Kazan Khanate and traveled to Istanbul under the pretense of undertaking a pilgrimage [34, p. 120; 11, p. 123; 38, p. 20; 13, p. 8]. The Grand Principality of Moscow's assault on the Kazan Khanate, prompting Sahib Giray's retreat to Crimea, was thwarted by the Kazan populace. Consequently, it was recognized that the Kazan faction incurred significant losses and proposed peace to Moscow. Although the Kazan Khanate incurred losses, the Moscow faction also saw a depletion of its logistical resources and armaments. Consequently, Moscow was compelled to accept both the peace proposal from the Kazan Khanate and Safa Giray's Kazan Khanate. Consequently, following Sahib Giray, another member of the Giray dynasty ascended to the Kazan throne. Saadet Giray Khan garnered the benefits of prioritizing Kazan in foreign policy from the outset of his reign.

The internal strife inside the Crimean Khanate further undermined its foreign strategy. The same *beys* who deemed Mehmet Giray excessively authoritarian and elevated Saadet Giray to the throne now contemplated deposing him in favor of İslam Giray (the son of Mehmet Giray Khan), whom they believed they could manipulate with more ease. The subsequent conflict between Moscow and the Crimean Khanate in 1529 arose from the detention of ambassadors, linked to the Kazan Khanate. Saadet Giray Khan's letter to Moscow in June 1529 illustrates the influence of Sahib Giray: “My brother Sahib Giray, during his tenure as Kazan Khan, dispatched Elyuka Bey and his attendant Idil Hacı Duван to you. Elyuka Bey has deceased, as previously stated. My brother Sahib Giray requests that you send Idil Hacı Duван to us while he is still alive. Sahib Giray prostrates before us. I shall comply with his request. You, my brother, the Great Prince, are well aware that I possess no authority without Sahib Giray. Consequently, please do not let us down and send Idil Hacı Duван”.

In June 1529, Moscow's diplomat Stepan Zlobin visited Crimea. Vasiliy III, however, refrained from sending usual presents to Stepan Zlobin due to his indifference towards Saadet Giray Khan. Saadet Giray Khan, incensed by the situation, captured Stepan Zlobin and had all accompanying diplomatic personnel sold into slavery. On November 29, 1529, Saadet Giray Khan dispatched his envoy Isenyar to Moscow and accepted a gift from Vasiliy III. It was reported that Stepan Zlobin

would be released in exchange. Section III. Vasiliy did not respond to Saadet Giray Khan's requests.¹⁴

In May 1531, amidst a resurgence of civil war in the Crimean Khanate, a pro-Russian faction rallied around Gevherşad Bike, sister of Muhammed Emin Khan, opposing Safa Giray, who had assumed leadership of the Kazan Khanate in 1524. The Kazan nobility acted to depose him and requested Vasiliy III to appoint a khan to the Kazan throne. Safa Giray, having lost his crown, initially sought refuge with his father-in-law Mamay Mirza of the Nogays before proceeding to Crimea. Kasım Khan Can Ali was dispatched in place of Safa Giray [2, p. 201–202]. Saadet Giray, the sovereign of the Crimean Khanate who was defeated at Kazan, was subsequently deposed by İslam Giray in 1532. Nonetheless, İslam Giray, cognizant of his inability to retain the throne without the sultan's endorsement, requested the dispatch of a khan from Istanbul to Crimea [34, p. 119; 11, p. 122–123]. Sahib Giray Khan traveled from Istanbul to claim the Crimean crown, arriving in Akkerman in January 1533, and subsequently entered Crimea to seize the throne.

Kazan's Policy Under Sahib Giray Khan

Sahib Giray Khan dispatched his envoy Sultanyar to Moscow in May 1533, "With the permission of Allah and the favor of the Sultan, I am the Khan of the land of my grandfather and father. You, my brother Vasiliy, must have been pleased with my taking over the Khanate. As has been the custom since the time of our fathers and grandfathers, now you too send your gifts to us, our sons and our gentlemen. Thus, friendship will be preserved between us."¹⁵ [44, p. 168–169; 32, p. 283; 29, p. 69].

In reply to Sahib Giray Khan's envoy, Vasiliy III resolved to dispatch his ambassador Vasiliy Levashev, who had been previously prepared for a mission to Crimea but had not been despatched. Similar to the era of Saadet Giray, Sahib Giray initially concentrated on the Kazan matter. Sahib Giray Khan inquired to ascertain the situation in the Kazan Khanate. Vasiliy Levashev reported that the malefactors in Kazan had elected a khan without Vasiliy III's consent and were unwilling to serve him. Subsequently, Gevherşad Bike, the beys, and the populace submitted to Vasiliy III, requesting the appointment of a khan. Vasiliy III acquiesced to this request and dispatched Can Ali Khan, thereby establishing Vasiliy III's control over the Kazan Khanate. He stated that he served Vasiliy.¹⁶

In 1533, Vasiliy III passed away and was succeeded by Ivan IV, who opted to dispatch envoys to Crimea, including Sahib Giray Khan's representatives alongside his own envoy, Ivan Chelishev. In February 1534, the group landed in Crimea, and Ivan Chelishev presented himself before Sahib Giray Khan. Sahib Giray Khan expressed interest in Kazan and inquired about the status of the trip. Ivan Chelishev provided a same response to the same inquiry and circumvented the matter.¹⁷

Prior to Sahib Giray Khan's substantial endeavors in foreign policy concerning Kazan, İslam Giray instigated a rebellion. Despite the Crimean Khanate's inaction throughout its internal strife, the control exerted by Moscow over Can Ali Khan during this time began to unsettle the populace of Kazan. The demise of Vasiliy III

¹⁴ RGADA, F. 123, Op. 1, Kn. 6, L. 287ob–288; 288ob–289ob; 296–296ob.

¹⁵ RGADA, F. 123, Op. 1, Kn. 7, L. 4ob–6;

¹⁶ RGADA, F. 123, Op. 1, Kn. 7, L. 48.

¹⁷ RGADA, F. 123, Op. 1, Kn. 8, L. 20–20ob.

created a power vacuum in the Grand Principality of Moscow, thereby alleviating Russian pressure on Kazan. Safa Giray likely passed away in late spring or early summer; he departed from İslam Giray and traveled to Kazan. Safa Giray's entry in Kazan intensified the opposition against Can Ali Khan, capitalizing on the circumstances in the Grand Principality of Moscow. On September 25, 1535, Gevherşad Bike, who had earlier usurped Safa Giray, garnered the backing of Bulat Bey and the populace of Kazan, assassinated Can Ali Khan, and reinstated Safa Giray to the Kazan throne [2, p. 208].

The Crimean Khanate's increased focus on Kazan occurred only after the death of İslam Giray in 1537. Sahib Giray Khan redirected his attention to the Kazan Khanate matter, which he had been unable to address during İslam Giray's lifetime, and launched a direct assault on the Grand Principality of Moscow. Issued an ultimatum:

“The Kazan lands are my homeland and Safa Giray Khan is my brother. From this day on, you will not send soldiers to the Kazan lands. Also, if you do not want the peace between us to be broken, you will not send your ambassadors and guests to Kazan. If you go to Kazan with your army after our favor has come to you, the peace between us will be broken. Then, with God's permission, you will see me in Moscow. Do not think to yourself that there will only be Tatars against me. In addition to the Tatar army under my command, the cannon and rifle soldiers of the Great Sultan [Suleiman the Magnificent], the Ruler of the World, will also be with us. Thus, I will come with my army consisting of cavalry and janissaries. Whoever wants friendship or hostility will know the consequences and will not profit... If you do not make peace with Kazan and do not send us an ambassador, know that Kazan's friend is our friend and his enemy is our enemy. Now we are sending our man Televliya to my brother Safa Giray Khan. When our son Televliya comes to you, do not take him prisoner and let him go to Kazan. If you want to send an envoy to my brother Safa Giray Khan after today, we will send an envoy to you first. You will send your envoy to Kazan together with the envoy we sent you. Kazan is our throne, our land. If you do not accept our words written in this bequest and march on Kazan, then we will not be friends. Do not think about cunning, thinking later will not be of any use. If you think of holding us at the Oka River, do not put your hopes in water. You will suffer the consequences. First of all, remember how Mehmet Giray Khan crossed the Oka River; and now my power, army and what I can do are much greater. Moreover, know that I have an army of 100,000 people and 5,000 janissaries at my command”.¹⁸

On February 22, 1538, Sahib Giray dispatched another envoy, Bayim, who reiterated that Ivan IV should negotiate peace with the Kazan Khanate and refrain from deploying military forces. In 1541, during diplomatic negotiations between the two realms, Bulat Bey and five officials initiated a communication with Ivan IV in Kazan. In May 1541, they dispatched Çabıke and his associates to Moscow, expressing that “Our desire is to serve the Great Prince. To achieve this objective, we can eliminate Safa Giray Khan or surrender him to the Russian voivodes. The citizens of Kazan are likewise dissatisfied with the Khan. He revoked the authority to collect *yasak* (tax) from numerous aristocrats and conferred it upon the Crimeans. He inflicted significant damage upon the inhabitants of the region. He

¹⁸ RGADA, F. 123, Op. 1, Kn. 8, L. 419–421ob.

dispatched the funds he amassed in his treasury to Crimea” [2, p. 212; 29, p. 99–100; 43, p. 579–581].

Ivan IV seized the chance to reinstall a loyal khan at the helm of the Kazan Khanate and planned to dispatch Prince Ivan Vasilyevich Shuisky along with other governors to Kazan. Nonetheless, the Moscow Principedom committed a significant tactical error by dispatching Haji Ferhat, the envoy of Sahib Giray Khan in Moscow, to Crimea on May 8. Upon arriving in Crimea, Haji Ferhat initially stated that Ivan IV was poised to dispatch an army to Kazan to depose Safa Giray Khan [43, pp. 582–584]. The primary impediment faced in the operations conducted by the Crimean Khanate against Moscow was the Oka River. At that time, Semyon Fedorovich Belskiy, a vassal of Sahib Giray Khan residing in Kolomna along the Oka River for many years, claimed knowledge of a shallow crossing point of the Oka River, which presented a significant opportunity for Sahib Giray Khan to thwart Ivan IV’s military advance towards Kazan [43, p. 56–57].

Upon learning of the approaching Crimean army, Ivan IV dispatched a courier to the Governor of Putivl, Fedor Plesheyev, instructing him to alert all settlements along the Tatars’ route. Subsequently, on July 21, 1541, he deployed his army to the banks of the Oka River. If the Oka River line was breached, a secondary defense line was constructed along the Pahra River. Shah Ali Shibanskiy, Yuriy Mikhailovich Bulgakov, and numerous others were dispatched there [43, p. 589–593]. Sahib Giray Khan and the Crimean army, unable to penetrate the fortifications at the Oka River, opted to withdraw [43, p. 628–631]. That year, he commanded his men to lay siege to Pronsk. Nonetheless, this siege was unsuccessful, prompting Sahib Giray Khan to terminate the siege and command a return to Crimea via the Don River [43, p. 644–654].

A further action against the Crimean Khanate’s supremacy over the Kazan Khanate occurred in 1545. During the summer of 1545, a pro-Russian faction in Kazan apprehended 30 noblemen from the Crimean Khanate and surrendered them to Ivan IV. This faction, having secured Ivan IV’s favor via this act of treachery, solicited him to appoint a khan to Kazan. Ivan IV, eager to seize this chance, dispatched an army to depose Safa Giray Khan, the reigning monarch of Kazan. In January 1546, upon reports of the Russian army’s advance near Kazan, a rebellion was orchestrated against Safa Giray Khan by the pro-Russian faction in Kazan. Consequently, Safa Giray Khan was compelled to evacuate the city [2, p. 214]. In June 1546, Shah Ali, with the backing of Ivan IV, was reinstated as the ruler of the Kazan Khanate. In July 1546, Safa Giray Khan, with the assistance of the Nogay soldiers, returned to Kazan and reclaimed his throne [44, p. 69]. This episode signifies a crucial phase in the persistent fight between the Crimean Khanate and Moscow in their quest for supremacy over the Kazan Khanate.

Beginning in 1549, a sequence of events transpired that fundamentally altered the Kazan policy of the Crimean Khanate and resulted in the abrogation of Kazan’s sovereignty. Safa Giray Khan passed away on March 25, 1549 [45, p. 390]. Upon Safa Giray Khan’s demise, he left his sons Bölek Giray and Mübarak Giray, aged 13 and present in Crimea, as well as Ötemiş Giray, who was 3 years old. Three-year-old Ötemiş Giray temporarily assumed the role of regent of Süyün Bike, replacing Safa Giray Khan [39, p. 31–32]. Sahip Giray progressively augmented his influence in the northern Black Sea region and endeavored to attain autonomy from the Ottoman Empire. Nonetheless, his primary impediment to independence was Devlet Giray,

who was present in Istanbul at that time. He additionally solicited from Istanbul the dispatch of Devlet Giray, whom he saw as a contender for the Crimean Khanate throne, to assume the Kazan kingdom [38, p. 120]. Suleiman the Magnificent had earlier informed Rüstem Pasha of his intention to depose Sahib Giray Khan, asserting that he would resolve the matter effortlessly. The anticipated opportunity arose when the request to send Devlet Giray to Kazan was made. In response to Sahib Giray Khan's plan, Rüstem Pasha devised his own strategy. He addressed Suleiman the Magnificent as follows: "My Sovereign! Matters have become easier in your realm. Sahib Giray Khan wishes to send his elder brother, Devlet Giray Sultan, to Kazan as Khan because Safa Giray Khan, the ruler of that land, has passed away, and a new khan must be appointed in his place. Now, such an opportunity will not come again. Let us immediately send Devlet Giray Sultan to Kazan and place him on the Crimean throne. Let us send Sahib Giray Khan to the Circassians. As soon as he departs, Devlet Giray will go and take his throne" [38, s. 120]. This plan, devised by Rüstem Pasha, proved successful. In 1550, Sahib Giray and all his sons were killed, and Devlet Giray ascended the Crimean throne as Khan.

Nonetheless, Devlet Giray Khan was unable to employ military might to attain success in foreign policy to the same extent as Mehmet Giray Khan and Sahib Giray Khan. A faction within the Kazan Khanate that resisted the Giray Dynasty governance petitioned Ivan IV to reinstate the former Khan Shah Ali to power. In August 1551, the pro-Moscow faction apprehended Süyün Bike and Kazan Khan Ötemiş Giray, subsequently transferring them to the Russian army [2, p. 235–237]. In contrast, Devlet Giray Khan was unable to undertake any actions akin to those of Mehmet Giray Khan, who assaulted Moscow to enforce the Kazan suzerainty of Sahib Giray Khan, or Sahib Giray Khan, who attacked the Grand Principality of Moscow to obstruct this scheme upon learning of the plot to depose Safa Giray Khan. The Giray Dynasty in Kazan concluded with Ötemiş Giray. Although Shah Ali (1551–1552) and subsequently Yadigar Muhammed Khan (1552) occupied the Kazan throne, the khanate's existence was short-lived, culminating in its annexation by the Grand Principality of Moscow in 1552.

Conclusion

The Kazan Khanate's political, cultural, and economic significance kept it a priority for the Crimean Khanate for several years. Contemporary records indicate that the Crimean Khanate's ambition to retain control over the Kazan Khanate significantly influenced its foreign policy. The diplomatic correspondence between the Grand Principality of Moscow and the Crimean Khanate, a significant historical source, reveals that the primary focus of many communications was the Kazan Khanate.

The study initially noted that both the Grand Principality of Moscow and the Crimean Khanate responded to each other's actions regarding the Kazan Khanate. While the Crimean Khanate was embroiled in internal strife, it was unable to execute its foreign policy successfully against Kazan, allowing the Grand Principality of Moscow to exploit this situation. It was noted that as the Crimean Khanate attained stability, it utilized its political and military might to impede the Grand Principality of Moscow.

Secondly, the study concluded that the assaults executed by members of the Giray Dynasty, who intermittently occupied the Kazan throne, on the territories of

the Principality of Moscow to establish their Khanate, underscored the significance of Kazan in the foreign policy of the Crimean Khanate. As bilateral relations with the Grand Principality of Moscow soured over the Kazan problem, the Crimean Khanate forged an alliance with the Lithuania-Polish State to maintain pressure on the Grand Principality of Moscow.

Thirdly, the policy concerning Kazan has influenced the relations between the Ottoman Empire and the Crimean Khanate. The Giray Dynasty exhibited a balanced maintenance of bilateral relations with the Ottoman Empire, particularly with the Kazan Khanate. The denial of Suleiman the Magnificent's appeal to summon Mehmet Giray Khan for assistance in 1521, owing to the Kazan matter, serves as the most notable illustration of this situation. During the reign of Saadet Giray Khan, Suleiman the Magnificent requested Moscow to exert pressure to prevent any actions against the Kazan Khanate. Nevertheless, it cannot be asserted that Suleiman the Magnificent was inclined to deploy military forces to secure these territories, which were somewhat distant from the Ottoman Empire. This position is linked to the Crimean Khanate's endeavor to maintain a balance of power, as the governance of the current territories was entrusted to the Crimean Khanate. Nonetheless, this apathy enabled the incorporation of Kazan and Astrakhan territories into Moscow's dominion.

Ultimately, it was determined that following the decline of the Kazan Khanate, the administrative boundaries of the Giray Dynasty were confined to the Crimean Khanate, a strategically significant location and trade route that fell under the control of the Grand Principality of Moscow. Furthermore, the Tatars, who had comprised the majority of the region's demographic composition for numerous years, came under the dominion of the Grand Principality of Moscow. Four years subsequent to the dissolution of the Kazan Khanate, the Astrakhan Khanate similarly fell under the control of the Grand Principality of Moscow.

REFERENCES

1. Abeşî, H. A. Türk Kavimleri Tarihi. İstanbul: Selenge Yayınları, 2019. (In Turkish)
2. Acar, S. Kazan Hanlığı-Moskova Knezliği Siyasi İlişkileri (1437–1552). Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 2013. (In Turkish)
3. Acar, S. Sibir Hanlığı. Avrasya'nın Sekiz Asrı Çengizogulları. İstanbul: Ötüken Yay, 2017. (In Turkish)
4. Akbaba, Y. An Example of Turkish-Tatar Urbanism in Siberia: Kyzyl Tura, *Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi*. 2024, vol. 61, pp. 47–67.
5. Akbaba, Y. and Arifoğlu, Y. Sibir Hanlığı'nın Ticaret Yolları Kökenler ve Rotalar, *Erzurum Teknik Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi*. 2025, vol. 21, pp. 217–229. (In Turkish)
6. Aksanov, A. Kazan Khanate. In: The History of The Tatars. Vol. 4, Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2014. (In Russian)
7. Aksanov, A. The Vilayet of Kazan. In: The Golden Horde in World History. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016. (In Russian)
8. Bahrushin, S. V. Scientific Works. Vol. 3. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1955. (In Russian)
9. Başer, A. Kırım Hanlığı. Ötüken'den Kırım'a Türk Dünyası Kültür Tarihi. İstanbul: Ötüken Neşriyat, 2020, pp. 319–340. (In Turkish)

10. Başer, A. Relationship Between the Crimean Khanate and The Polish-Lithuanian State During The Reign of Devlet I Giray and Mehmed II Giray in Mühimme Defters, *Acta Poloniae Historica*. Iss. 127, 2023, pp. 131–165.
11. Can, A. Hurremî Çelebi Akay Tarihi. Marmara Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Enstitüsü, (Unpublished Doctoral Thesis). İstanbul, 2022. (In Turkish)
12. Fahreddin, R. Altın Ordu ve Kazan Hanları. İstanbul: Kaknüs Yayınları, 2003. (In Turkish)
13. Gökbilgin, Ö. 1532-1577 Yılları Arasında Kırım Hanlığı'nın Siyasi Durumu. Ankara: Sevinç Matbaası. 1973. (In Turkish)
14. Halîm Giray. Gülbün-i Hânân. Ankara: T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları. 2019. (In Ottoman Turkish)
15. Hudyakov, M. Kazan Hanlığı Tarihi. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları. 2018. (In Turkish)
16. History of Kazan. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1954. (In Russian)
17. Koç, D. Aşağı İdil Boyunda Hakimiyet Mücadelesi ve Astarhan (Hacı Tarhan) Hanlığı. *Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi*. 2012, vol. 12, no. 1, pp. 455–494. (In Turkish)
18. Koç, D. İtil Bulgarları. Doğu Avrupa Türk Tarihi. İstanbul: Kitabevi Yayınları. 2018. (In Turkish)
19. Kolodziejczyk, D. The Crimean Khanate and Poland Lithuania. Leiden-Boston: Brill 2011.
20. Kurat, A. N. IV-XVIII. Yüzyıllarda Karadeniz Kuzeyindeki Türk Kavimleri ve Devletleri. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları. 2019. (In Turkish)
21. Kurban, İ. Yaşlı Tarihin Yankısı. İstanbul: Bilge Kültür Sanat Yayınları, 2014. (In Turkish)
22. Le Khanat de Crimée dans les Arhives du Musée du Palais de Topkapı. Chantal Lemerrier-Quelquejay. Paris, 1978. (In French- Ottoman Turkish)
23. The Illustrated Chronicle of the 16th Century. Book 18. Moscow: Akteon, 2014. (In Russian)
24. Martin, J. Medieval Russia 980-1584. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
25. Maslyuzhenko, D. N. and Ryabinina, E. A. Trade, Military and Diplomatic Routes of the Tyumen and Siberian Khanates, The Western Direction. In Between East and West: The Movement of Cultures, Technologies and Empires. Vladivostok: Dalnauka, 2017, pp. 195–198. (In Russian)
26. Morgan, E. D. and Coote, C. H. Early Voyages and Travels to Russia and Persia By Anthony Jenkinson and Other Englishmen. Vol. 1. New York: Burt Franklin, 1886.
27. Ostrowski, D. Kazan Hanlığı'nda İdarî Yapı. Genel Türk Tarihi. Ankara: Yeni Türkiye Yayınları, 2002. (In Turkish)
28. Monuments of the Diplomatic Relations of the Muscovite State with Crimea, the Nogais, and Türkiye, 1508-1521. Vol 2, Collection of the Imperial Russian Historical Society. Iss. 95, St. Petersburg, 1985. (In Russian)
29. PSRL. Vol. 13, Part 1, Nikon Chronicle. Published by the Imperial Archaeographic Commission. St. Petersburg, 1904. (In Russian)
30. PSRL. Vol. 20, Part 1, Lviv Chronicle. Published by the Imperial Archaeographic Commission. St. Petersburg, 1910. (In Russian)
31. PSRL. Vol. 23, Yermolin Chronicle. Published by the Imperial Archaeographic Commission. St. Petersburg, 1910. (In Russian)
32. PSRL. Vol. 8, Continuation according to the Voskresensky Manuscript. St. Petersburg, 1859. (In Russian)
33. Remezov, S. U. The Drawing Book of Siberia. Tobolsk, 1701. (In Russian)
34. Rızâ, S. M. Es-Seb'ü's-Seyyar Fi Ahbâr-ı Mülûki't-Tatar (İnceleme- Tenkitli Metin). Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 2020. (In Ottoman Turkish)

35. Solovyov, S. M. History of Russia from Earliest Times. Book 3, vols. 5-6. Publishing House of Socio-Economic Literature. Moscow, 1960. (In Russian)
36. Sroeckovsky, V. E. Muhammed Geray Han ve Vassalları. Ankara: Su Yayınları, 1978. (In Turkish)
37. Şahin, L. Tatar-Başkurt İlişkileri. Tarihten Bugüne Başkurtlar. İstanbul: Ötüken Neşriyat, 2008. (In Turkish)
38. Tarih-i Sahip Giray Han. Ankara: Baylan Matbaası, 1973. (In Ottoman Turkish)
39. Taymas, A. B. Kazan Türkleri. Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1966. (In Turkish)
40. Von Herberstein, S. Notes Upon Russia. London: Hakluyt Society, 1851.
41. Vozgrin, V. Ye. History of the Crimean Tatars. Vol. 1. Simferopol: Thesis Publishing House, 2013. (In Russian)
42. Zaitsev, İ. V. Astarhan Hanlığı'nın Sınırları. *Tarih İncelemeleri Dergisi*. 2009, vol. 24, no. 2, pp. 171–178. (In Turkish)
43. The Illustrated Chronicle of the 16th Century. Book 19. Moscow: Akteon, 2014. (In Russian)
44. Trepavlov, V. V. The Horde of Autonomy: The Nomadic Empire of the Nogais, 15th–16th Centuries. Moscow: Kvadriha, 2013. (In Russian)
45. The Illustrated Chronicle of the 16th Century. Book 20. Moscow: Akteon, 2014. (In Russian)

ЗНАЧЕНИЕ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КРЫМСКОГО ХАНСТВА

Умут Йолсевер

Независимый исследователь

Эскишехир, Турция

umutyolsever44@gmail.com

Резюме. В данном исследовании рассматривается роль Казанского ханства во внешней политике Крымского ханства, а также анализируется его политическое, экономическое и культурное значение на основе летописей и архивных документов. Казанское ханство имело стратегическое значение для Крымского ханства в борьбе за наследие Золотой Орды и установление влияния на Москву. В период правления Менгли Гирея и Мехмеда Гирея Казань стала ключевым элементом в отношениях Крыма с Москвой. Мехмед Гирей стремился усилить влияние Крыма в регионе, посадив на казанский престол своего брата Сахиб Гирея. Однако внутренние разногласия в Крымском ханстве и возрастающее давление со стороны Москвы затрудняли контроль над Казанью. В работе подробно рассматривается, как Казань стала инструментом во внешней политике Крымского ханства, а также политические и военные события, происходившие в этот период. В заключение делается вывод о том, что падение Казанского ханства ослабило влияние Крымского ханства в регионе и способствовало расширению Москвы. Анализируется ключевая роль Казани в отношениях между Крымом и Москвой, что позволяет пролить свет на политическую динамику того времени.

Ключевые слова: Крымское ханство, Казанское ханство, Великое княжество Московское, Османская империя, династия Гиреев, внешняя политика

Для цитирования: Yolsever U. The importance of the Kazan Khanate in the foreign policy of the Crimean Khanate // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 4. С. 806–822. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.806-822> EDN: GIKIOS

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Умут Йолсевер – Dr. (история), независимый исследователь (Эскишехир, Турция);
ORCID: 0000-0002-7035-4328. E-mail: umutyolsever44@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Umut Yolsever – Dr. (History), Independent Researcher (Eskişehir, Turkey); ORCID:
0000-0002-7035-4328. E-mail: umutyolsever44@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 27.08.2025

Поступила после рецензирования / Revised 28.11.2025

Принята к публикации / Accepted 01.12.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.823-842>

EDN: HANMBF

УДК 94(470.41)"043"+070.44+930.2

ОСВЕЩЕНИЕ ИСТОРИИ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА В ТАТАРСКОЙ ЭМИГРАНТСКОЙ ПРЕССЕ (НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «ЯҢА МИЛЛИ ЮЛ» И ГАЗЕТЫ «МИЛЛИ БАЙРАК»)

Л.Р. Муртазина

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

lyalyamur@mail.ru

Резюме. Цель исследования – анализ историографии Казанского ханства на основе публикаций журнала «Яңа милли юл» и газеты «Милли байрак» – органов печати татарских эмигрантов первой половины XX века, выявление их роли как своеобразных инструментов формирования национального самосознания и сохранения исторической памяти в условиях эмиграции.

Материалы исследования. В статье рассматриваются материалы журнала «Милли юл» и газеты «Милли байрак» за 1930–1939 гг., посвященные истории Казанского ханства.

Результаты и научная новизна. В работе впервые проведен комплексный анализ материалов, опубликованных в татарской эмигрантской прессе первой половины XX века (в журнале «Яңа милли юл» и газете «Милли байрак») на тему Казанского ханства. Эти два издания, выходившие за рубежом – в Берлине (Варшаве) и Мукдене, отличались особым интересом к истории тюрко-татар. На их страницах публиковались источники, научные и научно-популярные статьи, нацеленные на распространение и популяризацию исторических знаний среди татарских эмигрантов, на воспитание подрастающего поколения в духе великих предков, на формирование национального самосознания. Многие из них имели просветительский контент. Материалы на тему истории Казанского ханства представляют интерес прежде всего тем, что их авторами привлечены источники, среди которых есть ранее неопубликованные, также широкий круг трудов татарских, русских, польских, украинских ученых по теме исследования, что говорит о высоком уровне владения татарскими интеллектуалами (журналистами и учеными) информацией на разных языках и о степени их компетентности в вопросах истории тюрко-татар, в частности истории периода Казанского ханства. Проанализированные в статье публикации примечательны тем, что помогают воссоздать более полную картину развития татарской исторической науки в первой половине XX века, обозначить ключевые темы национальной истории данного периода, популярные в татарском эмигрантском сообществе, также видение исторических проблем отдельными исследователями. Представленные материалы могут

© Муртазина Л.Р., 2025



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

послужить ценными, дополнительными источниками для историографии Казанского ханства. Работа дает важный импульс для введения в научный оборот ряда значимых материалов из татарской эмигрантской печати начала XX века по истории Казанского ханства. В то же время осознаем, что эмигрантская пресса является сложным историческим источником, и требует анализа и выявления степени достоверности информации и идеологической ангажированности.

Ключевые слова: журнал «Яңа милли юл», газета «Милли байрак», Казанское ханство, история, исторические знания, источники, Гаяз Исхаки, Рукия Мухаммадиш

Для цитирования: Муртазина Л.Р. Освещение истории Казанского ханства в татарской эмигрантской прессе (на примере журнала «Яңа милли юл» и газеты «Милли байрак») // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 4. С. 823–842. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.823-842> EDN: HANMBF

Благодарность: Автор выражает искреннюю признательность руководителю Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, кандидату исторических наук И.М. Миргалееву за идею проведения данного исследования и поддержку при написании статьи.

COVERAGE OF THE KAZAN KHANATE HISTORY IN THE TATAR EMIGRANT PRESS (BASED ON THE “YAŇA MILLI YUL” JOURNAL AND THE “MILLI BAYRAK” NEWSPAPER)

L.R. Murtazina

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
lyalyamur@mail.ru*

Abstract. Purpose of the study: To analyze the historiography of the Kazan Khanate based on publications of the “Yaŋa Milli Yul” journal and the “Milli Bayrak” newspaper – press organs of Tatar emigrants of the first half of the twentieth century.

Research materials: The article examines the materials of the “Yaŋa Milli Yul” journal and the “Milli Bayrak” newspaper in the period of 1930–1939, dedicated to the history of the Kazan Khanate.

Results and novelty of the research: This work is the first comprehensive analysis of materials published in the Tatar émigré press of the first half of the 20th century (in the “Yaŋa Milli Yul” journal and the “Milli Bayrak” newspaper) on the topic of the Kazan Khanate). These two publications, published abroad – in Berlin (Warsaw) and Mukden – were distinguished by a special interest in the history of the Turkic-Tatars. Their pages published sources, scientific and popular science articles aimed at disseminating and popularizing historical knowledge among Tatar émigrés. The materials on the history of the Kazan Khanate are of interest due to the use of various sources. Among them are previously unpublished sources, a wide range of works by Tatar, Russian, Polish, and Ukrainian researchers on the topic, which indicates a high level of knowledge among Tatar intellectuals – journalists and scientists – regarding information in different languages and the degree of their competence in matters of the history of the Turkic-Tatars, including the history of the Kazan Khanate period. The publications analyzed in the article are noteworthy in that they help to recreate a more complete picture of the development of Tatar historical science in

the first half of the 20th century with efforts to identify key themes of national history of this period, popular in the Tatar émigré community, as well as the vision of historical problems by individual researchers. The presented materials can serve as valuable sources for the historiography of the Kazan Khanate. The work gives an important impetus for the introduction into scientific circulation of a number of significant materials from the Tatar émigré press of the early 20th century on the history of the Kazan Khanate.

Keywords: “Yaņa Milli Yul” journal, “Milli Bayrak” newspaper, Kazan Khanate, history, historical knowledge, sources, Gayaz Iskhaki, Rukia Muhammadish

For citation: Murtazina L.R. Coverage of the Kazan Khanate History in the Tatar Emigrant Press (based on the “Yaņa Milli Yul” journal and the “Milli Bayrak” newspaper). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 4, pp. 823–842. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.823-842> (In Russian)

Acknowledgements: The author expresses sincere gratitude to I.M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research of the Golden Horde and Tatar Khanates of the Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences for the idea of conducting this research and support in writing the article.

Татарская периодическая печать с момента зарождения служила средством сохранения национальной идентичности народа. Вне зависимости от места и времени издания она выражала мечты и стремления народа. Эта особенность сохранялась вплоть до Октябрьской революции, когда приоритеты изменились в соответствии с реалиями нового времени. В начале XX века «периодику интересовало духовно-психологическое и материальное состояние всей нации в целом. Она преследовала решение общей задачи – возрождение нашей нации» [15, с. 3]. Эта тенденция, несмотря на направленность, аудиторию газет и журналов, сохранялась, и была характерна и для татарской эмигрантской печати.

Эмигрантская пресса первой половины XX века является неотъемлемой частью системы татарской периодической печати в целом. Она преследовала те же цели, что и российская печать начала XX века, но имела свою специфику, обусловленную тенденциями развития общественно-политической мысли в условиях жизни за пределами исторической родины, запросами и аудиторией.

В течение XX века в Турции, Германии, Польше, Китае, Японии, Финляндии и других странах выпускалось от 30 [27, с. 86] до 50 наименований газет и журналов на татарском языке [15, с. 12]. Основной целью эмигрантской печати было объединение татар всего мира, сохранение их единства, национальной независимости и прав. Этой цели служили материалы о жизни и прошлом народа, образцы художественной литературы, также публикации, посвященные истории татарского народа. Огромный пласт среди последних составляют статьи, освещающие историю Казанского ханства во всем ее многообразии. В этом отношении эмигрантская пресса XX века имеет ценность как одна из важных, но малоизученных частей историографии Казанского ханства.

Главная роль средств массовой информации эмигрантов состояла в просвещении татар. Изучение вопросов, касающихся истории периода Казанского ханства, как, впрочем, и других периодов истории народа, по мнению издателей, должно было способствовать выработке правильных ориентиров у подрастающего поколения, для которого были малодоступны другие средства

для изучения исторического прошлого народа – учебники и учебные пособия, исторические книги и научные труды, отличающиеся объективным подходом к изображению национальной истории (за исключением работ историков-эмигрантов и некоторых дореволюционных источников).

Особо пристальное внимание данной проблеме обращали такие издания, как «Милли юл» («Яңа милли юл»), «Милли байрак» и журнал более позднего периода под названием «Казан» («Казань»)¹. Первые два издания выходили под редакцией известного общественного деятеля и писателя, ставшего национальным лидером всех татарских эмигрантов Гаяза Исхаки, поэтому имели общие точки соприкосновения во многих вопросах освещения истории Казанского ханства.

Журнал «Милли юл» («Путь нации») издавался в 1928–1939 годах в Берлине (несколько номеров выходили в Варшаве). Начиная с 1930 года (с 3 номера) сменил название – стал называться «Яңа милли юл» («Новый путь нации»). Основной целью журнала являлось «освещение исторического пути татарского народа и определение перспектив борьбы за его национальное освобождение» [15, с. 16], «воспитание молодежи, обучающейся в разных городах Европы, в национальном духе» [49, с. 20]. Г. Исхаки писал, что журнал «занял место единственного руководителя среди рассеявшихся по различным городам Европы, Азии и Америки соплеменников» [31, с. 120].

Многие публикации журнала написаны самим редактором журнала Г. Исхаки. Авторами также выступали видные представители татарской эмиграции, такие как Гариф Карими (до 1934 года был заместителем главного редактора), Лябиб Салим и др. В издании нашли отражение материалы по истории Казанского ханства по следующим направлениям:

1. Публикация источников (ярлыков и официальных писем) и информационных статей об источниках;
2. Статьи, посвященные причинам падения ханства;
3. Образ героического прошлого;
4. Символы нации для татарских эмигрантов (башня Сююмбике и т.д.);
5. Исторические параллели с современностью и т.д.

Как видно из данной классификации, несмотря на ориентированность журнала на широкую аудиторию, популяризацию исторических знаний среди населения вообще, в нем поднимались и сугубо научные и довольно узкие темы.

Помещение на страницах журнала материалов по истории татарского народа, в частности по истории Казанского ханства, определяется несколькими факторами. Во-первых, эти статьи, впрочем, как и многие другие публикации журнала, имеют целью воспитание молодого поколения на национальных традициях, на основе славной истории наших предков и великих личностей. Другой, не менее важной целью являлась популяризация исторических знаний среди народа – периодическая печать для татарских эмигрантов являлась одним из малочисленных средств, по которым можно было изучать правдивую историю народа. Эта особенность была важна для периода, когда доступ

¹ Журнал «Казань» – орган Общества культуры и взаимопомощи казанских тюрок, издавался в 1970–1980 гг. в Анкаре, Стамбуле (с перерывами) на татарском и турецком языках.

к школьным учебникам был ограничен. Таким образом, периодика сыграла определенную роль в формировании общественного сознания, исторической памяти народа. Этим и определяется уникальность публикаций на историческую тему в журнале «Милли юл».

К тому же необходимо подчеркнуть важную роль самого главного редактора журнала, его интересов и личных предпочтений. Г.Исхаки в течение долгого времени подробно изучал историю Золотой Орды и Казанского ханства с целью написать художественное произведение на эту тематику [14, с. 12]. В 1947 году он закончил работу над исторической драмой в пяти действиях «Улуг Мухаммед», посвященной истории создания Казанского ханства Улуг Мухаммедом². Это был период, когда в России тематика, связанная с Золотой Ордой, освещалась однобоко, как негативный этап в истории страны [14, с. 12]. Перу Исхаки также принадлежит книга «Идель-Урал», многочисленные статьи, посвященные исторической тематике, увидевшие свет в журнале «Яңа милли юл» [28, с. 147].

Итак, одним из самых важных направлений журнала является публикация исторических источников периода Казанского ханства. Известно, подлинных документов, относящихся к этому периоду, немного. Поэтому обнаружение и публикация любого текста было большим событием в научном мире. Г. Исхаки, как главный редактор журнала и как исследователь, уделял пристальное внимание освещению этой проблемы на страницах своего журнала. И одним из первых среди татароязычных изданий он печатал новые, ранее неопубликованные источники. Исторические документы размещались в рубрике «Фәнни һәм ижтимагый язугар» («Научные и общественные публикации»). Так, в номере 3 за 1930 год увидел свет исторический текст – «Послание казанского хана Мухаммед-Амина» («Казан ханы Мөхәммәд Әминнең хаты»), написанное в 1506 году и адресованное польскому королю и великому князю Александру Казимировичу (годы правления – 1492–1506) [23]. Послание представляет интерес, прежде всего как документ, переведенный на татарский язык с копии, написанной на украинско-литовском языке; оригинал же документа, по сообщению Г. Исхаки, хранится в архиве Литовского княжества (китаб №192, лист 14) [23]. Г. Исхаки считал его важным источником, с которым необходимо ознакомить общественность тюрко-татарской эмиграции. В России письмо на татарском языке было опубликовано лишь в 2003 году (текст был взят из данного журнала) [28, с. 149–150]. Текст на русском языке был издан М.А. Оболенским в «Сборнике князя Оболенского» в 1838 году [39, с. 92].

Ценность документа заключается в том, что он является источником, «отражающим реальные события начала XVI в. (взаимоотношения московских, казанских, крымских и польских правителей; походы Ивана III на Казань и поражение московских войск и др.)» [26, с. 32].

В журнале опубликован сам текст послания, также два примечания и короткая информационная статья, посвященная этому письму и его автору Мухаммед-Амину. Автор публикации не указан, однако нетрудно предположить, что им является сам Г. Исхаки. Три буквы – Й.М.Й, помещенные в

² Первый вариант произведения был написан в 1944 году. В 2022 году пьеса вышла в переводе на русский язык [17].

конце второго примечания, по версии профессора Х. Миннегулова, указывают на заглавные буквы названия журнала («Йана милли йул») [28, с. 147]. Такого же мнения придерживается и турецкий исследователь Ахмет Канлы-дере [49, с. 19].

Несмотря на то, что документ был переведен Г. Исхаки на современный татарский язык, в нем сохранены не только смысл и структура, но и стиль основного текста [28, с. 147]. Помимо того, что являются важными историческими источниками, подобного рода тексты дают современным исследователям возможность представления особенностей развития литературного языка и функционирования научного стиля 20–30-х годов XX столетия, которым пользовались татарские эмигранты, а он, как известно, отличался от почерка российских ученых данного периода; также, возможно, некоторую специфику дипломатического стиля в Казанском ханстве – в тексте находят место термины и понятия, стилистические элементы, обороты, которые, вероятно, использовались во времена Казанского ханства и были присущи дипломатическому стилю того периода («чәри» – войско, «чәрибаш» – командующий войском, «ант эчү» – клясться, «дустымның дусты, дошманының дошманы» – друг моих друзей, враг моих врагов и т.д.).

В пояснениях к тексту документа Г. Исхаки дает краткую информацию о короле Александре, о том, что к моменту приезда посла Мухаммед-Амина, возможно, его уже не было в живых, и ответ на письмо было написано родственником короля Сигизмундом³, и что он будет опубликован в одном из следующих номеров журнала [23, с. 10].

В исторической справке, посвященной освещению биографии и деятельности Мухаммед-Амина, автор использовал труд Хади Атласи «Казан ханлыгы», о чем имеется указание. И, вслед за Атласи, он описал Мухаммед-Амина как человека «со скверным характером, которого татары особо не любили и не уважали, поэтому и не хотели видеть в качестве своего хана» [23, с. 11]. Ему не были присущи такие качества как стремление к свободе и независимости; а его молодая жена, доставшаяся ему от брата Ильхама-хана, напротив, отличалась своей открытостью, любовью к своему народу («милләтче»). Ей удалось убедить в правоте своих взглядов и своего нынешнего мужа [23, с. 12].

Ответ на данное письмо, датирующийся 1506 годом, также нашел отражение на страницах журнала.

Итак, текст под названием «Ответное послание (письмо) польского короля Сигизмунда казанскому хану Мухаммед-Амину через посла Сороки» («Польша короле Зигмунтның Казан ханы Мөхәммәд Әмингә илчесе Сорока берлә күндөргән җавап хаты»), написанный 17 ноября 1506 года, был помещен в 4 номере журнала за 1930 год. Автор публикации отмечает, что «в то время татарский язык был распространенным, языком дипломатических документов. И именно поэтому польский король написал ответное письмо на татарском языке» [32, с. 14]. Он также указывает место хранения оригинала документа – в Архиве Литовского великого княжества, в книге (китабе) 192, лист 17 [32, с. 14].

Г. Исхаки в своих примечаниях дает некоторые пояснения отдельных слов и выражений, использованных в тексте послания. Например, татарское

³ В тексте использован польский вариант написания его имени – Зигмунт.

слово «сеенеч», которое употреблялось и поляками («Seviniez»), встречается в тексте письма, и, основываясь на этот факт, автор делает заключение, что в те времена некоторые слова тюркского происхождения входили и в словарный запас польского языка [32, с. 14].

Далее автор приводит еще один текст – отрывок из послания польского короля Сигизмунда своему послу у крымского хана Михаилу Васильевичу, написанного в это же время, где король дает указание знакомить Минглегирея хана и Мухаммед-Гирея султана с текстом письма, адресованного казанскому хану. И изъявляет желание, чтобы посол посоветовал крымскому хану поддержать казанского хана: «Ты, хан хезретлери (хэзрэтлэре), мог бы наступать на его страну (Московию) с одной стороны, казанский хан – с другой, а наш король бы с третьей стороны» [32, с. 14].

Другое послание Сигизмунда, опубликованное в журнале «Яна милли юл» под названием «Второе письмо короля польского и великого князя литовского Сигмунта казанскому хану Мухаммед-Амину» («Польша короле, Литва олуг кенэзе Сигмунтның Казан ханы Мөхәммәд Әмингә икенче хаты»), которое было переведено с языка оригинала, хранящегося в Архиве Литовского княжества в книге 192 (лист 359), на современный татарский язык [33, с. 11], было написано 18 сентября 1514 года⁴, и содержит призыв короля Сигизмунда к военным действиям против Московского князя.

Таким образом, благодаря публикации этих источников на страницах татарского журнала впервые тюркоязычной аудитории была предоставлена возможность ознакомления с уникальными текстами, прикоснуться к ранее неизвестным страницам национальной истории. В то же время они имеют важное значение и для современной исторической науки, для изучения взаимоотношений Казанского ханства с другими государствами, «отражают сложную международную обстановку в Восточной Европе середины второго десятилетия XVI в.» [39, с. 93]. Г. Исхаки в данном случае выступает не только как журналист и редактор, а как исследователь, занимающийся изучением ценных исторических источников периода Казанского ханства. Однако, полагаем, что все же в первую очередь он преследовал просветительскую цель – ознакомить татарских эмигрантов с важными страницами истории народа.

Сравнительно широкий пласт публикаций на тему истории Казанского ханства представляют материалы, посвященные взаимоотношениям между Казанью и Московским государством. В этом отношении примечательна статья Лябиба Салима «Татарларны үтерү вә мөселманнарны бетерү сәясәте тарихы» («История политики уничтожения татар и мусульман») [35, с. 14–18], где рассказывается о периоде правления Улуг-Мухаммеда Золотой Ордой и Казанским ханством. Сравнивая два периода, автор имел целью показать, как менялись взаимоотношения между татарским правителем и русскими князьями и как это отражалось на развитии межгосударственных отношений. Л.Салим демонстрирует это на следующем примере. Он пишет, что если в Золотой Орде русские князья, воюя и не в силах решать проблему между собой, приходили к Улуг-Мухаммеду, при этом каждый из них старался по-

⁴ В подготовленном к печати В. Трепавловым тексте «Грамота («лист») короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I казанскому хану Мухаммед-Амину с предложением военного союза против Москвы» указана дата: 18 ноября 1514 года [16, с. 920].

своему угождать татарскому хану (1431–1432 гг.), то по происшествии каких-то 5 лет ситуация настолько кардинально изменилась, что место хана занял Кичи-Мухаммед, а Василий, получивший ярлык на княжение от рук Улуг-Мухаммеда, укрепился в своих позициях. Автор также подробно рассказывает о победах Улуг-Мухаммеда в битве у города Белев, продемонстрировавшего тем самым и свою военную мощь, и незаурядные силы военачальника.

Л. Салим останавливается на освещении военных событий, рассказывает, например, о взятии 7 июля 1445 года князя Василия II Васильевича в плен, о его срочном освобождении; последнее, по его мнению, было политической ошибкой и привело к объединению всех русских земель. Однако для автора прежде всего важны последствия этого исторического события – с именем Василия II и временем его правления связано начало политики уничтожения татар и Казанского ханства. При его сыне Иване III эта политика набирает еще большую силу. Л. Салим отмечает, что в результате этого курса начались другие, не менее страшные его проявления – политика христианизации и русификации: пленные татары с целью уничтожения помещались в тюрьмы, где их разными жестокими методами вынуждали принять христианство. Одним из первых среди татарской знати был крещен сын хана Ибрагима Худайкул, который получил новое имя Петр. Автор как бы его и оправдывает, мотивируя свою мысль тем, что не все люди одинаково стойки и тверды в вере; молодежь легче польстить и напугать. Он приводит отрывок из документа, подписанного самим Худайкулом, который отчетливо показывает, как проходила христианизация татар: «...мой царь великий князь Василий Иванович сказал митрополиту Семену меня крестить. Я, ханзаде Петр, [обязуюсь] быть в этой правдивой религии до конца своей жизни, служить Василию Ивановичу и его детям, не желать им зла, ни с кем об этом не говорить, не дружить с теми, кто желает зла царю, никогда не уезжать в Казань или Литву, если услышу вести от Литвы, то передать их князю Василию и его детям, если кто от казанцев или литовцев, от моих казанских родственников придет ко мне с ярлыком, передать его вместе с ярлыком великому князю...» [35, с. 15–17].

Автор публикации рассказывает о зверствах против татар, которые устраивались русскими правителями: убийство 80 татар в Новгороде, 73 татар в Пскове, 8 из которых были детьми. Только один из них – Хасан с семьей остались живыми благодаря тому, что приняли христианство. В 1536 году в Новгороде было крещено 43 женщин и 36 детей, в Пскове – 51, в Орешке – 12, в Кореле – 30 татарских женщин и детей [35, с. 17–18].

Другая статья под названием «Тарих кабатлана» («История повторяется») была опубликована в № 10 за 1931 год. Автором материала является Хади Фатых. В нем рассказывается о событиях, произошедших в ханстве после смерти Мухаммед-Амина. Статья заслуживает внимания тем, что в ней приводятся исторические параллели между тем периодом (1518–1546 гг.) и современностью (20–30-е годы XX века).

Автор подробно останавливается на вопросе о взаимоотношениях между Казанью и Москвой. Он отмечает, что при Мухаммед-Амине возросло влияние русских правителей на ханство. Поэтому Москва была заинтересована в том, чтобы место хана занял человек лояльный, и все делала для того, чтобы поставить «нужного» человека. В 1519 году казанским ханом был провозглашен Шах-Али, сын касымского хана Шейх-Аулияра, получивший воспи-

тание во дворце Василия III. Поэтому 13-летний Шах-Али был самым подходящим, с точки зрения русских правителей, кандидатом. Василий III заставил его подписать бумаги, где отдельными значились пункты:

1. О взаимном именовании обоих государей в официальных бумагах «братьями».

2. Охранять интересы русских в Казани и до конца жизни не нарушать этот договор.

3. Члены Казанского посольства также обязаны дать расписку в том, что будут охранять интересы русских в Казани.

Этот документ, как, впрочем, и многие другие, использованные при написании статьи, были взяты у М.Худякова, о чем автор информирует читателей (дается ссылка на книгу «Очерки по истории Казанского ханства») [42, с. 12]. Х.Фатых отмечает, что с этого дня Казань становится игрушкой в руках Москвы.

Автор подробно описывает события, происходившие в периоды правления Шах-Али, и проводит параллели между этой ситуацией, которую он называет «Шах-Алиевщиной» и современной ему «Султангалиевщиной», и подчеркивает, что методы и формы борьбы против татар в течении 3–4 столетий остаются неизменными [42, с. 16].

Статья «Взаимоотношения Золотой Орды и Казанского ханства с Польшей (Ляхстаном)», опубликованная в нескольких номерах журнала «Яңа милли юл» за 1939 год [36; 37], от двух предыдущих, авторами которых являются журналисты, отличается тем, что представляет научную публикацию и написана ученым Абдуллой Зихни Сойсал⁵. Работа посвящена походам татар в Европу, и в частности, в Польшу во времена Золотой Орды. Упомянуты важные для этого периода сражения, документы (ярлык хана Золотой Орды Туктамыш польскому королю Ягайло и т.д.). Опираясь на труды Х.Атласи, автор подробно рассказывает о потомках Улуг Мухаммеда, в частности о Мухаммед-Амине, о взаимоотношениях с Москвой начиная с 1475 года. При написании статьи автор, как профессиональный историк, ссылается на труды известных польских ученых, таких как Л. Коланковский⁶, С. Кучинский, также работы русских (Н.М. Карамзин), украинских (Грушевский) и татарских (Х. Атласи) исследователей.

Еще один блок составляют статьи, посвященные проблеме сохранения исторической памяти. Цель таких публикаций заключалась в воспитании молодого поколения на основе национальных традиций.

Известно, что роль национального воспитания возрастает в условиях жизни вне родины, т.к. здесь, по утверждению Г. Исхаки, «ребенка окружает чужая культура, язык, музыка; в школе он изучает чужую историю и традиции. Если оставить все как есть, то он, возможно, потеряет себя как часть

⁵ Абдулла Зихни Сойсал (1905–1983), крымскотатарский историк, в 1933 году защитил докторскую диссертацию, работал в Краковском университете и Институте Востока Варшавского университета, автор исследований по истории Крыма. Статьи данного автора публиковались в журнале «Яңа милли юл» и газете «Милли байрак».

⁶ Людвик Колянковский (1882–1956), польский ученый-историк, педагог, первый ректор Университета Н.Коперника в Торунь, автор монографий, посвященных истории Великого княжества Литовского при династии Ягеллонов, в том числе книги «Zygmunt August wielki książe Litwy do roku 1548» [49].

своей нации, будет ассимилироваться с другими народами, с которыми живет бок о бок. [...] Мы должны их знакомить с нашей историей» [18, с. 2]. Автор убежден, что одним из средств на пути решения проблемы является проведение Дня памяти и скорби.

День скорби отмечался ежегодно 15 октября во многих странах Европы и Дальнего Востока, где проживали татарские эмигранты. В этот день в каждой махалле устраивали вечера памяти, вспоминали участников тех дней, читали Коран. Об этом упоминалось в татарских газетах и журналах.

В прессе появлялись материалы не только о проведении мероприятий, но и статьи, освещающие исторические события тех времен. Интересна в этом отношении публикация Г. Исхаки «Матәм көне» («День скорби») [19, с. 1–8], которая, в отличие от многих материалов данного контента, охватывает довольно большой период – автор освещает события, происходившие в жизни татар с времен взятия Казани вплоть до 30-х годов XX века.

Одной из причин взятия Казани автор считает равнодушие, нейтральное отношение других тюркских государств к проблеме Казани: Крым не смог оказать помощь в силу того, что в его правительстве были сильны сторонники Москвы, а Турция, от которой татары надеялись получить дипломатическую и военную помощь в лице ее султана Сулеймана Кануни, была далека от идеи единства тюркского мира [19, с. 2]. Таким образом, помощи, на которую рассчитывали казанцы, получить ни от Крыма, ни от Турции не удалось.

Г. Исхаки считает, что присоединение Казани к Русскому государству, несомненно, сыграло очень важную роль для последнего, которое после известных событий стало большой русской империей; но для тюрков, к этому времени создавших одно из самых влиятельных царств Азии, для его будущего падение Казанского ханства представляло большую опасность. Не было среди ханов тюркских государств, враждовавших между собой, тех, кто понимал суть этого движения. Перед опасностью Казань была одна. Она все еще верила, что сможет вернуть былую самостоятельность [19, с. 2–3]. Далее автор подробно останавливается на событиях, которые происходили на пути к независимости (восстания С.Разина, Е.Пугачева, политика Екатерины II и т.д.).

Другая статья из этой тематики также принадлежит перу того же Г. Исхаки [20, с. 1–5]. В ней автор останавливается на роли отдельных личностей в истории народа. На примере образов Улуг Мухаммеда и Сююмбике он показывает их миссию в судьбоносные для татарского народа периоды, проводит параллели между ситуацией взятия Казани и современностью. Автор уверен, что суть и методы борьбы народа за сохранение нации, ислама, культуры, которые заложены Улуг Мухаммедом и Сююмбике, продолжают и сегодня, их наследниками (в данном случае татарскими эмигрантами), которые строят мечети, медресе, изо всех сил стараются сохранять национальные и религиозные традиции, народный «моң» и родной язык.

В публикациях, посвященных Дню скорби, очень часто авторы, подчеркивая важность этого дня для татар, дают подробную историческую информацию о последних днях Казанского ханства [12; 13; 41; 45]. При этом они, несмотря на понятную эмоциональность и экспрессию в изложении материала, ссылаются на серьезные труды известных историков, приводят отрывки

из исторических источников (Адам Олеарий, Энтони Дженкинсон и др.) [21, с. 1–4].

Еще одно направление по теме – это публикация художественных текстов. В журнале находят место стихотворения разных авторов, посвященные истории Казанского ханства – «Казан алыну мөнәсәбәте берлә» (автор Сююм) [38, с. 16–17], «Хан мәчете» (имя автора не указано) [44, с. 14] и др., где поднимается проблема сохранения исторической памяти. Несмотря на то, что тексты подобного характера не имеют особо выраженной научной ценности, в целом они помогают воссоздать общую картину восприятия исторического прошлого народа в эмигрантской среде.

Именем Г. Исхаки связана деятельность еще одного органа печати тюрко-татарских эмигрантов – газеты «Милли байрак», издававшейся в г. Мукдене в 1935–1945 гг. Исхаки является основателем и первым редактором данного издания⁷.

Газета так же, как и журнал «Яңа милли юл», выдвигала на первый план освещение истории тюрко-татар. В ней публиковались материалы по истории предков татар начиная с древнебулгарского периода до Октябрьской революции. И, в отличие от журнала «Яңа милли юл», которая больше делала акцент на публикацию исторических источников и научно-популярной интерпретации проблемы падения Казанского ханства, газета «Милли байрак» считала своей целью освещение истории Казанского ханства вообще, во всем ее многообразии. Она акцентировала внимание читателей на показ исторической преемственности современных татар с Казанским ханством [34, с. 73]. При этом, газете «Милли байрак», как и другим органам печати татарских эмигрантов, был присущ просветительский контент – на основе публикаций на исторические темы велось воспитание проживающих за рубежом тюрко-татар, в первую очередь молодежи. Этому служили представленные в материалах газеты «исторические примеры мощи татарской нации в прошлом» [40, с. 227].

Одной из первых статей по истории Казанского ханства можно считать публикацию Рукии Мухаммадиш⁸ «Алтын Урданың соңгы көннәре» («Последние дни Золотой Орды») в рубрике «Без кем?» [2], где рассказывается о ситуации в стране в последние годы существования Золотой Орды и о периоде, когда образовалось Казанское ханство. Автор указывает на причины, которые привели к распаду Золотой Орды – внешнеполитические (между ханом Ахмедом и Иваном III, с Крымским улусом и т.д.), и внутри государства, заключавшиеся в ослаблении власти в стране, в предательстве некоторых татарских мурз и т.д. Автор констатирует, что Золотая Орда, образованная силами тюрко-татар, ими же была подвержена и распаду.

Другая статья Р. Мухаммадиш посвящена Улуг-Мухаммеду, правителю Золотой Орды до 1436 года, основателю и первому хану Казанского ханства [5]. Причину того, что Казанское ханство уже в первые годы своего существования стало и по политическим, и по культурным, и по экономическим

⁷ После него редакторами газеты были И. Давлет-Кильди и Р. Мухаммадиш – родители историка Надира Давлета.

⁸ Автором серии исторических очерков была Р. Мухаммадиш [40, с. 227–228], журналист и просветительница, преподаватель русского и английского языков в татарской школе г. Токио «Мектебе исламия».

меркам довольно крепким государством, автор видит заслугу Улуг Мухаммеда. Но при этом она замечает, что главным фактором здесь выступала великая культура народа, который жил здесь еще во времена Булгарского государства.

Р. Мухаммадиш констатирует, что при Улуг-Мухаммеде Казань превратилась в торговый и политический центр страны. На нее обратила внимание Москва, которая начала коварную борьбу, приманив для этой цели казанских ханзаде. Междоусобицы, войны между Казанью и Москвой шли очень долгое время, и прекратились 15 октября 1552 года падением Казани.

Статья под названием «Казан ханлыгы» от всех других публикаций на историческую тему отличается объемностью – статьи под таким названием выходили в более чем двух десятках номеров газеты⁹.

В статье, вышедшей в номере за 24 апреля [6], автор дает информацию о территориальном расположении ханства, о внутреннем обустройстве его столицы. Она также обращает внимание читателей на благоустроенность города, на наличие большого количества мечетей, каменных зданий, высоких минаретов, красота которых привлекала внимание торговцев из других городов и стран. Р.Мухаммадиш выражает свою позицию по поводу времени постройки Ханской мечети («Хан мәчете», «Сөембикә манарасы»), объявив, что от старой Казани, кроме этого сооружения, до наших дней не дошло других зданий. При этом она недоумевает, каким образом в то время, когда многие величественные мечети, минареты, медресе и другие постройки были выровнены с землей, одно единственное здание – башня Сююмбике – могло остаться нетронутым. Поэтому, заключает она, башня дорога татарам, как уникальный след великого государства – Казанского ханства. Таким образом, благодаря этим публикациям, нетрудно увидеть позицию представителей татарской эмиграции по вопросу датировки постройки башни, который остается дискуссионным на протяжении более двух десятилетий.

Автор также поднимает проблему источников периода Казанского ханства. Если история Золотой Орды, пишет Р.Мухаммадиш, осталась запечатленной в трудах арабских путешественников, которые и сейчас служат материалом для изучения истории этого времени, то от периода Казанского ханства сохранились лишь русские источники, которые не всегда отличаются корректным и достоверным изложением, и на них можно ссылаться лишь при очень тщательном и грамотном подходе, подробном анализе. Однако к ним все же можно обращаться при изучении повседневной жизни народа ханства и узнать, чем и как жили, чем занимались люди во времена Казанского ханства.

Казань знаменита прежде всего тем, что, как и города Булгар и Сувар во времена Булгарского государства, была центром всемирной торговли. К моменту взятия города в ней было больше 5 тысяч торговцев из Бухары, Аравии, Турции и Западной Европы. В июле каждого года в Арском поле Казани проводилась большая ярмарка, куда стекались торговцы из многих других стран и городов. Р. Мухаммадиш пишет, что она стала базой при основании ярмарки в местечке под названием Макарьево. Название «Мәкәржә ярминкәсе» в обиходе татар осталось еще с тех времен, и после того, как в 1817

⁹ Не во всех этих публикациях, несмотря на то что они посвящены истории Казанского ханства, указана тема, выделена лишь рубрика «Без кем?».

году ярмарка была перенесена в Нижний Новгород, татары продолжали называть ее по-старому.

Казанцы преуспевали в ловле рыбы, в кузнечном промысле. Было развито ювелирное дело, гончарное производство. В культурном развитии татары сильно отличались от других народов, которые населяли край – чувашей, марийцев и удмуртов, и занимали лидирующие позиции по многим направлениям развития народного хозяйства. Подтверждая свою мысль, автор приводит отрывок из труда немецкого путешественника XVI века Герберштейна, который пишет, что казанские тюрки намного культурнее своих соседей, они владеют многими ремеслами, которые остаются недоступными для других.

Автор статьи Р. Мухаммадиш сообщает, что в Казани на месте, который был известен среди народа как «Таджикский овраг»¹⁰, была большая библиотека, но она была уничтожена при взятии Казани. Огромное внимание уделялось мусульманскому образованию, но и светская литература для казанцев не была чужда. В этом вопросе она ссылается на Ш. Марджани и его труд «Мөстәфадел әхбар фи әхвали Казан вә Болгар». Автор утверждает, что к этому времени сформировался литературный язык казанских тюрков, что подтверждается ярлыками Сахиб-Гирея хана, написанными на литературном языке [6].

Р. Мухаммадиш в своих статьях, посвященных данной тематике, очень подробно знакомит читателей с личностями казанских ханов и их деятельностью. Очень часто рассматривает их с точки зрения вклада в дело в пользу нации. Например, в ее описании Шах-Али предстает правителем, для которого чужды такие категории, как «милли», «национальное» («у него в душе не было никаких чувств к своему народу и стране»), поэтому он и не смог пользоваться популярностью и уважением среди татарской знати [7]. Казанцы, недовольные правлением Шах-Али, повторно обратились к крымскому хану Мухаммед-Гирею с просьбой отправить своего брата Сахиб-Гирея в Казань. Автор пишет, что основной целью Мухаммед-Гирея было присоединение к Крымскому ханству Астраханского, Казанского, Сибирского ханств и русских земель и создание большого государства наподобие Золотой Орды [7].

Василий, с целью возможного использования в своих делах, принял к себе Шах-Али. Далее автор подробно останавливается на описании истории взаимоотношений между Москвой и Казанью с Крымом, о военном походе на Русское государство, о результатах этих действий, о визите Сахиб-Гирея к турецкому султану Сулейману Кануни и т.д. [7]

Р. Мухаммадиш излагает свое видение периода правления Казанским ханством Сафа-Гирея и его 2-летнего сына Утямыш-Гирея. Описывает ситуацию, когда была послана делегация в Крым с просьбой об отправке из Крыма в Казань ханом старшего сына Сафа-Гирея хана Буляк-Гирея. Однако, как пишет автор, им не удалось выполнить миссию, делегация была схвачена русскими казаками, а письмо, адресованное крымскому хану, отправлено московскому князю Ивану IV [8]. Отец Сююмбике ногайский мурза Юсуф также не горел желанием помочь Казани. Далее рассказывается о событиях,

¹⁰ О махалле под названием «Таджикский овраг», где была мечеть и медресе, упоминает и Р. Фахретдин в своей работе «Шихабетдин хэзрэт Мәржани хақында язмалар» дан бер өзек [43, с. 245].

которые произошли в Казани с конца 1549 года – поход Ивана IV на Казань, основание города Свияжска, добровольное вхождение чувашей и марийцев в состав Московского государства, что еще больше усугубило ситуацию, внутренние противоречия в ханстве.

Среди тех, кто помогал Сююмбике, автор называет крымского мурзу Кучака (Кошача), который был одним из близких советников ханбики, и при возвращении в Крым он был захвачен русскими и убит. После этого Сююмбике и ее сторонники остались совсем беззащитными. Промосковские мурзы попросили Ивана отправить в Казань ханом Шах-Али, а Сююмбике, которую считали основной причиной противостояния ханства, с сыном обещали отправить в Москву [8].

Особый интерес представляют статьи, где Р. Мухаммадиш пытается раскрыть личность Сююмбике, ее отношение к своему народу. В целом видно, что для нее, впрочем, и для всех других авторов публикаций, Сююмбике является символом нации и свободы. Она ценна для татар как историческая личность, как правительница, личная трагедия которой переплеталась с трагедией всего народа. Поэтому автор уделяет много внимания освещению ее эмоций. Так, в статье, опубликованной в номере от 28 августа 1936 года, описывается картина встречи Сююмбике с князем Петром Серебряным. Автор яркими красками изображает поведение ханбики, которая, узнав из уст послов о том, что якобы казанцы хотят отдать ее в руки русского князя, теряет сознание, идет к могиле своего мужа, и, сняв с головы корону, плачет. Р. Мухаммадиш пишет, что эта картина надолго осталась в памяти тех казанцев, которые наблюдали за ней. Она приводит слова Сююмбике, которые, спустя века, дошли до наших дней:

«О мой падишах, ты видишь, твою любимую жену и сына враги хотят увезти, почему ты покинул нас так рано? Нас отдают московскому падишаху. У меня не осталось ни сил, ни помощников, чтобы с ними сразаться. О мой падишах, открой врата своей могилы, пусть твоя могила станет могилой и для меня... Забери свою молодую жену к себе. С кем же мне поделиться моим горем? Дитя малое, отец мой находится далеко. Казанцы свое слово не сдержали, за дверью ожидают войска, чтобы поймать меня...».

Р. Мухаммадиш описывает, что от плача ханбики, ее искренних слов прослезился даже Петр Серебряный, однако казанские мурзы, которые думали лишь о своей выгоде, не захотели помочь Сююмбике. Она нужна была лишь народу, который ожидал ее на улице, провожал ее и сына, плача от горя. Сююмбике попрощалась со своим народом, последний раз взглянув на город, тихо вошла в лодку, а провожавшие не могли удержать своих слез... [9].

Нетрудно догадаться, что при описании картины прощания ханбики с Казанью автором использованы сюжеты из устных народных преданий – байтов о Сююмбике. В то же время нельзя не отметить, что среди татарской интеллигенции были популярны труды Г.Ахмарова, Р.Фахретдина, Х.Атласи, посвященные казанской царице, которые, возможно, использованы в написании этих статей.

В публикациях, посвященных истории взятия Казани, автор пытается определить его причины. Одной из первых причин она считает политику внутри государства по отношению к правителям. В стране шла борьба за трон, ханы менялись очень часто, многие из них были промосковские [10].

По мнению Р. Мухаммадиш, предательские действия татарских мурз по отношению к своим же соотечественникам также сыграли роль. В один из самых важных для жителей ханства дней, когда 19 августа 1552 года Иван IV уже был у Казани со своим 150 тысячным войском, житель Казани по имени Камай сообщил ему о степени готовности Казани к противостоянию, о числе войска и местах его локации. Как подчеркивает автор, этим он оказал очень большой урон в дело борьбы за Казань [10].

Одна из других причин, по мнению Р. Мухаммадиш, заключается в нежелании других тюркских государств помочь Казани. Ногайский мурза Юсуф игнорирует просьбу своей дочери Сююмбике помочь ей в защите Казани еще до нападения русских, в 1549 году [8]. После смерти Сахиб-Гирея Крым отвернулся от Казани, ногайцы тоже не особо желали помогать казанцам. В лице Османского государства Казань также не увидела союзника: турецкий султан боялся объединения Казанского, Крымского и Астраханского ханств, поэтому старался взять Крым под свое крыло [10]. Такая же политика продолжилась и после падения Казани. Борьба за освобождение, начатое в надежде на помощь Турции и Крыма, закончилась не в пользу татар. Крым несколько раз с целью обороны Казанского края попытался пойти против Москвы, но эти походы не увенчались успехом. Помощь ногайцев так же не была существенной. Астрахань сама осталась под властью русского правителя [11].

Р. Мухаммадиш в своих публикациях затрагивает и вопрос взаимоотношений между татарами и другими народами, населявшими территорию бывшего Казанского ханства. Чуваши и марийцы, например, устав от частых походов русских войск на Казанское ханство, отправили посла к Шах-Али и изъявили свое желание входить под крыло русских [8]. Однако уже во время правления Ядыгар хана, увидев его действия по укреплению Казани, горные марийцы и чуваши захотели воевать на стороне казанцев против русского князя [10]. А в 1555 году, после взятия боярином П.В. Морозовым главного административного и военного центра восставших, против русской оккупации Чалымской крепости и убийства специально приглашенного для правления ногайского мурзы Али-Акрам хана, проказанские чуваши начали переходить на сторону русских войск, содействовали в захвате руководителя народного восстания Мамыш-Берды [11].

Несколько статей из этой же рубрики посвящены ситуации в Поволжье после падения Казанского ханства: «Идел буе вә әтрафының рус кулына керүе» [3], «Истикъяль бәтерелгәч» [4] и др. В них рассказывается о последующих событиях, отразившихся в жизни татар – изгнании их из города, об основании новых укрепленных городов-крепостей и заселении в них русских крестьян и т.д.

Газета «Милли байрак», так же, как и журнал «Яңа милли юл», уделяет внимание публикации материалов, посвященных проведению Дня скорби в городах Дальнего Востока [25; 29; 30; 46; 48].

В издании находят место и художественные тексты, посвященные этому периоду: «Казан алыну хакында риваятьләр» («Легенды о взятии Казани») [22], «Казан ханлыгының тарихи эзләре» («Исторические следы Казанского ханства») и др. В последней публикации рассказывается о башне Сююмбике – историческом здании, которое осталось нетронутым, и легендах, повествующих об истории этой башни. Автор пишет, что «Башня Сююмбике явля-

ется единственным свидетелем славной истории наших предков» [24]. К материалу прикреплены также отрывки из исторических трудов Х.Атласи, посвященных этому историко-архитектурному памятнику.

Однако, несмотря на всю важность и значимость представленного материала для того периода, когда они были опубликованы, рассмотренные публикации не могут претендовать на роль единственных объективных исторических работ, освещающих те или иные проблемы истории Казанского ханства – газетные и журнальные тексты выполняли в первую очередь мобилизационную и воспитательную функции. Тем не менее, они являются дополнительными источниками, которые могут быть использованы в дальнейших исследованиях по теме.

Таким образом, рассмотренные нами два издания татарских эмигрантов – журнал «Яңа милли юл» и газета «Милли байрак», признанные исследователями «единственным руководителем среди рассеявшихся по различным городам Европы, Азии и Америки соплеменников» и «энциклопедией татарской эмиграции», помимо прочих целей, способствовали формированию национального самосознания татар, проживавших за пределами родины. И делалось это посредством публикаций на исторические темы, и в первую очередь, материалов, посвященных истории Казанского ханства, которые примечательны и тем, что помогают воссоздать более полную картину развития татарской исторической мысли в первой половине XX века, обозначить ключевые темы национальной истории, популярные в татарском эмигрантском сообществе, глубже раскрыть специфику исторического сознания эмигрантов.

Несмотря на то, что авторами материалов не всегда являются профессиональные историки (среди них были также журналисты, писатели, общественные деятели), они имеют важное значение для современных исследователей истории Казанского ханства, т.к. являются своеобразной, дополнительной, ранее неизученной частью историографии этого периода национальной истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атласи Х. Казан ханлыгы. 1 нче жид. Казан: «Өмид», 1914. 121 б.
2. Без кем? Алтын Урданың соңгы көннәре // Милли байрак. 1936. 24 гыйнвар.
3. Без кем? Идел буе вә әтрафының рус кулына керүе // Милли байрак. 1936. 6 ноябрь.
4. Без кем? Истикъяль бетерелгәч // Милли байрак. 1936. 27 ноябрь.
5. Без кем? Казан ханлыгы // Милли байрак. 1936. 27 март.
6. Без кем? Казан ханлыгы // Милли байрак. 1936. 24 апрель.
7. Без кем? Казан ханлыгы // Милли байрак. 1936. 24 июль.
8. Без кем? Казан ханлыгы // Милли байрак. 1936. 21 август.
9. Без кем? Казан ханлыгы // Милли байрак. 1936. 28 август.
10. Без кем? Казан ханлыгы // Милли байрак. 1936. 4 сентябрь.
11. Без кем? Казан ханлыгы // Милли байрак. 1936. 25 сентябрь.
12. Берлинда // Яңа милли юл. 1935. №11. Б. 29–30.
13. Берлинда Казан алыну кичәсе // Яңа милли юл. 1938. №11. Б.33.
14. Гайнанова Л. Төзүчедән // Гаяз Исхакий. Әсәрләр, 15 томда. Т. 5. Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. Б. 5–18.
15. Галимутдинов А.И. Журнал «Милли юл» (1928–1939 гг.) в системе татарской эмигрантской прессы: Дисс. ... к.ф.н. Казань, 2012. 148 с.

16. Грамота («лист») короля польского и великого князя литовского Сигизмунда I казанскому хану Мухаммед-Амину с предложением военного союза против Москвы (1514, ноября 18) // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014. С. 920.

17. Исхаки Г. Олуг-Мухаммад, основатель Казанского ханства (перевод с татар. А.И. Килеевой-Бадюгиной). Казань, 2022. 448 с.

18. Исхакий Г. Яшь буынның милли тәрбиясе // Яңа милли юл. 1930. №11. Б. 2–5.

19. Исхакий Г. Матәм көне // Яңа милли юл. 1932. № 10. Б. 1–8.

20. Исхакий Г. Казан китүгә 383 ел үтте // Яңа милли юл. 1935. №11. Б. 1–5.

21. Исхакий Г. 15 нче октябрь көне // Яңа милли юл. 1938. №11. Б. 1–4.

22. Казан алыну хакында риваятьләр // Милли байрак. 1936. 16 октябрь.

23. Казан ханы Мөхәммәд Әминнең хаты // Яңа милли юл. 1930. №3. Б. 10–12.

24. Казан ханлыгының тарихи эзләре // Милли байрак. 1936. 16 октябрь.

25. Милли матәм көне // Милли байрак. 1938. 21 октябрь.

26. Миннегулов Х. Художественные произведения // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014. С. 31–36.

27. Миңнегулов Х. Мөһажирәттәге татар әдәбияты // Казан утлары. 2007. №12. Б. 84–89.

28. Миңнегулов Х. Мөхәммәд Әмин ханның хат-бетеге // Казан утлары. 2003. №11. Б. 146–150.

29. Мөхәммәдиш Р. 15-нче октябрь // Милли байрак. 1937. 15 октябрь.

30. Мөхәммәдиш Р. Тарихи көн // Милли байрак. 1938. 14 октябрь.

31. Насыров Т. Татарская эмигрантская пресса // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2004. № 2. С. 117–128.

32. Польша короле Зигмунтның Казан ханы Мөхәммәд Әмингә илчесе Сорока берлә күндөргән җавап хаты // Яңа милли юл. 1930. №4. Б. 14–15.

33. Польша короле, Литва Олуг кенәзе Зигмунтның Казан ханы Мөхәммәд Әмингә икенче хаты // Яңа милли юл. 1930. №6. Б. 11.

34. Рокыя Дәүләткүлдә: бер татар хатынының ачы язмышы / Төз. И. Төрөкутлы. Казан: Казан ун-ты, 2005. 110 б.

35. Сәлим Л. Татарларны үтерү вә мөселманнарны бетерү сәясәтенң тарихы // Яңа милли юл. 1930. №5. Б. 14–18.

36. Сойсал А (Доктор Абдулла Зиһни Сойсал). Алтын Урда вә Казан ханлыгының Ләһстан илә мөнәсәбәте // Яңа милли юл. 1939. № 6. Б. 12–19.

37. Сойсал А. (Доктор Абдулла Зиһни Сойсал). Алтын Урда вә Казан ханлыгының Ләһстан илә мөнәсәбәте // Яңа милли юл. 1939. № 7. Б. 7–13.

38. Сөем. Казан алыну мөнәсәбәте берлә // Яңа милли юл. 1935. №1. Б. 16–17.

39. Трепавлов В. «Хочем с тобою быти у братстве и в приязни» (Послания короля Сигизмунда I хану Мухаммед-Амину) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2010. № 3/4. С. 92–101.

40. Усманова Л. Газета «Милли Байрак» – «энциклопедия татарской эмиграции» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2016. № 3/4. С. 226–229.

41. Фатыйх Г. Унбишенче октябрь көне // Яңа милли юл. 1930. №11. Б.8–10.

42. Фатыйх Г. Тарих кәбәтләна // Яңа милли юл. 1931. №10. Б. 12–16.

43. Фәхретдин Р. «Шиһабетдин хәзрәт Мәрҗани хакында язмалар»дан бер өзек // Фәхретдин Р.С. Болгар вә Казан төрекләре. Казан: Татар. кит. нәшр., 2021. Б. 239–247.

44. Хан мәчете // Яңа милли юл. 1931. №5. Б. 14.

45. Хәбәрче. Эстониядә Казан китү матәм көне // Яңа милли юл. 1935. №11. Б. 28–29.

46. Хәбәрче. Милли матәм // Милли байрак. 1939. 20 октябрь.

47. Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. Казань: Гос. изд-во, 1923. 304 с.
48. 15-нче октябрь матәм көне // Милли байрак. 1936. 16 октябрь.
49. Kanlıdere A. Ayaz İshaki'nin Milli Yul dergisindeki yazıları // Гаяз Исхаки и национальное возрождение татар в начале XX века: материалы международной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Г. Исхаки. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2018. С. 17–27.
50. Kolankowski L. Zygmunt August wielki ksiaze Litwy do roku 1548. Lwow, 1913. 418 S.

REFERENCES

1. Atlasi Kh. Kazan Khanate. Part 1. Kazan: Umid, 1914. 121 p. (In Tatar)
2. Who are we? The last days of the Golden Horde. *Milli Bayrak*. 1936, January 24. (In Tatar)
3. Who are we? Entry of the Volga region into the Russian state. *Milli Bayrak*. 1936, November 6. (In Tatar)
4. Who are we? After losing independence. *Milli Bayrak*. 1936, November 27. (In Tatar)
5. Who are we? Kazan Khanate. *Milli Bayrak*. 1936, March 27. (In Tatar)
6. Who are we? Kazan Khanate. *Milli Bayrak*. 1936, April 24. (In Tatar)
7. Who are we? Kazan Khanate. *Milli Bayrak*. 1936, July 24. (In Tatar)
8. Who are we? Kazan Khanate. *Milli Bayrak*. 1936, August 21. (In Tatar)
9. Who are we? Kazan Khanate. *Milli Bayrak*. 1936, August 28. (In Tatar)
10. Who are we? Kazan Khanate. *Milli Bayrak*. 1936, September 4. (In Tatar)
11. Who are we? Kazan Khanate. *Milli Bayrak*. 1936, September 25. (In Tatar)
12. In Berlin. *Yañä Milli Yul*. 1935, no. 11, pp. 29–30. (In Tatar)
13. In Berlin, the evening of the capture of Kazan. *Yañä Milli Yul*. 1938, no. 11. 33 p. (In Tatar)
14. Gainanova L. From the compiler. In: Gayaz Iskhaky. Works, in 15 volumes. Vol. 5. Kazan: Tatar Book Publ., 2009, pp. 5–18. (In Tatar)
15. Galyamutdinov A.I. Magazine «Milli Yul» (1928-1939) in the system of the Tatar emigrant press: Dissertation for a degree of a candidate of philology. Kazan, 2012. 148 p. (In Russian)
16. Letter (“sheet”) of the King of Poland and Grand Duke of Lithuania Sigismund I to the Kazan Khan Muhammad-Amin with a proposal for a military alliance against Moscow (1514, November 18). In: The History of the Tatars since Ancient Times. In Seven Volumes. Volume 4. Tatar States (15–18th Centuries). Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 920 p. (In Russian)
17. Iskhaki G. Olug-Muhammad, founder of the Kazan Khanate (translation from the Tatars by A.I. Kileeva-Badyugina). Kazan, 2022. 448 p. (In Russian)
18. Iskhaki G. National education of the younger generation. *Yañä Milli Yul*. 1930, no.11, pp. 2–5. (In Tatar)
19. Iskhaki G. Day of Sorrow. *Yañä Milli Yul*. 1932, no. 10. pp. 1–8. (In Tatar)
20. Iskhaki G. 383 years have passed since the fall of Kazan. *Yañä Milli Yul*. 1935, no. 11, pp. 1–5. (In Tatar)
21. Iskhaki G. October 15. *Yañä Milli Yul*. 1938, no. 11, pp. 1–4. (In Tatar)
22. Legends about the capture of Kazan. *Milli Bayrak*. 1936, October 16. (In Tatar)
23. Letter from Kazan Khan Muhammad Amin. *Yañä Milli Yul*. 1930, no. 3, pp. 10–12. (In Tatar)
24. Historical traces of the Kazan Khanate. *Milli Bayrak*. 1936, October 16. (In Tatar)
25. Day of National Mourning. *Milli Bayrak*. 1938, October 21. (In Tatar)

26. Minnegulov H. Works of art. The History of the Tatars since Ancient Times. In Seven Volumes. Volume 4. Tatar States (15th–18th Centuries). Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, pp. 31–36. (In Russian)
27. Minnegulov H. Emigrant Tatar literature. *Kazan utlary*. 2007, no. 12, pp. 84–89. (In Tatar)
28. Minnegulov H. Letter-label Muhammad Amina. *Kazan utlary*. 2003, no. 11, pp. 146–150. (In Tatar)
29. Muhammadish R. October 15. *Milli Bayrak*. 1937, October 15. (In Tatar)
30. Muhammadish R. Historic day. *Milli Bayrak*. 1938, October 14. (In Tatar)
31. Nasyrov T. Tatar emigrant press. *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*. 2004, no. 2, pp. 117–128. (In Russian)
32. Letter from Kazan Khan Muhammad Amin to the Polish King Zygmunt through his ambassador Soroka. *Yaña Milli Yul*. 1930, no. 4, pp. 14–15. (In Tatar)
33. Second letter from the Polish king, Grand Duke of Lithuania Zygmunt to the Kazan Khan Muhammad Amin. *Yaña Milli Yul*. 1930, no. 6, 11 p. (In Tatar)
34. Rukia Davletkilde: the bitter fate of one Tatar woman. Kazan: Kazan State University, 2005. 110 p.
35. Salim L. History of the policy of extermination of Tatars and Muslims. *Yaña Milli Yul*. 1930, no. 5, pp. 14–18. (In Tatar)
36. Soysal A (Dr. Abdulla Zihni Soysal). Relations between the Golden Horde and the Kazan Khanate with Lyakhstan (Poland). *Yaña Milli Yul*. 1939, no. 6, pp. 12–19. (In Tatar)
37. Soysal A (Dr. Abdulla Zihni Soysal). Relations between the Golden Horde and the Kazan Khanate with Lyakhstan (Poland). *Yaña Milli Yul*. 1939, no. 7, pp. 7–13. (In Tatar)
38. Suyum. Regarding the capture of Kazan. *Yaña Milli Yul*. 1935, no. 1, pp. 16–17. (In Tatar)
39. Trepavlov V. «We want to be with you in brotherhood and friendship» (Messages of King Sigismund I to Khan Muhammad-Amin). *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*. 2010, no. 3–4, pp. 92–101. (In Russian)
40. Usmanova L. Newspaper «Milli Bayrak» – «encyclopedia of Tatar emigration». *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*. 2016, nos. 3–4, pp. 226–229. (In Russian)
41. Fatykh H. October fifteenth day. *Yaña Milli Yul*. 1939, no. 11, pp. 8–10. (In Tatar)
42. Fatykh H. History repeats itself. *Yaña Milli Yul*. 1931, no. 10, pp. 12–16. (In Tatar)
43. Fakhretdin R. Excerpt from “Record of Shigabutdin Hazrat Marjani”. In: Fakhretdin R.S. Bulgarian and Kazan Turks. Kazan: Tatar Book Publ., 2021, pp. 239–247. (In Tatar)
44. Khan Mosque. *Yaña Milli Yul*. 1931, no. 5. 14 p. (In Tatar)
45. Correspondent. Day of mourning for the fall of Kazan in Estonia. *Yaña Milli Yul*. 1935, no. 11, pp. 28–29. (In Tatar)
46. Correspondent. National mourning. *Milli Bayrak*. 1936, October 20. (In Tatar)
47. Khudyakov M. Essays on the history of the Kazan Khanate. Kazan: Gos. izdatelstvo, 1923. 304 p. (In Russian)
48. October 15 Day of Mourning. *Milli Bayrak*. 1936, October 16. (In Tatar)
49. Kanlıdere A. Ayaz İshaki’nin Milli Yul dergisindeki yazıları. In: Ghayaz Ishaki and national renaissance of the Tatars at the Beginning of the 20th century. Materials of the international conference dedicated to the 140th anniversary of the birth of G. Ishaki. Kazan, 2018, pp. 17–27. (In Turkish)
50. Kolankowski L. Zygmunt August wielki książe Litwy do roku 1548. Lwów (Lwow), 1913. 418 p. (In Polish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ляля Раисовна Муртазина – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории и теории национального образования им. Х.Фаизханова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-4131-544X. E-mail: lyalyamur@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyalya R. Murtazina – Cand. Sci. (Pedagogy), Leading Research Fellow of the Faizkhanov Center for the History and Theory of National Education, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-4131-544X. E-mail: lyalyamur@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 25.08.2025

Поступила после рецензирования / Revised 28.11.2025

Принята к публикации / Accepted 02.12.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.843-858>
EDN: JHOWRX

УДК 94(57)+94(574)''15''

ШИБАНИДЫ НА КАЗАНСКОМ ПРЕСТОЛЕ В XV ВЕКЕ

Д.Н. Маслюженко

*Курганский государственный университет**Курган, Российская Федерация**denmas13@yandex.ru*

Резюме. Цель: выявить возможные реальные или мнимые случаи правления Шибанидов на казанском престоле в XV веке.

Материалы: работа проведена на основе анализа опубликованных (летописи различного происхождения, сборник летописей Утемиш-хаджи, дастаны Кадыр Али-бека, исторические сочинения Сейид-Мухаммеда Ризы и Хурреми Челеби) и неопубликованных (сибирская летопись Ивана Черепанова) источников.

Результаты и научная новизна. В 2007 году В.В. Трепавловым была предложена гипотеза московского и казанского подданства Сибирского юрта, которая оказала значительное влияние на последующую историографию. Она была построена на основании анализа посольских и летописных источников XVI века, которые отражали именно московскую точку зрения на этот чрезвычайно важный в ходе присоединения Сибири вопрос. Однако, анализ тюркоязычных источников различного происхождения свидетельствует, что напротив в них нашел отражение иной нарратив: реальные или мнимые права шибанидских династов XV века на казанский престол, который тем самым оказывался напротив зависимым от сибирских сюзеренов.

Сложность изучения этого нарратива заключается в том, что полный список таких шибанидских правителей на казанском престоле имеется лишь в крымских источниках XVII вв. Здесь к ним отнесены такие известные политические деятели этой династии как Махмуд Ходжа, Хизр, Абуль-Хайр, Шейх-Хайдер, Ядигер и Эминек, а также некий неидентифицируемый Баян-Ходжа. При этом в иных источниках никто из этих ханов, кроме возможно Абу-л-Хайра, не имел прямого отношения к Булгару или Казанскому престолу, хотя в разные периоды они и выступали в качестве лидеров всех Шибанидов. Видимо, это и делало их потенциальными правителями Казанского юрта, особенно до формирования там самостоятельной династии в конце 1430-х – первой половине 1440-х гг.

За пределами данных крымских историков остались более реальные случаи занятия казанского престола или каких-то земель там представителями тюменской правящей династии Шибанидов в лице Хаджи-Мухаммада и его внуков Ибрахима и Мамука. При этом в сибирской летописной традиции конца XVII–XVIII вв. также нашли отражение иные взгляды на этот вопрос, которые, напротив, могут трактоваться как возможная зависимость Казани от Сибири.

Несомненно, это ставит вопрос о возможной ангажированности политических взглядов, нашедших отражение в письменных источниках, относительно претензий правителей на важный в постордынском мире политический символ власти.

© Маслюженко Д.Н., 2025



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: Казанское ханство, Казань, Булгар, Шибаниды, Тюменское ханство, Чимги-тура, тюркоязычные источники, русские летописи

Для цитирования: Маслюженко Д.Н. Шибаниды на Казанском престоле в XV веке // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 4. С. 843–858. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.843-858> EDN: JHOWRX

THE SHIBANIDS ON THE KAZAN THRONE IN THE 15th CENTURY

D.N. Maslyuzhenko

*Kurgan state university
Kurgan, Russian Federation
denmas13@yandex.ru*

Abstract. Objective: To identify possible real or imaginary cases of Shibanid rule on the Kazan throne in the 15th century.

Research Materials: The present work is based on the analysis of published sources (chronicles of various origins, the collection of chronicles of Utemish Hadji, dastan Kadir Ali-bek, historical writings of Sayyid-Muhammad Riza and Hurremi Chelebi) and unpublished sources (Siberian chronicle of Ivan Cherepanov).

Results and scientific novelty: In 2007, V.V.Trepavlov proposed the hypothesis of Moscow and Kazan citizenship of the Siberian yurt, which had a significant impact on subsequent historiography. It was built on the basis of an analysis of the embassy and chronicle sources of the 16th century, which reflected precisely the Moscow point of view on this extremely important issue during the annexation of Siberia. However, an analysis of Turkic-language sources of various origins indicates that, on the contrary, they reflected a different narrative: the real or imaginary rights of the 15th-century Shibanid dynasties to the throne of Kazan which, regardless, turned out to be dependent on the Siberian suzerains.

The difficulty of studying this narrative lies in the fact that the full list of such Shibanid rulers on the Kazan throne is available only in the Crimean sources of the 17th century. Here they include such famous political figures of this dynasty as Mahmud Khoja, Khizr, Abul-Khair, Sheikh Haider, Yadigyar, and Eminek, as well as a certain unidentified Bayan Khoja. At the same time, in other sources, none of these khans, except perhaps Abu-l-Khair, was directly related to the Bulgar or the Kazan throne although in different periods they acted as leaders of all the Shibanids. Apparently, this made them potential rulers of the Kazan yurt, especially before the formation of an independent dynasty there in the late 1430s and the first half of the 1440s.

Beyond the information of Crimean historians, there were more factual cases of occupation of the Kazan throne or some lands there by representatives of the Tyumen ruling Shibanid dynasty in the person of Hadji Muhammad and his grandchildren, Ibrahim and Mamuk. At the same time, the Siberian chronicle tradition of the late 17th and 18th centuries also reflected other views on this issue which, on the contrary, can be interpreted as a possible dependence of Kazan on Siberia.

Undoubtedly, this raises the question of the possible bias of political views, reflected in written sources, regarding the rulers' claims to an important political symbol of power in the post-Horde world.

Keywords: Kazan Khanate, Kazan, Bulgar, Shibanids, Tyumen Khanate, Chimgi-tura, Turkic sources, Russian chronicles

For citation: Maslyuzhenko D.N. The Shibaniids on the Kazan throne in the 15th century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 4, pp. 843–858. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.843-858> (In Russian)

Шибанский фактор в истории Казанского ханства и шире тюменско (сибирско)-казанские отношения неоднократно становились объектом исследования, особенно в контексте претензий братьев Ибрахима и Мамука на казанский престол [1, с. 40–43; 18, 2018, с. 116–130; 27, с. 122–132, 167–180]. Комплексный взгляд на эту проблему был предложен лишь Д.М. Исхаковым [9, с. 173–181; 10, 2018, с. 92–98; 11, с. 128–145], где он рассмотрел политические, культурные, этнические и экономические связи не только между Казанским ханством и шибанскими государствами в Западной Сибири, но и некоторые их предпосылки, причем как по письменным, так и фольклорным (этнографическим) источникам.

Традиционно считается, что Казанское ханство было основано на территории бывшего Булгарского улуса Золотой Орды в 1438 году ханом Улуг-Мухаммадом или в 1445 году его сыном Махмудом. Абдулгафар Кырыми описывает действия первого из них следующим образом: «Он пошел на Казань и с хитростью захватил Казань у Алтанай Султана из рода Шибана» [13, с. 84]. По мнению исследователей, в Булгаре и Казани правил Алибай, сын Ильбека, одного из шибанидских ханов периода Великой Замятни, и именно у него Улуг-Мухаммад отнял Булгарский и Казанский вилайеты [26, с. 28]. Несмотря на привязку Алтаная и/или Алибая к династии Шибанидов, в генеалогиях этой династии эти лица на данный момент не известны. А.В. Аксанов обратил внимание, что в рассказе об этом событии у Утемиша-хаджи также нет привязки этого правителя к Шибанидам [2, с. 4 6].

Как показали работы Д.М. Исхакова и И.А. Мустакимова, они могут быть связаны с известной парой из татарских источников о сыновьях некоего булгарского царя Габдулы Алтун-беке и Алим-беке. Во время вторжения Тимура они были спрятаны в г.Казань, но затем один из них (по разным версиям источников это мог быть как Алтун, так и Алим) «пришел в Тобол-туру... держал (там) юрт. Старая Тобол-тура построена им» [11, с. 1 29; 26, с. 28; 29, с. 579]. По мнению В.В. Трепавлова, под этим названием имеется в виду Искер [36, с. 101–102], хотя И.А. Мустакимов допускает, что это могла быть замена Чинги-туры как отражение в народной памяти переноса столицы [26, с. 28]. В действительности городок Тобол-тура довольно уверенно соотносится с археологическим памятником «Городище Тобол-тура-1» в Тобольском районе Тюменской области [37, с. 136–139]. И.А. Мустакимов справедливо обратил внимание на то, что В.В. Трепавловым был обнаружен документ (отпуск грамоты царя Ивана IV ногайскому мирзе Урусу), где Предкамье на территории Казанского ханства названо «Алибаев и Алтыбаев юрт» [26, с. 29]. Представляется, что на данный момент все возможности трактовки исследователями этого сюжета уже исчерпаны. Они показали наличие довольно ранней связи между Булгаром и Сибирью, в том числе через некоего неидентифицируемого правителя [25, с. 187–188], хотя и с очень спорным отнесением его к потомкам Шибана. Такая косвенная связь могла сформироваться еще в период Великой Замятни, когда отдельные Шибаниды занимали ордынский

престол и были известны в Нижнем Поволжье, но доказать их связь с Булгаром довольно проблематично [10, с. 93–94].

Наиболее развернутые списки Шибанидов, правивших в Булгаре, присутствуют в двух крымских текстах XVII–XVIII вв. Так, у Сейид-Мухаммеда Ризы в «Эс-себу’с-сейяр фи ахбар-и мулюк-и татар» («Семь планет в известиях о царях татарских», 1737 г.) имеется следующий перечень: «Ханы из рода Шейбан в Деште и Булгаре: Махмуд Ходжа, Хизр, Абуль-Хайр, Шейх-Айдер, Баян-Ходжа, Ядигяр и Эминек» [32, с. 14]. Аналогичный текст имеется в «Истории» Хурреми Челеби, источником которого было указанное выше сочинение: «в Деште-же и Булгаре остались властвовать, из рода Шейбанова, ханы: Махмуд-Ходжа, Хизрь, Абул-Хайр, Шейх-Гайдер, Баян-Ходжа, Ядигяр и Эминек» [7, с. 381]. Остается понять для кого из этих правителей возможно по более ранним источникам эту связь доказать, а кто остался за пределами этого списка. Для решения этого вопроса мы попробуем выстроить именно хронологический ряд шибанских правителей.

Если посмотреть на генеалогию Шибанидов, то мы увидим, что в период Замятни с 1370-х гг., когда потомки Шибана начинают занимать ханский престол Улуса Джучи, все эти претенденты были только из линии Минг-Тимура, правнука сына и наследника Шибана Бахадура. Причем в начале это была линия второго из сыновей Минг-Тимура хана Ильбека, из которой были Канбай, Махмуд-Ходжа и один из полководцев при Тохтамыше Ильяс. Потом это была линия третьего сына Минг-Тимура Пулада, у которого от старшего сына Ибрахима вели происхождение уж его сын Хизр, внук Абу-л-Хайр и правнук Шейх-Хайдар. По линии второго сына Пулада Арабшаха вел происхождение племянник Абу-л-Хайра Ядигер и его сын Аминек. Таким образом, если сравнить этот генеалогический перечень со списком ханов Булгара из крымских источников, то мы увидим, что они почти полностью совпадают. Следует учитывать, что единственный Шибанид из крымского списка, который, видимо, вообще не может быть идентифицирован – это Баян-Ходжа.

По данным Сейид-Мухаммеда Ризы «ханство сыновей Хаджи-Мухаммед-хана в Сибири» [32, с. 14], но не ясно, где он локализует собственно ханство их отца, который происходил из линии младшего сына Минг-Тимура Бекконди-оглана. Если не считать участия в подчинении Булгара Шибана (особенно с учетом выявленной Д.М. Исхаковым и З.А. Тычинских локализации в Булгарском вилайете племен кыйат, буркут, конграт и уйшун (тюмень), которые явно относятся к шибанидским [11, с. 128–145]), то первым ханом уже XV века, который мог бы быть связан с Булгаром, был именно Хаджи-Мухаммад, фактический основатель тюменской правящей династии. С ним вообще связано начало процесса становления государственности Шибанидов [14, с. 88–101]. В 822 г.х. (28.01.1419–16.01.1420) он поддержал Идегея в борьбе против хана Кадыр-Берди б. Токтамыша, за что ему был обещан ханский титул. Не совсем ясно успел ли сам мангытский лидер провести данную интронизацию до своей гибели или же это сделал уже его сын Мансур, как об этом пишет Кадыр Али-бек [39, с. 138]. Мы вполне солидарны с мнением В.В. Трепавлова о том, что около 1426–1427 гг. хан Хаджи-Мухаммад и Мансур были убиты тукаимуридом Бараком [35, с. 94].

Продолжатель Утемиш-хаджи писал об этом правителе: «После него ханом стал Хаджи Мухаммад-хан. Контролировал Башкурт, Алатырь, Мокшы и

захватил находившийся в стороне Шехр-и Болгара знаменитый названием Шехр-и Тура территории мангытов и был великим падишахом» [24, с. 65]. В данном случае мы используем первый перевод этого текста, опубликованный в виде отдельной статьи И.М. Миргалеевым. При дальнейшей подготовке полного издания рукописи источника данный фрагмент приобрел следующий вид: «После него ханом стал Хаджи Мухаммад хан. Собрал Башкурт, Алатырь, Мокшы и захватил в стороне Шехр-и Болгара улан и Шехр-и Тура – знаменитые владения мангытов – и был великим падишахом» [38, с. 83]. Еще один перевод этого же фрагмента предложил в совместной статье с Р.Ю. Ревый В.В. Тишин «... После этого Хаджи Мухаммад ханом стал; всех их – Башкурт, Алатырь, Мокшы, и в стороне города Булгара находящийся и город Туры называемый, и [вместе с ним] известных Мангытов селения захватив, – в этом вилайете великим падишахом стал...» [31, с. 42–43]. Несмотря на стилистические различия, адекватность перевода которых автору статьи, не являющемуся лингвистом, сложно оценить, в целом все три перевода показывают значительное сюжетное сходство. В равной степени возможны следующие трактовки совместного указания Болгара и Туры: оба города были формально северными в отношении всей остальной территории Золотой Орды; между ними существовала какая-то сложная система отношений, которая могла основываться на торговле по трансуральскому пути; слабость географических знаний автора текста. Еще в 2017 году А.В. Аксанов обратил внимание, что речь не шла о подчинении собственно самого Булгара, а только некоего поля или степи в той стороне [2, с. 47], а также собственно города Туры, будущего центра Тюменского ханства.

Еще в источниках по истории Улуса Джучи, в частности у ал-Омари и ибн Баттуты, описание «страны Сибирской» или «страны мрака» всегда с позиции расположения и организации торговли увязывается именно с Булгаром [6, с. 107, 137], что говорит о складывании самой системы подобного совместного географического описания еще в XIV веке. В принципе это укладывается в имеющееся в историографии предположение о том, что Чимгитуря была построена на пересечении широтных и меридиональных торговых путей или через нее проходил Северный трансконтинентальный торговый путь в XIII–XV вв., что способствовало образованию именно здесь известных ханств Шибанидов [5, с. 23; 21, с. 95–101]. Его функционирование явно было связано с Тюменскими воротами Казани и Тюменским волоком через Уральские горы [21, с. 98], что подтверждает тесные связи с Казанским ханством.

По сути, сам текст Продолжателя только дает основание говорить о том, что при этом хане вилайет Тура, основа для создания Тюменского ханства, переходит из-под временного контроля мангытов в лице сыновей Идегея Кейкубада и Нураддина в руки шибанидских династов [26, с. 26; 16, с. 19]. Поиск иных, в том числе нумизматических аргументов, в пользу связи этого династа с Булгаром затрудняется известной проблемой «множественности Мухаммадов». Следует отметить мнение Р.Ю. Ревы, который считает, что в 822–826 гг.х. (примерно 1419–1423 гг.) в Булгаре были отчеканены монеты этого хана с тамгой, которая схожа с таковой у далекого потомка Хаджи-Мухаммада Тауке. Саму гибель хана он датирует именно 826 г.х., чем и объясняет прекращение чекана [30, с. 28, 31]. В этой же статье им были опубликованы рассматриваемые монеты [30, с. 31, рис. 3]. Таким образом, для этого

Шибанида пока устанавливаются только косвенные связи с Булгарским улусом в 1420-е гг.

Все три перевода указывают, что Хаджи-Мухаммад стал ханом «после него», под которым имеется в виду хана Хизр б. Ибрахим, дядя Абу-л-Хайра. Хотя в крымских текстах последовательность правителей несколько иная и начинается с Махмуд-Ходжи, после которого уже указан Хизр. С точки зрения генеалогии он был сыном Каанбая и внуком Ильбека, то есть представителем именно старшего дома Шибанидов для этого времени. Оба его предка в разные годы Замятни занимали престол Улуса Джучи. Для получения помощи представителей этой династии именно к Каанбаю обратился и Токтамыш [38, с. 57–58].

Начало его правления, видимо, связано с 1428/9 годом, когда Махмуд-Ходжа возможно попытался вмешаться в борьбу за престол, что привело к его монетной эмиссии в Булгаре и Среднем Поволжье [31, с. 46–47]. Отстоять свои интересы в Поволжье ему не удалось, хотя следует понимать, что вопрос поволжской политики этого династа при крайней скудости письменных источников во многом упирается в трактовку того, был ли он тем самым «царевичем Махмут-Хозей», который совместно с князем Алибабой (Али-беком) совершил зимой 1428–1429 гг. набег на Галич [27, с. 69–71], в чем есть резонные сомнения [2, с. 48]. Их совместная деятельность позволила авторам предположить, что в Булгарском улусе действовала система соправления хана и булгарского князя, которая вполне возможно отразилась и в более раннем рассказе о беках Алтунае и Алиме [11, с. 129–130; 26, с. 29].

В результате либо проблем в Поволжье, либо стремления поставить под контроль все земли на трансуральском пути хан оказался на юге Западной Сибири, между Ишимом и Тоболом [3, с. 39–41], где в дальнейшем и был его юрт. Связь Махмуд-Ходжи с этими землями тем более заметна, если вспомнить, что здесь возможно находились летовки его отца Каан-бая, местность «Кокедей-Йисбуга» [38, с. 57; 26, с. 25–26]. А.-З. Валиди-Тоган по данным Утемиша-хаджи указывал, что Махмуд-Ходжа во главе родов Туранского вилайета воевал с туменами кунгратов и салджиутов [4, с. 40]. Однако, в опубликованном в 2017 году переводе речь идет о том, что он «сразился с вилайатом Тура, туменом Кунграт и еще туменом Саджиута, обратил их в бегство и покорил себе» [38, с. 60]. Очевидно, что вилайет Тура – это будущий центр территории Тюменского ханства, причем его главный город ранее уже подчинял себе Хаджи-Мухаммад. Утемиш-хаджи называет еще владения Арабоглана (Арабшаха) «знаменитый эль, известный как Тули» [38, с. 59], что, с нашей точки зрения, также может быть отсылкой к Туре. Складывается впечатление, что на протяжении почти всех 1420-х гг. Шибаниды пытались получить контроль над важнейшим торговым городом Западной Сибири, который ранее находился под контролем Тукатимуридов, мангытов или кого-то из условно местных племен (буркутов?) [16, с. 15–21]. Именно в битве на Тоболе весной-летом 1431 года новый шибанидский династ Абу-л-Хайр разгромил Махмуд-Ходжи [22, с. 149].

Здесь вновь возникает вопрос о том, какое место занимает в цепочке ханов, правивших в Булгаре, дядя Абу-л-Хайра Хизр, который по генеалогии был из одного поколения с Хаджи-Мухаммадом и Махмуд-Ходжой. На данный момент резонно согласится с А.В. Паруниным, что «трудно обозначить

рамки улуса и времени правления Хызра... можно предположить, что он правил в 10–20-х гг. XV в.» [27, с. 63]. Утемиш-хаджи называл его также «ханом вилайата Тура» [38, с. 60], однако и здесь его ханствование датировать довольно проблематично (версия Р.Ю. Ревы и В.В. Тишина о первом упоминании в 814 г.х. и завершении правления в 822 г.х. [31, с. 42, 49] еще нуждается в подтверждении). С точки зрения старшинства в роду он явно должен был занимать престол между Махмуд-Ходжой и Хаджи-Мухаммадом или Абу-л-Хайром, что отчасти соответствует крымским текстам. На данный момент один источник датирует его правление до Хаджи-Мухаммеда, то есть до 1419 или 1420 г., другой ставит после Махмуд-Ходжи, которого фактически сменяет победивший его Абу-л-Хайр. Если бы не указание на то, что он был ханом вилайета Тура, а также указание на войну с ним же Махмуд-Ходжы, то можно было бы предположить простое и изящное решение: две старших линии Шибанидов правили в Булгаре, а Хаджи-Мухаммад обосновался на юге Западной Сибири. Еще одним решением может быть феномен «многовластия» в шибанидских династиях [28, с. 126–130], выражавшийся либо в соправлении ханов, либо в делении территории ханства между ними, либо в возможном наличии старшего хана (Хан-и Бузург) и подчиненных им «улусных» ханов. Вполне возможно, что значительные территории Шибанидов и весь процесс дезинтеграции первой четверти XV века вполне допускали наличие в этой династии двух ханов на разных территориях. Несомненно, что такая теоретическая модель требует более подробного обоснования, что является задачей уже иной статьи. Следует признать, что крайняя скудость упоминаний хана Хизра в источниках, о чем писал еще в 2011 году Ж.М. Сабитов [33, с. 109–112], делает все эти версии не более чем гипотезами.

После разгрома в 1431 году Махмуд-Ходжи новым шибанским ханом стал Абу-л-Хайр, причем Б.А. Ахмедову удалось найти упоминание о том, что ему платили ясак как жители Жанги (Чинги)-Туры, так и Булгара [3, с. 94]. Если брать даже самую раннюю дату начало собственной казанской династии, то есть 1438 год, такое упоминание вполне правдоподобно. И.А. Мустакимов предположил, что последовавший мирный переход Булгарского улуса, ставшего Казанским ханством, из рук Шибанидов к Улуг-Мухаммедовичам мог быть связан с определенными (устными) договоренностями, в результате которых потомки Шибана сохраняли там влияние через князя болгарского или казанского [25, с. 188–189]. Представляется, что еще одно его объяснение, приведенное в комментариях, то есть признание за Тукатимуридами неких прав на Болгарский юрт, хотя самым автором этой версии считается «менее вероятным» [25, с. 188, ком.16], на самом деле имеет два весьма перспективных последствия. Во-первых, Б.А. Ахмедов со ссылкой на Махмуда бен Вали писал, что после подчинения Улуса Шибана новый хан «объявил независимость своего государства от потомков» Тукай-Тимура [3, с. 48], что могло быть как раз одним из последствий передачи им в руки Болгарского юрта. Во-вторых, если считать датой основания Казанского ханства 1445 год, то напомним, что именно осенью 1446 года Абу-л-Хайр «решил отправиться для зимовки на завоевание Сыгнака» [22, с.1 59]. Понятно, что *post hoc ergo propter hoc*, но слишком интересным получается совпадение. Впрочем, в историографии и в отношении подчинения этим династом Булгара выражается сомнение, поскольку предполагается, что оно могло быть искусственно припи-

сано Абу-л-Хайру в рамках шибанидской историографии под влиянием его внука Мухаммада Шейбани, который имел свои политические интересы в Казанском ханстве [2, с. 47].

По сути, до 1470-х гг., когда начинается деятельность на казанском направлении внука Хаджи-Мухаммада нового шибанского хана Ибрахима (Ибака), в иных, кроме крымских, источниках нет информации о политической связи Шибанидов с Казанью. В таком случае не до конца ясно как трактовать вопрос о правлении в Булгаре Шейх-Хайдара, Ядигера и Аминек.

Дату начала правления Ядигера довольно сложно реконструировать, единственное упоминание в «Фирдаус ал-Икбал» дает дату 862 г.х. (1457 / 1458). «Кара таварих» связывает это со ссорой сыновей Ваккаса Мусы и Ямгурчи с Абу-л-Хайром и поиском ими нового хана [38, с. 62]. Это укладывается в процесс дезинтеграции ханства после поражения от калмыков и смерти на поле боя главного узбекского полководца султана Бахтийра, сына хана Хизра. При этом о деятельности нового хана нам почти ничего неизвестно, а его смерть относится к 1468 или 1469 году, то есть почти одновременно с самим Абу-л-Хайром [27, с. 101–103]. Сын и наследник последнего Шейх-Хайдар занимал ханский престол между 1469–1471 годом, причем борьба против целой коалиции степных лидеров вряд ли оставляла ему время на какие-либо связи с Казанью. Как раз после его убийства, новым шибанским ханом и станет Ибрахим. Информация о сыне Ядигера Аминеке еще более скудная и в свое время была подробно проанализирована В.В. Трепавловым [35, с. 115–117]. По его предположению, он сидел на некоем «узбекском Шибанидском престоле в Казахстане» после 1484 года, а в 1490 году во время ссоры с Ибаком от его имени как хана ногайские лидеры Аббас, Муса и Ямгурчи написали письмо в Москву. Таким образом, для этих трех Шибанидов доказать реальные связи с Булгаром или Казанью невозможно, если только не предположить, что вместе с титулом шибанских царей они автоматически не получали некий статус в Казани, однако сомнительно, чтобы Аминек в период полновластия Ибрахима мог именоваться именно шибанским ханом.

В результате с убийства Шейх-Хайдара новым шибанским ханом становится не представитель двух старших линий потомков Минг-Тимура, а младшей от Бекконди-оглана, в которой ранее уже нами упоминался Хаджи-Мухаммад. Именно его внуки Ибрахим, Мамук и Агалак в дальнейшем станут новыми казанскими ханами или будут претендовать на это, а еще один внук и двоюродный брат ханов Ак-Курт будет пытаться этого добиться путем переговоров с московским великим князем. Определенные связи с Булгаром будут прослеживаться и у Кучума б. Муртазы б. Ибрахима.

Поволжский вопрос в последней четверти XV века становится одним из основных в политике тюменских Шибанидов, причем в это же время за влияние в Казанском ханстве начинает активно бороться еще один участник, то есть Московское Великое княжество. Оно к концу 80-х годов XV века значительно расширило свое влияние в Казанском ханстве в результате похода 1487 года, когда прежний казанский хан Али (Ильхам и Алегам в русских источниках), союзник хана Ибрахима и зять ногайского мурзы Ямгурчи, был смещен и отправлен со всей семьей в Москву. На престол был возведен промосковски ориентированный его брат хан Мухаммед-Амин. Поволжские дела и судьба опального хана становятся одной из главных тем для дипломатической пере-

писки хана Ибрахима и Ивана III, причем в процессе их проведения казанская знать, бежавшая в Тюмень, заочно возведет самого Ибрахима на казанский престол. В дальнейшем московский фактор и нахождение в Тюменском ханстве казанских «беглецов» спровоцирует военные походы на Казань братьев Ибака Мамука в 1496 г. и Агалака в 1499 г. В этом же ряду была и попытка получения казанского престола Агалаком и Ак-Куртом уже из рук самого московского правителя в 1507–1508 гг. Эти аспекты тюменско-московских отношений хорошо изучены в историографии [15, с. 62–68; 18, 2018, с. 116–130; 27, с. 122–132, 167–180].

Вероятно, именно нахождение при дворе тюменского хана подобных представителей казанской элиты («многих казанских татар» [23, с. 190]), могло стать основой для представлений сибирских татар о закреплении титула казанского хана за Ибрахимом в результате самого факта его возможного возведения на престол казанскими аристократами. Г.Ф. Миллер писал, что сыновей убитого тайбугида Мара Упак (Ибак) в знак своей победы взял именно в Казань, где они и умерли [23, с. 190]. Кроме того, Продолжатель Утемиша-Хаджи писал про этого хана «...из рода Бек Конды – Айбак хан, который был знаменитым ханом и правил, объединив страны Кыркыз и Казань» [38, с. 83]. Г.Ф. Миллер пишет, что согласно летописям, начиная с Ибака Тюменское ханство (город Чимги с подчиненными ему землями) некоторое время находилось в зависимости от Казани [23, с. 190], хотя, исходя из указанных выше событий, все было не совсем так.

Д.М. Исхаков предполагает возможное расселения ряда, связанных с Шибанидами, племен в Среднем Приуралье на протяжении XV века [9, с. 178–179]. В принципе это коррелируется с некоторыми указаниями в европейских источниках. Например, непосредственно общавшийся в 1525 году с русским послом Дмитрием Герасимовым итальянский ученый гуманист Павел Иовий в «Книге о посольстве Дмитрий Герасимова к папе Клименту VII» также писал: «Далее на Север от Казани живут Шибанские Татары (Sciabani), сильные по своему многолюдству и обширным стадам» [8, с. 27–28]. Подобные указания о размещении здесь Шибанов можно увидеть и в иных текстах (например, у С. Герберштейна) и синхронных им европейских картах второй четверти XVI века [19, с. 23–26]. Вполне возможно, что это как раз реальные указания на наличие неких шибанских татар, то есть подданных шибанидских ханов, в Приуралье, возможно на Каме. В свете этих сообщений несколько по-иному могут выглядеть и претензии Строгановых к Кучуму относительно провоцирования местных восстаний в 1570-х гг. [23, с. 333].

Однако, в тот же период мы видим и обратный процесс, то есть напротив некий приток казанского населения в Сибирь во второй половине XVI века при потомках Ибрахима Муртазе и Кучуме. Так, «Казанская история» сообщает о том, что одна из жен Сафа-Гирей-хана была дочерью сибирского хана, хотя не уточняется имя последнего [12, с. 83]. Судя по хронологии рассказа, это мог быть только сын Ибрахима Муртаза, который тем самым сохранял определенные приоритеты поволжской и приуральской политики своих предшественников. Кстати, в Сибирской истории С.У. Ремезова имеется уникальная информация о походе Кучума на Казань, где он берет замуж дочь некоего казанского царя Мурата и приводит «с нею многих чуваш и абыз» [34, с. 319], которая не подтверждается иными летописями. Понятно, что под

абызами понимаются мусульманские священнослужители, что в целом соответствует усилиям по исламизации Западной Сибири этого хана. Если чувашей не воспринимать именно как этническую группу, то это было ясачное население Закамья, что опять же укладывается в политику Кучума по увеличению ясачного населения в своем ханстве. Иван Черепанов вообще приписывает этот поступок неизвестному в других сибирских летописях внуку убитого Ибрахимом Умара Тайбугида Синбиру б. Адери, который «...от Казани многих мурз и людей и чувашей и дедовских и у Опочи хана жену и дочь в Сибирь с богатством привез и свой град разбил...»¹.

Отдельно необходимо остановиться на вопросе о том, был ли в какой-то момент Сибирский юрт (земля) в «подданстве» у Казанского ханства. Первые на соответствующие указания в контексте последствий казанского взятия Ивана IV в памяти в Литву в августе 1555 года («...Сибирская земля порядку с Казанскою землею...») и в «Казанском летописце», который был по разным версиям создан в 1554–1555 или 1564–1566 гг. («...вся земля Казанская, тако же и вся земля Сибирская с молением приходяду к царю государю...») обратил внимание В.В. Трепавлов. По его предположению после свержения Ибака Тайбугидами «Государь Казани оставался высшим государем для новых правителей Сибири» [36, с. 101–102], хотя на данный момент само свержение Ибрахима Тайбугидами, известное только в летописи Саввы Есипова, ставится под сомнение исследователями [27, с. 149–166].

При Кучуме и, видимо, его брате Ахмад-Гирее Сибирское ханство состояло, как минимум, из двух юртов – Тюменского и Сибирского. Первый из них – это бывшая территория Тюменского ханства, а второй – это ранее независимая Сибирская земля, которая стала частью государства Шибанидов либо в 1490-е гг. (трактовка события во многом зависит от интерпретации роли Тайбугидов), либо уже в 1563 году в результате приглашения править сюда лучшими сибирскими людьми Шибанида Ахмад-Гирея. К этому времени различные сибирские князья уже дважды присягали русским великим князьям, что ставило весь Сибирский юрт в подданство Москве и заставляло Кучума признать такое подданство со всеми вытекающими последствиями для московско-сибирских отношений. Хотя на самом деле Кучум как Чингизид и наследник тюменской правящей династии мог этого и не делать.

Интересный сюжет о возможной сибирской зависимости Казани имеется в труде 1760 г. одного из первых сибирских историков-краеведов Ивана Черепанова, который был знаком с утраченным «Описанием о сибирских народах» С.У. Ремезова [20, с. 3–4]. Он предлагал две версии этого события. Согласно первой, в которой он явно вторил Г.Ф. Миллеру [23, с. 190], «... как казанский хан Упак зятя своего Умара коварным образом умертвил и сыновей его в полон взял и увез в Казань, с того времени город Чинги состоял под казанским владением»². В другом месте эта фраза звучит по-иному: «С того времени были города сибирские владением Казанских ханов»³. Это отчасти увязывается с описанной выше казанской политикой Ибрахима, однако, по посоль-

¹ Летопись сибирская тобольского ямщика Ивана Черепанова 1760 г. / Библиотека Тобольского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. № 12137. Л.17.

² Там же. Л.15.

³ Летопись сибирская тобольского ямщика Ивана Черепанова 1760 г. Л.17.

ским документам, мы, наоборот, видим именно приход самой казанской знати к хану. Кроме того, эта версия явно не учитывает как последующее ханствование в Казани брата Ибрахима Мамука, который вообще, видимо, был неизвестен информаторам сибирских летописцев и краеведов, так и собственно принадлежность этих ханов именно к тюменской династии, что в современной интерпретации говорило бы о зависимости Сибири именно от Тюмени, а не от Казани. Однако, далее тот же Черепанов возвращается к истории неизвестного Синбира: «По нем же и доньне дорога в Казань – дорога Казанская в Сибирь, понеже он ясак брал с казанцев... По нем Мамет Хан Сибиров сын Казанскаго хана Алима, который хотел из под ига свободным быть, войною победил и наипаче более подданным учинил и оттоле нача Сибирь славнее зватися»⁴. Хотя эта версия не находит исторического подтверждения или соответствия, она входит в резонанс с предложенным концептом казанской зависимости, зато укладывается именно в долгую историю правления Шибанидов в Булгаре и Казани.

Однако, в целом необходимо признать, что длительные связи шибанидских ханов с Казанью, в том числе занятие там престола, не позволяет нам говорить о реальной зависимости неких сибирских территорий от Казани, как это видели московские дипломаты в середине 1550-х – середине 1560-х гг. Все эти указания формируются в контексте споров Тайбугидов и Шибанидов в Москве, где и могла появиться версия связи Казани и Сибири как дополнительной легитимации прав московского царя на Сибирь [17, с. 374–394].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксанов А.В. Поход хана Мамука на Казань в свете официального русского летописания XVI в. // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 2. Казань: Изд-во «Ихлас», 2010. С. 40–43.
2. Аксанов А.В. К вопросу о власти Шибанидов в Булгарском улусе накануне образования Казанского ханства // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2017. С. 46–49.
3. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1965. 196 с.
4. Валиди Тоган А.-З. История башкир. Уфа: Китап, 2010. 352 с.
5. Воротынцев Л.В. Северный трансконтинентальный торговый путь в монгольскую эпоху (XIII–XV вв.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 19–26.
6. Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения / Сост. Р.П. Храпачевский. М.: ППП «Типография «Наука», 2003. 448 с.
7. Извлечение из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. I. 1884. С. 379–392.
8. Иовий П. Посольство от Василия Иоанновича, великого князя Московского, к папе Клименту VII // Библиотека иностранных писателей о России. Отдел I. Т. 1. Раздел 4. Санкт-Петербург, 1836. С. 1–93.
9. Исаков Д.М. К проблеме этнических и политических связей тюрок Западной Сибири и Волго-Уральского региона в XV в. // Тюркские народы. Материалы V-го

⁴ Летопись сибирская тобольского ямщика Ивана Черепанова 1760 г. Л.29.

Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2002. С. 173–181.

10. Исаков Д.М. Сибирь и Поволжье // Тюменское и Сибирское ханства. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2018. С. 92–98.

11. Исаков Д.М., Тычинских З.А. О шибанидском «следе» в Булгарском вилайяте Улуса Джучи // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С.128–145.

12. Казанская история. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1954. 195 с.

13. Кырыми Абдулгаффар. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.

14. Маслюженко Д.Н. Ханы Махмуд-Ходжа и Хаджи-Мухаммад, или «улус Шибана» в первой четверти XV века // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды. Сборник научных статей памяти В.П. Костюкова. Астрахань: Астраханский гос. ун-т, 2011. С. 88–101.

15. Маслюженко Д.Н. Политическая деятельность Сибирских Шибанидов в первой четверти XVI века (по переписке Ак-Курта с Москвой) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы международной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2011. С.62–68.

16. Маслюженко Д.Н. Юго-Западная Сибирь в составе Улуса Джучи: династическая принадлежность // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2017. С. 15–21.

17. Маслюженко Д.Н. «Сибирское царство» как концепт русских летописей и посольских документов второй половины XVI в. // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 2. С. 374–394. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-2.374-394>

18. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Сибирско-московские отношения // Тюменское и Сибирское ханства. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2018. С. 116–130.

19. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Территория Тюменского и Сибирского ханства на западноевропейских картах XVI – начала XVII вв. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы IV Всероссийской (национальной) научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2020. С. 23–26.

20. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А., Шушарина И.А. Династия ишимских ханов в «Летописи Сибирской» тобольского ямщика И.Л.Черепанова 1760 г.: публикация источника и некоторые комментарии // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы V Всероссийской (национальной) научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2023. С.3–10.

21. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Пути сообщения Сибирских ханств // Вестник Омского университета. 2011. № 3. С. 95–101.

22. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1969. 652 с.

23. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. М.: Восточная литература РАН, 2005. 630 с.

24. Миргалеев И.М. Сообщение Продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи о поздних Шибанидах // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы II Всероссийской научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2014. С. 64–66.

25. Мустакимов И.А. К вопросу об истории ногайского присутствия в Казанском юрте // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани, 2009. С.185–189.

26. Мустакимов И.А. Владения Шибана и Шибанидов в XIII–XV вв. по данным некоторых арабографичных источников // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 2. Казань: Изд-во «Ихлас», 2010. С.21–32.

27. Парунин А.В. Политическая история Тюменского ханства в 1430–1508 гг. Челябинск: Общественный фонд «Южный Урал», 2023. 247 с.
28. Почекаев Р.Ю. Многовластие в государстве Шайбанидов (опыт комплексного анализа) // Нумизматика Золотой Орды. № 4. 2014. С.126–130.
29. Рахим А. Новые списки татарских летописей // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Сб. статей. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2004. С. 555–594.
30. Рева Р.Ю. Шибанидские ханы и их монеты // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2017. С.25–36.
31. Рева Р.Ю., Тишин В.В. «Кара Таварих» как источник о первых правителях Вилайета Тура (в сопоставлении с нумизматическими данными) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы IV Всероссийской (национальной) научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2020. С.40–51.
32. Риза Сейид-Мухаммед. Семь планет в известиях о царях татарских. Книга 1: Транслитерация. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 364 с.
33. Сабитов Ж.М. Хызр-хан: хронология правления // Научный вестник столицы. 2011. № 4–6. С.109–112.
34. Сибирские летописи. Издание Имперской Археографической комиссии. Спб.: типография И.Н.Скороходова, 1907. 462 с.
35. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. 752 с.
36. Трепавлов В.В. Московское и казанское «подданство» Сибирского юрта // Сулеймановские чтения: материалы X Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень: СИТИ ПРЕСС, 2007. С. 101–102.
37. Тычинских З.А., Турова Н.П., Муратова С.А. Тобол-тура: к вопросу о сибирских городах средневековья // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск: Издательский дом «Наука», 2018. С.136–139.
38. Утемиш-хаджи. Кара таварих. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
39. Хисамиева З.А. Язык дастанов Кадыр Али-бека. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2022. 244 с.

REFERENCES

1. Aksanov A.V. Khan Mamuk's campaign against Kazan in the light of the official Russian chronicle of the 16th century. In: Medieval Turkic-Tatar states. Collection of articles. Iss. 2. Kazan: Ikhlās, 2010, pp. 40–43. (In Russian)
2. Aksanov A.V. On the issue of the power of the Shibaniids in the Bulgar ulus on the eve of the formation of the Kazan Khanate. In: History, economy and culture of the medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia. Materials of the III All-Russian (with international participation) scientific conference. Kurgan: Kurgan State University, 2017, pp. 46–49. (In Russian)
3. Akhmedov B.A. The state of nomadic Uzbeks. Moscow: Nauka, Central Department of Oriental Literature, 1965, 196 p. (In Russian)
4. Validi Togan A. History of Bashkirs. Ufa, Kitap, 2010. 352 p. (In Russian)
5. Vorotyntsev L.V. The Northern transcontinental trade route in the Mongolian epoch (13th–15th centuries)]. *Vestnik of Tomsk State University. History*. 2019, no. 62, pp. 19–26. (In Russian)

6. The Golden Horde in the sources. Arab and Persian writings. R.P. Khrapacheskiy [comp., introductory article and comments]. Vol. 1. Moscow, 2003. 448 p. (In Russian)
7. Extract from the Turkish manuscript of the Society containing the history of the Crimean Khans. In: Notes of the Odessa Society of History and Antiquities. Vol. 1. 1884, pp. 379–392. (In Russian)
8. Ioviy P. The Embassy from Vasily Ivanovich, Grand Prince of Moscow to Pope Clement VII. In: Library of foreign writers about Russia. Vol. 1. St. Petersburg, 1836, pp. 28–31. (In Russian)
9. Iskhakov D.M. On the problem of ethnic and political ties between the Turks of Western Siberia and the Volga-Ural region in the XV century. In: Turkic peoples. Proceedings of the V-th Siberian Symposium “Cultural Heritage of the peoples of Western Siberia”. Tobolsk-Omsk: Omsk State Pedagogical University, 2002, pp. 173–181. (In Russian)
10. Iskhakov D.M. Siberia and the Volga region. In: Tyumen and Siberian Khanates. Kazan: Kazan Federal University, 2018, pp. 92–98. (In Russian)
11. Iskhakov D.M., Tychinskikh Z.A. On the shibanid “trace” in the Bulgar vilayet of the ulus of Jochi. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2013, no. 2, pp. 128–145. (In Russian)
12. Kazan history. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1954. 195 p. (In Russian)
13. Kyrymi Abulgaffar. Umdet ar-akbar. Book 2.: Translation. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 200 p. (In Russian)
14. Maslyuzhenko D.N. Khans Mahmud Khoja and Hadji Muhammad, or the “ulus of Shiban” in the first quarter of the XV century. In: Questions of the history and archeology of medieval nomads and the Golden Horde. Collection of scientific articles in memory of V.P. Kostyukov. Astrakhan: Astrakhan State University, 2011, pp. 88–101. (In Russian)
15. Maslyuzhenko D.N. Political activity of the Siberian Sibanids in the first quarter of the 16th century (by correspondence with Moscow). In: History, economy and culture of the medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia. Materials of the international conference. Kurgan: Kurgan State University, 2011, pp. 62–68. (In Russian)
16. Maslyuzhenko D.N. South-Western Siberia in the part of the Jochi Ulus: the dynastic affiliation. In: History, Economics and culture of the medieval Turkic-Tatar States of the Western Siberia. Proceedings of the 3rd all-Russian (with international participation) scientific conference. Kurgan: Kurgan State University, 2017, pp. 15–21 (In Russian)
17. Maslyuzhenko D.N. The “Siberian Tsardom” as a Concept in Russian Chronicles and Ambassadorial Documents of the second half of the sixteenth century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2021, vol. 9, no. 2, pp. 374–394. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2021-9-2.374-394> (In Russian)
18. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. Siberian-Moscow relations. In: Tyumen and Siberian khanates. Kazan: Kazan Federal University, 2018, pp. 116–130. (In Russian)
19. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. The territory of the Tyumen and Siberian khanate on Western European maps of the XVI-early XVII centuries. In: History, economy and culture of the medieval Turkic-Tatar States of Western Siberia. Materials of the IV all-Russian (national) scientific conference. Kurgan: Kurgan State University, 2020, pp. 23–26. (In Russian)
20. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A., Shusharina I.A. The dynasty of the Ishim Khans in the Chronicle of Siberia by Tobolsk coachman I.L.Cherepanov in 1760: publication of a source and some comments. In: History, economy and culture of the medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia. Proceedings of the V All-Russian (National) Scientific Conference. Kurgan: Kurgan State University, 2023, pp. 3–10. (In Russian)
21. Matveev A.V., Tataurov S.F. Ways of communication of Siberian khanates. *Vestnik of Omsk University*. 2011, no. 3, pp. 95–101. (In Russian)

22. Materials on the history of the Kazakh khanate in the 15th–18th centuries (extract from the Persian and Turkic writings). Ed. Suleymenov B. Alma-Ata: Nauka, 1969. 655 p. (In Russian)
23. Miller G.F. History Of Siberia. Vol. 1. Moscow: Vostochnaia literatura, 1999. 630 p. (In Russian)
24. Mirgaleev I.M. The message of the Successor of "Chingiz-namè" of Temisha-Hadji late Shibanids. In: History, Economics and culture of a medieval Turko-Tatar States in Western Siberia. Materials of the II Russian scientific conference. Kurgan: Kurgan State University, 2014, pp. 64–66 (In Russian)
25. Mustakimov I.A. On the question of the history of the Nogai presence in the Kazan yurt. In: National history of the Tatars: a theoretical and methodological introduction. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 185–189. (In Russian)
26. Mustakimov I.A. Possessions of Shiban and Shibanids in the 13th–15th centuries. according to some Arabic sources. In: Medieval Turkic-Tatar states. Collection of articles. Iss. 2. Kazan: Ikhlas, 2010, pp. 21–32. (In Russian)
27. Parunin A.V. The political history of the Tyumen Khanate in 1430–1508. Chelyabinsk: Southern Ural Public Foundation, 2023. 247 p. (In Russian)
28. Pochekaev R.Y. Polyarchy in the Shaibanid state (experience of complex analysis). *Numizmatika Zolotoy Ordyy*. 2014, no. 4, pp. 126–130. (In Russian)
29. Rahim A. New lists of Tatar chronicles. In: Problems of the history of Kazan: a modern view. Collection of articles. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2004, pp. 555–594. (In Russian)
30. Reva R.Y. Shibanid Khans and their coins. In: History, economy and culture of the medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia. Materials of the III All-Russian (with international participation) scientific conference. Kurgan: Kurgan State University, 2017, pp. 25–36. (In Russian)
31. Reva R.Yu., Tishin V.V. "Kara Tavarikh" as a source about the first rulers of the Vilayet of Tura (in comparison with numismatic data). In: History, economy and culture of the medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia. Materials of the IV All-Russian (national) Scientific Conference. Kurgan: Kurgan State University, 2020, pp. 40–51. (In Russian)
32. Riza Sayyid-Mohammed. Seven planets in the news about the Tartar Tsars. Book 1: Transliteration. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 364 p. (In Russian)
33. Sabitov J.M. Khizr Khan: chronology of his reign. *Nauchny Vestnik Stolitsy*. 2011, nos. 4–6, pp. 109–111. (In Russian)
34. The Siberian Chronicles. The publication of the Imperial archaeographic Commission. St. Petersburg: Tipografiia I.N. Skorokhodova, 1907. 462 p. (In Russian)
35. Trepavlov V.V. The History Of The Nogai Horde. Moscow: Vostochnaia literatura, 2002. 752 p. (In Russian)
36. Trepavlov V.V. Moscow and Kazan "allegiance" of Siberian Yurt. In: X Suleymanovskie readings. The collection of materials of Russian scientific-practical conference. Tumen: CITY PRESS, 2007, pp. 101–102. (In Russian)
37. Tychinskikh Z.A., Turova N.P., Muratova S.R. Tobol-Tura: on the Siberian cities of the middle ages. In: Integration of archaeological and ethnographic research. Omsk: Nauka, 2018, pp. 136–140. (In Russian)
38. Utemish-khadzhi. Kara tavarikh. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, 312 p. (In Russian)
39. Khisamieva Z.A. The language of Kadyr Ali-bek dastans. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2022. 244 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Денис Николаевич Маслюженко – кандидат исторических наук, доцент, директор Гуманитарного института, Курганский государственный университет (640020, ул. Советская, 63, корп. 4, Курган, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8302-1277, ResearcherID: J-9551-2017. E-mail: denmas13@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis N. Maslyuzhenko – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Director of the Institute of Humanities, Kurgan State University (63, building 4, Sovetskaya Str., Kurgan 640020, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8302-1277, ResearcherID: J-9551-2017. E-mail: denmas13@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 15.09.2025

Поступила после рецензирования / Revised 19.11.2025

Принята к публикации / Accepted 02.12.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.859-879>
EDN: LFAQNDT

УДК 94(47).031 + 911.3

ПРОБЛЕМА ВОСТОЧНЫХ ГРАНИЦ БУЛГАРСКОГО ВИЛАЙЕТА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И КАЗАНСКОГО ХАНСТВА В КОНЦЕ XIV–XV ВВ.

*Д.М. Исхаков*¹✉, *З.А. Тычинских*^{1,2}

¹Тобольская комплексная научная станция УрО РАН
Тобольск, Российская Федерация

²Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
✉ monitoring_vkt@mail.ru

Резюме. Проблема восточных рубежей Булгарского вилайета Золотой Орды и возникшего на его основе Казанского княжества, затем ханства, рассматривалась в литературе неоднократно, но однозначного решения не нашла, в том числе и в многотомной «Истории татар с древнейших времен». В настоящей публикации она обсуждается с привлечением новых источниковых материалов, в том числе и предлагая иные, чем прежде, трактовки известных источников.

Целью исследования является более точное определение восточных границ Булгарско-Казанского вилайета и Казанского ханства в конце XIV–XV веках.

Материалы исследования. Работа построена на анализе трудов Абу-л-Гази-хана, Кадыр Али-бека, Катиба Челеби, Негри, «Дефтер-и Чингиз-наме», Утемиша-хаджи, Абдулгаффара Кырыми, Хафиз-и Таныша Бухари, анонима «Таварих-и Гузида-йи-Нусрат-наме», посольских данных, летописных сообщений, различных родословных, фольклорных материалов. Анализ их проведен с учетом прежних публикаций по данной теме.

Результаты и научная новизна. Проведенное исследование позволило уточнить прежние выводы относительно восточных рубежей Булгарско-Казанского княжества и Казанского ханства в Приуралье, в том числе установив их определенную подвижность как в связи с ногайским фактором в XV в., так и с политической ролью Шибанидов в Волго-Уральском регионе, начиная со времени присоединения территории Булгарского государства к Монгольской империи в XIII в.

Ключевые слова: Булгарский вилайет, Казанское княжество, Казанское ханство, Ногайская Орда, Мангытский юрт, Тюменское ханство, Шибаниды, восточные границы, новые источники

Для цитирования: Исхаков Д.М., Тычинских З.А. Проблема восточных границ Булгарского вилайета Золотой Орды и Казанского ханства в конце XIV–XV вв. // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 4. С. 859–879. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.859-879> EDN: LFAQNDT

© Исхаков Д.М., Тычинских З.А., 2025



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

THE PROBLEM OF THE EASTERN BORDERS
OF THE BULGAR VILAYET OF THE GOLDEN HORDE
AND THE KAZAN KHANATE AT THE END OF THE 14th–15th CENTURIES

D.M. Iskhakov ¹✉, Z.A. Tychinskikh ^{1,2}

¹ Tobolsk Complex Research Station
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
Tobolsk, Russian Federation

² Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation

✉ monitoring_vkt@mail.ru

Abstract. The problem of the eastern borders of the Bulgarian Vilayet of the Golden Horde and the Kazan Principality that arose on its foundations, then the Kazan Khanate, has been considered in the literature several times, but has not found an unambiguous solution, including in the multi-volume "History of the Tatars since ancient times." In this publication, the historical problem is discussed using new source materials and offering different interpretations of known sources than were offered previously.

The objective of the study is to determine with a greater degree of precision the eastern borders of the Bulgar-Kazan Vilayet and the Kazan Khanate in the late 14th–15th centuries. Research materials: The work is based on the analysis of the works of Abu-l-Ghazi Khan, Kadyr Ali-bek, Katib Chelebi, Negri, Defter-i Genghis-name, Utemish-haji, Abdulgaffar Kyrimi, Hafiz-i Tanysh Bukhari, the anonymous Tavarikh-i Guzida-i-Nusrat-name, embassy data, chronicle reports, various genealogies, folklore materials. Their analysis was carried out while taking into account previous publications on this topic.

Results and scientific novelty: The study made it possible to clarify previous conclusions regarding the eastern borders of the Bulgarian-Kazan Principality and the Kazan Khanate in the Urals, including establishing their certain mobility both in connection with the Nogai element in the 15th century and with the political role of the Shibanids in the Volga-Ural region since the annexation of the territory of the Bulgarian state by the Mongol Empire in the 13th century.

Keywords: Bulgar Vilayet, Kazan Principality, Kazan Khanate, Nogai Horde, Mangytsky Yurt, Tyumen Khanate, Shibanids, eastern borders, new sources

For citation: Iskhakov D.M., Tychinskikh Z.A. The Problem of the Eastern Borders of the Bulgar Vilayet of the Golden Horde and the Kazan Khanate at the end of the 14th–15th centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 4, pp. 859–879. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.859-879> (In Russian)

Из-за того, что Казанское ханство обычно рассматривается как некое продолжение Булгарского вилайета Золотой Орды рубежа XIV–XV вв., вопрос о восточных границах этих политий, несмотря на то, что первая из них – это административно-территориальное образование, хотя и непростое (если учесть нахождение полулегендарного хана Габдуллы в Булгаре в конце XIV в.), а второе есть полноценный тюрко-татарский юрт, ханство во главе с суверенным правителем – Чингизидом, оказывается взаимосвязанным. Но на самом деле на этом аспекте проблемы исследователями обычно акцент не делается, и территориальные пределы Казанского ханства со времени его

политического оформления в конце 1430 – середине 1440-х годов напрямую с границами Булгарского вилайета не связываются. Да и в ситуации, когда сами территориальные пределы последнего без дополнительного изучения не слишком ясны, подобное сравнение их с границами Казанского ханства не представляется сколько-нибудь успешным.

По ряду причин особенно сложным является вопрос о восточных границах Казанского ханства и его предшественника Булгарского вилайета Золотой Орды. У него есть несколько трудных аспектов: 1) присутствие на юго-восточных рубежах Казанского ханства кочевых групп, в особенности, входивших с XV в. в Ногайскую Орду, затрудняющее проведение в Закамье и Южном Приуралье чёткого размежевания границ двух названных политий; 2) возможность двойного подчинения населения северо-западной части Южного Приуралья через особый институт «Мангытского княжества» в Казанском ханстве; 3) наличие следов присутствия сибирско-татарских политий (Тюменского и Сибирского ханств) в ареале Среднего Приуралья достаточно далеко к западу (до Сылвенско-Иренского бассейна и, возможно, вплоть до западного ареала Сибирской дороги позднейшего Уфимского уезда); 4) наличие фактора Шибанидского присутствия в Булгарском вилайете вплоть до образования Казанского ханства; 5) существование политико-идеологических аспектов в национальных историографиях Татарстана и Башкортостана, проявляющихся в связи с определением этнических границ между татарами и башкирами в северо-западных ареалах Приуралья. Все эти проблемные моменты были отражены в нашей недавно опубликованной статье, посвященной анализу постсоветских публикаций по поставленной теме (См.: [1]). Из-за наличия этого специального историографического исследования, нами в настоящей работе обзор литературы не предлагается.

Принадлежал ли Булгарский вилайет Шибану и его наследникам?

К настоящему времени накоплены определенные данные о вхождении в состав владений Шибана б. Джучи территории Булгарского вилайета, точнее, как мы уже писали ранее [18; 27], ее восточной части, включая домонгольскую столицу Булгарского государства г. Биляр (Великий город), Восточное Закамье в целом и обширную зону Южного, а также, возможно, Среднего Приуралья. Теперь нам хотелось бы привести некоторые новые данные, подтверждающие это мнение.

Прежде всего, следует ещё раз обратить внимание на явно легендарный рассказ, содержащийся у Абул-Гази-хана, о передаче Бату-ханом Шибану, кроме прочих земель, и некоего «юрта Корел» (варианты: Корол, Курал, Калер, Келет), куда последний якобы «послал... одного из своих сыновей, дав ему хороших беков и людей», причём это владение затем «постоянно оставалось во власти сынов Шибан-хана», находясь и «в настоящее время (т.е. во времена Абул-Гази-хана – Д.И., З.Т.)... <в руках> государей корельских – потомков Шибан-хана» [8, с. 133–134]. Почему этот пассаж привлекает наше внимание? Да потому, что имеется ещё одно, более раннее известие, где данное владение появляется в связи с событиями, происходившими в Поволжье и Приуралье в эпоху Идегея. Дело в том, что у Кадыр Али-бека Джалаири эта территория под сходным наименованием выплывает в рассказе о встрече Хаджи-Мухаммеда б. Али б. Бек Конды (родоначальника сибирских ханов) с Идегеем где-то в бас-

сейне реки Яика, когда на вопрос последнего, куда этот улан идёт, тот отвечает: «Я иду в область Курала» (*Мин Курал өлкәсенә барам*) [30, с. 168]. Относительно «юрта Корола/Курала», «области Курала» в литературе представлены два мнения – о том, что тут подразумевается территория Венгерского или Польско-Литовского королевств, в другой трактовке – Булгарского государства, Булгарского вилайета, что ранее было уже отмечено и Д.Н. Маслюженко со ссылкой на А.А. Арсланову [46, с. 58; 5, с. 206]. В случае с сообщением Кадыр Али-бека, где описываются события первых десятилетий XV в., последний вариант более очевиден. А вот для эпохи самого Шибана, чьи отряды в ходе Западного похода явно дошли до пределов Польши и Литвы [20, с. 206], ситуация более сложная, к тому же для смешивания венгров и болгар имелись определенные исторические основания. Тем не менее, мы полагаем, что и в известии Абул-Гази имеется в виду именно территория бывшего Булгарского государства, ибо есть и другие основания для того, чтобы сделать подобное заключение (они были нами разобраны в иных наших публикациях [18; 27]). К тому, что ранее было проанализировано, надо ещё кое-что добавить, но имея в виду значимый, как думается, пассаж Абул-Гази с указанием на то, что Шибан в «юрт Корел/Курал» послал своего сына с «хорошими беками и людьми», что кажется предполагает некоторую самостоятельность данного владения, куда прибывают принц – Чингизид, особенные беки и «народ» (=люди), что не совсем подходит для расположенного на далёком европейском фронтире владения. А вот для завоёванного только что Булгарского государства, включённого в состав Улуса Джучи в качестве вассального улуса, очень даже подходит. К тому же есть и другие данные, подтверждающие это мнение. Скажем, у турецкого автора XVII в. Катиба Челеби (1609–1657) в его «Джихан-наме» содержится замечание о том, что «...упомянутый народ (речь идёт о булгарах – Д.И., З.Т.) находится под властью Шайбана б. Джучи б. Чингиза и Кашилу-хана» [4, с. 39]. Практически сходное сообщение обнаруживается у казанского историка А. Кавелина, писавшего, опираясь на имевшуюся у него версию дастана об Аксак-Тимуре о том, что «владевший городом Булгаром Абдуллах-хан... <происходил>... от поколения хана Джучи, сыновей его Бойярки (т.е. Берке – Д.И., З.Т.), Шабана и Кашела ханов» [29, с. 57]. Кроме прочего, симптоматично присутствие в последнем случае имени легендарного правителя Булгарского вилайета конца XIV в. хана Абдуллаха (Габдуллы), чья принадлежность к Шибанидам будет показана ниже.

Таким образом, имея в виду весь комплекс исторических данных, мы можем достаточно уверенно считать восточную половину (почему восточную половину, см. далее) бывшего Булгарского государства частью Улуса Шибана. Добавим также, что далеко не случайно полное соответствие имевшихся около города Уфы мавзолеев XIV в., согласно преданиям, связанным с легендарным «Тура-ханом», с аналогичными сооружениями из Булгарского городища [14, с. 140–164]. Между прочим, несмотря на ряд анахронизмов в легендах о Тура-хане, в них прослеживается попытка увязать этого легендарного правителя с сибирскими Шибанидами (об этом вскоре будет опубликована специальная статья одного из авторов настоящей публикации), что также хорошо согласуется с предлагаемыми нами выводами. Еще один аргумент в пользу сказанного – это возможность присутствия с XIV в. (не исключено, что и со второй половины XIII в.) «великого эмира» (в XIV в. – «князь Бол-

гарский») из клана кыйат в Булгарском вилайете, что устанавливается при анализе татарско-башкирского дастана «Туляк и Сусылу» [21, с. 119–127; 26, с. 37–49]. А это важно из-за нахождения в числе каучинов Шибана группы кыйат во главе со знаменитым нойоном – темником Бурундаем со времен завоевания Булгарского государства [20, с. 25]. Кроме того, кыйаты в XV в. просматриваются и в окружении Абу-л-Хайр-хана [20, с. 28].

Исходя из существующих источников, в основном фольклорного характера [21; 19, с. 63; 26, с. 36–71], теперь нам следует обратиться к поиску следов пребывания Шибанидов на территории Булгарского вилайета в конце XIV в., в 1390-х годах, а возможно, и ранее. Именно при их анализе можно будет более конкретно раскрыть наш тезис о бывшей принадлежности Шибанидам восточной половины бывшего Булгарского государства.

Прежде всего, в таком татарском историческом сочинении конца XVII в., как «Дефтер-и Чингиз-наме», на самом деле являющемся сборником ряда дастанов и некоторых других материалов исторического характера, фигурирует хан Габдулла, правивший в «Шахри Булгаре», где он и погиб при обороне от войск Тимура, а двое его «сыновей» – Алтынбек и Галимбек, спрятанные в лесу, были спасены. В некоторых версиях татарских преданий идёт речь о том, что эти «дети» (только один из двоих являлся его сыном) хана Габдуллы были вначале переправлены в г. Биляр (*Бүләр*), оттуда по разрешению Тимура, данному их матери, они перешли в Казань (Старую Казань), где затем правили, точнее, «ханом» стал сын Габдулы (Абдуллы) Алтунбик, «владевший юртом в Казани» до Махмуд-хана, т.е. до Махмута б. Улуг-Мухаммеда. Но собственно в «Дефтер-и Чингиз-наме» сообщается только о том, что в Биляре (*Бүләр*) перед приходом Тимура правил иной хан –Амат или Амат/Самат, не ставший воевать с Тимуром и сдавший тому город без боя. Затем Тимур решил сделать обход ночного города и жена одного из умершего ранее «великого бека» (*олы бик*), признавшая правомерность завоевания Тимуром их владения «из-за собственных грехов», получила за это разрешение на освобождение двум своим сыновьям, вследствие чего один из них отъехал на «Горную сторону» (*Таулык жипе*), в бассейн р. Губня, а другой – в «старинный юрт предков», находившийся в бассейне р. Зая. При этом, из контекста дастана видно, что «народ» хана Амата (Амата-Самата) до прихода в этот «юрт» с центром в г. Биляре Тимура, вёл кочевой (или полукочевой) образ жизни и не исповедовал ещё ислам [12, б. 31–32]. Заметим, что о юрте Амата-Хамата есть смутные воспоминания и в родословной башкир-юрматинцев, причём там тоже говорится о переселении при Тимуре или Джанибеке на другую сторону «Великой Идели» (*Олуг Идел*), что соответствует легенде о переходе на «Горную сторону» из «Дефтер-и Чингиз-наме», с последующим возвращением на земли предков, расположенные в бассейне рек Зая и Шешмы [10, с. 27–33]. В данном контексте для нас интерес представляет упоминание в Булгарском вилайете двух «ханов», правивших соответственно в г. Булгаре и в г. Биляре. Правда, не исключено, что под «ханом» Аметом (Аметом-Саматом/Хаматом) преданий фигурирует герой отдельного дастана – Амат б. Айса, происходивший из клана уйшын и женатый, согласно дастану, не вполне законно, на дочери хана Джанибека б. Узбека. Именно он после смерти Джанибека, при хане Бердибеке, владел «половиной» Улуса

Джучи [7, с. 114–118]. Как бы то ни было, эти фольклорные сведения отражают некую разделенность Булгарского вилайета на две части.

С этой позиции надо взглянуть и на дастан «Туляк и Сусылу», где речь идёт о том, что его главный герой – Туляк, после проживания в подводном царстве своей жены Сусылу, выйдя до того из районов р. Яика, переносится затем в юрт своего отца Мирказыя (его титул был княжеским – би/бий), который именуется в дастане «*олуг иәһәр*»/«великий город». Как известно, это наименование соответствует названию домонгольской столицы Волжской Булгарии г. Биляра. Так вот, Туляк именно там был поднят ханом и затем довольно долго и успешно правил, оставив трон своему сыну Габдулле. Нами уже в указанных выше публикациях было отмечено, что имена этих ханов практически полностью совпадают с именами двух ханов из Мамаевой Орды – Абдаллаха (1361/1362 – 1369/1370) и Тулукбека (1377–1380), единственно, последовательность их правления по дастану иная [19, с. 38], что допустимо из-за особенностей протекания эпического времени. Несмотря на ряд трудностей, сопряженных с установлением истинного социального статуса этих фигур [19, с. 43–44], можно утверждать их определенную сопряженность с кланом кыйат, как уже отмечалось выше, шедшую со времён Шибана. Поэтому в своё время одним из авторов настоящей статьи было сделано заключение о том, что их происхождение не вполне ясно и возможно их надо выводить из линии вождей клана кыйат [19, с. 43–44]. Но теперь, как представляется, у нас есть основания утверждать, что кыйятской была лишь линия Али (Гали)-бея, а линия ханов Габдуллы и Тулукбека (Туляка) всё-таки происходила из рода Шибанидов. Доказательства последнему представлены в «Кара таварих» Утемиша-хаджи и «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми. В первом из этих источников есть сообщение о приходе хана Улуг-Мухаммеда после ссоры с главой клана кунграт Хайдаром в Поволжье, где он «хитростью взял у Албай Алтунбая вилайат Казан и стал там ханом» [47, с. 80]. Нетрудно понять, что под Албаем <и> Алтунбаем в данном случае фигурируют «дети» хана Габдуллы Галимбек и Алтынбек. Однако, у Абдулгаффара Кырыми есть одно очень важное дополнение к данному известию. Он сообщает: «...конграт Хайдар бег Улуг-Мухаммад хана отстранил <и тот> пошёл на Казань и с хитростью захватил Казань у Алтунай султана из рода Шибана» [32, с. 84].

Таким образом, линия легендарного хана Габдуллы (Абдаллаха) оказывается принадлежащей к роду Шибана. Причём султан Алтунай (Алтунбай/Алтунбек легенд), скорее всего, сидел на казанско-булгарском престоле до прихода в Казанско-Булгарский юрт группы во главе с ханом Улуг-Мухаммедом (Соответствующую аргументацию на этот счет см.: [19; 25, с. 199–223]). И вот тут следует обратить внимание на одну деталь из источника ногайского происхождения 1576 г., где есть строки: «...и царёв Темир Кутлуев юрт Астрахань и Алибаев и Алтыб[ае]в [юр]т и Болгарскои царев юрт и Ардабаев с тридцатью тюмени со всем в наших (ногайского мирзы Уруса – Д.И., З.Т.) руках стоит» [41, с. 47]. Прокомментировавший это место источника В.В. Трепавлов предпочёл отделить «Болгарский царёв юрт» и «Ардабаев (царёв) юрт» друг от друга и от владения «Алибаев и Алтыб[ае]в юрта» [41, с. 82–83]. На самом деле, как нам думается, надо читать слитно выражение «и Алибаев и Алтыбаев юрт и Болгарской царёв юрт», свидетельствующий о некой двучастности именно «Болгарского юрта», который был

частью «царственным», т.е. принадлежавшим золотоордынскому ханскому домену в лице г. Булгара и его округа, но в восточной половине оставаясь в руках Шибанидов – не случайно признаваемый отцом хана Габдуллы Туляк, изначально проживавший в бассейне р. Яика, где находились основные кочевые земли Шибанидов наряду с более восточными территориями, придя в «Великий город» (Биляр) именует его «отцовским юртом». Наконец, согласно «Кара таварих» Утемиша-хаджи, Чингиз-хан при разделе Улуса Джучи отдал «Саин хану (т.е. Бату – Д.И., З.Т.) правое крыло с вилайятами на реке Идель» [47, с. 30], что, скорее, говорит в пользу вхождения в ханский домен более западной территории Булгарского вилайета, где после завоевания постепенно вырос г. Булгар. Но в те периоды, когда жившие в восточной зоне Булгарского вилайета (включая Приуралье) Шибаниды оказывались на основном золотоордынском престоле (как это было и при Мамае), могло происходить некое слияние их «отцовского юрта» с ханским домениальным владением. Как раз отражением таких процессов и являются фольклорные произведения, о которых было выше сказано.

От Булгаро-Казанского юрта к Казанскому ханству: проблема восточных рубежей владения в конце XIV в. – 1440-х годах.

Установление генеалогической принадлежности хана Габдуллы (Абдаллаха), следовательно, и его сына Алтунай (Алтынбай/Алтынбек) султана к Шибанидам, может свидетельствовать о принадлежности до определенного времени – до закрепления на казанском троне сына Улуг-Мухаммеда – данного владения, возможно иногда не полностью, к обширному юрту Шибанидов – Улусу Шибана (*Буз Урда*), как отдельного административно-политического образования (княжество, вилайет), входившего в его состав. Несмотря на то, что в «Дефтер-и Чингиз-наме» о наследовании власти в Булгаро-Казанском владении после хана Габдуллы говорится не очень ясно, ограничившись про «детей» Габдуллы выражением «их хорошо содержали» [12, б. 28], в некоторых татарских хроникальных записях сообщается, что один из двоих «сыновей» этого хана, переправленных в «крепость Казань», а именно Алтынбек, т.е. Алтунай султан, в возрасте 14 лет, примерно в 1400/1401 годах, был там «посажен на трон» [42, с. 67]. Однако в русских летописях, описывающих события конца XIV в. – 1430–1440-х годов в Булгаро-Казанском владении, за этот период фиксируются лишь «князья» (в особенности, «Булгарский князь», он же в лице Галим-бека/Али-бея «Казанский князь, вотчик») и «царевичи» т.е. султаны, но никак не полновластные ханы [25, с. 202–206]. А это как раз свидетельствует, как думается, о неполном суверенитете данного юрта, его подчиненности центральной ханской власти, находившейся в другом месте. И вот тут, чтобы разобраться с этой непростой ситуацией, нам придется вернуться к уже неоднократно обсуждавшейся в литературе теме о подчиненности Булгарского (Казанского) владения Шибаниду хану Абул-Хайру, главе Государства кочевых узбеков, что, имея в виду сказанное, не выглядит уникальной.

О такой подчиненности мы узнаем из нескольких источников.

Из более ранних источников по нашей теме следует назвать «Кара таварих» Утемиша-хаджи, его Продолжателя (XVI в), а также «Таварих-и гузидайи Нусрат-наме» (1505) и «Шараф-нама-йи-шахи» Хафиз-и Таныш Бухари (XVI в.).

У Утемиша-хаджи в «Рассказе о Шайбан-хане» говорится, что Хаджи-Мухаммад-хан «Собравши находившиеся в стороне Башкурта, Алатыря, Мокши и Шахари-Болгара и известные как Шахри-Тура знаменитые мангытские владения, подчинив эти вилайеты стал великим падишахом» [47, с. 83] (перевод наш, несколько иной перевод этого же текста см. также: [34, с. 64–65], в оригинале текст см.: *«Жәмиғ Башкурт, Алатыр, Мокшы вә шәһри Болгар тарафында улан вә Шәхр-и Тура димәк илә мәшһүр манкыт карйеләрине зобт идүп бу виләйәтләргә олуг падишаһ булгандыр»*).

В «Таварих-и гузида-йи Нусрат-намә», согласно Б.А. Ахмедову, имелись данные об уплате ясака жителями «Жанги (Чимги)-Туры» и «Булгара» хану Абу-л Хайру [6, с. 94]. В недавнем переводе И.А. Мустакимова это место источника выглядит так: «Сорок лет он (хан Абу-л Хайр – Д.И., З.Т.) был ханом в Дешт-и Кипчаке. Подчинив народы р.с.т.м. туалас, чимги[,] башкырт, буляр и булгар, он летовал [на их землях], со справедливостью собирая с этих народов ясак» [36, с. 231]. Запятая после слова «чимги» поставлена нами. Как мы полагаем, оно обозначает Чимги-Туру. Похожее сообщение есть у Хафиз-и Таныш Бухари: «Он (хан Абу-л-Хайр – Д.И., З.Т.) ввел в сферу обладания <земли> от Рустам Турласа до границ Булгар и властвовал [там]» [13, с. 78]. Ясно, что подобный контроль над названными территориями и народами, включая и понятие «буляр и булгар», явно подразумевающее территорию Булгарско-Казанского вилайета, причем, показательно, с двумя центрами, мог иметь место лишь после интронизации Абу-л Хайра на престоле Государства кочевых узбеков в 1430 г. Информация, подтверждающая подчиненность Булгарско-Казанского владения в первых десятилетиях XV в. Шибанидам подкрепляется ещё двумя более поздними источниками. Первый из них, это казанская версия «Огуз-наме» (она происходила из бумаг известного татарского археографа Саита Вахиди и относится к концу XVIII в.), где содержатся строки о том, что «...Абулхайыр хан правил 40 лет в Дешт-и Кыпчаке и в землях Урус, Булгар и в царстве Туркестан» [33, с. 12–13]. В другом источнике XVIII в. – сочинении крымского историка Хурреми, отмечается: «...в Деште же и Булгаре остались властвовать из рода Шейбанова, ханы: Махмуд-Ходжа, Хизр, Абул-Хайр, Шейх-Гайдер, Баян-ходжа, Ядигар и Эминек...». Далее этот автор, описывая время правления потомков хана Тохтамыша, добавляет, что «... в Болгаре <властвовал> из рода Рус (Урус – Д.И., З.Т.) хана один...» [37, с. 381]. Возможно, в случае с представителем «рода Урус-хана» имеется в виду Борак б.Урус (1423–1426, 1427–1428). В этом перечне почти полностью перечислены ханы из Шибанидов. Но, несмотря на информативность этого сообщения, оно нуждается в более детальном разборе, учитывая приведенные выше известия более ранних источников.

А.В. Парунин, обративший внимание на совпадение некоторых моментов из казанской версии «Огуз-наме» с сообщением из «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме» [39, с. 164] – а это действительно так – не подчеркнул, однако, что речь может идти только о частичном совпадении, что, скорее всего, надо связывать с существованием у них какого-то общего предшественника, но нельзя исключить и переработки автором казанского варианта «Огуз-наме» сообщения из «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме». В любом случае возможность подчинения Булгарско-Казанского юрта ханам из рода Шибана, таким, как Хаджи-Мухаммад (1421–1427) и Абу-л-Хайр (1430 – 1468/1469), при последнем правда скорее всего до перехода власти в данном владении в руки

Махмуда б. Улуг-Мухаммеда в 1445 г., становится очевидной. А вот насчет Махмуд-ходжи (1428–1431), чьим главным юртом все-же был Туринский (Чимги-Туринский) вилайет, того же утверждать трудно из-за источниковых лакун. Хотя нахождение именно в это время Алтунай б. Габдуллы в уже ставшем Казанском юртом владении все же склоняет нас к выводу о подчиненности его и в данный период Шибанидам. Дополнительно об этом скажем ещё далее, но до того нам необходимо прояснить отдельные места из приведенных выше источников, в том числе, подвергнув критике некоторые высказывания работавших с ними ранее авторов.

Вначале остановимся на одном заключении А.-З. Валиди-Тогана относительно Алибая б. Илбека. Опираясь на труды Утемиша-хаджи, этот известный историк писал относительно правления Канбая б. Илбека «на башкирской стороне», а про Алибая б. Илбека – о его «ханствовании в Булгаре и на стороне Казани» [11, б. 24]. Однако, детальный разбор данных из Утемиша-хаджи показал, что подобных сведений там нет. Похоже на то, что А.-З. Валиди-Тоган сформулировал это положение на основе фразы из «Кара таварих» Утемиша-хаджи о взятии Казанского вилайета Улуг-Мухаммедом из рук «Албай Алтун бая». Но все дело в том, что тут, во-первых, подразумеваются две личности, а во-вторых, Албай – это Али/Гали бий, и он не был Чингизидом, являясь владетельным князем (бием), как указывалось, наследственным («вотчик») Булгарским/Казанским князем (бием), находившимся в Булгаро-Казанском владении при Чингизиде – Алтунай султани б. Габдулле из рода Шибана. Даже если можно было бы допустить, что Канбай (Каанбай), являвшийся современником хана Токтамыша, умершего, как известно, в 1406 г., мог бы иметь «сына», дожившего до 1445 г. (тогда и был, как мы знаем, убит «казанский вотчик Лиbey», т.е. Али бей), это противоречило бы разного рода татарским источникам, согласно которым Алтунай султан (Алтунбай) из Казанского владения происходил из рода хана Габдуллы (Абдаллаха).

Далее, присмотримся и к списку Хурреми о ханах из рода Шибана, властвовавших в «Деште и Булгаре». В принципе, часть имен списка легко расшифровывается: *линия Махмуда (Махмутека)* ← Хаджи ← Канбай ← Илбек (Илек) ← Минг (Мелик)-Тимер; *линия Абу-л Хайра* ← Туглы (Давлет)-Шейх ← Айба (Ибрахим) ← Пусат ← Минг-Тимер; *линия Йадигара* ← Тимер-Шейх ← Ходжа-Туглы ← Араб (Арабшах) ← Минг-Тимер. Сложнее с Хизром, Шейх-Гайдаром, Баян-Ходжой и Эминекком. Хызыр – это, скорее всего, сын Айба (Ибрахима) углана, по «Кара таварих» Утемиша-хаджи являвшегося «ханом вилайета Тура» до Хаджи-Мухаммада [47, с. 60]. Йадигар, ставший ханом сразу после смерти Абу-л Хайра (см. выше его генеалогию) в том же юрте, был затем замещен на троне Государства кочевых узбеков сыном Абу-л Хайра Шейх-Хайдаром [6, с. 23, 67–68; 47, с. 60]. Насчет Баян-Ходжи и Эминека трудно сказать что-либо конкретное.

В целом понятно, что у Хурреми речь идет о тех правителях из «рода Шейбанова», которые являлись ханами на территории Улуса Шибана, включавшего в свой состав разные локальные владения, в числе которых был и Булгарский вилайет.

Теперь ещё одно уточнение относительно перечня по «Кара таварих» территорий/вилайетов, находившихся в подчинении у хана Хаджи-Мухаммада (1421–1426/1425) и у хана Абу-л-Хайра по «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме». В первом источнике раздумья вызывают названия «Алатыр» и

«Мокшы»). Некоторые исследователи предположили, что тут речь идет не о части улуса Шибанидов, а о нахождении каких-то потомков Шибана в качестве наместников «Мохши» т.е., Наровчата, одновременно предположив в Алатыре позднее наименование уже русского времени [34, с. 66]. На деле, как нам представляется, тут имеются ввиду территории, относившиеся к западной зоне Булгарского вилайета рубежа XIV–XV вв. При этом термин «Мохша» мог означать просто мордву, а мордва затем входила и в состав Казанского ханства; Алатырь же подразумевает вовсе не населенный пункт русского периода, а некий средневековый г. Алатырь [22, с. 71], затем переместившийся вместе с населением на территорию Казанского юрта как крепость Алат (а Алатырь – это «Алат»+ыр/ор – вал, крепость). Отсюда следует, что в сообщении Утемиша-хаджи мы имеем владения «Башкурт»; «Алатырь, Мохши и Шахри Булгар», все вместе – Булгарский вилайет, а также «Шахри-Туру» – «мангытские владения», то есть, вроде бы «вилайет Чимги-Тура», но это может быть и Тура в Южном Приуралье (на месте г. Уфы).

Несколько иной расклад наблюдается в «Таварих-и гузида-йи Нусрат-наме». Там отдельно фигурирует «башкорт», «чимги», «буляр и булгар» и ещё непонятные «народы» (или один народ)/владение «р.с.т.м. туалас». Если сравнить с уже рассмотренным сообщением из «Кара таварих», под последним термином (или терминами) должны скрываться «Алатырь» и «Мохши». Хотя, как показывает содержание казанской версии «Огуз-наме», под «р.с.» (или «р.с.т.м.») может скрываться и наименование «Урус/Рус», а под «туалас» – «Туркестан». При принятии таких трактовок, все же отчетливо выделяется Булгарский вилайет, в разных сообщениях источников имеющий некоторые различия в смысловом наполнении («Булгар», «шахри Булгар», «буляр и булгар»), но признающийся частью владения Шибанидов.

Под вопросом остается продолжительность принадлежности Булгарско-Казанского юрта Шибанидам в XV в. Конечно, есть данные о том, что переход этого владения к наследникам хана Улуг-Мухаммеда привел к завершению там сюзеренитета Шибанидов из Государства кочевых узбеков с 1445 г. Косвенные намеки относительно такого хода событий есть в фольклорных материалах. Скажем, в одной из версий так называемых «татарских летописей» в известии о переходе после разорения Булгара Тимуром Алтун-бика (т.е. Алтунай султана) и Алим-бика (Али/Гали бея) в «Казань», есть строки о том, что «Алим-бик не возлюбив Казань, ушел в Тобол-Туру» [42, с. 579]. Хотя тут подразумевается уход «казанского вотчика» князя (бека) Алим (Гали)-бека, но тот был на самом деле убит в 1445 г. при захвате Казани Махмудом б. Улуг-Мухаммедом, поэтому более вероятно, что речь в источнике идет о Шибаниде Алтунай-султани. Кроме этого известия есть ещё одно смутное сообщение из «Сибирских летописей» (Ремезовская и Краткая Сибирская/Кунгурская летописи), где говорится: «Мамат царь Казанского царя Алима победил и на устье речки Сибири град Кашлык учинил, царство в Сибири распространив...» [43, с. 318, 409]. Несмотря на то, что последнее известие можно трактовать как относящееся к Тайбугиду Мамету, при учете сообщения легендарного характера из вышеназванной «татарской летописи» об уходе «Алим-бика» из Казани в Тобол-Туру, нельзя исключить того, что в «Сибирских летописях» имеется в виду захват Улуг-Мухаммедом и его сыном Махмудом Казани с последующим уходом оттуда «Казанского царя Алима» (Алтунай/Алтунбека) в Сибирь. А в совокупности эти данные могут свидетельствовать о завершении владения Шибанидами Булгар-

ско-Казанским юртом после перехода его к Улуг-Мухаммедовичам в 1445 г. Ещё один аргумент в пользу такого заключения – это контролирование в 1460-х годах Казанским ханством обширных территорий Среднего и Южного Приуралья (см. работу А.В. Аксанова [1]). Но в последнем случае надо иметь в виду, что именно тогда погиб хан Абу-л-Хайр, и в Государстве кочевых узбеков развернулась борьба за ханский престол между разными представителями Шибанидов, возможно, приведшая к усилению роли казанских ханов в зоне Приуралья, что, однако, не означало полной ликвидации влияния Шибанидов там. Об этом мы будем говорить при анализе роли Шибанидов в Поволжско-Приуральском регионе в последних десятилетиях XV в., когда вначале произошла реанимация их влияния в Казанском юрте, а затем его затухание с закреплением восточных рубежей Казанского ханства достаточно далеко к востоку.

Попытка нового наступления Шибанидов в Поволжье в 1480–1490-х годах и вопрос о восточных рубежах Казанского ханства к концу XV в.

Политическая история Шибанидов второй половины XV в., преимущественно связанных с сибирскими владениями, то есть, с Тюменским ханством, достаточно хорошо исследована [40; 46; 15; 35, с. 20–30; 24, с. 65–78; 23, с. 11–39], поэтому нам нет необходимости детально анализировать события последних двух десятилетий XV в., интересных для нас и происходивших при участии тюменской ветви Шибанидов. Наша задача – прояснить определенные аспекты вопроса о восточных границах Казанского ханства в ситуации активизации тюменских Шибанидов в Волго-Уральском регионе в 1480–1490-х годах. Одним из существенных сторон этого вопроса является рассмотрение значения ногайского фактора в формировании восточных рубежей Казанского ханства, проходившего при прямом участии части населения Ногайской Орды, но в весьма своеобразной форме создания Мангытского юрта/Ногайской даруги в прикамско-приуральской зоне данного государства. Последняя проблема, как видно из анализа историографии, решена не до конца, что вызывает затруднения в определении государственной принадлежности ряда территорий северо-западных ареалов Приуралья. Поэтому к этому вопросу необходимо обратиться заново (наши прежние подходы к этой проблеме, см.: [22]).

Уже при жизни хана Абу-л-Хайра интересы Государства кочевых узбеков начали перемещаться на юг – недаром столичный центр этого владения в 1446 г. из Чимги-Туры был перенесен в г. Сыгнак. Затем произошел ряд политических событий 1450–1460-х годов, а после смерти Абу-л-Хайра в этом владении начались внутренние неурядицы, затем, с конца 1460 – начала 1470-х годов, основная власть в Дешт-и Кыпчаке перешла на время к Урусовичам Гирею и Джанибеку, которым подчинились многие кланы из Улуса Шибана, включая и Мангытский юрт, тесно связанный с Шибанидами, чья столица – г. Сарайчук, стала даже резиденцией хана Джанибека [16, с. 120–126; 44, с. 104–111]. При этом потерпевшие поражение Шибаниды, кажется, на время из орбиты своего внимания выпустили Волго-Уральский регион, но не то было с мангытами. Выдвинувшаяся уже к середине XV в. вплоть до камакско-приуральского ареала Ногайская Орда, состоявшая из нескольких территориальных сегментов, во второй половине XV в. начала принимать активное участие в междоусобных сражениях разных ветвей Шибанидов, что привело к повышению их роли, в том числе, и в Приуралье.

В результате перехода власти в Тюменском ханстве – одном из нескольких юртов, где правили Шибаниды – к сыновьям Хаджи-Мухаммеда Сайида-

ку и его брату Махмудеку (Мамуку), чьи годы правления точно неизвестны (начало правления первого – не ранее 1457 г., он был ещё жив к началу 1470-х годов), затем к сыну последнего Ибаку (Сайид-Ибрагим), принявшему непосредственное участие в убийстве сына Абу-л-Хайра-хана Шейх-Хайдара и ставшему около 1469 г. тюменским ханом [40, с. 82, 104; 46, с. 62–63]. Эта ветвь Шибанидов в союзе с ногаями активизировалась и в Волго-Уральском регионе, в частности, хорошо известно о разгроме в 1481 г. силами тюменско-ногайской коалиции ставки Большой Орды, причем в составе войск находился и брат хана Ибака султан Мамук, там же были и знатные мангыты – Аббас-бий, Муса (успел получить бекский титул [46, с. 64; 44, с. 116–117]) и мурза Ямгурчи. Несмотря на то, что тюменский хан Ибак (Сайид-Ибрагим), временами именовавшийся и «ногайским царем», после разграбления центра Большой Орды с добычей ушел в «Тюмень», т.е. Чимги-Туру, связанные с ним группы ногаев продолжали находиться в Волго-Уральском регионе – улус Ямгурчи, например, в 1490 г. фиксируется на «Белой Воложке». Муса же после смерти бия Аббаса в 1491 г. стал главой Ногайской Орды, в целом находившейся южнее, но с выходом к Волге. Показательно, что после смены в 1487 г. на престоле Казанского ханства Алегама (Ильхама) при русской поддержке на Мухаммета-Амина, целая группа казанской знати оказалась в Тюменском ханстве, частично – в Ногайской Орде. В числе тех, кто пребывал в Тюменском ханстве, находились и двое Ширинов [17, с. 104]. Как предположили В.В. Трепавлов и Д.Н. Маслюженко, именно оказавшиеся в Тюменском ханстве знатные казанцы могли провести заочную интронизацию хана Ибака на казанский престол, что и привело к именованию его в некоторых русских летописях «казанским царем» [46, с. 65; 45, с. 101]. Скорее всего, у хана Сайид-Ибрагима имелись планы по захвату Казанского ханства, опираясь на тех казанцев, которые после 1487 г. оказались в его владении, тем более, что к тому времени Ногайская Орда уже заняла левобережье р. Волги, вплотную приблизившись к границам Казанского ханства, имевшего и территории в закамской зоне (см. далее) [44, с. 109]. Между тем, Поволжье интересовало тюменцев не меньше, чем ногаев. Не случайно в начале 1493 г. тюменско-ногайское войско во главе с ханом Ибаком, султаном Мамуком, бием Мусой и мурзой Ямгурчи вновь попыталось овладеть Большой Ордой, но на этот раз неудачно, поэтому Сайид-Ибрагим вернулся в Тюмень (Чимги-Туру) и около 1495 г. был свергнут и убит там Тайбугидами [44, с. 109]. После этого ханом стал Мамук, но Тайбугиды не дали ему возможности закрепиться в Тюменском ханстве и, по настоянию Ямгурчи, он, опираясь на сильное ногайское войско, в 1496 г. захватил Казань и около года занимал казанский трон, но затем, не найдя общего языка с казанскими аристократами, вынужден был выехать за пределы столицы государства и, по-видимому, на обратном пути умер. Бий Муса, изначально бывший против этой затеи, больше предпочитал видеть на казанском престоле Мухаммед-Амина, женатого на его дочери Фатиме. Так как с сентября 1502 г. бием Ногайской Орды стал Ямгурчи, Мусу можно к этому времени считать скончавшимся [44, с. 119]. Известно, что Мухаммед-Амину после смерти казанского хана Али (Ильгама) досталась и бывшая ранее замужем за этим ханом дочь Ямгурчи, что говорит о серьезном повышении значения мангытов в Казанском ханстве к концу XV в. Но интронизация в 1497 г. в Казани младшего брата Мухаммед-Амина Абд ал-Латифа привела к тому, что в 1500 г. на Казань состоялся ещё один

поход ногайских войск во главе с Мусой и Ямгурчи, стремившихся посадить там на трон младшего брата Ибака и Мамука султана Агалака. Успех не был достигнут, хотя в операции участвовали и знатные беглые казанские аристократы, например, беклярибек – «князь казанских князей», Урак. Вся эта активность тюменских Шибанидов, развернувшаяся в союзе с ногаями в Волго-Уральском регионе в последние десятилетия XV в., имела определенные последствия, которые необходимо сейчас вкратце осветить. Так как часть материалов, имеющих отношение к действиям Шибанидов в Поволжье в последних десятилетиях XV в. уже была затронута в ряде публикаций, в том числе и наших [22, с. 114–174; 17, с. 39–42; 15, с. 181–187; 46, с. 65–66], нам нужно обратить внимание только на те детали, которые позволяют уточнить вопрос о восточных рубежах Казанского ханства к этому времени.

Известно, что в генеалогии клана кара-табын, часть которого после переселения в бассейн р. Ик стала именоваться иректинцами, говорится о приходе их предков во время вражды ханов Ибака и Шибак – как полагаем, Сайида-Ибрагима и Шибана б. Шах-Будага б. Абу-л-Хайра, из бассейна Тобола и Иртыша в Среднее Приуралье, затем в район р. Ик [9, с. 357–408; 38, с. 77–87]. Но вот что показательно: в генеалогиях этой группы перечисляется ряд северных «башкирских» кланов (они все татароязычны), и один из предков кара-табынцев по имени Исян («Исян-хан»), имевший сына, которого звали «Каржау» [9, с. 379], в период взятия Казани русскими взаимодействует с неким представителем казанского хана по имени Чуртмак, явно бывшим знатным лицом [22, с. 150]. На этот факт приходится обратить внимание потому, что в 1505 г. известен «князь Уфимский», который был послан казанским ханом Мухаммед-Амином с поручением в Москву [31, с. 336]. Используя эту информацию В. Филоненко со ссылкой на Н.М. Карамзина вначале определил его как «сидевшего в Уфе казанского князя» по имени Кара-Кирымбет, но затем как «вельможу» Мухаммед-Амина, «князя Уфимского» [48, с. 27]. Заметим, что в другой генеалогии, восходящей к Йылкы-бию, чей сын Мемчек переселился в бассейн р. Ирень, выйдя из состава клана дуван (а это вариант этнонима табын), имея также сына по имени Карья (по-татарски – Каржа). Последним именем затем был назван в начале XVII в. «Карьев улус» Кунгурского уезда [49, с. 78–79]. Похоже, что в этих случаях мы имеем дело с переселенцами к западу от Урала из среды сибирских татар, подчинявшихся Шибанидам, но связанным и с ногаями [22, с. 122]. Не лишне будет указать и на то, что кара-табынцы в ходе своего переселения из бассейна Тобола и Иртыша в Среднее Приуралье некоторое время жили на родовых землях клана гайна из бассейна р. Тулва, основная часть которых считалась «иштяками» (остяками), а знать была из клана буркут [22, с. 123]. Так вот, у гайнинцев ещё в конце XVIII в. была записана историческая легенда о том, что они находились «...под властью кипчакских и казанских царей». Затем в таких же преданиях татар и башкир Осинского и Пермского уездов Пермской губернии за 1784 г. сказано, что «до покорения <они> находились в управлении или в подданстве у державца своего Нагайского хана... Слыхали, что хан их брал от лучших людей их дочерей девок и держал у себя с переменою погодно, а после отдавал отцам обратно...» [22, с. 123].

В данном случае «Нагайский хан» – это или бий Ногайской Орды, или, скорее всего, один из Шибанидов, например, Сайид-Ибрагим (Ибак), считавшийся «нагайским ханом». В таком случае к последним десятилетиям XV в. в

сфере влияния тюменских Шибанидов могли находиться и такие западные территории, как бассейн р. Тулвы. Но даже в этом случае реальное правление тут могло осуществляться через мангытских наместников, а те, не исключено, сидели как в Казанском, так и Тюменском ханствах. В этом плане отметим ещё одну родословную из д. Иштерьяк и д. Саз (Йанапай) Пермского края (Сылвенско-Иренский бассейн), в которых фиксируется выход предков из среды «нугаев». Данные селения были в прошлом связаны также с татарами д. Карьева (см. выше), наименование которой присутствует и в другой родословной, которая начинается с «Буркут-бия», что подразумевает связь с кланом буркут [22, с. 147], из которого вышли также сибирские Тайбугиды.

Кроме того, следует также указать на то, что находившиеся в бассейне р. Ик иректинцы, то есть, часть клана кара-табын, получили в 1523–1524-х годах жалованные грамоты от казанского хана Сахиб-Гирея, оставшись под управлением Казани и после русского завоевания. В последнее время было также установлено, что ещё одна группа татарской знати из клана кыпчак Казанского ханства, также проживавшая в бассейнах рек Ик, Кинель, Кинельчик, тоже получила там земельные владения и вотчинные угодья ещё со времен казанского хана Ибрагима (1467–1479), являясь тарханами, но будучи представителями одного из карачабекских родов (кыпчакского клана) этого государства [23, с. 33–34].

Если суммировать имеющиеся данные, то, скорее всего, получится, что восточные границы Казанского ханства к концу XV в. проходили где-то в районе будущего г. Уфы и территория Казанской дороги Уфимского уезда XVII в. на самом деле действительно являлась сферой влияния этого государства, на севере включая и территорию бассейна р. Тулвы. Однако, зона Казанской дороги, а также некоторые части таких дорог, как Осинская и Сибирская, временами явно тяготели к сфере влияния тюменских Шибанидов, в особенности в последние десятилетия XV в. Но постепенное затухание Тюменского ханства после его попытки экспансии на запад в 1480–1490-х годах, кажется, опять усилили влияние Казанского ханства вплоть до пределов, прилегавших к г. Уфе, даже до территории клана кара-табын (но последний все-же после падения Казанского ханства были больше связан с Сибирским ханством). Возможно, расширение влияния Казанского ханства далеко на восток в Приуралье имело отношение и к переходу сибирских Тайбугидов, точно неизвестно, когда, под сюзеренитет казанских ханов, что предполагал В.В. Трепавлов [45]. Отсюда вывод: восточные рубежи Казанского ханства в некоторой мере являлись подвижными, завися от политической ситуации в Приуралье, но в основании их однозначно обнаруживаются восточные границы Булгарского вилайета и раннего этапа Казанского юрта. Надо также сказать, что со второй половины XV в. ногайский фактор – а ногаи вообще-то являлись золотоордынскими татарами, в том числе тесно взаимодействовавшими с Шибанидами разных групп – оказался постоянным при формировании восточных границ данного государства, тем более после сложения в его пределах Мангытского княжества (Ногайской даруги), скорее всего оформившегося уже к рубежу XV–XVI вв. и имевшего другие территориальные очертания, чем Ногайская дорога Казанского уезда XVII в., доходя до крепости Уфа (татарское наименование – «Имэн-кала»). Об этом может свидетельствовать одно старинное предание о городе Туратау: «...Там, где <была> Уфа, ...был ногайский город Туратов ... в это время нагаи и башкиры составляли как бы один народ, управляли же <ими>

нагайские ханы, признававшие над собою власть царства Казанского» [3]. Как видим, тут «нагайские ханы» (они же очевидно «нагайские державцы» пермских татар и башкир), скорее, предстают как некие наместники казанских ханов, что могло быть только в том случае, если под ними подразумеваются контролировавшие приуральские владения Казанского ханства карачабеки, скорее всего, из мангытов. Наследием вот этой двойной подчиненности северо-западных ареалов Приуралья было существование «казанского оброка/ясака», после создания Уфимского уезда постепенно переведенного в ведение администрации этого уезда [22, с. 145–149; 2, с. 8–65].

Таким образом, в результате проведенного исследования можно сказать о необходимости при определении восточных рубежей Булгарско-Казанского вилайета и Казанского ханства учета целого ряда исторических факторов (роль Шибанидов в Волго-Уральском ареале с XIII в., ногайский фактор в регионе в XV в., исторические рубежи Булгарского государства и Булгарско-го вилайета Золотой Орды, западные границы Тюменского ханства и др.). Как итог данной работы делается заключение о значительной протяженности восточных рубежей Казанского ханства в Среднем и Южном Приуралье, где они в XV веке встречались с западными границами Тюменского ханства, частично пересекаясь и с территорией Ногайской Орды, что было оформлено в виде Мангытского юрта Казанского ханства, игравшего важную роль в составе Казанского ханства, начиная с конца XV века. Несмотря на уже достигнутые итоги, данная тема требует дальнейшего изучения, что, однако, возможно при обнаружении новых источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксанов А.В. Иштяки Казанского ханства // Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 14–31.
2. Акчурин М.М., Амиров И.А. О казанском ясаке в Ельдякской волости на примере вотчинных владений Бурая Ергозина и его родственников // Приуральские татары: аспекты этнокультурной и социально-экономической истории (XVII–XXI вв.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2024. С. 8–65.
3. Александров А.Е. Башкиры (этнографический очерк) // Оренбургский листок. 1885. № 51.
4. Амирханов Х. Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники). М.: ИД «Марджани», 2010. 232 с.
5. Арсланова А.А. Остались книги от былых времен... Персидские исторические сочинения монгольского периода истории народов Поволжья. Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. 239 с.
6. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965. 194 с.
7. Ахметзянов М.И. Дастан «Амат, сын Айсы» // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып.4. Казань: ООО «Фолиант», Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 114–118.
8. Әбелгазиз Баһадир хан. Шәжәрәи төрек. Казан: Татар. кит. нәшр., 2007. 271 б.
9. Башкирские родословные. Вып. первый: Издано на рус. яз. / Сост., предис., поясн. к пер., пер. на рус. яз., послесл. и указ. Р.М. Булатова, М.Х. Надергулова; науч. рук. Р.Г. Кузеев. Уфа: Китап, 2002. 480 с.
10. Башкирские шежере. Сост., перевод текстов, введение и комментарии Р.Г. Кузеева. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1960. 301 с.
11. Вәлиди Ә.З. Башкорттарҙың тарихы (автор кулъязмаһыннан тәржемә). Төрөк һәм татар тарихы (1912 йылда Казанда “Милләт” матбағһында сыккан басманан тәржемә). Өфө: Башкортостан “Китап” нәшрияте, 1994. 352 б.

12. Дәфтәре Чыңгыз-намә. Казан: “Иман” нәшрияты, 2000. 44 б.
13. Ибн мир Мухаммад Бухари Хафиз-и Таныш. Шараф-нама-йи Шахи (Книга шахской славы). Факс. рукописи, перев. с персид., введение, прим. и указатели М.А. Салахутдиновой. Ч. 1. М.: Наука, глав. редакция восточной литературы, 1983. 298 с.
14. Иванов В.А. Этнокультурный ландшафт средневековых мавзолеев Волго-Уралья // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 140–164. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.140-164> EDN: NZZRBK
15. История и культура татар Западной Сибири. Монография. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. 728 с.
16. История татар с древнейших времен в семи томах. Том IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 1080 с.
17. Исхаков Д.М. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2006. 196 с.
18. Исхаков Д.М. К вопросу о западных пределах Улуса Шибана и его потомков // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17–18 апреля 2014 г.) / отв. ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С. 28–31.
19. Исхаков Д.М. Между Булгаром и Казанью: этнополитические процессы в Булгарском/Казанском вилайете в 60–70-х годах XIV– 40-х годах XV веков. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. 63 с.
20. Исхаков Д.М. О клановом составе первоначального удела Шибана // Золотоордынское наследие: Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV в.)» (Казань, 17 марта 2009 г.). Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. Вып. 1. С. 24–30.
21. Исхаков Д.М. Об отражении некоторых золотоордынских реалий в татарско-башкирском дастане «Туляк и Сусылу» // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 4. Казань: ООО «Фолиант», Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 119–127.
22. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). Казань: Изд-во «Мастер Лайн», 1998. 276 с.
23. Исхаков Д.М. По следам Монаш-бека: ранняя история предков // Туган жир. Родной край. 2024, № 1. С. 11–39.
24. Исхаков Д.М. Тарханы vs служилые татары: сложности установления соотношения двух социальных категорий (на примере населения пограничной зоны Казанского и Уфимского уездов XVI – первых десятилетий XVII вв.) // Служилые и ясачные люди XV–XIX вв.: Особенности землевладения сословные номинации: Сб. статей / Под ред. Г.Х. Самигулова. Вып. 2. Челябинск: ФССКН «Общественный фонд «Южный Урал»», 2024. С. 65–78.
25. Исхаков Д.М. Труды по исторической этнологии татарского народа. Т. I. Среднетюркская эпоха (X – начало XV вв.). Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 324 с.
26. Исхаков Д.М. Халкыбызның эпик әсәрләрендә милли тарих (“Түләк һәм Сусылу”, “Ак Күбәк”, “Идегәй”, “Чура батыр” дастаннарына һәм тарихи риваятьләргә анализ): монография. Казан: ООО “Грумант”, 2022. 160 б.
27. Исхаков Д.М., Тычинских З.А. О шибанидском «следе» в Булгарском вилайете Улуса Джучи // Золотоордынское обозрение. 2013. № 2. С. 128–145.
28. Исхаков Д.М., Тычинских З.А. Историографический обзор проблемы восточных границ Булгарского вилайета и Казанского ханства в конце XIV–XV вв. (постсоветский период) // Пограничье: где начало того конца?: материалы Всерос. науч.-прак. конф., посвященной 60-летию Г.Х. Самигулова / под ред. Г.Х. Самигулова. Челябинск: Общественный фонд «Южный Урал», 2025. С. 55–69.

29. Кавелин А. Древние болгары (из бумаг Кафтанникова) // Библиотека для чтения. Т. 82. СПб., 1847. С. 41–65.
30. Кадыр Али-бек. Джами ат-таварих. Факсимиле рукописи / автор изд. текста, исследования, критического текста, перевод с тюрки, словаря Р.Алимов; под ред. И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2002. 544 с.
31. Карамзин Н.М. История российская. Т. VI. СПб., 1819. 367 с.
32. Кырыми Абдулгаффар. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Серия «Язма мирас. Письменное наследие. Textual Heritage». Вып. 5 / перев. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общая научная редакция, предисловие и комментарии И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
33. Миргалеев И.М. Сведения о Чингизидах в Казанском «Огуз-наме» // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Зап. Сибири. Материалы V Всероссийской (национальной) научной конференции (Курган–Челябинск, 12–14 октября 2023 г.) / отв. ред. Д.Н. Маслюженко. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2023. С. 11–14.
34. Миргалеев И.М. Сообщение продолжателя «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: материалы II Всероссийской научной конференции (Курган, 17–18 апреля 2014 г.) / Отв. ред. Д.Н. Маслюженко, С.Ф. Татауров. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2014. С. 64–66.
35. Моисеев М.В. Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 5. Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. С. 20–30.
36. Мустакимов И.А. Сведения «Таварих-и гузида-йи – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник 2009: 2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 2011. С. 228–248.
37. Негри А. Извлечения из одной турецкой рукописи общества, содержащей историю крымских ханов // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 1. Одесса, 1844. С. 279–392.
38. Нэзерголов М.Х. Кара-табын ыруы шәжәрәһе // Башкирские шежере (филологические исследования и публикации). Уфа, 1985. С. 77–87.
39. Парунин А.В. Некоторые аспекты внутренней политики Тюменского ханства в XV веке // Сибирский сборник: Сборник научных статей / под ред. З.А. Тychинских. Вып. 9. Тобольск: УрО РАН, 2024. С. 160–174.
40. Парунин А.В. Политическая история Тюменского ханства в 1430–1508 г. Челябинск: «Общественный фонд «Южный Урал»», 2023. 247 с.
41. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой (1576 г.). М.: Ин-т российской истории РАН, 2003. 92 с.
42. Рахим А. Новые списки татарских летописей // Проблемы истории Казани: современный взгляд. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2004. С. 555–594.
43. Сибирские летописи. Краткая Сибирская (Кунгурская) летопись. Рязань: «Александрия», 2008. 844 с.
44. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 752 с.
45. Трепавлов В.В. Московское и Казанское «подданство» Сибирского юрта // Сулеймановские чтения: материалы X Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, 18–19 мая 2007 г.) / под ред. А.П. Яркова. Тюмень: СИТИ ПРЕСС, 2007. С. 101–102.
46. Тюменское и Сибирское ханства: коллективная монография. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 560 с.

47. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транск. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой, З.Т. Хафизова; перев. на рус. яз. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М. Миргалеева. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

48. Филоненко В. Башкиры. Уфа, 1915. 74 с.

49. Шагайпов Н.Н. Ирен буендагы татар авыллары тарихыннан // Туган жир. Родной край. 2017. № 1. С. 77–97.

REFERENCES

1. Aksanov A.V. Ishtyaki of the Kazan Khanate. In: Ishtyaki: the Ural-Siberian border region. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 14–31. (In Russian)

2. Akchurin M.M., Amirov I.A. On the Kazan yasak of the Valnyak volost on the example of the patrimonial possessions of Brown Ergozin and his ancestors. In: Ural Tatars: aspects of ethnocultural and socio-economic history (17th – 21st centuries). Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2024, pp. 8–65. (In Russian)

3. Alexandrov A.E. Bashkirs (an ethnographic essay). *Orenburg Leaflet*. 1885, no. 51. (In Russian)

4. Amirkhanov Kh. Tavarikh-e Bulgaria (Bulgarian chronicles). Moscow: Marjani Publ., 2010. 232 p. (In Russian)

5. Arslanova A.A. Persian historical works of the Mongolian period of the history of the peoples of the Volga region. Kazan: Tatar book Publ., 2002. 239 p. (In Russian)

6. Akhmedov B.A. The state of nomadic Uzbeks. Moscow, 1965. 194 p. (In Russian)

7. Akhmetzyanov M.I. Dastan “Amat, son of Aisa”. *Golden Horde civilization*. Collection of articles. Iss. 4. Kazan: Foliant, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2011, pp. 114–118. (In Russian)

8. Abulgaziz Bahadur Khan. The Turkic family tree. Kazan: Tatar book Publ., 2007. 271 p. (In Tatar)

9. Bashkir pedigrees. Issue 1: Published in Russian. Comp., preface, comm. to the translation, translation into Russian language, afterword and indexes by R.M. Bulatov, M.Kh. Nadergulova; scientific direction by R.G. Kuzeev. Ufa: Kitap, 2002. 480 p. (In Russian)

10. Bashkir Shezheres. Comp., translation of texts, introduction and commentary by R.G. Kuzeev. Ufa: Bashkir book Publ., 1960. 301 p. (In Russian)

11. Validi A.Z. History of the Bashkirs (translated from the author's manuscript). Turkish and Tatar history (translated from the 1912 edition published in Kazan in the newspaper “Nation”). Ufa: Kitap, 1994. 352 p. (In Bashkir)

12. Daftare Chyngyz-name [The notebook Genghis-name]. Kazan: Iman, 2000. 44 p. (In Tatar)

13. Ibn mir Muhammad Bukhari Hafiz-i-Mustafa. Sharaf-Nameh-yi Shahi (The Book of Shah's Glory). Fax. manuscript, transl. see, introduction, approx. and the indexes of M.A. Salakhutdinova, Part 1. Moscow: Nauka, Central Department of Oriental Literature, 1983. 298 p. (In Russian)

14. Ivanov V.A. Ethnocultural Landscape of Medieval Mausoleums in the Volga-Urals. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 1, pp. 140–164. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.140-164> (In Russian)

15. History and culture of the Tatars of Western Siberia: Monograph. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2015. 464 p. (In Russian)

16. The history of the Tatars since ancient times in seven volumes. Volume IV. Tatar states of the 15th–18th centuries. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 1080 p. (In Russian)

17. Iskhakov D.M. Introduction to the history of the Siberian Khanate. The essays. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2006. 196 p. (In Russian)
18. Iskhakov D.M. On the question of the Western traditions of the Shiban Ulus and its descendants. In: History, economy and culture of the medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia: proceedings of the 2nd All-Russian Scientific Conference (Kurgan, April 17–18, 2014). Ed. by D.N. Maslyuzhenko, S.F. Turov. Kurgan: Kurgan State University. 2014, pp. 28–31. (In Russian)
19. Iskhakov D.M. Between Bulgar and Kazan: ethno-political processes in the Bulgarian/Kazan Vilayet in the 60–70s of the 14th–40s of the 15th centuries. Kazan: Fan, 2013. 63 p. (In Russian)
20. Iskhakov D.M. On the clan composition of the original Shiban inheritance. In: Golden Horde Legacy: proceedings of the International Scientific Conference “Political and socio-economic history of the Golden Horde (13th–15th centuries).” Kazan, March 17, 2009. Iss. 1. Kazan: Fan, 2009, pp. 24–30. (In Russian)
21. Iskhakov D.M. On the reflection of some Golden Horde realities in the Tatar-Bashkir Dastan “Tulyak and suslu”. *Golden Horde civilization*. Collection of articles. Iss. 4. Kazan: Foliant, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2011, pp. 119–127. (In Russian)
22. Iskhakov D.M. From medieval Tatars to modern Tatars (an ethnological view of the history of the Volga-Ural Tatars of the 15th–17th centuries). Kazan: Master Line, 1998. 276 p. (In Russian)
23. Iskhakov D.M. In the footsteps of Monash Bek: the early history of the ancestors. *Tugan Zhir = Native Land. Motherland*. 2024, no. 1, pp. 11–39. (In Russian)
24. Iskhakov D.M. Tarkhans vs Serving Tatars: the difficulty of establishing the relationship between two social categories (using the example of the population of the border zone of Kazan and Ufa counties of the 16th – first decades of the 17th centuries). In: Serving people and peasant people of the 15th–21st centuries: Features of land ownership of the estate classes: Collection of articles. Edited by G.Kh. Samigulov. Iss. 2. Chelyabinsk: Foundation for the Preservation of Cultural Heritage “Southern Ural”, 2024, pp. 65–78. (In Russian)
25. Iskhakov D.M. Works on the historical ethnology of the Tatar people. Vol. 1. The Middle Turkic Epoch (10th – early 15th centuries). Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 324 p. (In Russian)
26. Iskhakov D.M. National history in the epic works of our people (analysis of dastans and historical legends “Tulak ham Susylu”, “Ak Kubak”, “Idegai”, “Chura Batyr”: Monograph. Kazan: Grumant, 2022. 160 p. (In Russian)
27. Iskhakov D.M., Tychinskikh Z.A. On the Shibanid “footprint” in the Bulgar vilayet of Ulus of Jochi. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2013, no. 2, pp. 128–145. (In Russian)
28. Iskhakov D. M., Tychinskikh Z.A. Historiographical review of the problem of the eastern borders of the Bulgar Vilayet and the Kazan Khanate at the end of the 14th–15th centuries. (post-Soviet period). In: Borderlands: where is the beginning?: the material of the General Scientific and practical conference dedicated to the 60th anniversary of the birth of G.Kh. Samigulov. Ed. by G.Kh. Samigulov. Chelyabinsk: Foundation for the Preservation of Cultural Heritage “Southern Ural”, 2025, pp. 55–69. (In Russian)
29. Kavelin A. Ancient Bulgarians (from Kaftannikov’s paper). In: Library for reading. Vol. 82, pp. 41–65. (In Russian)
30. Kadir Ali-Bek. Jami at-tawarih. Facsimile manuscript. ed. text, research, critical text, translation from Turkic, dictionary by R. Alimov; edited by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2002, 544 p. (In Russian)
31. Karamzin N.M. Russian History. Vol. 6. St. Petersburg, 1819. 367 p. (In Russian)

32. Kyrymi Abdulgaffar. Umdet al-akhbar. Book 2: Translation. The series “Yazma miras. Written heritage. Textual Heritage”. Iss. 5. Translation from Ottoman by Yu.N. Karimova, I.M. Mirgaleev; general scientific edition, preface and comments by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 200 p. (In Russian)
33. Mirgaleev I.M. Information about the Genghisids in the Kazan “Oguz-namé”. In: History, economy and culture of medieval Turkic-Tatar states. Siberia. Materials of the 5th General Russian (National) Scientific Conference (Kurgan-Chelyabinsk, October 12–14, 2023). Ed. by D.N. Maslyuzhenko. Kurgan: Kurgan State University. University, 2023, pp. 11–14. (In Russian)
34. Mirgaleev I.M. Message from Utemish-hadji, the successor of “Genghis-namé”. In: History, economy and culture of the medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia: materials of the 2nd All-Russian Scientific Conference (Kurgan, April 17–18, 2014). Ed. by D.N. Maslyuzhenko, S.F. Turov. Kurgan: Kurgan State University, 2014, pp. 64–66. (In Russian)
35. Moiseev M.V. The political struggle of the Kazan nobility: historiography and Russian sources. In: Medieval Turkic-Tatar states. Collection of articles. Iss. 5. Issues of source studies and historiography of the medieval Turkic-Tatar states history. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2013, pp. 20–30. (In Russian)
36. Mustakimov I.A. Information from “Tawarikh-i guzida-yi – Nusrat-name” about the possessions of some Jochids. In: Turkological collection 2009-2010: Turkic peoples of Eurasia in antiquity and the Middle Ages. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2011, pp. 228–248. (In Russian)
37. Negri A. Extracts from a Turkish manuscript of the society containing the history of the Crimean Khans. In: Notes of the Odessa Society of History and Antiquities. Vol. 1. Odessa, 1844, pp. 279–392. (In Russian)
38. Nazergulov M.Kh. Shezhere of the Kara-Tabyn family. In: Bashkir shezhere (philological research and publications). Ufa, 1985, pp. 77–87. (In Bashkir)
39. Parunin A.V. Some aspects of the internal policy of the Tyumen Khanate in the 15th century. In: Siberian Collection: collection of scientific articles. Ed. by V.V. Parunin and Z.A. Tychinskikh. Iss. 9. Tobolsk: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2024, pp. 160–174. (In Russian)
40. Parunin A.V. The political history of the Tyumen Khanate in 1430–1508. Chelyabinsk: Foundation for the Preservation of Cultural Heritage “Southern Ural”, 2023. 247 p. (In Russian)
41. Embassy Book on Russia's relations with the Nogai Horde (1576). Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2003. 92 p. (In Russian)
42. Rakhim A. New lists of Tatar chronicles. In: Problems of the history of Kazan: a modern view. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2004, pp. 555–594. (In Russian)
43. Siberian Chronicles. Brief Siberian (Kungur) Chronicle. Ryazan: Alexandria, 2008. 844 p. (In Russian)
44. Trepavlov V.V. The History of the Nogai Horde. Moscow: Vostochnaya literatura, 2001. 752 p. (In Russian)
45. Trepavlov V.V. Moscow and Kazan “citizenship” of the Siberian Yurt. In: Suleymanov readings: proceedings of the 10th General Russian Scientific and Practical Conference (Tyumen, May 18–19, 2007). Ed. by V.V. Trepavlov and A.P. Yarkov. Tyumen: CITY PRESS, 2007, pp. 101–102. (In Russian)
46. Tyumen and Siberian Khanates: A collective monograph. Kazan: Kazan Federal University, 2018. 560 p. (In Russian)
47. Utemish haji. Black Tavarikh. Transcription by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfetdinova, Z.T. Khafizov; translated into Russian by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfetdinova; ge-

neral and scientific edition by I.M. Mirgaleev. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian)

48. Filonenko V. Bashkirs. Ufa, 1915. 74 p. (In Russian)

49. Shagaipov N.N. From the history of Tatar villages near Irena. *Tugan Zhir= Native Land. Motherland*. 2017, no. 1, pp. 77–97. (In Tatar)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дамир Мавляевеич Исхаков – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН (626152, ул. Академика Осипова, 15, Тобольск, Российская Федерация); главный редактор журнала «Туган жир. Родной край» (420132, ул. Маршала Чуйкова, 67А, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7556-8667; Author ID: 04138; SPIN-код: 7941-4821. E-mail: monitoring_vkt@mail.ru

Зайтуна Апташитовна Тычинских – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Тобольская комплексная научная станция УрО РАН (626152, ул. Академика Осипова, 15, Тобольск, Российская Федерация); научный сотрудник, Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-5378-8909; Author ID: 77833; SPIN-код: 3721-9532. E-mail: zaituna.09@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Damir M. Iskhakov – Dr. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (15, Academician Osipov Str., Tobolsk 626152, Russian Federation); Editor-in-chief of the “Native Land. Motherland” journal (67a, Marshal Chuikov Str., Kazan 410132, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7556-8667; Author ID: 04138; SPIN code: 7941-4821. E-mail: monitoring_vkt@mail.ru

Zaituna A. Tychinskikh – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Tobolsk Complex Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (15, Academician Osipov Str., Tobolsk 626152, Russian Federation); Research Fellow, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-5378-8909; Author ID: 77833; SPIN code: 3721-9532. E-mail: zaituna.09@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 15.09.2025

Поступила после рецензирования / Revised 19.11.2025

Принята к публикации / Accepted 02.12.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.880-887>

EDN: LLHBGY

УДК 94(470.57)"15"+930.272+347.235

О ТАК НАЗЫВАЕМОЙ «КОПИИ СО СПИСКА ЖАЛОВАННОЙ ГРАМОТЫ БАШКИРУ УРАНСКОЙ ВОЛОСТИ АВДУАКУ САНБАЕВУ» ВРЕМЕНИ ИВАНА IV

М.Р. Белоусов ✉, **Р.Р. Исхаков**

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация

✉ vonrheineck@gmail.com

Резюме. Цель исследования: установление разновидности и определение даты создания документа, выявленного доктором исторических наук Б.А. Азнабаевым и опубликованного им под названием «Копия со списка жалованной грамоты башкиру Уранской волости Авдуаку Санбаеву» (не позднее 1584 г.).

Материалы исследования: письменный источник (делопроизводственный документ). Результаты и научная новизна исследования: в статье исследуется правомерность определения документа, выявленного доктором исторических наук Б.А. Азнабаевым и опубликованного им под названием «Копия со списка жалованной грамоты башкиру Уранской волости Авдуаку Санбаеву», как жалованной грамоты и датирования его временем царствования Ивана IV. В результате исследования формулы документа и его содержания, а именно: восстановления правильного чтения фамилии первого воеводы Казани, выявления биографических сведений об упоминаемых в документе лицах, – установлено, что исследуемый документ является доездной памятью служилого человека Осипа Аркатова, подьячего Юрия Смирнова и толмача Ивана Чубарова об отделе пашенной земли «с лесы, и санными покосами, и со всякими угодьями» Авдуаку Санбаеву и датируется периодом между концом мая 1606 и 21 мая 1607 г. (копией 1737 г.).

Ключевые слова: жалованная грамота, доездная память, отдельная книга, царь Василий Иванович (Шуйский), Уфимский уезд, воеводы Казани

Для цитирования: Белоусов М.Р., Исхаков Р.Р. О так называемой «Копии со списка жалованной грамоты башкиру Уранской волости Авдуаку Санбаеву» времени Ивана IV // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 4. С. 880–887. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.880-887> EDN: LLHBGY

© Белоусов М.Р., Исхаков Р.Р., 2025



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

ABOUT THE SO-CALLED "COPY FROM THE LIST OF THE GRANTED CHARTER TO THE URAN VOLOST BASHKIR AVDUAK SANBAEV" FROM THE TIME OF IVAN IV

M.R. Belousov ✉, R.R. Iskhakov

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

✉ vonnheineck@gmail.com

Abstract. Purpose of the study: To establish the type and date of creation of the document identified by Doctor of Historical Sciences B.A. Aznabaev and published by him under the title, "Copy from the list of granted charter to Bashkir of Uransk volost Avduak Sanbaev" (dating from no later than 1584).

Research materials: Written source (office documents).

Novelty and results of the study: The article examines the validity of the definition of the document identified by Doctor of Historical Sciences B.A. Aznabaev and published by him under the title "Copy from the list of granted charter to Bashkir of Uransk volost Avduak Sanbaev" as a granted charter dating it to the reign of Ivan IV. As a result of the present study of the document's form and its contents, namely, the restoration of the correct reading of the name of the first voivode of Kazan and the identification of biographical information about the persons mentioned in the document, it was established that the document is the report of the serving man, Osip Arkatov, the clerk Yuri Smirnov and the interpreter Ivan Chubarov regarding the division of arable land "with forests, and hay mowing, and with all kinds of lands" to Avduak Sanbaev and dates from the period between the end of May 1606 and May 21, 1607 (a copy of 1737).

Keywords: granted charter, report, a book about the separation of a land plot, Tsar Vasily Ivanovich (Shuisky), Ufa district, voivodes of Kazan

For citation: Belousov M.R., Iskhakov R.R. About the so-called "Copy from the List of the Granted Charter to the Uran Volost bashkir Avduak Sanbaev" from the time of Ivan IV. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 4, pp. 880–887. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.880-887> (In Russian)

В работах, посвященных истории народов Приуралья, можно встретить тезис о выдаче Иваном Грозным жалованных грамот, на основе которых сложились особые отношения между Российским государством и башкирами, его подданными. Этот исторический миф базируется прежде всего на данных башкирских шеджере (родословных) – весьма специфическом комплексе источников, являющихся по сути фольклорными произведениями, записанными в конце XIX – начале XX в. Несмотря на предпринимавшиеся в XX – начале XXI в. исследования по выявлению жалованных грамот Ивана Грозного башкирам, эта работа не принесла существенных результатов. Попытки некоторых ученых представить в качестве «извлечений» из жалованных грамот второй половины XVI в. и их «списков» материалы писцового делопроизводства более позднего времени и данные шеджере (см., например [6]) выглядят неубедительными и не выдерживают серьезной научной критики.

С чем же связано достойное лучшего применения упорство отдельных исследователей в поиске жалованных грамот периода вхождения Приуралья в состав Московского государства? Думается, главным мотивом здесь является

попытка научного обоснования определенных идеологем – об особом статусе башкирских вотчинных земель, договорной основе вхождения башкир в состав Московского государства и т.д. Дело в том, что жалованные грамоты относятся к категории публично-правовых актов договорно-законодательного характера, предоставлявших жалуемому исключительные права в сферах землепользования и судопроизводства.

«Научным открытием» в этой области исторической науки стало выявление и опубликование в 2011 г. доктором исторических наук Б.А. Азнабаевым документа, который был назван им «Грамота XVI века башкиру Уранской волости» [1, с. 5] (в публикации 2015 г. иное название – «Копия со списка жалованной грамоты башкиру Уранской волости Авдуаку Санбаеву» [2, с. 56]) и датирован периодом правления Ивана IV («не позднее 1584 г.»). Документ публиковался Б.А. Азнабаевым в академических изданиях [1; 2, с. 56] и в научно-популярном сборнике [5, с. 136–138].

Приведем текст этого документа по научной публикации 2015 г., в которой по сравнению с публикацией 2011 г. было исправлено чтение нескольких слов:

«Бил челом государю и великому князю Иоанну Васильевичу Уфимского уезду Осинской дороги Уранской волости башкирец Авдуак Санбаев, а сказал, что-де за службы его пожаловал государь, царь и великий князь в той волости за Камою рекой пашенной земли шестьдесят две четверти в поле с лесы и санными покосами и со всякими угодьями, а межа тое пашенной земли и санным покосам: верхняя межа – Еловая речка, а нижняя межа – речка Бергат в правой стороне. Да той же волости пожаловано мне в добавок по обе стороны Буюн реки верхняя межа – Салдав река, нижняя межа – Узяр река, а в ней пашенной земли и перелогу 155 четвертей, сена меж Поль и по заполью по обе стороны реки Буюн 400 копен. И просил в том, чтобы ту пашенную землю и санными покосами за ним написать в книги подлинно и те книги за своими и сторонними людьми привезти в Казань к боярину и воеводе Степану Александровичу Всеволожскому да князю Михаилу Самсоновичу Турянину, да дьяку Ивану Зубову да Афанасию Евдокимову, Иосип Аркатов, подьячий Юрий Смирнов да толмач Иван Чубаров, взяв с собой окольных людей сторонних, и при всех их ту пашенную землю от прочих отделить и по межам за Камою рекою Уранской волости 62 четверти пашенной земли и санные покосы да по обе стороны Буюн реки то ж земли 155 четвертей, а в дву потому же с лесом с санными покосами и со всякими угодьями написать за ним, башкирцем Авдуаком Санбаевым, в книги. На подлинной крепости справил подьячий Юрий, а чей сын по прозванию, за гниlostью подлинной грамоты не видно.

Копия снята в 1737 году» [2, с. 56].

Как явно видно из текста документа, он не является ни жалованной грамотой, ни её списком, ни копией её списка. Но не будем торопиться давать ответ на вопрос о разновидности документа. Сначала обратимся к его тексту.

Документ в некоторых местах явно неверно прочтен, что в значительной степени лишает его смысла. Мы бы предложили такое прочтение (наши исправления отмечены знаками «!!!»):

«Бил челом государю и великому князю Иоанну Васильевичу Уфимского уезду Осинской дороги Уранской волости башкирец Авдуак Санбаев, а ска-

зал, что-де за службы его пожаловал государь, царь и великий князь в той волости за Камою рекой пашенной земли шестьдесят две четверти в поле с лесы и санными покосами и со всякими угодьями, а межа тое пашенной земли и санным покосам: верхняя межа – Еловая речка, а нижняя межа – речка Бергат в правой стороне. Да той же волости пожаловано мне в добавок по обе стороны Буюн реки верхняя межа – Салдав река, нижняя межа – Узяр река, а в ней пашенной земли и перелогу 155 четвертей, сена меж поль (!!!)¹ и по заполью по обе стороны реки Буюн 400 копен. И просил в том, чтобы ту пашенную землю и санными покосами за ним написать в книги подлинно и те книги за своими и сторонними людьми привезти в Казань к боярину и воеводе Степану Александровичу Всеволожскому да князю Михаилу Самсоновичу Турянину, да дьяку Ивану Зубову да Афанасию Евдокимову. (!!!) И Осип (!!!) Аркатов, подьячий Юрий Смирнов да толмач Иван Чубаров, взяв с собой окольных людей сторонних, и при всех их ту пашенную землю от прочих отделили (!!!) и по межам за Камою рекою Уранской волости 62 четверти пашенной земли и санные покосы да по обе стороны Буюн реки то[е] (!!!) ж земли 155 четвертей, а в дву потому же с лесом, (!!!) с санными покосами и со всякими угодья написали (!!!) за ним, башкирцем Авдуаком Санбаевым, в книги. На подлинной крепости справил подьячий Юрий, а чей сын по прозванию, за гниlostью подлинной грамоты не видно. Копия снята в 1737 году.» В таком прочтении документ обретает смысл.

Справедливости ради надо отметить, что в археографической характеристике публикуемого источника Б.А. Азнабаев отмечает и «не совсем типичный» для жалованных грамот «начальный протокол документа» [1, с. 7], и некоторые «несоответствия» в его содержании (отсутствие в разрядных книгах фамилии Всеволожских, – интересно замечание публикатора о том, что, поскольку «достоверность разрядных книг прежде не подвергалась сомнению, по этой причине будет сложно объяснить данное противоречие» [5, с. 136], и «условность датировки», однако настаивает на том, что это – жалованная грамота периода правления Ивана Грозного.

Как ясно из текста источника и пояснений публикатора, копия документа была снята в 1737 г. в Казанской губернской канцелярии, причем, как указывает Б.А. Азнабаев, «конечный протокол документа», с которого снималась копия, «значительно пострадал». Публикатор, отождествляя документ с жалованной грамотой и ссылаясь «на формуляр аналогичных актов середины XVI в.», считает, что это привело к тому, что конец документа с его датой «не был прочитан переписчиком» [1, с. 6].

Откуда же взялась датировка «не позднее 1584 г.»? Дело в том, что в начале документа имеется следующая фраза: «Бил челом государю и великому князю Иоанну Васильевичу Уфимского уезду Осинской дороги Уранской волости башкирец Авдуак Санбаев». Соответственно, и сам документ якобы должен был быть составлен не позднее года смерти царя Ивана Васильевича (1584 г.). Кажется, все логично, но есть существенные нюансы. В приведенной цитате имеется целый ряд существенных «несстыковок»: 1) формула «государя и великого князя Иоанна Васильевича» не соответствует титулатуре

¹ В научно-популярной публикации слово «поль» написано со строчной буквы [5, с. 138].

московских государей и не могла употребляться в официальном документе (должно быть: «государя царя и великого князя <имярек> всеа Русии»); 2) указан «Уфимский уезд», созданный уже после смерти Ивана IV, в 1586 г.; 3) названа «Осинская дорога», организованная на территории Уфимского уезда не ранее 1631 г.; 4) обозначена «Уранская волость», фиксирующаяся в источниках только с 1620-х гг.; 5) указан «башкирец» Авдуак Санбаев, при этом содержание документа однозначно говорит о том, что Авдуак Санбаев был служилым (тарханом или служилым татаринном), а не ясачным (башкирец) человеком, и земли ему были пожалованы за «службу», а не из «ясака».

Таким образом, процитированный документ не мог быть точным воспроизведением текста оригинала источника, а был «справлен», в какой-то мере интерпретирован копиистом XVIII столетия.

Тем не менее установить время создания документа, с которого была снята копия, возможно. Для этого необходимо обратиться к биографиям исторических деятелей, упоминаемых в нем. Начнём с воевод. И вот что мы видим. В Казани, судя по документу, два воеводы – «боярин Степан Александрович Всеволожский» и «князь Михаил Самсонович Турянин» (правильно – Туренин; князья Туренины – это линия князей Оболенских; начало службы князя М.С. Туренина, до смерти Ивана Грозного, Б.А. Азнабаевым освещено [1, с. 6]). Однако никакого «Степана Александровича Всеволожского» никогда не существовало. А был боярин Степан Александрович Волошский (Волоцкий) (еще одна ошибка переписчика XVIII в.). Он был пожалован в бояре при царе Борисе Годунове в 1603 г. [8, с. 72]. Воеводой в Казани С.А. Волошский стал при царе Лжедмитрии I, между 29 июня и октябрём 1605 г. [9, с. 94]. Степан Александрович Волошский – это незаконнорожденный сын избранного молдавского господаря Александра Лэпушеяну и, таким образом, правнук Стефана Великого. А мать С.А. Волошского – двоюродная сестра Ивана Грозного [7, с. 108–109]. Тогда же вторым воеводой Казани стал князь Михаил Самсонович Туренин [9, с. 94]. Воцарение в мае 1606 г. Василия Ивановича Шуйского не привело к смене воевод в Казани. Об этом говорит ввозная грамота Матвею Неверову сыну Бруткову на поместье в Казанском уезде от 13 июля 1606 г. [10, с. 4–5]. С.А. Волошский умер в Казани 21 мая 1607 г. Князь М.С. Туренин отбыл из Казани, может быть, потому, что стал вторым воеводой в походе Василия Шуйского на Тулу, начавшемся в мае 1607 г. [9, с. 95–96; 8, с. 72].

Иван Зубов и Афанасий Евдокимов значатся дьяками в Казани не только в документе, который мы исследуем, но и во ввозной грамоте от 13 июля 1606 г. Между тем, известно, что Иван Зубов был дьяком в Казани 2 января – 13 июля 1606 г., а Афанасий Евдокимов – дьяком в Казани 13 июля 1606–1607/1608 г. [3, с. 168, 199]. Осип Аркатов, согласно источникам, являлся казанским «жильцом» (служилым человеком), в этом качестве упоминается в 1583–1585 гг. Но – главное – он известен как участник писцового описания Казанского уезда 1602/1603 г., проведенного Иваном Болтиным [4, с. 48–49]. Теперь понятно, почему в исследуемом документе не указана должность О. Аркатова – её просто не было! – и почему именно ему было наказано отделить землю и составить отдельную книгу – он хорошо разбирался в порученном деле. Также понятно, что не известные по другим документам подьячий Юрий Смирнов исполнял функции письмоводителя и делопроизводителя, а

толмач Иван Чубаров – коммуникатора (видимо, Осип Аркатов не знал татарского языка).

Остается ответить на вопрос, кто такой этот загадочный «государь и великий князь Иоанн Васильевич»? Поскольку все данные говорят о том, что события, о которых сообщается в исследуемом документе, происходят во второй половине 1606 – начале 1607 г., напрашивается вывод о том, что «государь и великий князь Иоанн Васильевич» – это царь Василий Иванович (Шуйский). Конечно, канцелярист, снимавший копию документа в 1737 г., не знал никакого государя царя и великого князя Василия Ивановича всеа Руси, но был прекрасно осведомлен об Иване Грозном – «государе и великом князе Иоанне Васильевиче» – и поэтому, очевидно, по-своему переосмыслил прочитанное и «исправил» текст документа при копировании. Таким образом, документ был создан в период между концом мая 1606 и 21 мая 1607 г.

Осталось определить, к какой разновидности документов XVII в. он относится. Чтобы теперь выяснить это, зададим вопрос: о чем он? А документ о том, что определенные лица – Осип Аркатов с подьячим и толмачом – отделили пожалованную пашенную землю с лесом, с санными покосами и «со всякими угоды» и написали ее за Авдуаком Санбаевым в привезенные позже по челобитной в Казань книги. Какие книги? Ответить на последний вопрос легко: это отдельная книга (разновидность делопроизводственного документа). Таким образом, схема действий такая: служилый человек подал челобитную государю о записи в отдельные книги ранее пожалованной земли, затем была выдана указная грамота боярину и воеводам об отделе земли, воевода по наказной памяти велел Осипу Аркатову «с товарищи» отделить землю, Осип Аркатов землю отделил и составил отдельную книгу, после чего привез ее в Казань боярину и воеводам. И что следует за исполнением поручения? А следует за этим документ, сообщающий о результате. Таким образом, можно ответить и на вопрос о разновидности документа. Как видим, это – **доездная память (доезд) служилого человека Осипа Аркатова, подьячего Юрия Смирнова и толмача Ивана Чубарова об отделе пашенной земли «с лесы, и санными покосами, и со всякими угоды» Авдуаку Санбаеву, 1606, не ранее конца мая – 1607, не позднее 21 мая (копия 1737 г.).**

Итак, появление в историографии гипотезы о существовании некой «жалованной грамоты» башкирам Уранской волости времен Ивана IV стало результатом интерпретации (некритического анализа современным исследователем) копии документа, переписанного канцеляристом XVIII в., имевшим недостаточную квалификацию и потому не сумевшим корректно воспроизвести текст начала XVII в. Таким образом, можно констатировать, что вопрос о существовании жалованных грамот Ивана IV башкирцам остается дискуссионным – на сегодняшний день таких актов не обнаружено.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азнабаев Б.А. Грамота XVI века башкиру Уранской волости // Тюркологический сборник. 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Восточная литература, 2011. С. 5–12.

2. Башкирское общество конца XVI–XVII в. по документам Уфимской приказной избы: Сборник документов / Сост. Б.А. Азнабаев, И.И. Буляков. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. 204 с.
3. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М.: Наука, 1975. 608 с.
4. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII вв. (Управление Казанским краем). Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1982. 224 с.
5. История башкирских родов. Т. 7. Уран. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2015. 266 с.
6. Кулбахтин Н.М. Грамоты русских царей башкирам (Новые источники о добровольном вхождении Башкирии в состав Российского государства). Уфа: Гилем, 2007. 228 с.
7. Магилина И.В. Посольство монахов-кармелитов в России. Смутное время глазами иностранцев. 1604–1612 гг. М.: Центрполиграф, 2018. 256 с.
8. Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб.: Наука, 1992. 280 с.
9. Смирнов И.И. Восстание Болотникова. 1606–1607. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1951. 588 с.
10. Смутное время Московского государства. 1604–1613 гг.: Материалы, изданные Имп. О-вом истории и древностей рос. при Моск. ун-те. Вып. 2: Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая – 17 июля 1610 г.) / Собрал и редактировал А.М. Гневушев. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. XVIII с., 422 с.

REFERENCES

1. Aznabaev B.A. Letter of the 16th century to Bashkir of Uransk volost. In: Turkological collection. 2009–2010: Turkic peoples of Eurasia in Antiquity and the Middle Ages. Moscow: Vostochnaia literatura, 2011, pp. 5–12. (In Russian)
2. Bashkir society of the end of the 16th–17th century according to the documents of the Ufa prikaznaia izba: A collection of documents. Comp. B.A. Aznabaev, I.I. Bulyakov. Ufa: Institute of History, Language and Literature, USC RAS, 2015. 204 p. (In Russian)
3. Veselovskiy S.B. Dyaks and podyachiys of the 15th–17th centuries. Moscow: Nauka, 1975. 608 p. (In Russian)
4. Ermolaev I.P. The Middle Volga region in the second half of the 16th – 17th centuries (Administration of the Kazan region). Kazan: Kazan State University, 1982. 224 p. (In Russian)
5. The history of Bashkir families. Vol. 7. Uran. Ufa: Ufinskij poligrafkombinat Publ., 2015. 266 p. (In Russian)
6. Kulbakhtin N.M. Letters of the Russian Tsars to Bashkirs (New sources on Bashkiria's voluntary entry into the Russian State). Ufa: Gilem, 2007. 228 p. (In Russian)
7. Magilina I.V. The Embassy of the Carmelite Monks in Russia. The Time of Troubles through the eyes of foreigners. 1604–1612. Moscow: Tsentrpoligraf, 2018. 256 p. (In Russian)
8. Pavlov A.P. The Tsar's Court and the political struggle under Boris Godunov (1584–1605). St. Petersburg: Nauka, 1992. 280 p. (In Russian)
9. Smirnov I.I. The Bolotnikov Uprising. 1606–1607. Moscow: Izdatelstvo Politicheskoy literatury, 1951. 588 p. (In Russian)
10. The Time of Troubles of the Moscow State. 1604–1613: Materials published by the Institute of History and Antiquities of Russia at the Moscow University. Iss. 2: Acts of the reign of Tsar Vasily Shuisky (1606, May 19 – July 17, 1610). Collected and edited by A.M. Gnevushev. Moscow: Tipografiia G. Lissnera i D. Sobko, 1914. XVIII+422 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Максим Рудольфович Белоусов – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-2564-9714. E-mail: vonrheineck@gmail.com

Радик Равильевич Ишаков – доктор исторических наук, заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-7303-408X. E-mail: ishakovist@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Maxim R. Belousov – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Senior Research Fellow of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-2564-9714. E-mail: vonrheineck@gmail.com

Radik R. Iskhakov – Dr. Sci. (History), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-7303-408X. E-mail: ishakovist@gmail.com

Поступила в редакцию / Received 22.09.2025

Поступила после рецензирования / Revised 17.11.2025

Принята к публикации / Accepted 02.12.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.888-900>

EDN: МНУТТИ

УДК 94(477.75)"15"+94(47).031+327(091)

CRIMEAN KHAN MEHMED GİRAY'S ATTEMPT TO REVIVE THE GOLDEN HORDE

Serkan Acar

Ege University

İzmir, Türkiye

serkan.acar@ege.edu.tr

Abstract. In the middle of the 15th century, the Golden Horde began to disintegrate, and the Tatar khanates emerged from its remnants. These khanates, which were struggling among themselves, were also in competition with the Grand Duchy of Moscow. In fact, at the end of the 15th century, there were three major power centers in Eastern Europe: the Crimean Khanate, the Grand Duchy of Moscow, and the Kingdom of Lithuania-Poland. In addition, after the conquest of Istanbul, the political balance north of the Black Sea changed and the Crimean Khanate became an Ottomans vassal in 1475. Mengli Giray, who stayed in Istanbul for a while and knew the Ottomans well, followed a balancing policy of his own and acted cautiously. However, his passionate and energetic successor, Mehmed Giray, aspired to revive the Golden Horde and did not hesitate to confront both the Ottoman Empire and the Grand Duchy of Moscow. He succeeded in briefly seizing the Kazan and Astrakhan khanates. However, it became clear that the political conjuncture of the period was not suitable for reviving the Golden Horde. Mehmed Giray ultimately paid the price of this great and courageous initiative with his life.

Keywords: Mehmed Giray, Crimean Khanate, Grand Duchy of Moscow, Ottoman Empire, Kingdom of Lithuania-Poland

For citation: Acar S. Crimean khan Mehmed Giray's attempt to revive the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 4, pp. 888–900. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.888-900>

By the middle of the 15th century, the political stability in the Golden Horde had come to an end and the signs of disintegration became increasingly apparent. Independent states known as the Tatar Khanates emerged in the vast territory of the empire. The Kazan, Crimean, Qasim, Astrakhan and Sibir Khanates were governed by dynasties descended from Chinggis Khan. The situation of the Nogai Horde, which continued its activities in the same period, was different. These khanates, which were the second-generation successors of the Mongol Empire, were struggling with the Russians who were starting to gain strength, while competing with each other. The Ottoman Empire also intervened in the political events taking place in the north of the Black Sea from 1475 onwards. The Crimean Khanate, on the

© Acar S., 2025



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

other hand, was forced to recognize the supreme authority of the rapidly developing and expanding Ottomans shortly after its establishment.

The first rulers of the Chinggisid lineage who founded the Tatar khanates generally claimed to revive the Golden Horde and restore its former power. However, the polarizations between these states became increasingly intense and the Russians also got involved in these power struggles. Finally, in 1502, the Crimean Khanate, which made an alliance with the Grand Duchy of Moscow, dealt the final blow to the Golden Horde, which was already de facto disintegrating and fragmenting. Thus, the state in question came to an end legally and officially. However, it was hardly possible for a great state like the Golden Horde, which ruled Eastern Europe for approximately two and a half centuries and shaped many political formations around it, to be forgotten so quickly by its successors. Indeed, the idea of reviving this empire of the Chinggisid lineage continued definitively until the first quarter of the 16th century. It was also continued in later periods as a romantic ideal. Was it really possible to breathe a new life into the corpse of the Golden Horde, which had ceased to exist both in practice and in law? History has proven that the efforts made in this direction were futile. However, the determined initiatives undertaken by the powerful Crimean Khan Mehmed Giray, in his attempt to restore the Golden Horde, are certainly worthy of remembrance.

Mehmed Giray was the grandson of Hacı Giray, the founder of the Crimean Khanate, and the son of Mengli Giray, the father-in-law of Selim I. When Mengli Giray died in 1515, his son ascended to the Crimean throne that was vacated by him. According to Abdullah İbn Rıdvan, the author of the *Tevârih-i Deşt-i Kıpçak*, he had acquired the title of khan by the honourable order of the sultan (*ferman-ı âlî-şan ile han-ı zîşan olmuş*) [1, p. 26]. However, this statement of the Ottoman author who wrote his work in the 17th century needs to be questioned because it is known from historical sources that he was persona non grata in Istanbul. Mehmed Giray, who was known for his open hostility towards Russia, contrary to his father Mengli Giray who followed a very balanced policy against the Ottoman Empire, the Kingdom of Lithuania-Poland and the Grand Duchy of Moscow, was an extremely energetic, ambitious and passionate person. His open opposition to the Grand Duchy of Moscow before he even ascended to the throne and his organization of plundering raids naturally disturbed the Russian authorities. In addition, when Selim I went from Türkiye to Crimea to seize the Ottoman throne while he was a prince, a personal enmity arose between him and Mehmed Giray [4, p. 108–109].

This enmity was never forgotten within the Ottoman court. So much so that even in the works written in the 18th century, negative views were written about the khan. In fact, he was openly insulted and slandered. In fact, Seyyid Mehmed Rıza did not refrain from using the following harsh words about him when he was writing the famous Crimean history: “At that time, the khan had a son named Mehmed Giray, who had no successor. His nature was inclined to evil and quarrelsome. He had gained a reputation for his stupidity and mischief. He was the most distinguished of the disgraced”¹ [19, p. 113].

On the other hand, the views of the Crimean history expert and orientalist Vasili Dmitrievich Smirnov, who lived in the second half of the 19th century and

¹ “Ol zamânda hânın Mehmed Girây adlu bir ferzend-i nâ-halefî var idi. Tabî‘atı şerr ü şûra mâ‘il şanı humk u fesâd kendü zübde-i erâzil idi” [see 19, p. 113].

the first quarter of the 20th century, are somewhat different: “It is not possible to think that Selim I, when he was at odds with his father because of the throne and was a young adventurer, forgot the behaviour Mehmed Giray had shown him, changed his feelings towards him and trusted him. But time did not wait for the results of the showdown between these two who did not like each other. Because both of them did not live long, but Selim I died before, and thus a new period began in the history of the Crimean Khanate during the reign of Suleiman the Magnificent” [20, p. 244]. Although the famous historian shares this view, the situation was not like this at all. Because after Selim I died, the hatred towards Mehmed Giray within the Ottoman court did not end, but rather grew exponentially during the reign of Suleiman the Magnificent. Therefore, the distrust felt towards this Crimean Khan, who was undoubtedly a talented ruler, was obvious. This situation later became a bad memory from the Ottoman Empire's point of view and took its place in history.

After the Golden Horde was destroyed, the political balance in Eastern Europe changed and—former alliances disintegrated. Three important power centers emerged in the region due to the newly established order. These were the Crimean Khanate, the Grand Duchy of Moscow and the Kingdom of Lithuania-Poland. In addition, after the conquest of Istanbul by the Turks, the Ottoman Empire's influence in the north of the Black Sea naturally increased. Although the discussions on the conditions under which the Ottomans intervened in Crimea continue to some extent, Halil İnalcık's views on this issue are decisive: “We can definitely say that Mehmed the Conqueror took advantage of the internal conflicts in Crimea in the summer of 1475 to conquer Caffa and other ports, that the Giray's Crimea, who wanted to see stability in the khanate and were afraid of the attacks of the Golden Horde at that time, accepted his protection on their own and that the new situation was regulated by a certain agreement signed between the two parties” [8, p. 489].

Shortly after the final blow was dealt to the Golden Horde as a result of the alliance between the Crimean Khanate, which was under Ottoman protection, and the Grand Duchy of Moscow, Mengli Giray, who evaluated the changing political situation mentioned above, soon realized that he could no longer trust the Russians. This is clearly shown in a letter he wrote to the Khan of Kazan, Muhammed Emin, in the last years of his reign, in 1513 [22, p. 362]. In fact, this was one of the reasons why he left the administration of the Crimean Khanate to his son Mehmed Giray, who was an enemy of Russia. Immediately after ascending to the Crimean throne, in 1515, as the new ruler of the khanate, the latter sent a large delegation of envoys to Poland and wanted to confirm and renew the agreements made during the time of his father [17, p. 287–288]. Known for his opposition to the Russians, the Poles welcomed his request.

The borders of the Crimean Khanate and the area of sovereignty of the khan during the time of Mehmed Giray are also a matter of debate. According to Vladimir Yevgenevich Syroechkovsky, the homeland that passed from father to son included all the properties of the Crimean khans and princes, but the cities that were former Genoese colonies, namely the port cities in the south of the khanate, were not under control Mehmed Giray. In fact, this region had come under the rule of the Ottoman sultan since 1475. Therefore, the khan only had the steppe region of Crimea and the northern slopes of the Crimean Mountains [21, p. 4]. However, the

Crimean khan, who wanted to expand towards the west, east and north, would realize this desire, albeit partially, in the last years of his reign [23, p. 26].

According to Ottoman sources, nine cities and castles located on the coast of Crimea were the property of the Turkish sultan. These were offered to Mengli Giray as a bribe by the Amasya ruler, Şehzade Ahmed, during the period when Selim I was struggling with his brothers to sit on the Ottoman throne. In return, he was asked to detain or kill his brother Selim I in Crimea. Although Mengli Giray, who was experienced and insightful and knew the Ottoman Empire well, did not accept this offer, the proposal seemed reasonable to his young son Mehmed Giray, who was in the position of *kalgay* at the time² [5, p. 67]. One of the reasons why both Selim I and Suleiman the Magnificent, who followed his father's cause, did not forgive the khan after he sat on the Ottoman throne was this negative attitude he adopted.

From the end of the 15th century onwards, envoys had begun to exchange between the Ottoman Empire and the Grand Duchy of Moscow. On March 15, 1515, Grand Duke Vasili III sent his envoy Vasili Andreevich Koborov to Istanbul. The Russians, who aimed to find a strong ally against the Crimean Khanate and the Kingdom of Lithuania-Poland and thus to gain supremacy in Eastern Europe, tried to draw the Ottoman Empire to their side. On the other hand, the Moscow administration, which did not sever its relations with the Crimean Khanate, sent an envoy to Crimea in the second half of the same year to present the khan with a letter of friendship from the Grand Duke. However, the real purpose of this envoy was to hold meetings with Tatar statesmen who supported Moscow, especially Appak Mirza, to gather information and to bring together the opponents of Mehmed Giray [4, p. 110].

The Kingdom of Lithuania-Poland had repelled the Crimean Tatars' attacks with the annual taxes and tributes it paid. If it wanted to prevent plundering raids, the Grand Duchy of Moscow had to make payments as well. Indeed, the Crimean authorities openly conveyed these demands to the Russian envoy. The following words from Appak Mirza's mouth, recorded by the Russians between July and September 1515, are significant: "And when the winter comes and the rivers freeze, they will send those people back beyond the Dnieper, and they will cooperate with the [Lithuanian-Polish] king, and you will be hostile to them; but if you send a treasure-just as the king has done-through an honest envoy, they will know that you and them are on good terms"³ [18, p. 168]. Appak Mirza also stated that if they helped the king to capture Moscow, the tax they were paid would be doubled. From the perspective of the Moscow principality, the only way to break the influ-

² The letter sent by Şehzade Ahmed to Mengli Giray included the following statements: "Karındaşım Selim sizin cânibinize ilticâ eyledi. Maksûd-ı murâdı Rumili taraflarına ubûrdur. Hazret-i hanın muaveneti olmayınca iktidârı yokdur. İşte han hazretlerine fakîrâne tuhfemiz olsun... Umûmen Kefe vilayetinde vâki olan memleketler, mecmu-ı şehirleri ve kasabâtı hususâ birkaç pâre meşhûr ve nâm-dâr hisarlarıyla cümle sizin olsun. Mâlikâne tasarruf idin. Tek karındaşım ol canibe geçirmen" [see 5, p. 67].

³ The original text in Russian archive documents is as follows: "А как зима будетъ, и реки стануть, и имъ техъ людей за Днепръ перепроваживати; а съ королевемъ заодинъ будутъ, и тебе имъ недружба своя чинити; а толко пришлешъ своего доброго человека съ такою жъ казною, с какою король присылаеть, ино познають, межи васъ добро будетъ" [see 18, p. 168].

ence of the Kingdom of Lithuania-Poland was to pay more taxes to the Crimean Khanate than they did. However, the Russians, who thought that the Golden Horde's powerful days were over, paid tribute to Mehmed Giray, albeit reluctantly [11, p. 146].

In order to get rid of the tyranny of the Crimean Khanate, the Grand Duchy of Moscow tried to establish direct diplomatic relations with the Ottoman Empire during this period. The intensive exchange of envoys between the parties proves this. The Russians' strategy of bypassing the khan and reaching out directly to the Ottoman sultan was largely successful. Although the Crimean khan was aware that the trade between Istanbul and Moscow was conducted through cities under Ottoman rule such as Caffa and Azov, he had to tolerate this situation. Because Mehmed Giray had bad relations with Selim I and he did not want to anger the sultan further. It is obvious that the Russian administration, which was aware of the realities of this period and followed a meticulous and balanced policy in international relations, took sufficient advantage of the tension between the sultan and the khan. In the letters he sent, Grand Duke Vasili III wrote to the Crimean khan, although he addressed the khan as "The Great Tsar of the Great Horde, my brother Tsar Mehmed Giray"⁴ [18, p. 169] and mentioned the titles and epithets he wanted in official documents, he did not actually submit to the khan and did not recognize the political hierarchy of the Golden Horde period.

Mehmed Giray, who ruled over the Crimean Khanate, which was part of the Golden Horde, aimed to seize the Qasim, Kazan and Astrakhan Khanates and thus to collect the heritage of the Jochi Ulus under his own control. However, the Astrakhan Khanate and the Nogai Horde, which sided with the Grand Duchy of Moscow during this period, were a serious problem. According to Mehmed Giray, the Qasim Khanate, which was ruled by nobles belonging to the Crimean Khanate for twenty-six years between 1486 and 1512, was also the property of the Crimean khan. However, even during the time of Mengli Giray, Sheikh Avliyar, who was a descendant of the Saray khans and supported by the Grand Duchy of Moscow, seized the Qasim Khanate. This person was the grandson of the Golden Horde khan Küçük Muhammed and the son of Bahtiyar Sultan. Following this incident, Mengli Giray reminded the Russian envoy Mitya Ivanov, who came to Crimea, of the issue and expressed his complaint with the following words: "It used to be our homeland. How can you appoint our enemies over our men?" [2, p. 91–92]. Mehmed Giray understood that this problem, which was inherited from his father's reign, could not be solved through diplomatic means. Finally, in 1516, he took Hanzade Bahadır Giray with him and plundered the Qasim Khanate and the city of Ryazan. As a result of this great expedition, he left the sick and elderly prisoners he captured to die and returned to Crimea with a large number of captives and sold them in the slave market in Caffa⁵ [7, p. 42].

After this expedition, the Crimean Khanate's expectations from the Grand Duchy of Moscow can be summarized in four points: the prince's support in the expedition to Astrakhan, the dismissal of Qasim Khan Sheikh Avliyar, the release of Kazan Khan Abdüllatif, who was being held captive, and the increase in the

⁴ "Великие Орды великого царя брату Магмедъ-Киреа царя" [see 18, p. 169].

⁵ Although Hammer states that the number of prisoners was 108 thousand, it seems certain that this is an exaggerated figure.

amount of the annual tribute. The Moscow administration managed to fend off these demands with patience and tolerance, and gradually increased its influence in Eastern European politics. Michael Khodarkovsky's original observations on this issue are decisive: "Although generous payments from Poland were effective in obtaining the Crimeans for a short time, in the long run the Kingdom of Lithuania-Poland could not replace the strategic importance of the Grand Duchy of Moscow in the region. The Poles were far from being an active player in the rapidly changing politics of the steppe. However, Moscow controlled the Qasim and Kazan khanates, could easily influence the Nogais and could both strengthen and break the power of the Astrakhan Khanate, an enemy of Crimea" [11, p. 151–152].

The exchange of envoys between the Grand Duchy of Moscow and the Ottoman Empire, which was overwhelmed by Mehmed Giray's threats, continued unabated. In March 1520, a Russian envoy named Boris Golohvastov was sent to Istanbul. The real duty of the Moscow envoy, who complained about the Crimean khan to the Ottoman sultan, was to ensure that Himmet Giray, the son of Ahmed Giray, who was executed by Mehmed Giray for being a Russian supporter, was placed on the Crimean throne. If this plan could be put into practice, it was certain that the Grand Duchy of Moscow would be freed from the Crimean troubles. The proposal presented by the Russian envoy was also reasonable for the Ottoman Empire, which wanted to get rid of Mehmed Giray. Although Selim I passed away in the autumn of the same year and was succeeded by his son Suleiman the Magnificent, there was no change in the Ottomans' Crimean policy. Because the new sultan also had negative feelings towards the khan and was a direct witness to many incidents related to him [2, p. 111].

In fact, not only the Crimean Khan Mehmed Giray but also the Moscow Grand Prince Vasili III considered himself the heir of the Golden Horde. Indeed, he managed to place the puppet khans he wanted on the thrones of Qasim and Kazan. It is known that the Moscow princes had no ethnic or religious ties with the Golden Horde khans, but this issue of successor and predecessor should be taken seriously. In this context, the political and cultural effects of the Golden Horde on the Russians should be meticulously examined and the issue of how long-term coexistence shaped the Moscow administration should not be ignored. However, this issue is the subject of another study.

Continuing his policy of establishing direct relations with the Ottoman sultan, Grand Prince Vasili III sent his envoy Tretiak Gubin to Istanbul in 1521. The main purpose of the Russian envoy was to prevent the plundering raids organized by Mehmed Giray and his son in Russia. If the Ottomans brought up the pressure exerted by Moscow against the Kazan Khanate, an Islamic land, the Russian envoy would provide the necessary explanation and say that they had not harmed the Muslim population living there; a letter was even prepared to this effect. This letter, sent by Grand Prince Vasili III to Suleiman the Magnificent through his envoy and in which he denied the Crimean khan's claims regarding the Kazan Tatars, has survived to the present day and contains important information:

Now, according to what our sovereign heard, Tsar Mehmed Giray claimed in a letter to the sultan that the land of Kazan was his *yurt* (homeland) that our sovereign had made his enemy Şah Ali the tsar of Kazan, that he had ordered the destruction of their masjids (*mizgits*) and the construction of their own Christian churches and the hanging of bells in them. The Crimeans, just as in the past, delib-

erately lied and spoke false words, and now they do not hesitate to lie and speak such false words, considering Kazan as their *yurt*, but Kazan was not their *yurt* in the past, on the contrary, there were independent tsars in Kazan: Mahmutek and his son İbrahim were the tsars of Kazan, and after İbrahim, his son Muhammed Emin became the tsar, and by the grace of God, the Sovereign and Grand Prince of All Rus' submitted to our father Ivan. And the Sovereign and Grand Prince of All Rus', our sovereign father Ivan, by the grace of God, with his own hands made Muhammed Emin tsar of Kazan, and he remained there, subject to our sovereign father in every respect. And after that our sovereign father ordered Muhammed Emin Tsar to remain with him, and he placed his brother Abdullatif as tsar on the throne of Kazan with his own hands. And after that our sovereign father ordered Abdullatif Tsar to remain with him, and he placed Muhammed Emin Tsar again on the throne of Kazan, and Muhammed Emin Tsar remained subject to our sovereign in every respect until the end of his life. And when God's command was fulfilled and Muhammed Emin Tsar died, the *seyyids*, the *oğlans*, the *knyazs* [*begs*], the *içkis*, the *mirzas*, and all Kazan land submitted to our sovereign, asking him to appoint a tsar in Kazan. And our Sovereign Vasili, the Sovereign and Grand Prince of All Rus', by the grace of God, granted them Şah Ali Tsar as the tsar of Kazan and made him the tsar of this *yurt*, because the old tsars of this *yurt* were also subject to our sovereign. And our sovereign did not order them to destroy the masjids and did not order them to build churches and the bells were not rung there, and their masjids are still in their place as before, and all these nonsense words are uttered by the Crimeans"⁶ [18, p. 695–696].

⁶ “Ныне слышание у государя нашего, что Магмед-Гирей царь писал к салтану в своей грамоте, что будто казанская земля юрт их, и на Казани учинил государь наш царем Шыг-Алея царя недруга их и мизгити их будто государь наш велел разорити, а там велел церкви свои крестиянские поставити, да и колоколы будто велел повесити. Ино как наперед того крымцы неправыми своими умышлениями вставляли неправые слова, так и ныне не престанут ото лживых слов, такие неправые слова говорят, а называют Казань своею, ино изначала Казань юрт не их, а были на Казани опришние цари, царь был на Казани Мамутек, да сын его Ибреим, а опосле Ибреима сын его Магмед-Аминь бил челом отцу государя нашего Ивану Божьею милостью государю всеа Руси и великому князю. И отец государя нашего Иван Божьею милостию государь всеа Руси и великий князь учинил на Казани царем Магмед-Аминя царя из своих рук, и он там был, а во всей воле был отца государя нашего. А опосле того отец государя нашего Магмед-Аминю царю велел у себя быти, а на Казань посадил брата его Абдыллетифа царя из своих же рук, а опосле того Абдыллетифу царю отец государя нашего велел у себя быти, а на Казани посадил опять Магмед-Аминя царя, да и до своего живота Магмед-Аминь царь был во всей воле государя нашего; а как Божья воля ссталася, Магмед-Аминя царя в животе не стало, ино сеит в головах и уланы и князи и ички и мырзы и вся земля казанская государю нашему били челом, чтоб государь наш пожаловал дал на Казань царя, и государь наш Василей Божиею милостию государь всеа Руси и великий князь дал им на Казань царем Шыг-Алея царя и учинил его на том юрте царем, потому же как были на том юрте те прежние цари во государя нашего воле, а мизгитей им государь наш не веливал рушивати и церквей ставити не веливал, и звону тамо не бывало, и мизгити их по старому стоят, ино то крымцы все речи безлепичные выставляють” [see 18, p. 695–696].

As can be seen, this letter, which was in Russian but also included some Turkish words, was essentially a defence text⁷. According to the Russians there was no historical basis for Mehmed Giray's claim over the Kazan Khanate because no Crimean nobleman had sat on the Kazan throne until that point. However, as mentioned above, the Qasim Khanate had been ruled by the *Girays* for a period. There was really no question of destroying the masjids and building churches in Kazan at that time. However, since the Ottoman Empire was the patron of the entire Islamic world, this issue was specifically stated due to the sensitivity of the issue. The fact that Şah Ali, a member of the Saray dynasty, which had hostility with the Crimean khans, was made the Kazan khan was supposedly done in accordance with the request of the Kazan people. It is clear that the history of the Kazan Khanate was completely distorted in the letter and told from a Russian point of view. It was not right to show that the region had been under Russian rule since the earliest times. As for the reports sent by the Crimean Khan Mehmed Giray to Istanbul about Moscow, they were emphasized as false reports aimed at inciting the Ottoman Empire against the Russians.

According to Akdes Nimet Kurat, who evaluated the letter in question: "There was no need for the Russian envoy to explain all these details and convince the Turks because neither the grand vizier nor any other Turkish statesman asked Tretiak Gubin anything about the Kazan Khanate. Moscow's concerns about this issue were completely unfounded. Suleiman the Magnificent, who succeeded Selim I, does not seem to have even considered a tiny Islamic state in the north; he had much more attractive ambitions in other areas, the Balkans, the Aegean Sea and Central Europe. It is understood that Tretiak Gubin left Istanbul completely satisfied and when he returned to Moscow, he explained that the Turkish sultan had no interest in Kazan, thus alleviating all concerns of Prince Vasili III" [13, p. 72].

Although there is some truth in some of the issues stated by Akdes Nimet Kurat, it is not entirely possible to agree with all of her views. Because the primary reason the Ottoman administration did not put pressure on the Russian envoy and ignored some issues was that they wanted to somehow remove Mehmed Giray from the throne of the Crimean Khanate. The fact that the Russian envoy was not humiliated in Istanbul and left the capital satisfied was related to the Crimean khan being declared *persona non grata* by both the Ottoman Empire and the Grand Duchy of Moscow during this period. In addition, the fact that the Ottoman Empire and the Crimean Khanate were on different sides in the political polarizations in Eastern Europe was also a plus. Therefore, this attitude taken against the common enemy caused some of Moscow's faults to be ignored. Because the sultan's main priority was to get rid of the Mehmed Giray problem as soon as possible.

The Ottoman Empire sent an envoy named Sinan Çavuş to Crimea at the same time to inform him of the accession of Sultan Suleiman the Magnificent. The khan and the Crimean statesmen were ordered to perform a funeral prayer in absentia for the late Selim I and to undertake charitable works. The Crimean khan also sent Abdurrahman Beg, known for his hostility towards Russia, to the Ottoman capital to

⁷ In this letter, which is among the documents dated between April and August 1521 in the printed Russian archive documents collection, words such as *sultan*, *yurt*, *mescid*, *seyyid*, *oğlan*, *içki* and *mirza* are recorded in Turkish, while the words *khan* and *beg* are translated into Russian and are replaced by the words *tsar* and *knyaz*. The title of *Sovereign and Grand Prince of All Rus'* used for Vasili III in the document and repeated three times, is his official title. For a correct but nuanced English translation of this document, [see 15, p. 70].

congratulate the new sultan, and referred to the good relations in the past and asked for forgiveness for not being able to come and offer his servitude in person [6, p. 502–503]. Although the tension between the sultan and the khan was well-known to both parties, these rituals were performed for political reasons. However, the great hatred felt towards Mehmed Giray in the Ottoman capital did not end. In fact, according to Halil İnalcık who evaluated the northern policy of this period; “The Ottoman Empire considered the Grand Duchy of Moscow as an element of political balance in the north and also considered it a natural ally due to the wars it waged against the Kingdom of Lithuania-Poland. Mehmed Giray Khan expressed his loyalty to the sultan, but on the other hand, he renewed his alliance with the king of Lithuania-Poland, Sigismund, and launched a decisive attack against the Muscovites” [9, p. 356].

It is known that the Crimean khan wanted to develop political and commercial relations with the Kingdom of Lithuania-Poland during this period. In contrast, Suleiman the Magnificent made an official call to Mehmed Giray to conquer Hungary. Since the King of Hungary, Lajos II, was the nephew of Sigismund, the Ottoman administration thought that the Kingdom of Lithuania-Poland would support Hungary and expected help from the Crimean Khanate to prevent this. However, the Crimean Khan politely rejected the Ottomans' request by making some excuses. His reasons were as follows: The Polish king had been paying tribute to the Crimean Khan for a long time. Evliya Mirza, one of the leading figures of the Shirin clan, was held captive by the Polish people. The Crimean Khanate's old enemy, the former Golden Horde Khan Şeyh Ahmed, was also held captive by them as a threat. The Crimean khan sent his soldiers to the Kazan Khanate for help. Finally, if Mehmed Giray marched on the Kingdom of Lithuania-Poland, the Kazakhs and the Astrakhan Tatars could unite and occupy Crimea. But, according to the Polish historian Dariusz Kołodziejczyk, all but one of these five excuses put forward by the khan were lies. However, it was true that he sent troops here because he had sent his brother Sahib Giray to the throne of the Kazan Khanate. The Crimean khan, who had reached an agreement with the Kingdom of Lithuania-Poland and ignored the call of the Ottomans, accelerated his efforts to revive the Golden Horde, which was his greatest dream, between 1521-1523, taking advantage of the sultan's attempts to conquer Belgrade and Rhodes [12, p. 58-59].

It was not a coincidence that Mehmed Giray was the only one to use the title of “Great Khan of the Great Horde, Sultan of Desht-i Kipchak and All Mongols”⁸ [24, p. 2] in the decrees of the Crimean khans, which were actually decrees. We have also mentioned above that he was addressed as “Great Khan of the Great Horde” in Russian diplomatic documents.

After all, Mehmed Giray, who succeeded in placing his brother Sahib Giray on the throne of the Kazan Khanate in 1521, gradually increased his pressure on Russia. As is known, during this period, there was a relentless struggle between the Crimean Khanate and the Grand Duchy of Moscow to dominate the Volga basin. While this struggle, which was mostly fought to dominate Kazan, sometimes ended in favour of the Russians and sometimes in favour of the Tatars, the Crimean Khanate gained great superiority in Desht-i Kipchak politics with the accession of Sahib Giray, who was at least as powerful and capable as his older brother, to Kazan. Indeed, Mehmed Giray, who marched on Moscow with his brother in the same

⁸ “Ulu Ordanung Ulu Hanı Deşt-i Kıpçak Barça Mogol Padişahı” [see 24, p. 2].

year, inflicted great losses on the Russians in the battles. According to the agreement, Vasili III agreed to pay taxes to both the Crimean Khanate and the Kazan Khanate [3, p. 180].

As a result of this campaign, it was understood that the ghost of the Golden Horde had not yet fully withdrawn its hand from the Russian lands. In 1523, the Crimean khan marched on Astrakhan and captured the city after the Kazan Khanate. Apparently, he planned to place his son Bahadır Giray on the Astrakhan throne [25, p. 90-91]. However, Mehmed Giray's success was not permanent. Because during the Astrakhan siege, a secret plot was organized in Crimea to depose the khan. In addition to the Shirin begs, other tribal begs who had a say in the administration of the khanate also participated in this plot. Evliya Mirza, who was freed from the Kingdom of Lithuania and Poland, also joined these people. The Shirin begs sent a letter to Istanbul and openly declared that they had paid homage to Saadet Giray, who had previously gone to the capital with Selim I [12, p. 60].

In this letter, which angered Suleiman the Magnificent and has survived to this day, Mehmed Giray was accused of very serious accusations⁹. As can be seen, the letter claimed that Mehmed Giray met with Rafidhi Safavids day and night, displayed immoral behaviour, constantly drank alcohol, and oppressed statesmen and the people. It was also written that he sent spies to the Safavids, that he would seize the Astrakhan Khanate and make it the capital and make an alliance with the Shiites. With this document, in which the names of the Tatar aristocrats who complained about the Crimean khan were mentioned one by one, Saadet Giray, who

⁹ “Hazret-i sultân-ı azam-ı kâmyâb. Edamallahu ikbâlehû yevmi’l-hisab fahrû’s-selâtin sultân hazretlerinin hâkîpây-ı şerîfine yüzin koyub ubûdiyyet ettikten sonra marûz-ı muhibbâne ve îlâm-ı muhlisâne olunan oldur ki eğer bu muhibb-i muhlislerin tarafınızdan istifsâr olunursa bihamdülillah-i ve’l mennihi sağ ve salim-i devam-ı devletiniz ve kemâline bi’l-gudüvvi ve’l-âsâl mülazım bilünüb mustaribü’l-hâl ve münkesirü’l bâl olub yürürüz zirâ pâdişahımızın ker etmez olduğu gice ve gündüz revâfız Âcemleriyle dir musâhabet-i fıska başlayub içmekten başkaldırmaz memleketinin musâlahâ mühimmeleri fevt olur oldu ve oğlanların zulm ü cevri reâyâ üzerine vâfir olduğu sebebler ekâbir ve âyanın ve memleket ve reâyânın bi’t-tabi menfurı olub ayağımıza düşdiler ve dahi iki kimesneyi Kızılbaş’a casus gönderdi âni bizden gayr-ı kimesne bilmez ve badehû cem-i memleketi Or Ağzı’ndan çıkarmak ister zira Hacı Tarhan’ı alıb taht idünüb Kızılbaş birle ittifak-ı bir etmekdir murâdları biz âna razı değilmiz âb-ı ecdâdımızın ol tarafa müteveccih olduğu yokdur ve hem hudâvendigâr hazretlerinin kullarımız nan ü nemegin basub âna asi olmak murâdımız değildir imdi siz padişahımızın oğlusuz hudâvendigâr hizmetinde yedi ve sekiz yıldan berü kulluğın idersiz ola ki bir gün hudâvendigârın eyyâm-ı devletinde ber-murâd olmak ümidiyle yürürsüz imdi gayret ve hamîyyet idersiz bana ve paşaya rekîn-i emriniz üzerine olası zirâ bu tarafın mecmuası sizi talibdir ağam Ağış Beg ve ağam Hûdayâr ve inilerim Evliya Mirza ve Aydişke Mirza ve Tokuzek Mirza ve Ciharyâr Mirza kulunuz Cibân Giray ve Bağırzan ve Çağırzan mirzalar ve bundan gayrı ulu ve kiçi begler ve mirzalar oğlanlar da Abdullah Oğlan ve Mamış Oğlan ve begler de Mamış Beg ve Mangit’da Şah Mehmed Mirza ve Mehmed Sultan Mirza ve Bubey Mirza bu mecmuları Hak celle ve âlâdan sizi taleb iderler ve başlarını sizünçün ortaya koyub ittifaklarını bir idüb ahd ü yemin etdiler vallahi billahi tillaahi Hazret-i Resûlallah ruhiçün sözümüzde hilafımız yokdur ve eğer bu andlarımıza itimad olunmazsa hudâvendigâr hazreti sizi bu tarafa göndersün siz gelmeden ânların emrini hudâvendigâr eyyâm-ı tasarrufunda tamam idelüm Allah inâyetiyle ândan sonra bâki fermân dergâh-ı muallânızındır”. The original of this document, probably written in 1523, is in the Topkapı Palace Archives. A facsimile and French translation have been published [see 14, p. 106–108].

was in Istanbul, was invited to the Crimean throne. However, most of the allegations in question were open slander and most likely the Ottoman pashas in Crimea were also involved in the discrediting of the khan. When both the Russian and Ottoman documents are evaluated together, it is possible to say that Mehmed Giray fell victim to a plot jointly organized by the Grand Duchy of Moscow, the Ottoman State and the Crimean tribal aristocracy. It is known that the assassination of the khan was carried out by the Nogais.

The historical verdict given by the Russian historian Nikolai Mikhailovich Karamzin about Mehmed Giray is also noteworthy: “While the son of Canibek, who died in Astrakhan, was ruling, the khanate was seeking Russian protection but could not defend itself against Mehmed Giray’s aggression. The khan laid siege to Astrakhan and deposed Hüseyin. He captured this important trade city. However, he realized his long-standing ambition and became the ruler of the three khanates that were the successors of the Golden Horde: Crimea, Kazan and Astrakhan. His goal was to unite them into a single state. Thus, he would expand eastwards and capture the Nogai Horde, the Shibanids and the Siberian Khanate. He would also capture Khiva and threaten the West with a new barbarian invasion by extending from the Caspian Sea to Iran and then to Siberia” [10, p. 572]. But it is well known that these ambitions were later realized by the Russians.

As a result, the Crimean Khan Mehmed Giray tried hard to revive the Golden Horde. However, even when the international situation seemed favourable, the serious problems inherited from the empire could not be overcome. While the competition between the Crimean Khanate, the Grand Duchy of Moscow and the Kingdom of Lithuania-Poland continued intensely in Eastern Europe, the Ottoman Empire, the ruler of the khanate, was struggling with Christians in the Mediterranean World and the Balkans, with the Shiite Safavids in Eastern Anatolia and the Caucasus, and with the Sunni Mamluks in the Middle East and Egypt. It was not possible for the Ottomans to leave the Crimean Khanate unattended in such a situation. However, Mehmed Giray did not hesitate to act independently and, in fact, achieved some success by capturing both Kazan and Astrakhan. This era represented the peak of the khanate's political and military power. When Mehmed Giray died in 1523, the situation changed suddenly, and the expansion of the Crimean Khanate stopped. The restlessness of the tribal aristocracy and the constant intervention of the Ottomans were also a plus. Over time, the khanate lost all chance of competing with the Russians [16, p. 428]. Thus, the geopolitics of the steppe was reshaped and the supremacy passed completely to Moscow. Tsar Ivan IV occupied Kazan in 1552 and Astrakhan in 1556. The events that followed determined the fate of Crimea, the Caucasus, Turkestan and Siberia.

REFERENCES

1. Abdullah İbn Rıdvan. *Tevârih-i Deşt-i Kıpçak an Hıttâ-i Kırım veya Tevârih-i Tatar Hânân-ı Kadim ve Ahvâl-i Deşt-i Kıpçak*. Ed. by M. Akif Erdoğan-Selçuk Uysal. İzmir: Ege Üniversitesi Yayınları, 2012. (In Ottoman Turkish)
2. Acar S. *Kâsım Hanlığı (1445–1681)*. İstanbul: IQ Kültür Sanat Yayıncılık, 2008. (In Turkish)
3. Acar S. *Kazan Hanlığı-Moskova Knezliği Siyasi İlişkileri (1437–1552)*. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2013. (In Turkish)

4. Acar S. Kırım Hanı Mehmed Giray'ın Sebeb-i Mevti. Doğu Avrupa Türk Mirasının Son Kalesi Kırım. Edited by Yücel Öztürk. İstanbul: Çamlıca Basım Yayın, 2015, pp. 103–120. (In Turkish)
5. Celâlzâde M. Selimnâme. Edited by Ahmet Uğur-Mustafa Çuhadar. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 1990. (In Ottoman Turkish)
6. Feridun Bey. Mecmûa-yı Münşeat. Vol. II. Edited by es-Seyyid Mehmed Saîd. İstanbul: Takvimhane-i Amire, 1265 (Hijri). (In Ottoman Turkish)
7. Hammer-Purgstall J. von. Kırım Hanlığı Tarihi. Translated by Seyfi Say. İstanbul: İnsan Yayınları, 2013. (In Turkish)
8. İnalçık H. Kırım Hanlığı'nın Osmanlı Himayesi Altına Girmesi Meselesi. III. Türk Tarih Kongresi 15-20 Kasım 1943, Kongreye Sunulan Tebliğler. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 1948, pp. 478–489. (In Turkish)
9. İnalçık H. Osmanlı-Rus Rekabetinin Menşei ve Don-Volga Kanalı Teşebbüsü. *Belleten*, 1948, vol. 12, no. 46, pp. 349–402. (In Turkish)
10. Karamzin N.M. İstoriya Gosudarstva Rossiiskogo. Moscow: Eksmo, 2008.
11. Khodarkovsky M. Türkistan ve Avrasya Steplerinde Rus Yayılmacılığı-Bir Sömürge İmparatorluğunun Oluşumu (1500–1800). Translated by Mehmet Akif Koç. İstanbul: Selenge Yayınları, 2021. (In Turkish)
12. Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania. Leiden-Boston: Brill, 2011.
13. Kurat A.N. Türkiye ve İdil Boyu (1569 Astarhan Seferi, Ten-İdil Kanalı ve XVI–XVII. Yüzyıl Osmanlı-Rus Münasebetleri). Ankara: Türk Tarih Kurumu 2011. (In Turkish)
14. Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı. Présenté par Alexandre Bennigsen, Pertev Naili Boratav, Dilek Desai, Chantal Lemerrier-Quelquejay. Paris-Den Haag: École des hautes études en sciences sociales-Mouton, 1978. (In French)
15. Pelenski J. Russia and Kazan Conquest and Imperial Ideology (1438-1560s). Paris: Mouton, The Hague, 1974. (In English)
16. Penskov V.V., Penskaya T.M. Crimean imperial “Project” in the 1st third of the 16th century: a “window of opportunity” opened and closed. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 2, pp. 414–434. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-2.414-434> (In Russian)
17. Pułaski K. Machmet-Girej, chan Tatarów perekopskich i stosunki jego z Polską (1515–1523). Szkice i Poszukiwania Historyczne. Serya Druga. St. Petersburg: Nakładem księgarni K. Grendyszyńskiego, 1898. (In Polish)
18. Sbornik Imperatorskago Russkago İstoričeskago Obščestva (SİRİO). Tom 95. İzdanı pod redaksiyu G.F. Karpova i G.F. Ştendmana. St. Petersburg: Tovarişçestvo “Peçatnya S.P. Yakovleva”, 1895. (In Russian)
19. Seyyid Mehmed Rıza. Es-Seb'üs-Seyyâr fî-Ahbâr-ı Mülûki't-Tatar (İnceleme-Tenkitli Metin). Edited by Yavuz Söylemez. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2020. (In Ottoman Turkish)
20. Smirnov V.D. Osmanlı Dönemi Kırım Hanlığı. Translated by Ahsen Batur. İstanbul: Selenge Yayınları, 2016. (In Turkish)
21. Syroechkovsky, V.E. Muhammed-Geray i Ego Vassalı. Moscow: State University Press, 1940. (In Russian)
22. Togan Z.V. Umumî Türk Tarihine Giriş. İstanbul: Enderun Kitabevi, 1981. (In Turkish)
23. Ürekli M. Kırım Hanlığı'nın Kuruluşu ve Osmanlı Himâyesinde Yükselişi (1441–1569). Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1989. (In Turkish)
24. Velyaminov-Zernov V.V. Kırım Yurtuna ve Ol Tarafılgar Dair Bolgan Yarlıglar ve Hatlar. Edited by A. Melek Özyetgin-İlyas Kamalov. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2009. (In Crimean Tatar)

25. Zaytsev I. Astrakhan Khanate. Moscow: Institute of Oriental Studies, 2006.
(In Russian)

ПОПЫТКА КРЫМСКОГО ХАНА МЕХМЕД-ГИРЕЯ ВОЗРОДИТЬ ЗОЛОТУЮ ОРДУ

Серкан Аджар

Эгейский университет

Измир, Турция

serkan.acar@ege.edu.tr

Резюме. В середине XV века Золотая Орда распалась и на ее месте возникли татарские ханства. Эти ханства, враждовавшие между собой, конкурировали также с Великим княжеством Московским. Фактически в конце XV века в Восточной Европе существовало три крупных центра власти: Крымское ханство, Великое княжество Московское и Литовско-Польское королевство. Кроме того, после завоевания османами Константинополя политический баланс на севере Черного моря изменился, и Крымское ханство с 1475 года стало вассалом Османской империи. Менгли-Гирей, который некоторое время оставался в Стамбуле и хорошо знал османов, придерживался собственной политики балансирования и действовал осторожно. Однако его страстный и энергичный преемник Мехмед-Гирей хотел возродить Золотую Орду. Ради этой цели он не колеблясь пошел на конфронтацию как с Османской империей, так и с Великим княжеством Московским. Ему удалось, хотя и на короткое время, взять под свое влияние Казанское и Астраханское ханства. Однако стало ясно, что политическая конъюнктура того периода не способствовала возрождению Золотой Орды. В конечном итоге Мехмед-Гирей заплатил за эту смелую инициативу своей жизнью.

Ключевые слова: Мехмед-Гирей, Крымское ханство, Великое княжество Московское, Османская империя, Королевство Литовское-Польское

Для цитирования: Acar S. Crimean khan Mehmed Giray's attempt to revive the Golden Horde // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 4. С. 888–900.
<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.888-900> EDN: МНУТТИ

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Серкан Аджар – доцент кафедры истории факультета литературы, Эгейский университет (35040 Эрзене р-н, Борнова / Измир, Турция); ORCID: 0000-0003-1642-9269.
E-mail: serkan.acar@ege.edu.tr

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Serkan Acar – Associate Professor of the Department of History, Faculty of Letters, Ege University (35040 Erzene Mahallesi, Bornova / İzmir, Türkiye); ORCID: 0000-0003-1642-9269. E-mail: serkan.acar@ege.edu.tr

Поступила в редакцию / Received 4.08.2025

Поступила после рецензирования / Revised 24.11.2025

Принята к публикации / Accepted 02.12.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.901-927>

EDN: NXFTRK

УДК 94(470.5)"15/16"+39(=512.1)+316.34

**ЗАУРАЛЬЕ XVI–XVII ВВ.:
ТЮРКИ ЗАУРАЛЬЯ ИЛИ БАШКИРЫ?**

Г.Х. Самигулов

*Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
Челябинск, Российская Федерация
gayas_@mail.ru*

Резюме. Настоящая публикация является ответом на текст уфимских коллег, в котором они постарались обосновать, что представители тюркского населения Зауралья XVI–XVII вв. были безусловно башкирами. Они попытались продемонстрировать это на примере кланов терсяк, сынрян. Мы же придерживаемся той позиции, что основная масса тюркского населения Зауралья этого времени идентифицировала себя с кланами: табын, терсяк, сынрян, бакатин и т.д. В делопроизводственных источниках конца XVI–XVII в. (да и позже) понятия «башкиры» и «татары» носят характер сословных обозначений. Словом «башкиры» называли ясачное население Уфимского уезда, словом «татары» такое же население Тюменского, Туринского, Тобольского уездов. Формирование башкир и сибирских татар в современном составе происходило в рамках сословных групп Московского государства / Российской империи, и решающую роль в их консолидации сыграли административные границы. При этом сословные обозначения со временем стали восприниматься как этнические. Б.А. Азнабаев с соавторами высказал несогласие с подобной точкой зрения, они постарались показать, что представители кланов сынрян и терсяк со времён Ивана Грозного были башкирами. Они основывались на том, что в документах терсяк и сынрян, как и представители других тюркских кланов зауральской части Уфимского уезда были названы обладателями вотчинных прав на землю. Авторы рассматриваемого текста убеждены, что вотчинным правом на землю в Московском государстве обладали только башкиры. При этом под башкирами понимается народ, а не сословие или сословная группа. Но уже в достаточно большом количестве публикаций показано, что вотчинное право на землю в XVI–XVII вв. было характерно для ясачных людей от Волги до Западной Сибири и никак не связано с их культурной или языковой принадлежностью. Наличие вотчинного права в рассматриваемый период не может служить основой для интерпретации этнической принадлежности его обладателей.

Ключевые слова: кланы, вотчины, сынрян, терсяк, сылвенские татары, башкиры, татары, ясак, волость, уезд

Для цитирования: Самигулов Г.Х. Зауралье XVI–XVII вв.: тюрки Зауралья или башкиры? // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 4. С. 901–927. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.901-927> EDN: NXFTRK

© Самигулов Г.Х., 2025



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20055, <https://rscf.ru/project/24-18-20055/>

THE TRANS-URALS IN THE 16th–17th CENTURIES: TRANS-URAL TURKIC PEOPLES OR BASHKIRS?

G.Kh. Samigulov

South Ural State University
Chelyabinsk, Russian Federation
gayas_@mail.ru

Abstract. This publication is a response to the text of our Ufa colleagues, where they tried to prove that the representatives of the Turkic population in the Trans-Urals during the 16th–17th centuries were definitely Bashkirs. They tried to demonstrate this using the example of the Tersyak and Synryan clans. I adhere to the position that the bulk of the Turkic population in the Trans-Urals during that time identified themselves with the clans: Tabyn, Tersyak, Synryan, Bakatin, etc. In the records of the late 16th–17th centuries (and later), the concepts of “Bashkirs” and “Tatars” are class designations. The word “Bashkirs” was used to refer to the yasak population in the Ufa district, and the word “Tatars” referred to the same population of the Tyumen, Turin, and Tobolsk districts (uezd’s). The formation of the Bashkirs and Siberian Tatars in their modern composition took place within the framework of the class groups of the Moscow State / Russian Empire, and administrative boundaries played a decisive role in the consolidation of these groups. At the same time, class designations began to be perceived as ethnic over some time.

B.A. Aznabaev and co-authors disagreed with this point of view and tried to show that the representatives of the Synryan and Tersyak clans had been Bashkirs since the time of Ivan the Terrible. They based their arguments on the fact that in documents the Tersyak and Synryan, as well as representatives of other Turkic clans of the Trans-Ural part of the Ufa uezd, were named as holders of patrimonial (*votchina*) rights to land. The authors of the text under consideration are convinced that only the Bashkirs had patrimonial rights to land in the Moscow State. In this case, the Bashkirs are the people, not a class or class group. But a sufficiently large number of publications have already shown that *votchina* rights to land in the 16th–17th centuries were characteristic of yasak people from the river Volga area to Western Siberia and were in no way connected with their cultural or linguistic affiliation. The existence of *votchina* rights in the period under consideration cannot serve as a basis for interpreting the ethnic affiliation of the people.

Keywords: clans, estates, Synryan, Tersyak, Sylven Tatars, Bashkirs, Tatars, yasak, volost, uezd

For citation: Samigulov G.Kh. The Trans-Urals in the 16th–17th centuries: Trans-Ural Turkic Peoples or Bashkirs? *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 4, pp. 901–927. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.901-927> (In Russian)

Financial Support: The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 24-18-20055, <https://rscf.ru/project/24-18-20055/>

Так сложилось, что при описании населения Зауралья XVI–XVII вв. на это население экстраполируют ситуацию если не современную, то конца XIX века. И обычно уверенно разделяют тюркское население Зауралья на «башкир» и «татар». Либо же считают практически всё тюркское зауральское население, относящееся к кланам катай, табын, сынрян, терсяк, салют, бакатин и т.д., однозначно башкирами с самого начала их проживания на этих территориях. Достаточно подробно я разобрал версии интерпретаций в одной из работ [40, с. 199–208] и повторять здесь этот обзор нет смысла. Я не разделяю этих позиций и придерживаюсь точки зрения, что понятия «башкиры», «вогулы», «татары», «остяки» в документах XVI–XVIII вв. (а зачастую и вплоть до советского времени) являются обозначениями сословными, что отображено в ряде работ [17, с. 363–396; 32, с. 34–45; 33, с. 138–142 и др.]. В своих публикациях для обозначения тюркского населения этой территории обычно использую словосочетание «тюрки Зауралья», и эта интерпретация неоднократно пояснялась в различных публикациях [17, с. 363–396; 32, с. 34–45; 33, с. 138–142 и др.]. Разумеется, кроме тех случаев, когда речь идёт о какой-то конкретной родоплеменной группе либо сословной группе. В связи с этим мне неоднократно в ходе обсуждения моих докладов на конференциях или в дружественных научных коллективах задавался вопрос: почему я говорю о «тюрках Зауралья»? При этом одни имеют в виду, что можно было бы это население обозначить как татары, а другие настаивают на том, что это башкиры. Несколько лет назад уфимские коллеги в рамках тома «История башкирских родов», посвящённого родоплеменным группам салют, терсяк и сарт, даже опубликовали раздел «К вопросу о “тюрках Зауралья”», в котором попытались показать, что использование этого словосочетания неверно, и упомянутые тюрки являлись башкирами, как минимум со времён Ивана Грозного [41, с. 53–58]. Подобная реакция выявляет необходимость обосновать «легитимность» использования мной обозначения «тюрки Зауралья», а упомянутая публикация уфимских коллег весьма облегчает эту задачу, поскольку демонстрирует аргументацию оппонентов, и остаётся лишь проанализировать её.

Соответственно, задачами представляемой публикации являются: 1. Критический анализ раздела «К вопросу о “тюрках Зауралья”» в томе 19 «История башкирских родов»; 2. Разбор положений, напрямую не прописанных в указанном разделе, но являющихся основой принципиальных выводов и интерпретаций, имеющих в рассматриваемом тексте; 3. Объяснение, что выражение «тюрки Зауралья» является корректным и соответствует действительному положению вещей рассматриваемого периода; 4. Демонстрация факта, что понятие «башкиры» в широком смысле являлось обозначением ясачного населения Уфимского уезда и не является для XVI–XVIII вв. однозначным показателем этнической самоидентификации (равно, как и внешней этнической идентификации) населения, обозначаемого этим словом.

Методика абсолютно традиционна – я полагаю, что для решения этих задач достаточно критичного использования источников, как опубликованных, так и неопубликованных.

В силу специфики вопроса мне придётся давать обширные цитаты из рассматриваемого текста, чтобы избежать обвинений в искажении, передёргивании, умалчивании и т.д. Так же я буду приводить пространные выдержки

из источников, поскольку пересказ в любом случае искажает содержание, а так у читателей будет возможность воспринимать непосредственно исходные формулировки и факты. Выдержки из публикаций, я буду давать курсивом, цитаты из источников, в том числе и цитируемых оппонентами, обычным шрифтом.

Следует отметить, что авторы раздела «К вопросу о “тюрках Зауралья”» не очень придерживались географических рамок, и часть их примеров относится к Приуралью. Но это, наверное, и хорошо, поскольку даёт мне повод также обратиться к сюжетам этносоциальной истории Приуралья. В первой части статьи я постараюсь рассмотреть базовые аргументы уфимских авторов, на основании которых они делают выводы о принадлежности к башкирам тех или иных персонажей или групп населения; во второй части проанализировать доводы оппонентов, касающиеся непосредственно тюркского населения Зауралья; и в завершение небольшое подведение итогов.

После отработки обязательной вступительной части статьи, в качестве завязки основного обсуждения приведу начало рассматриваемого текста оппонентов: *«Нельзя пройти мимо работ, в которых ставится под сомнение башкирское происхождение терсяков и сынрянцев, а сами они объявляются абстрактными «тюрками Зауралья», некими племенами, которые в XVII в. одновременно вошли в состав башкир и сибирских татар»* [41, с. 53–54]. В качестве примера такой работы они приводят мою статью [35, с. 127–131]. Хотелось бы уточнить, что я писал вовсе не только о терсяк и сынрян, я использовал выражение «тюрки Зауралья» применительно к достаточно широкому кругу групп/кланов тюркского населения. Лучше будет процитировать себя, чтобы не запутывать ситуацию: *«Под тюменскими татарами подразумеваются, в данном случае, тюрки, платившие ясак на Тюмень – сынрян, терсяк и бачкыр естественным образом входили в это число как бывшие подданные Сибирского ханства. А затем, как я писал выше, начался постепенный переход в «уфимские татары», что хорошо иллюстрирует один из документов 1648 г.: «сказывал де им ясашной татарин Денметько Терсяк, а прежде сего он ясак плачивал на Тюмень, а ныне де он платит ясак на Уфу...»* [23, с. 613]. *Вопрос: стал ли Денмет после перехода в Уфимское «ведомство» башкиром? И был ли он до этого татарин? Это вообще беда практически всех этноисториков, которые оперируют понятиями «татары» и «башкиры» для больших групп населения эпохи средневековья. Представляется, что для этого времени, применительно к тюркскому населению бассейнов Исети, Пышмы, Чусовой и, возможно, даже Туры, корректнее говорить о «терсяк», «сынрян», «бушкур» («бачкыр»), «киныр» и т.д., а не о татарах и башкирах»* [35, с. 130]¹.

Именно эти мои рассуждения и вызвали протест уфимских коллег. Правда, почему-то они сосредоточились только на сынрян и терсяк, что для меня не понятно. Но начать обсуждение следует всё же не с вопроса о тюрках Зауралья, а с базовых вещей, с тех стереотипов, на которые опираются уфимские коллеги в своих построениях, считая свои выкладки совершенно обос-

¹ И ещё один достаточно важный момент – группы «киныр» в действительности не существовало, была Киньрская ясачная волость Тюменского уезда, название которой было образовано от Киньрского городка, а не от названия клана.

нованными. Поэтому стоит кратко рассмотреть один из постоянно упоминаемых и, увы, мнимых символов башкирской уникальности – вотчинное право на землю и некоторые связанные с ним обстоятельства. Но разобрать этот вопрос следует отталкиваясь от аргументации Б.А. Азнабаева с коллегами, приведённых в рассматриваемом тексте.

О вотчинном праве на землю и не только о нём

Цитирую Б.А. Азнабаева с соавторами: *«Прежде всего необходимо привести воспоминания самих терсяков и сынрянцев о своем прошлом. На протяжении многих десятилетий между башкирами и Строгановыми шел спор относительно земель по р. Чусовой. В 1725 г. они написали коллективное письмо в Уфимскую провинциальную канцелярию, в котором выражали протест по поводу захвата их земель»* [41, с. 54]. В действительности никакого спора между Строгановыми и башкирами, длившегося многие десятилетия, не было. Об этом совершенно конкретно сказано в обращении башкир, которое цитируют С.И. Хамидуллин со товарищи (приведено ниже). Ситуация конфликта сформировалась тогда, когда руководство Сибирского бергамта решило выселить с Чусовой сальют для удобства использования рудников и т.д. Тут власти и вспомнили про жалованную грамоту, данную Строгановым царём Иваном Васильевичем

[15, № 7]. Ну а башкиры, которым начали объяснять, что это земли Строгановых, очень удивились, причем не только сальют (салжеут). Далее я, вслед за уфимскими коллегами, цитирую фрагмент челобитной башкир Сибирской дороги в Уфимскую провинциальную канцелярию 1725 г.: «От нас, Сибирской дороги Мекетинской волости от Оларгула, Челжеуцкой волости от Боскуна, Китайской волости от Карабаша, Табынской волости от Абызана, Терсяцкой волости от Камая, Сенирянской волости от Назара, Шуранской волости от Булата, Чирлинской волости от Мамбетя, А[й]линской волости от Чювашбая, Кубаканской волости от Кашака, Кипчацкой волости от Утяша, Каратабынской волости от Курмангула, Сызгинской волости от Табыкая, и от всех старшин и младших Вам, князю Ивану Григорьевичу, премного челобитье. После челобитья слова: Как всемилостивейшему Всероссийскому государству, преклоня головы свои, начали служить, то владели от начатия содержания Всероссийского престола царя Ивана Васильевича из ясажного платежа и из подводной гоньбы сею вотчиною, и ныне нет пустых вотчин. А сию вотчину волею своею не дадим тем Строгановым, понеже от царства царя Ивана Васильевича спору нету. А Государь излюбил[л] нам [и] из ясаку пожаловал – дал те вотчины...»². Далее – комментарий к этому фрагменту документа С.И. Хамидуллина, Б.А. Азнабаева и др.: *«Как видно из письма, терсяки и сынрянцы считали себя башкирами-вотчинниками как минимум со времен Ивана Грозного. Значит, они были ими и до присоединения Башкирии к Русскому государству, поскольку русский царь лишь подтвердил вотчинное право башкир. Еще Н.Ф. Демидова утверждала, что оно существовало уже в эпоху Золотой Орды. В современных работах это положение получило убедительную аргументацию.*

² Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 98. Л. 203–203об.

Впрочем, башкиры Сибирской дороги сами неоднократно указывали в челобитных, что владели своими землями “до взятия царства Казанского”. В состав Московского царства башкиры входили уже как сложившаяся этническая и политическая система, в которой каждый род (клан), в том числе сынрянцы и терсяки, имел свою вотчинную территорию с давно очерченными границами. Не случайно, после принятия русского подданства уже не было значительных вливаний инородных групп в состав башкирского народа, если не считать калмыков, каракалпаков и сартов, ставших башкирами посредством адаптации, т. е. “усыновления”» [41, с. 53–54].

В этом фрагменте собрана целая коллекция ошибочных стереотипов и ложных трактовок. Поэтому на разборе этой цитаты мы остановимся надолго, что в какой-то мере упростит нам дальнейший анализ. Приступим.

В приведённой цитате из документа 1725 г. просто констатируется, что представители перечисленных волостей приняли подданство Московского государства ещё при Иване Васильевиче и что вотчинами они владеют из уплаты ясака, т.е. как представители ясачного сословия и поступаться вотчинами они не намерены. Кроме того, чётко проговорено, что «от царства царя Ивана Васильевича спору нет», то есть споров за земли по Чусовой не было со времен Ивана Грозного. Всё. Из документа никак не следует, что к моменту принятия этого подданства они были башкирами и тем более представляли собой «сложившуюся этническую и политическую систему». Тем более, что выше в той же книге те же авторы описывают ситуацию разнонаправленности действий разных групп зауральских тюрков в отношениях с ногайцами, Кучумом [41, с. 48–50], сверх того, сообщают, что «Принятие башкирами русского подданства происходило сепаратно, т.е. каждый башкирский клан оформлял отношения самостоятельно» [41, с. 47]. Это достаточно странно для сложившейся политической системы, а если быть более точным, то подобная ситуация свидетельствует о том, что единой политической системы просто не существовало. Что такое «единая этническая система» я не знаю и не очень понимаю, что авторы обозначили этим выражением. Ещё очень интересна фраза про то, что русский царь просто подтвердил вотчинное право башкир – очень хотелось бы увидеть хоть один документ, содержащий информацию о «подтверждении» Иваном Грозным вотчинного права башкир.

Но почему же С.И. Хамидуллин с коллегами сделали из цитированного обращения башкир Сибирской дороги вывод, что они были башкирами к моменту принятия подданства Московского государства? Они, впрочем, как и практически все представители современной Уфимской исторической школы, неукоснительно придерживаются утверждения, сформулированного в «Истории башкирского народа»: «Главной особенностью социально-экономического положения дореволюционных башкир было то, что они с середины XVI до начала XX в. являлись народом-вотчинником. Каждый свободный башкир-общинник имел вотчинное право на землю. Ни один из народов Российского государства не имел таких прав» [13, с. 61]. Характерно, что авторы «Истории башкирского народа» не приводят никаких доказательств этого утверждения, полагая, очевидно, что оно является аксиомой. Увы, это не аксиома, а ошибочное утверждение, влекущее за собой более чем серьёзные последствия в виде заведомо неверных построений. Ошибки в процитированном утверждении две: 1. Башкиры не были народом-вотчинником, они

были вотчинниками, как представители сословия ясачных людей, если угодно, как сословной группы ясачных башкир и сословной группы служилых тарханов. 2. В XVI–XVII вв. вотчинными правами на землю обладали ясачные люди от Волги и до Западной Сибири, т.е. это был один из основных признаков ясачного населения этих территорий. Однако уфимские авторы на вотчинные права представителей других групп ясачного населения закрывают глаза и однозначно ставят знак равенства между понятиями вотчинник и башкир. С их точки зрения, если человек в документе, скажем, XVII в., обозначен как вотчинник, то он являлся башкиром. Как видим, не избежали подобной «логики» и авторы рассматриваемого раздела, о чём ещё будет сказано дальше. А сейчас постараюсь подробнее показать, почему процитированное выше утверждение дважды ошибочно.

Самое главное – вотчинный характер земельных владений определялся вовсе не наличием жалованных грамот, или этнической/клановой принадлежностью вотчинников. С.И. Хамидуллин с коллегами процитировали очень хороший документ башкир Сибирской дороги, где говорится: «Как всемилоштивейшему Всероссийскому государству, преклоня головы свои, начали служить, то владели от начатия содержания Всероссийского престола царя Ивана Васильевича из ясажного платежа и из подводной гоньбы сею вотчиною», здесь всё чётко обозначено – основанием для вотчинного владения является уплата ясака и прочие «службы», в частности, подводная гоньба. В указе царя Петра Алексеевича 1694 г. приводится аргументация башкир всех четырех дорог: «и на те их старинные вотчины у прадедов, и дедов, и у отцов их письменных крепостей нет, кроме ясажной книги, по чему платят в нашу, великих государей, казну куничной и лисий ясак и медвяной оброк» [20, с. 82]. В 1738 г. так же башкиры всех четырех дорог просили: «На наших вотчинных землях, с которых платим мы в казну ея и.в. есак, построены крепости, чтоб соблаговолено было со оных земель, где построены крепости, снять ясаку по рассмотрению» [20, с. 142]. Башкиры Каратабынской волости в 1692 г. писали в челобитной: «А к ним въезжают в ту старинную их вотчину разных волостей башкирцы и всяких зверей бьют и отганивают, а они де, с той старинной вотчины платя ясак по 300 лисиц, и от тех людей и от насильства они оскудели и взять того ясаку негде; и великим государем пожаловать бы их, велеть тех насильных людей, которые не платят с той вотчины ясак с ними, а их имать и присылать на Уфу...» [20, с. 80]. В 1750-х гг. власти решили снять с башкир и мещеряков обязанность платить ясак и заменить ее обязательной покупкой соли. Оренбургский губернатор И.И. Неплюев сообщал Сенату, что первоначальная реакция была скорее негативной: «имели сперва сумнение в том, что ежели с них ясак снимется, то им б чрез то земель своих не лишиться, яко оной на них расположен и числиться по землям», однако, после обещаний, что вотчинные земли останутся за ними, «кажется они, башкирцы и мещеряки, охотно к тому приступили и за отягощение себе не вменяют, разсуждая ис того пользу, что они бес платежа единственно служивыми будут, так как и казаки» [19, с. 427]. Цитирование можно продолжить, но приведённых выдержек из документов достаточно, чтобы обозначить основное – основанием вотчинного землевладения ясачных людей (в том числе и башкир XVI – середины XVIII вв.) была уплата ясака.

И второе – владели вотчинами самые разные группы ясачного населения от Поволжья до Западной Сибири. В писцовых книгах Михаила Кайсарова зафиксированы вотчины сылвенских татар и остяков: «А вотчина у них у всех Рожинских остяков река Шаква от вершины и до устья реки до Сылвы, по обе стороны, на сто пятьдесят верст с бортные ужожи, и звериными и с рыбными ловлями, и з бобровыми гоны... А вотчина их старинная, обща с сылвенскими остяками с Танайком Ебалаковым, да Сыгибирдейком Баишевым... по реке по Сылве вверх от остяцкого от Молебного Камени до Частова острова, по обе стороны реки Сылвы на пятнатцеть верст со всеми угоды; да река Сылва же от Малыя речки до речки Тару; да речка Таз от вершины до устья до реки до Сылвы по обе стороны на пятнадцеть верст; а знамена их писаны выше сего – с Рожинским и Шаквинскими знамены вместе. Рожина же улусы юрты стоят врозни по реке по Сылве и по малым речкам... А вотчина тех Юрманских остяков по реке по Сылве вверх от озера Акзибая выше Органы речки до Сухова врагу, по правой стороны Сылве, со всеми угоды...» [12, с. 45–59]. Царская грамота 1678 г.: «Тюменские де служилые и ясачные Татаровя владели изстари же вотчинными землями на Тоболе реке, а ныне де на тех их старинных вотчинах и урочищах ловят всякого зверя, бобры и выдры, и хмель и орловые гнезда снимают силно всяких чинов Руские люди, и их Татар теснят и изгоняют, а с тех де вотчин они служилые Татаровя служат нашу Великого Государя службу, а ясачные пашут пашню и ясак платят» [8, с. 49–50]. В «Писцовой книге мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/1630) года» вполне обычной является запись наподобие этой: «С тое ж Стануровские мордвы, оприч Маканка Тотина с товарищи, шти человек, с их вотчин, з бортных ужожеев, по их скаске верхового медвенного оброку четьре пуда пятнатцать гривенок меду, да пошлин с пуда по пяти денег. Ясачных денег дватцать алтын пять денег. Да за две куницы дватцать шесть алтын четьре деньги» [9, с. 159]. Очень хорошо показана жёсткая связь вотчинного землевладения и уплаты ясака в наказных памятях сибирским воеводам: из наказной памяти сургутским воеводам 1599 г.: «А велел ясаки имат рядовые, как кому мочно заплатить, смотря по вотчинам и по промыслом»³; из наказной памяти тарскому воеводе того же года: «а велел ясаки имат рядовые, как кому мочно заплатить, смотря по водчинам и по промыслом»⁴. Практически в тех же формулировках это указание дано и в более поздних памятях: «смотря по вотчинам и по промыслом»⁵. Или вариант в указе 1616 г.: «И нам бы их пожаловать, за побитых и за мертвых ясачных татар, и которые в полон поиманы, и тех вотчины ныне пусты, нашего ясаку платити с них не велети, а велети бы с них наш ясак имати з живущих татарских ясачных вотчин»⁶. Таким образом, практически во всех процитированных документах чётко показана жёсткая связь уплаты ясака и владения вотчинами: уплата ясака даёт право на владение вотчиной, наоборот – ясак платится с земли, т.е. с вотчины. И это верно для всех групп ясачного населения от Поволжья до Иртыша, по крайней мере до 1720-х гг., когда для некоторых групп населения был введён 50-

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Д. 1. Л. 70 об.

⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 53 об.

⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 74 об., 110, 200 об., 288 об., 493 и т.д.

⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 11. Л. 166 об.

копеечный «ясак» никак не привязанный к владению землёй. Но это тема отдельного исследования.

В этом же русле уфимские оппоненты пытаются апеллировать ещё к одному сюжету: *«Когда в 1647 г. уфимцы попытались арестовать соликамского башкира Байтерьяка Карзаева по обвинению в убийстве башкира-гайнинца во время стычки из-за спорной вотчины, «они не дались и собрались со многими людьми с братьями и черемисой гулящей и надели на себя доспехи и хотели из луков нас стрелять и ослопьем бить и говорят так мы де Соликамского уезду и нас пиши к Соли Камской, а на Уфу де мы не едем»⁷. Как видим, жители Соликамского уезда Ногайбай и Байтерьяк были не только башкирами, но и вотчинниками, несмотря на отсутствие уфимской «приписки». Одним словом, этническая идентичность башкир не зависела от места их фискальной регистрации»* [41, с. 58]. По этому поводу хотелось бы отметить несколько моментов: 1. При всей противоречивости данных документов о «вотчинном насилии» и «убойном деле», Янбай (так правильно) и Байтерек Карьевы/Каревы всё же были сылвенскими татарами. Судя по всему в челобитной башкир Гайнинской волости Янбай и Байтерек были названы башкирами Соликамского уезда, поэтому в части документов Уфимской приказной избы дублируется это обозначение⁸. Но Степан Гладышев, посланный для разбирательства, был направлен, чтобы «...приехов в уезд Соли камские брати с собою того уезду татар Янбайко да Байтеречка Карьевых детей в убийстве под(...) по челобитью на них Уфинского уезду Гайнинские волости башкирцов...»⁹. 2. Процитированный Б.А. Азнабаевым, С.И. Хамидуллиным с коллегами фрагмент документа о противодействии расследованию с луками и ослопьем взят из документа, где говорится именно о сылвенских татарах и говорили они Степану Гладышеву не «нас пиши», а «на нас пиши к Соли Камской»¹⁰. Этой фразой Янбай и Байтерек чётко давали понять уфимскому чиновнику, что они не подсудны Уфимской приказной избе, т.е. не являются башкирами. Башкиры были подсудны руководству Уфимского уезда, а ясачные люди Соликамского уезда были подсудны приказной избе и воеводе в Соликамске. Соответственно, человек, направленный из Уфы, не имел права суда над Соликамскими ясачными татарами, а должен был официально обратиться в Соликамскую приказную избу с просьбой помочь в расследовании дела. 3. В конце изложения результатов опроса местного населения, посланный из Уфы Степан Гладышев констатировал «да тое ж волости сылвенские татаровя опросных речей не дали, норovia (потакая, потворствуя – Г.С.) своей братье»¹¹. То есть констатируется принадлежность Янбая и Байтерека Каревых к сылвенским татарам. Гайнинские башкиры, преимущественно, дали показания негативные для Янбая и Байтерека, обвиняя их в убийстве башкира Гайнинской волости. 4. Ещё один интересный момент – в том же документе, на который ссылаются уфимские коллеги, есть следующий пассаж: башкиры Гайнинской волости объясняли проводившим сыск русским людям: «а скаывают, што вотчина была куплена тово Янбахты отца ево Уруса (башкиры

⁷ РГАДА. Фонд Уфимской приказной избы. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 331. Л. 3.

⁸ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 331. Л. 1–3. РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 334. Л. 3–4.

⁹ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 334. Л. 1.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 334. Л. 2.

¹¹ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 334. Л. 5.

Гайнинской волости – Г.С.), и купил де тот Урус тое вотчину Соликамские уезду у иренсково татарина Урускелдея»¹². Т.е. башкиры Гайнинской волости купили эту вотчину у иренских татар. Соответственно, иренские татары также владели вотчинами.

Результат этого мини-разбора: В двух небольших архивных делах, где содержатся материалы этого следствия, нет документа, в котором бы отображалась ситуация, когда Янбай и Байтерек Карьевы назвали себя башкирами. Башкирами их обозначили истцы – ясачные Гайнинской волости. Возможное объяснение этому заключается в том, что иначе администрация Уфимского уезда просто не стала бы браться за это дело, поскольку оно не относилось к их юрисдикции. Точнее, поступили бы именно так, как сказали Гладышеву Янбай и Байтерек, т.е. писали бы в приказную избу Соликамского уезда с требованием разобраться в ситуации. При этом достаточно много прямых подтверждений того, что обвиняемые были сылвенскими татарами. И да, сылвенские татары были вотчинниками, как и прочие ясачные люди Урало-Поволжского региона и Зауралья. Выводы коллег про башкирскую «этническую идентичность» упомянутых персонажей (Янбая (Ногайбая) и Байтерека) совершенно не подтверждаются материалами архивных дел, поскольку сами они ни разу не обозначили себя башкирами.

В действительности вотчинниками в конце XVI – XVII вв. были ясачные татары Казанского уезда, ясачная чуваша, бобыли, ясачная мордва, вогулы, сылвенские татары, ясачные татары Тюменского, Туринского и Тобольского уездов и т.д. [14, с. 35–59; 30, с. 91–98; 38, с. 118–129; 39, с. 342–369 и т.д.] При этом ещё в XVII в. достаточно значительная часть вотчинников, живших в приуральской части Уфимского уезда, башкирами не являлись. В частности, бобыли, жившие на этих землях, не относились к башкирам, но обычно владели вотчинами и платили с них бобыльский ясак. Социальный статус людей, плативших бобыльский ясак, был, очевидно, переходным, и они стремились перейти в окладной ясак, то есть стать башкирами. Что и происходило на протяжении второй половины XVII в. В качестве примера можно привести описание вотчинных угодий ясачных бобылей деревни Именчеевой, стоявшей на речке Мушуге: «Вотчина у нас, государь, старинная, дедов и отцов наших в Уфимском уезде река Ик по обе стороны нижняя межа подле Ику реки на Уфинской стороне усть реки Бозяны орту норат, а верхняя межа вершина речки Большой Вереш, а с вершины до устья, где пала в Ик реку, а с вершины речки Большой Вереш на вершину же речку Мушуги, на Минскую дорогу, бортной ухожей и всякие звериные и рыбные ловли и всякие угодыя на дватцать верст. Да в той же, государь, нашей вотчине речка Ос с исток, Тыпря исток, да Шары и иные многие речки малые, которые пали в Ик реку и в Бозяну и большую речку Вереш, и озерки, истоки, и заводи, и старицы»¹³. И ещё одно описание вотчинных владений одного ясачного бобыля деревни Русаевой Байлярской волости Чоропанко Токаева: «вотчина у меня, сироты твоего в вершинах Ицких по обе стороны с черными лесами и с оромами¹⁴, верхняя межа речка Кандысли и по нижнюю по межу, по речку Муклу-Бурун и по тем речкам по

¹² РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 331. Л. 2.

¹³ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 476. Л. 1–2.

¹⁴ Оромы – скорее всего так передано слово «урёмы», обозначающее густые пойменные леса или поросшие низкими деревьями и густым кустарником низины.

обе стороны, да по увалу. Степная межа по Темскую речку, да на той же стороне речка Кандыс до вершины до вершины, да черный лес Дерткул, да по сю сторону Ику реки речка Ря по обе стороны, да речка Кудаш по обе стороны с устья и до вершины, да речка Белебей по обе стороны, да по Увак Нарат речку, да Замады лес до речки Нугуш межа и с черным лесом, да речка Усень по межу, по речку Агырязы»¹⁵. Владельцы этих вотчин подавали челобитные о переходе в окладной ясак – т.е. в башкиры, их прошения были удовлетворены, как и прошения многих других ясачных бобылей.

Было большое количество представителей ясачной чуваша, ясачных бобылей, служилых татар, владевших вотчинами в западной и северо-западной части Уфимского уезда. Часть бобылей перешли в окладной ясак в течение второй половины XVII в. Практически все представители других групп были переведены в окладной ясак (в башкиры) в начале XVIII в., в ходе унификации фискальной политики, по распоряжениям сверху. Достаточно подробно об этом написано в работе Р.Р. Исхакова [14, с. 35–59]. При этом зачастую при переходе в сословную группу башкир ясачные бобыли и другие группы нерусского населения верстались в тептярский ясак [14, с. 54, 56; 20]. Тептярский ясак в XVII в. (а в некоторых случаях и в XVIII в.) платила не какая-то обособленная социальная группа «тептярей», а обычные башкиры [34, с. 27–29]. Тептярский ясак, это более щадящий, уменьшенный окладной башкирский ясак. В некоторых случаях его платили целые башкирские волости, например Кущинская и Сызгинская [15, № 20]. Не следует путать тептярский башкирский ясак с ясаком группы тептярей и бобылей, которая фактически была сформирована по итогам ревизии в 1747 г. [28, с. 130–132]. При этом какое-то время два этих вида ясака сосуществовали, поскольку башкиры упомянутых Кущинской и Сызгинской волостей платили тептярский ясак ещё в 1750 г. [15].

Из уфимских исследователей наиболее подробно ситуацию с развитием небашкирского землепользования и формирования небашкирского населения рассмотрел в своей работе У.Х. Рахматуллин, поэтому обратимся к его выкладкам. Начнём с его интерпретации оброчного землевладения: «*Оброчное владение угодьями было характерно для начального этапа заселения новых территорий. Со временем, когда населенность округа достигала определенного уровня, оброчные владения перерастали в ясачные, оброки заменялись ясаками*» [26, с. 100]. Вряд ли можно согласиться с этим выводом – характер обложения зависел скорее от типа хозяйства. Народы Поволжья в большинстве своём были земледельцами, практиковавшими и другие виды хозяйствования. При этом сословно они все обозначались как «ясачные» – ясачные татары, ясачная чуваша, ясачные черемисы и т.д.¹⁶ Но ясак этих групп насе-

¹⁵ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 470. Л. 1.

¹⁶ У.Х. Рахматуллин называл их всех, в том числе и ясачных бобылей, «ясачными крестьянами», но это не верно – они не были крестьянами, они были ясачными людьми. Определение «ясачные крестьяне» получает широкое распространение уже в XVIII в., когда значительная часть ясачных татар Казанской губернии ушла на восток, а их место заняли русские люди, взявшие на себя статус выбывшего населения. Они, преимущественно, и назывались ясачными крестьянами. Тем не менее, выражение это достаточно часто используется в различных работах для обозначения совокупности различных групп ясачного населения Поволжья. Но надо понимать, что статус ясачных выводил их за рамки крестьянства, давая то самое право на вотчин-

ления зачастую представлял собой символические денежные выплаты, а реальные натуральные подати назывались оброком и взимались с вотчинных земель [38, с. 120–128]. То есть, по сути, оброк ясачных людей это дальнейшее развитие ясачного землевладения, когда сохраняется право на вотчинные земли, но реально вотчинами являются те угодья, с которых уплачивается оброк (бортные ужожи, бобровые гоны, звериные ловли). Обратим внимание, что оброк являлся фактически синонимом понятия ясак. Уплата оброка в Казань являлась достаточным основанием для признания права на владение вотчиной в Уфимском уезде.

У.Х. Рахматуллин полагал, что ясачные бобыли Уфимского уезда «пользовались... башкирскими волостными землями», подразумевая, что все они были припущенниками на башкирских землях [26, с. 154]. Он описывает ситуацию следующим образом: «переселившиеся в Уфимский уезд бобыли, которые были связаны с внесением бобыльского ясака в Казани, “имали башкирские вотчинные земли” в припуск, за аренду башкирам “в ясаке помогали сами из воли” и записывались в бобыльские книги Уфы. После этого бобыли ставили вопрос о выключении их из бобыльского ясака и включении в “окладной ясак”. В этих случаях бобыли указывали используемые из припуска башкирские волостные земли как свои вотчины, за которые они, якобы платят “окладной ясак”. Тем самым бобыли добивались исключения себя из бобыльской ясачной книги и включения в другую, окладную книгу. Это изменение имело для них социальное значение. Бобыли становились тептярями» [26, с. 155]. Необходимо ещё раз оговориться, что тептярей, как отдельной социальной группы, в XVII в. не существовало – тептярский ясак платили башкиры [34, с. 25–30]. То есть бобыли, перешедшие с бобыльского ясака на окладной, становились башкирами, а не тептярями, как обозначил У.Х. Рахматуллин [26, с. 155, 159]. Тем более, что и в самих документах о переходе с бобыльского в окладной ясак присутствовали такие формулировки: «со 166 году платить им на Уфу великого государя окладной ясак с байлярскими башкирцы вместе»¹⁷ «платить им на Уфу з братьею и з детьми своими великого государя окладной ясак с байлярскими башкирцы вместе»¹⁸ и аналогичные записи¹⁹. В действительности никаких реальных указаний на аренду башкирских земель бобылями в документах нет. Собственно и У.Х. Рахматуллин не приводит ссылок на такие материалы.

Несколько ранее тот же автор, на основании тех же материалов опубликовал другую версию: *«оброчные владения чувашей, татар и марийцев Закамской территории стали рассматриваться как равнозначные башкирским ясачным землям и были вписаны на каком-то этапе XVII в. в уже существовавшую ясачную книгу Уфимского уезда. Произошло слияние оброчных владений и башкирских ясачных угодий... В результате оброчные чувашеи, татары и марийцы Западной и Северной части Уфимского уезда стали называться башкирами... Здесь казанский оброк древнее башкирского ясака. Не исключе-*

ные земли. И уж тем более к крестьянам не относились ясачные бобыли Уфимского уезда – они могли вообще не заниматься земледелием, а основной податью являлся куничный (иногда медовый) ясак.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 468. Л. 3.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 470. Л. 2.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 467. Л. 3.

на возможность, что башкирские Байлярская, Бюлярская и Енейская волости образовались на базе общин владельцев оброчных угодий... Такое же положение было в ряде других западных башкирских волостей» [25, с. 6–7]. То есть У.Х. Рахматуллин прямо писал, что казанский оброк в западных и северо-западных волостях Уфимского уезда «древнее» башкирского ясака и практически признавал, что западные волости Уфимского уезда исходно не башкирские, а формировались из вотчин (угодий, как обозначал У.Х. Рахматуллин) оброчных людей, не входивших изначально в сословие башкир. Примечательно, что в книге, вышедшей уже в период перестройки, эти выкладки были опущены, а вместо них использована обтекаемая фраза: «Однако часть оброчных и ясачных крестьян Казанского уезда вместе с «казанским оброком» всё же попала в число башкирского населения, вошла в башкирское сословие и стала управляться уфимскими воеводами» [26, с. 101].

Описывая ситуацию формирования западных волостей Уфимского уезда, У.Х. Рахматуллин не указал в числе групп, на основе которых сложились башкирские общины западных волостей Уфимского уезда, ясачных бобылей. При этом, как уже было сказано, многие бобыли, владевшие вотчинами по р. Ик перешли в окладной ясак, став башкирами, а территории их вотчин составляли значительную часть тех же самых Байлярской и Бюлярской волостей. Версия У.Х. Рахматуллина о том, что бобыли при подаче челобитных о переходе в окладной (башкирский) ясак указывали в качестве своих вотчин угодья, коротколенные у башкир, не подтверждается документами. Во-первых, ясачные книги (в том числе и бобыльские) содержали информацию о землях, с которых уплачивался ясак. Во-вторых, минимальная проверка достоверности информации, изложенной в челобитных ясачных бобылей, приказной избой проводилась²⁰. В-третьих, по решению о переводе бывшего ясачного бобыля в окладной ясак ему выдавалась оберегальная грамота, подтверждавшая его вотчинное право на заявленные земли. В-четвертых, зачастую ясачные бобыли помимо ясака в Уфу платили денежный ясак в Казань²¹ и это объединяло их с ясачными татарами, чувашами и черемисой (марийцами).

Что касается существования вотчинного права башкир со времён Золотой Орды, то здесь есть один весьма интересный момент – практически все уфимские авторы, писавшие и пишущие о вотчинном праве, ограничиваются его констатацией. То есть никто из них не расшифровывает – что же это такое. Мне не приходилось сталкиваться с анализом того, что же представляло из себя вотчинное право башкир XVI – начала XVIII вв., не говоря уже о более ранних периодах. Нет такого анализа в трудах А.И. Акманова, посвященных вопросам башкирского землевладения и поземельным отношениям [5; 6]. Нет его и в уже цитировавшейся «Истории башкирского народа». Не рассматриваются эти вопросы и в работах Б.А. Азнабаева, на которые ссылаются авторы тома 19 «Истории башкирских родов», когда пишут, что «в современных работах это положение (о том, что вотчинное право башкир берёт своё начало со времён Золотой Орды – Г.С.) получило убедительную аргументацию» [41, с. 54]. Увы, сложно признать убедительной аргументацию в подтверждение некоего исторического явления, если это явление попросту не

²⁰ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 467. Л. 2; Д. 468. Л. 3–5; Д. 470. Л. 2; Д. 729. Л. 2–5.

²¹ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 468. Л. 2.

расшифровано. В работах Б.А. Азнабаева достаточно подробно рассматривается преемственность территорий, которыми владели различные кланы до и после вхождения в состав Московского государства, но остаётся открытым вопрос характера этих владений [1, с. 190; 2, с. 46; 4, с. 36–53].

Не буду оригинален и назову второй раздел.

К вопросу о «тюрках Зауралья»

Напомню, что начинался текст оппонентов с недоумения по поводу моей версии о том, что представители терсяк, сынрян были включены в сословную группу башкир после перехода из верхотурского ясака в уфимский. Далее цитирую их возражения по этому поводу: *«Другим слабым местом концепции об этнообразующей роли места «приписки» является тезис о том, что ясачное или служилое население было свободно в своем выборе налоговой юрисдикции: “Большая свобода, которой пользовались башкиры, выгоды выплаты ясака на Уфу и подсудности тамошнему суду притянули часть терсяков в сферу формирования башкирского этноса”. Выходит, что неким “тюркам Зауралья” – терсякам или сынрянцам, привлеченным башкирскими вольностями, вздумалось платить ясак в Уфе, и они автоматически стали башкирами. Приведенные рассуждения не могут быть приняты по нескольким причинам. Во-первых, туземное население Тюменского уезда платило подушный ясак, а башкиры – ясак с земли, который был намного меньше»* [41, с. 58]. Как было показано выше – ясак в принципе платился с земли, будь то в Уфимском, Кунгурском, Верхотурском или Тюменском уезде. И действительно, те терсяки, которые перешли в уфимский ясак стали башкирами. А те, которые перешли в тюменский ясак – татарами. А будучи ясачными людьми Верхотурского уезда, они именовались ясачными вогулами [36, с. 183–203].

А далее С.И. Хамидуллин с коллегами выдают совершенно неожиданный пассаж: *«Во-вторых, массовая “приписка” зауральских ясачников к Уфе была вызвана не их желанием, а рядом иных причин. В 1631 г. в Уфимский уезд приехал казанский дворянин и “прибыльщик” Савва Аристов, чьи жесткие фискальные мероприятия в 1615 г. вызвали волнения среди нерусского населения Казанского уезда. Он впервые в истории Уфимского уезда провел перепись башкир и “прихожих гулящих людей черемису и чувашу”, т. е. марийцев и казанских татар. Б. А. Азнабаев метко замечает: «Если считать ясачный оклад главным маркером подданства, то Аристову удалось увеличить российских башкир более чем в 2,5 раза. По разрядным спискам 1629 г. числилось 888 ясачных дворов башкир, в 1635 г. их было уже 2 217»* [41, с. 58]. В первом пункте авторы уверяли, что башкиры не платили подушный ясак, а во втором объясняют, что количество ясачных людей за 7 лет увеличилось в 2,5 раза (и это, судя по их изложению, являлось целью реформы Саввы Аристова). То есть авторы абсолютно противоречат сами себе, но совершенно этого не замечают. Объясняю, в чём именно заключается противоречие: если речь идёт о поземельном ясаке, взимавшемся с волости, как единого целого, то количество ясачных душ не имеет значения. А вот то, что Аристов добивался и добился, именно увеличения количества ясачных людей говорит только об одном – ясак с башкир взимался подушно (что совершенно не отменяет того факта, что ясак взимался с вотчинных угодий). Ну и маленькое примечание: Савва Аристов, каким бы он ни был жёстким и целенаправленным чиновни-

ком, вряд ли смог бы переписать в уфимский ясак людей, плативших ясак в других уездах, тем более, если они жили за пределами уфимского присуда, более того, в ведомстве другого приказа (не Приказа Казанского дворца, который ведал Уфимским уездом, а Сибирского приказа).

А вот добровольный переход ясачных людей в ведение другого уезда был делом вполне обычным. Это подтверждается данными опубликованных и вновь выявленных документов: 1632 г., царская грамота верхотурскому воеводе Федору Бояшеву: «...в прошлом во 138 году до вашего на Верхотурье приезду, сошло из Аятцкой, и из Сосвинской, и из Лозвинской, и из Косвинской волостей, в Тюменский да в Чердынский ясак двадцать человек... И для тех Аятцких ясачных Татар, которые сошли в Уфинский уезд, посылал ты ... и тех беглых Аятцких Татар сыскал подъячей Михайло Сартаков только трех человек, которые живут в Тюменском ясаке, а иные ясачные люди сошли на зверовье, а сказывали про них, что те ясачные люди платили ясак на Тюмень» [7, с. 313]. В 1663 г. «приехали из степи на Тюмень в город... верхотурского ясаку татаровя Купердей Кокулгилдеев (Кутлугилдеев), Бекмурза Курмаматов, а тот Бекмурза преж сего был тюменской ясашной татарин»²². Есть и информация о том, где именно они жили в Верхотурском уезде: «Купердейко Кутлугилдеев в распросе сказал: жиле де с Бикмурзою и з женами и з детми от Верхотурья вверх по Режу»²³, т.е. на территории Аятской ясачной волости Верхотурского уезда. Далее: «били челом великому государю Уфинского уезду Сибирской дороги Симирянской волости башкирцы Мрячка Карабашев да Чирибачка Тарляков с товарищи, в прошлых де годах Tobолского уезду житель Тетейка Такбердин пришел ис Tobолского уезду в Уфимской уезд без указу Великого Государя и без грамоты и написал на ясак без их мирского ведома неведомо почему и тому де тритцать пятой год. Из Уфимского уезду из их волости написався на ясак он Тетейка збежал в Tobолской уезд по прежнему...»²⁴.

Далее большой фрагмент документа из «Дела о спорных землях башкир на Сибирской стороне Урала»: «Во 149-м году апреля в 5 день в отписке с Верхотурья воеводы Воина Карсакова написано: верхотурские де ясашные люди дву Уфинских волостей сказали, Ишимовы де дети и калмыцкие люди кочуют около их волостей в близости, и во 148-м году летом 9 приходов их было войною на них; Верхотурской же ясашной Уфинской волости сотник Ишимбатко с товарищи бежали на Уфу.

Во 150-м году в верхотурском сметном списке написано: верхотурских ясашных 4-х волостей Аятцкой, да с верх Уфы реки дву волостей, да верх Чюсовской волости на ясашных людех, которые бежали в Уфинской уезд, донять ясаку и поминков со 66 человек со 134-го по 151-й год 868 руб. 27 алт. 1 д. » и т.д. [20, с. 88–90].

«Верх-Уфинские волости сотник Ишимбайко с товарищи с вотчин своих, покиня жен и детей, сошли к Уфе от изгони калмыцких людей и ясак де они понесли платить на Уфу»²⁵.

²² Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН), Ф. 21. Оп. 4. Д. 8. Л. 216.

²³ СПФ АРАН, Ф. 21. Оп. 4. Д. 8. Л. 219 об.

²⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 80.

²⁵ СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 2. Л. 181 об.

В 1648 г.: «...сказывал де им ясашной татарин Денметько Терсяк, а прежде сего он ясак плачивал на Тюмени, а ныне де он платит ясак на Уфу» [23, с. 613].

Процитированные документы хорошо иллюстрируют тот факт, что переход в ясак другого уезда вовсе не был чем-то невообразимым, и подобные смены «приписки» происходили достаточно часто и не являлись секретом для руководства уездов. В числе прочего хорошо показан факт перехода в уфимский ясак населения Верх-Уфимских волостей Верхотурского уезда. Аналогично этому перешли в уфимский ясак терсяк, сынрян и сальют, проживавшие на территории Верхотурского уезда. Надо только понимать, что значительная часть из них стали сословно башкирами, но проживали по-прежнему на территории Верхотурского уезда. Никакой передачи территории волостей в состав Уфимского уезда не было. На чертеже С.У. Ремезова «Изящное вновь начертание граду Кунгуру и всему Кунгурскому уезду...», составленному в 1703 г., показано, что границы Верхотурского и Уфимского уездов проходили по верхнему течению р. Уфе до рр. Тюша и Яманилга. А на картах 1730-х гг. территории по р. Уфе уже показаны входящими в состав Уфимской провинции (правда, это не касалось земель Терсяцкой, Салзаутской (Сальютской) и Сынрянской волостей, которые оставались в составе Верхотурского уезда). Можно предположить, что земли по правому берегу р. Уфы были переданы в ведение уфимских властей при создании Уфимской провинции [40, с. 194–199].

С.И. Хамидуллин с коллегами предлагают своё объяснение перехода населения из состава других уездов в Уфимский, точнее, транслируют версию ранее высказанную Б.А. Азнабаевым: «В результате реорганизации приказа Казанского дворца, который ведал всем ясачным населением Поволжья, Урала и Сибири, в 1637 г. был образован Сибирский приказ. В его ведение переходили все служилые и ясачные татары Сибири, а все башкиры оставались под началом прежнего государственного учреждения и приписывались к Уфе. Вот тогда-то и начался массовый перевод волостей Зауралья из тюменской юрисдикции под уфимскую не по территориальному критерию, а по этническому. К 1629 г. к Уфимскому уезду отошла обширная Катайская волость по р. Исети. В 1641, 1646 и 1648 гг. башкиры Терсяцкой и Сынрянской волостей были выведены из подчинения верхотурского воеводы и переданы уфимским властям. Как пишет Б. А. Азнабаев, «московское правительство стремилось подчинить все башкирские волости уфимскому воеводе, не останавливаясь перед такими трудностями, как размеры административной территории и численность башкир» [41, с. 58.]. Я уже разбирал эту версию в одной из публикаций [36, с. 190–191], но повторюсь, чтобы анализ аргументов, изложенных в разделе «К вопросу о “тюрках Зауралья”» был комплексным. Итак, Б.А. Азнабаев, описывая ситуацию с якобы имевшей место официальной передачей ясачных волостей из состава Тюменского и Верхотурского уездов в ведение Уфимского уезда, ссылается исключительно на работу Г.Ф. Миллера [2, с. 77]. Мои попытки найти в «Истории Сибири» упоминания о подобной передаче волостей потерпели крах, такой информации там просто нет, по крайней мере, на той странице, на которую ссылается

Б.А. Азнабаев²⁶. Практически буквальное совпадение с текстом Б.А. Азнабаева по датам, но не по смыслу имеется в книге Б.О. Долгих: «*Часть верхуфимских «татар» (башкир) в 1641, 1646 и 1648 гг. «отошла на Уфу», хотя некоторые из них в 1645 г. продолжали еще числиться в Верхотурском уезде*» [10, с. 23]. Но здесь речь идёт не об официальной передаче волостей из Верхотурского уезда в Уфимский уезд, да и Верх-Уфимские волости это вовсе не Терсяцкая и Сынянская волости, а скорее Упейская, Катайская, возможно, Шуранская и Сызгинская [36, с. 197]. Процитированная информация из книги Б.О. Долгих совпадает с приведёнными выше выдержками из документов об уходе ясачных людей Верх-Уфимских волостей в уфимский ясак, оставив жён и детей на месте²⁷. Иначе говоря, никаких подтверждений того, что в действительности произошла официальная передача волостей от Верхотурского уезда в Уфимский – нет. Более того, если мы посмотрим на карты начала XVII в. или 1730–1740-х гг., то увидим, что территории Терсяцкой и Сынянской волостей относились к Верхотурскому уезду, позже к Екатеринбургскому ведомству [40, с. 195, 197, 291]. Локализация этих волостей описана в уже упоминавшейся статье [36, с. 183–203]. Что же касается Катайской волости, то уже в 1623 г. она указывается как «дальняя волость» Уфимского уезда [22, с. 423], а «ясашные татаровя зырянцы Уфимского уезду» упоминаются в 1635 г. [23, с. 492], т.е. оба случая ранее даты, указанной Б.А. Азнабаевым. Констатируем, что версия, предложенная авторами раздела «К вопросу о “тюраках Зауралья”», совершенно не выдерживает критики.

Рассмотрим ещё одно утверждение из цитированного фрагмента: «*Не случайно, после принятия русского подданства уже не было значительных вливаний инородных групп в состав башкирского народа, если не считать калмыков, каракалпаков и сартов, ставших башкирами посредством адаптации, т. е. “усыновления”*» [41, с. 53–54]. Как утверждает Б.А. Азнабаев [2, с. 46] и вслед за ним Б.И. Хамидуллин [41, с. 54–55], сарты и калмыки, составившие во второй половине XVIII в. Сарт-Калмацкую волость Челябинского уезда, стали башкирами через усыновление. Это развитие популярной в уфимской историографии версии, что стать башкиром можно было только с согласия всех башкир волости, так же, как и вотчинные права якобы можно было получить только с согласия башкирской общины [3, с. 78–87]. Об этом писал ещё К.Х. Рахматуллин: «Одним из распространенных путей проникновения чужеродных элементов в башкирскую общину являлось усыновление» [26, с. 131]. Однако, он утверждал, что были и другие пути включения представителей других групп в башкирскую общину, и отмечал: «Однако, несмотря на значимость, процесс совершенно не изучен» [26, с. 131]. При этом он отрицал возможность вхождения припущенников в состав башкирской общины.

Как бы то ни было, версия адаптации, как способа вхождения аюкинских калмыков и сартов в башкирское сословие очень далека от реальной истории. Земли аюкинским калмыкам и служилым сартам вместе со служилыми ме-

²⁶ Булат Ахмерович ссылается на «Историю Сибири» Г.Ф. Миллера, но ни в изданиях 1750 г. и 1937 г., ни в издании 2005 г., в томе I на указанной странице не идет речи об этих волостях и датируются документы, расположенные на этой странице, совсем другим временем – началом XVII в. [24, с. 407; 21, с. 407; 22, с. 407].

²⁷ СПбААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 2. Л. 181 об.

щеряками, были отведены указом Оренбургского губернского правления по их прошению. Сначала, в 1746 г., был произведён обмер «порозжей» территории и предписано: «А всего примером будет в том отводе разстояния длиннику сорок девять и поперешнику сорок восемь верст, но действием не производить, а ожидать о том, яко же и о допущении к тому поселению сарт и служилых мещеряков и калмык впредь желающих и на каких основаниях: в службах и в платеже ясака с башкирцами или особо им быть»²⁸. А уже в 1748 г. было определено: «Вышеписанные аюкинец Бурак Егораков и сарт Салтан Ахметев показали: ежели де ис показанной порозжей земли объявленные урочища мещерякам отданы будут, то они оставшею ис той порозжей земли угодьями... без удовольствия их землю оставить не надлежит, яко они с башкирцами общую службу служат, ясак равной платят, они ж и бывшие башкирское замешание верно служили, как то свидетельствуют выданные им от командиров указы. Того ради определили: в Исецкую провинциальную канцелярию послать указ, велеть предписанным просителям аюкинцу Бурану Ягоракову с калмыки и сартам ис показанной порозжей земли по вышепоказанному их здесь показанию при поселении при озере Урдабай, тако ж для содержания скота, под пашню и под сенокос отвести земли столько, сколько для их извороту надлежит со всеми к жительству человеческому угодья, дабы им всем как в землях, так и в угодьях недостатку быть не могло. И впредь для от²⁹ безспорного владения ту им землю ограничить и учиня чертеж в Оренбургскую губернскую канцелярию прислать, а таков же и в провинциальной канцелярии оставить для разнимательства всяких впредь могущих быть споров. А службы // им служить, ясак платить по прежнему равно з башкирцами, как то они доньне исчислятца»³⁰. Поясню дополнительно – все решения принимались Оренбургским губернским правлением на основании прошений мещеряков, служилых сартов и аюкинских калмык. Ни один из башкирских кланов в этой переписке участия не принимал и даже не упоминается ни в одном из документов. Решение об отводе им земли приняло то самое Оренбургское губернское правление, а не некие башкирские сообщества и оно же приняло решение о причислении их к башкирскому сословию – если сначала был вопрос: «в службах и в платеже ясака с башкирцами или особо им быть»³¹, то спустя 2 года то же правление указало: «А службы им служить, ясак платить по прежнему равно з башкирцами»³². Если здесь и есть «адопция», то только со стороны государства.

В свете информации процитированного выше документа особенно впечатляют интерпретации авторов рассматриваемого текста: «*Сарты и аюкинские калмыки были адоптированы в XVII–XVIII вв. и признавались другими башкирами в качестве башкир. Но для признания их со стороны властей понадобились специальные обращения к правительству. В наказе башкир Исетской провинции в Екатерининскую уложенную комиссию в 1767 г. про-*

²⁸ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 6. Оп. 4. Д. 7847. Л. 72.

²⁹ «от» в текст попала явно по ошибке переписчика.

³⁰ ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 7847. Л. 72–72 об.

³¹ ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 7847. Л. 72.

³² ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 7847. Л. 72–72 об.

звучало предложение, «чтобы оным сартам и калмыкам единственное уже звание иметь и именование башкирцами, а звание сарт и калмык оставить». Как результат, в XVIII в. в Зауралье возникает башкирская Сарт-Калмакская волость» [41, с. 54–55]. Как понятно из приведённой выше обширной цитаты из указа Оренбургского губернского правления, башкиры Сибирской дороги к формированию Сартской и Калмакской волостей, впоследствии объединившихся в одну Сарт-Калмакскую волость, отношения не имели. Возникновение этой административно-территориальной единицы являлось результатом взаимодействия служилых сартов и аюкинских калмык с властями Оренбургской губернии. Как видим, ни о какой адаптации башкирами указанных групп речи не идёт, местные власти в ответ на прошение сартов и аюкинских калмыков отводят им земли для проживания и ведения хозяйства и определяют, что платить ясак и нести службы они будут наряду с башкирами. Иначе говоря, губернские власти определяют их в башкирское сословие. Местное башкирское население в процессе наделения их землёй участия не принимало, равно как и в определении их социального статуса. Башкиры Каратабынской и Барытабынской нераздельных волостей в 1760-х гг. писали, что часть их земель «между крепостью Каракульской и аюкинских калмык служилых сарт ... с принадлежащими к ней озерами Чюбаратом, Алкезюгурганом, Тербяскулом и Сыркашлаганом да и протчими мелкими озерами и угодьями»³³ все еще оставалась «не розданной». Табынцы просили закрепить за ними документально право на бесспорное владение этой территорией. Губернское правление постановило, оставшуюся землю закрепить за табынцами поскольку те «уделением ис той их вотчиной земли во первых ичкинским татарам, а затем катаяцам и протчим людям итак несколько обиду чувствуют»³⁴. Земли ичкинским татарам и катаяцам были выделены тоже без привлечения табынцев – их просто поставили перед фактом.

В цитированном Б.А. Азнабаевым и С.И. Хамидуллиным Наказе в Уложенную комиссию речь шла не о том, чтобы включить сартов и калмыков в сословие башкир – они там и так уже были, а о том, чтобы не называть жителей новых волостей сартами и аюкинскими калмыками, оставив за ними только обозначение «башкиры». Но как раз это пожелание было оставлено без внимания и ещё в начале XIX в. в документах фигурируют сарты и аюкинские калмыки³⁵. Что не мешало властям считать их башкирами, как и катаяцев, табынцев и т.д. Кстати, волости (раздельно Сартская и Калмацкая) сформировались уже в 1750-х гг., более того, они в эти годы уже припускали на территорию своих волостей башкир других кланов, в частности, Катайской волости, задолго до составления наказов в Уложенную комиссию³⁶. Соответственно, хлопотать о создании волости для аюкинских калмык и служилых сартов в 1768 г. было совершенно не актуально, поскольку их волости (раздельные, хоть и соседствующие) к этому времени уже существовали.

³³ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. И-115. Оп. 1. Д. 42. Л. 3.

³⁴ ОГАЧО. Ф. И-115. Оп. 1. Д. 42. Л. 8 об.

³⁵ Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИАРБ). Ф. 129. Оп. 2. Д. 138. Л. 209–220.

³⁶ ГАОО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 7847. Л. 84.

Если интересен этап истории сартов и аюкинских калмык, предшествовавший формированию Сарт-Калмацкой (Сарт-калмацкой) волости, а также некоторые детали о самой волости, то можно обратиться к имеющимся работам [29, с. 45–50; 31, с. 153–159; 37, с. 275–294].

Приведу ещё одну большую цитату из работы оппонентов: *«Адоптированные группы получили в качестве вотчин «порозжие» земли других башкирских племен Зауралья. Территория нынешнего Сафакулевского района Курганской области, где ныне проживают башкиры-сарты и башкиры-калмаки, в прошлом была вотчиной башкир рода Табын. Что касается сынрянцев и терсяков, то об их адаптации или иных формах интеграции в источниках ничего не сообщается. Напротив, в коллективных челобитных они предстают как «природные башкирцы». При этом нужно учесть, что в подобных документах попытка представить дело в искаженном свете исключается, поскольку это бросало бы тень на других челобитчиков. Поэтому башкир-вотчинник никогда бы не взял в «товарищи» самозванца, объявившего себя потомственным вотчинником. К тому же обман мог быть легко разоблачен со стороны чиновников Уфимской приказной избы, имевших под рукой весь комплекс царских грамот, касающихся башкирского землевладения. Таким образом, терсяки и сынрянцы предстают в документах как исконные башкиры, обладавшие вотчинным правом»* [41, с. 55]. Сартам и калмыкам действительно отвели земли из вотчинных угодий Каратабынской и Барынтабынской нераздельных волостей, только отвели их не табынцы и не представители других башкирских родов Зауралья, а власти Оренбургской губернии. Что же касается остального текста, то он сводится к тому, что цитированную в начале статьи челобитную башкир Сибирской дороги писали вотчинники, а, следовательно, они все были изначально башкирами, в том числе и сынрян и терсяк. Выше показана абсолютная ошибочность мнения о том, что только башкиры были вотчинниками. Повторю ещё раз: вотчинным правом пользовалось ясачное население Московского государства от Волги до Западной Сибири. Поэтому пытаться реконструировать для этого времени некую «этническую» идентичность, отталкиваясь от того, что человек был вотчинником – нелепо.

Ещё один любопытный пассаж: *«Особняком стояла Бачкырская (Башкурская) волость, которая в военно-административном отношении находилась в ведомстве Тюменского уезда, а по вопросам землевладения и выплаты ясака подчинялась Уфе. Соответственно, бачкырцы одновременно были уфимскими башкирами-вотчинниками и тюменскими служилыми татарами»* [41, с. 58]. Этот текст не снабжён какими бы то ни было ссылками на источники, либо на публикации, но логика авторских рассуждений (абсолютно не верных) понятна. Они исходят из упоминаний башкир/бушкурцев в контексте побега 50 служилых татар из Тюмени в 1600 г. [23, с. 174, 187; 27, стб. 53–54], и соотносят их с башкирами Бушкурской волости, платившими ясак на Уфу.

Башкиры/бачкыры/бушкурцы в Тюменском уезде составляли отдельную Бушкурскую волость, которая располагалась на р. Исети и именно на её землях были поставлены Китайский острог и Далматов монастырь [17, с. 363–396; 18, с. 57–72]. Значительная часть жителей Бушкурской волости платила ясак, а часть относилась к служилым татарам. Ясак они платили на Тюмени и

службу несли в Тюмени. Вполне возможно, что исходно эти люди относились к клану катай [40, с. 217], представители которого считали себя башкирами – отсюда и название волости. Что же касается того, что Бушкурская волость «по вопросам землевладения и выплаты ясака подчинялась Уфе», то здесь сказывается незнание авторами материала. В конце XVII в. группа представителей Бушкурской волости перебралась в Уфимский уезд и поселились на оз. Пороховом деревней Ураскильдиной. В 1745 г. в деревне проживало около 10 семей. Своей земли они не имели, пользовались вотчиной башкир Салзаутской (Сальютской) волости³⁷. При этом сохраняли обозначение «бушкурцы», приобретённое во время проживания в Тюменском уезде. Так что группа башкир Бушкурской волости действительно жила в деревне Ураскильдиной в Уфимском уезде, платила ясак и была подсудна на Уфе. Но ясачные татары Бушкурской волости, жившие в Тюменском уезде, ни в коей мере не управлялись из Уфы, а платили ясак и несли службы на Тюмени. То есть никакой системы двойного подчинения не было, а был переход очередной группы ясачного населения из Тюменского уезда в Уфимский ясак. Причём с сохранением позднего наименования («бушкурцы») вместо исходного «катай». Не надо путать башкир Бушкурской волости Уфимского уезда и ясачных татар Бушкурской волости Тюменского уезда.

Всё же тюрки Зауралья

В начале статьи я уже указал, что своё видение ситуации и аргументацию я приводил в различных публикациях, поэтому здесь изложу кратко. Объясняется всё довольно просто: формирование башкир, как и сибирских татар, как единых общностей, которые мы знаем сегодня, происходило уже в рамках Московского государства / Российской империи. В документах дореволюционного периода понятия «башкиры» и «татары» обычно носят характер сословных обозначений, а не этнических маркеров [32, с. 34–45; 33, с. 138–142]. Именно в рамках этих сословных групп и происходило формирование идентичностей общностей башкир (в том числе зауральских) и сибирских татар. Р.Г. Кузеев в своё время лаконично и ёмко написал о формировании идентичности зауральских тюрков XVI–XVII веков: «Часть тюркского населения Северо-Восточной Башкирии и особенно Зауралья еще не определила прочно своих политических позиций по отношению к Русскому государству, в состав которого добровольно вошла подавляющая часть башкирских племен, и к Сибирскому ханству, поражение и кризис которого вырисовывались ясно, но на стороне которого были традиционные симпатии некоторых кочевников. В этих условиях вполне допустима и неопределенность этнического тяготения тех или иных родоплеменных групп к башкирам и сибирским татарам» [16, с. 244].

И один, но очень показательный документ 1662 г.: «да на том же бою взяли Япанчинского ясаку татарку Пелевну, и та де татарка ему Федору сказала: стоит де царевич Бугай Салтан у озера Иретеша за Исетью в степи, а с ним де стоят изменники Башкирцы, Сынгранцы, Бушкурты, Сонгуты, Терсяки, Аилы, да с ними ж де в заговоре все Татаровя и Вогуличи Верхотурские и Тюменские и Епанчинские и Пелымские и Кондийские...» [11, с. 290]. В изложении ясачной жительницы Туринского уезда отдельно обозначены баш-

³⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1092а. Л. 338 об.–339.

киры и представители родоплеменных групп сынрян, салют (сонгуты), терсяк, айле или аялы (аилы) и представитель Бушкурской (Бачкырской) волости Тюменского уезда. Какая группа в этом случае подразумевалась под названием «башкиры» сказать сложно, возможно население волостей по р. Уфе: Кайтайской, Упейской, Шуранской...

В заключение вынужден констатировать, что у меня имеются все основания использовать обозначение «тюрки Зауралья» и настаивать на том, что понятия «башкиры» и «татары» в дореволюционных документах обычно являются сословными номинациями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII вв. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 370 с.
2. Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа: БашГУ, 2005. 228 с.
3. Азнабаев Б.А. Формирование родоплеменной структуры «колмак» в башкирском этносе // Уральский исторический вестник. 2017. № 2 (55). С. 78–87.
4. Азнабаев Б.А., Буляков И.И. Вотчинное законодательство XVI в. и башкирское землевладение // Башкирское общество конца XVI–XVII в. по документам Уфимской приказной избы. Сборник документов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. С. 36–53.
5. Акманов А.И. Земельная политика царского правительства в Башкирии. Уфа: Китап, 2000. 208 с.
6. Акманов А.И. Земельные отношения в Башкортостане и башкирское землевладение во второй половине XVI – начале XX в. Уфа: Китап, 2007. 360 с.
7. Акты исторические собранные и изданные Археографической комиссией. Т. III: 1613–1645. СПб.: Тип. 2-го отд-ния собственной е.и.в. канцелярии, 1841. 538 с.
8. Акты исторические собранные и изданные Археографической комиссией. Т. V: 1676–1700. СПб.: Тип. 2-го отд-ния собственной е.и.в. канцелярии, 1842. 572 с.
9. Беляков А.В. Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. ст. Вып. 5: Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. С. 154–210.
10. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 623 с.
11. Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. Т. IV: 1846–1872. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1851. 445 с.
12. Ислаев Ф.Г. Писцовая книга пермских татар // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2008. № 1. С. 45–59.
13. История башкирского народа: в 7 томах. Т. III. Уфа: Гилем, 2011. 476 с.
14. Исхаков Р.Р. Оброчные вотчины татар Западного Приуралья (конец XVI – начало XVII вв.) // Южный и Средний Урал от хана Бату до Николая I. Челябинск: ФССКН «Общественный фонд «Южный Урал», 2023. С. 35–59.
15. Корепанов Н.С. «Горная власть» и башкиры в XVIII в.: сб. документов. URL: <http://book.uraic.ru/elib/Authors/korepanov/Sait3/110g2.htm> (дата обращения: 16.05.2024).

16. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения / Отв. ред. Т.А. Жданко. М.: Наука, 1974. 570 с.
17. Маслюженко Д.Н., Самигулов Г.Х. Тюркские группы Южного Зауралья в XV–XVII вв.: государственные, административные, территориальные, этносоциальные трансформации // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 2. С. 363–396. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-2.363-396>
18. Маслюженко Д.Н., Самигулов Г.Х. Тюркские ясачные волости в Приисетье в первой половине XVII в. // Вопросы истории, 2017. № 1. С. 57–72.
19. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 4. Ч. 2 / Отв. ред. Н.В. Устюгов. М.: Наука, 1956. 596 с.
20. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. / Отв. ред. А. Чулошников. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. 631 с.
21. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1 / Отв. ред. И.И. Мещанинов. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. 607 с.
22. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. 3-е изд. / Ред. кол. Батянова Е.П., Вайнштейн С.И. и др. М.: Вост. лит., 2005. 630 с.
23. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. II. Изд. 2-е дополн. / Ред. кол. Батянова Е.П., Вайнштейн С.И. и др. М.: Восточная литература, 2000. 796 с.
24. Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел, от начала, а особливо от покорения Российской державе по сии времена. Книга первая. СПб.: Императорская академия наук, 1750. 510 с.
25. Рахматуллин У.Х. Крестьянское заселение Башкирии в XVII–XVIII вв. // Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XVII – начале XX вв. Уфа: Башкирский филиал Академии наук, 1981. 127 с.
26. Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М.: Наука, 1988. 188 с.
27. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 2. СПб.: б.и., 1875. 1228 стб.
28. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург: Императорское Русское Географическое Общество, 1887 (Типография Б. Бреслина). 405 с.
29. Самигулов Г.Х. Аюкинские калмыки: к истории этнической группы // Вестник Челябинского государственного университета, 2015. № 14 (369). Серия История. Вып. 64. С. 45–50.
30. Самигулов Г.Х. Вотчины ясачных людей XVI–XVIII вв. от Поволжья до Западной Сибири // Служилые и ясачные люди в России XV–XIX вв.: особенности землевладения, сословные номинации. Челябинск: изд-во Библиотека А. Миллера, 2022. С. 111–126.
31. Самигулов Г.Х. Из истории зауральских башкир-сартов (XVIII век) // Гороховские чтения: Материалы седьмой региональной музейной конференции. Челябинск: ОГБУК «Государственный исторический музей Южного Урала», 2016. С. 153–159.
32. Самигулов Г.Х. Изменения сословной группы «башкиры» в середине XVIII – начале XX века // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2019. Т. 9. № 1. С. 34–45.
33. Самигулов Г.Х. Использование этнонимов в качестве названий групп ясачного населения и связанные с этим проблемы изучения ясачных волостей: Зауралье XVII в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (43). С. 138–142.
34. Самигулов Г.Х. Тептяри и тептярский ясак в XVII – начале XVIII века // Вестник Челябинского государственного университета, 2015. № 24 (379). Серия История. Вып. 66. С. 25–30.

35. Самигулов Г.Х. Тюрки Южного Зауралья в конце XVI – первой половине XVIII века: консолидация/разделение – к постановке вопроса // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы Международной конференции. Курган: Курганский государственный университет, 2011. С. 127–131.

36. Самигулов Г.Х. Тюркские волости Верхотурского уезда XVII века // Научный диалог. 2017. № 1. С. 183–203.

37. Самигулов Г.Х. Формирование тюркской группы калмак и Сарт-Калмакской волости в Южном Зауралье XVIII века // Научный диалог. 2018. № 9. С. 275–294.

38. Самигулов Г.Х. Ясак, оброк, вотчина – ясачное население Волго-Уралья и Западной Сибири XVII–XVIII вв. // Система землевладения и социальные категории населения Волго-Уралья и Западной Сибири XVI–XIX вв. материалы Всероссийской научной конференции. Вып. 1. Казань: Институт истории им. Шигабутдина Марджани АН РТ, 2021. С. 118–129.

39. Самигулов Г.Х. Ясачные люди, иноземцы, ясак и дарообмен – практические размышления о теории // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 2. С. 342–369.

40. Самигулов Г.Х., Маслюженко Д.Н., Моисеев М.В. Южное Зауралье в первой трети XV – конце XIX вв. / История Южного Урала в 8 т. Т. 6. Челябинск: Издательский дом ЮУрГУ, 2019. 432 с.

41. Хамидуллин С.И., Азнабаев Б.А. и др. История башкирских родов. Т. 19. Сальют, терсяк, сыряня, бикатин, сырзы, шуран. Уфа: «Китап», 2016. 584 с.

REFERENCES

1. Aznabaev B.A. Bashkir society in the 17th – first third of the 18th centuries AD. Ufa: Research and Information Center of Bashkir State University, 2016. 370 p. (In Russian)

2. Aznabaev B.A. Integration of Bashkiria into the administrative structure of the Russian state (second half of the 16th – first third of the 18th centuries AD). Ufa: Bashkir State University, 2005. 228 p. (In Russian)

3. Aznabaev B.A. Formation of the Kolmak tribal structure in the Bashkir ethnic group. *Ural Historical Journal*. 2017, no. 2 (55), pp. 78–87 (In Russian)

4. Aznabaev B.A., Bulyakov I.I. Votchina legislation in the 16th century AD and Bashkir land ownership. Bashkir society of the late 16th – 17th centuries AD according to documents from the Ufa Prikaz Izba. Collection of documents. Ufa: IIAL UNTs RAN (Research Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre, RAS), 2015, pp. 36–53 (In Russian)

5. Akmanov A.I. Land policy of the tsarist government in Bashkiria. Ufa: Kitap, 2000. 208 p. (In Russian)

6. Akmanov A.I. Land relations in Bashkortostan and Bashkir land ownership in the second half of the 16th – early 20th centuries AD. Ufa: Kitap, 2007. 360 p. (In Russian)

7. Historical acts collected and published by the Archaeographic Commission, vol. 3: 1613–1645. St. Petersburg: Tipografiia vtorogo otdeleniia sobstvennoj e.i.v. kantselyarii, 1841. 538 p. (In Russian)

8. Historical acts collected and published by the Archaeographic Commission, vol. 5: 1676–1700. St. Petersburg: Tipografiia vtorogo otdeleniia sobstvennoj e.i.v. kantselyarii, 1842. 572 p. (In Russian)

9. Belyakov A.V. Scribe book of Mordovian villages of Kadomsky district of the 138th (1629/30) year. Medieval Turkic-Tatar states. Collection of papers. Vol. 5: Issues of source study and historiography of the history of medieval Turkic-Tatar states. Kazan:

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2013, pp. 154–210 (In Russian)

10. Dolgikh B.O. Clan and tribal composition of the peoples in Siberia during the 17th century AD. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1960. 623 p. (In Russian)

11. Supplements to the historical acts collected and published by the Archaeographic Commission. Vol. 4: 1846–1872. St. Petersburg: Tipografiia vtorogo otdeleniia sobstvennoj e.i.v. kantselyarii, 1851. 445 p. (In Russian)

12. Islaev F.G. Scribe book of the Perm Tatars. *Gasyrlar avazy* = *Echo of centuries*. 2008, no. 1, pp. 45–59 (In Russian)

13. History of the Bashkir people: in 7 volumes. Vol. 3. Ufa: Gilem, 2011. 476 p. (In Russian)

14. Iskhakov R.R. Obrok votchinas of the Tatars of the Western Urals (late 16th – early 17th centuries). Southern and Middle Urals from Khan Batu to Nicholas I. Chelyabinsk: Foundation for the Preservation of Cultural Heritage “Southern Ural”, 2023, pp. 35–59 (In Russian)

15. Korepanov N.S. "Mountain power" and the Bashkirs in the 18th century: collection of documents. URL: <http://book.uraic.ru/elib/Authors/korepanov/Sait3/110g2.htm> (accessed 16.05.2024) (In Russian)

16. Kuzev R.G. Origin of the Bashkir people: Ethnic composition, history of settlement / ed. By T.A. Zhdanko. Moscow: Nauka, 1974. 570 p. (In Russian)

17. Maslyuzhenko D.N., Samigulov G.Kh. Turkic groups of the Southern Trans-Urals in the 15th–17th centuries AD: state, administrative, territorial, and ethnosocial transformations. *Zolotoordynskoe obozrenie*=*Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 2, pp. 363–396. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2017-5-2.363-396> (In Russian)

18. Maslyuzhenko D.N., Samigulov G.Kh. Turkic yasak volosts in the Isetsk region in the first half of the 17th century AD. *Voprosy Istorii*. 2017, no. 1, pp. 57–72 (In Russian)

19. Materials on the history of the Bashkir ASSR. Vol. 4. Part 2. Ed. by N.V. Ustyugov. Moscow: Nauka, 1956. 596 p. (In Russian)

20. Materials on the history of the Bashkir ASSR. Part 1. Ed. by A. Chuloshnikov. Moscow–Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1936. 631 p. (In Russian)

21. Miller G.F. History of Siberia. Vol. 1. Ed. by I.I. Meshchaninov. Moscow–Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1937. 607 p. (In Russian)

22. Miller G.F. History of Siberia. Vol. 1. 3rd ed. Ed. by Batyanova E.P., Weinstein S.I. et al. Moscow: Vostochnaia Litetatura, 2005. 630 p. (In Russian)

23. Miller G.F. History of Siberia. Vol. 2. 2nd supplemented edition. Ed. by E.P. Batyanova, S.I. Weinstein, et al. Moscow: Vostochnaia Litetatura, 2000. 796 p. (In Russian)

24. Miller G.F. Description of the Siberian kingdom and all the affairs that took place in it, from the beginning, and especially from the subjugation of the Russian state to the present time. Book one. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1750. 510 p. (In Russian)

25. Rakhmatullin U.Kh. Peasant settlement of Bashkiria in the 17th–18th centuries AD. Peasantry and peasant movement in Bashkiria in the 17th – early 20th centuries. Ufa: Bashkir branch of the Academy of Sciences, 1981. 127 p. (In Russian)

26. Rakhmatullin U.Kh. Population of Bashkiria in the 17th–18th centuries AD. Issues of formation of the non-Bashkir population. Moscow: Nauka, 1988. 188 p. (In Russian)

27. Russian Historical Library, published by the Archaeographic Commission. Vol. 2. St. Petersburg, 1875. 1228 columns. (In Russian)

28. Rychkov P.I. Topography of the Orenburg Province. Orenburg: Imperatorskoe Russkoe Geograficheskoe Obschestvo, 1887 (Tipografiia B. Breslina). 405 p. (In Russian)

29. Samigulov G.Kh. Ayukinsky Kalmyks: on the history of an ethnic group. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, Series History. 2015, no. 14 (369). Iss. 64, pp. 45–50 (In Russian)
30. Samigulov G.Kh. Estates of yasak-paying people of the 16th–18th centuries from the Volga region to Western Siberia. In: Service and yasak-paying people in Russia in the 15th–19th centuries: features of land ownership, class nominations. Chelyabinsk: Biblioteka A. Millera, 2022, pp. 111–126 (In Russian)
31. Samigulov G.Kh. From the history of the Trans-Ural Bashkir-Sarts (18th century), Gorokhov readings: Proceedings of the seventh regional museum conference. Chelyabinsk: OGBUK “Gosudarstvennyy istoricheskiy muzey Yuzhnogo Urala”, 2016, pp. 153–159 (In Russian)
32. Samigulov G.Kh. Changes in the class group “Bashkirs” in the mid-18th – early 20th centuries AD. *From the history and culture of the peoples of the Middle Volga region*. 2019, vol. 9, no. 1, pp. 34–45 (In Russian)
33. Samigulov G.Kh. Use of ethnonyms as names of yasak population groups and related problems of studying yasak volosts: Trans-Urals in the 17th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya = Tomsk State University Journal of History*. 2016, no. 5 (43), pp. 138–142 (In Russian)
34. Samigulov G.Kh. Teptyari and Teptyar yasak in the 17th – early 18th centuries. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, History Series. 2015, no. 24 (379). Iss. 66, pp. 25–30 (In Russian)
35. Samigulov G.Kh. The Turks of the Southern Trans-Urals in the late 16th – first half of the 18th century: consolidation/division – towards posing the question. History, economy and culture of the medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia. Proceedings of the International Conference. Kurgan: Kurgan State University, 2011, pp. 127–131 (In Russian)
36. Samigulov G.Kh. Turkic volosts of the Verkhoturysky uезд in the 17th century. *Nauchnyy dialog = Scientific dialogue*. 2017, no. 1, pp. 183–203 (In Russian)
37. Samigulov G.Kh. Formation of the Turkic group Kalmak and the Sart-Kalmak volost in the Southern Trans-Urals in the 18th century. *Nauchnyy dialog = Scientific dialogue*. 2018, no. 9, pp. 275–294 (In Russian)
38. Samigulov G.Kh. Yasak, obrok, votchina – yasak-paying population of the Volga-Urals and Western Siberia in the 17th–18th centuries AD. Land ownership system and social categories of the population in the Volga-Urals and Western Siberia during the 16th–19th centuries AD. Proceedings of the General Russian scientific conference. Iss. 1. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2021, pp. 118–129 (In Russian)
39. Samigulov G.Kh. Yasak people, foreigners, yasak and gift exchange – practical reflections on the theory. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 2, pp. 342–369 (In Russian)
40. Samigulov G.Kh., Maslyuzhenko D.N., Moiseev M.V. Southern Trans-Urals in the first third of the 15th – late 19th centuries AD. History of the Southern Urals in 8 volumes. Vol. 6. Chelyabinsk: Publishing Centre – South Ural State University (SUSU), 2019. 432 p. (In Russian)
41. Khamidullin S.I., Aznabaev B.A. and others. History of Bashkir clans. Vol. 19. Salyut, Tersyak, Synryan, Bikatin, Syrzy, Shuran. Ufa: Kitap, 2016. 584 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гаяз Хамитович Самигулов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (454080, проспект Ленина, 76, Челябинск, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-4695-5633, ResearcherID: T-6331-2017. E-mail: gayas_@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gayaz Kh. Samigulov – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow of the Eurasian Studies Research and Education Centre, South Ural State University (National Research University) (76, Lenin Avenue, Chelyabinsk 454080, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-4695-5633, ResearcherID: T-6331-2017. E-mail: gayas_@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 25.09.2025

Поступила после рецензирования / Revised 01.12.2025

Принята к публикации / Accepted 02.12.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.928-938>
EDN: PKPHYG

УДК 94(470.4)''15''

ЧУВАШСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

С.В. Охотникова

*Чувашский государственный институт гуманитарных наук
Чебоксары, Российская Федерация
svetlana-goncharova7@rambler.ru*

Резюме. Целью исследования является анализ информативности чувашских исторических преданий для реконструкции общей картины исторического прошлого Казанского ханства и Чувашского края в его составе.

Материалы исследования: статья основана на изучении как опубликованных, так и не опубликованных исторических преданий, хранящихся в фондах научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Результаты и научная новизна: Автором прослежены основные исторические сюжеты периода Казанского ханства, при освещении которых предания могут значительно дополнить и расширить источниковую базу исследователя. Проведенное исследование показало, что чувашские предания – важный источник для реконструкции внутренней и внешней политики Казанского ханства, однако их использование требует перекрестной проверки с письменными и археологическими данными, а также учета таких жанровых особенностей фольклора как гиперболизация и символизм. Анализ преданий требует критического подхода, однако они позволяют взглянуть на события эпохи через призму коллективной памяти чувашского народа, который входил в орбиту влияния ханства, сохраняя при этом элементы автономии и культурной самобытности. События Казанского ханства в преданиях часто смешиваются с более ранними или поздними эпохами. Большинство преданий было записано в XVIII–XIX вв., что могло исказить первоначальные сюжеты под влиянием русской культуры и православия.

Ключевые слова: исторические предания, Казанское ханство, Чувашский край, чуваша, татары, исторический источник

Для цитирования: Охотникова С.В. Чувашские исторические предания как источник по истории Казанского ханства: к постановке проблемы // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 4. С. 928–938. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.928-938> EDN: PKPHYG

© Охотникова С.В., 2025



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

CHUVASH HISTORICAL LEGENDS AS A SOURCE FOR THE KAZAN KHANATE HISTORY: TO THE PROBLEM STATEMENT

S.V. Okhotnikova

*Chuvash State Institute of Humanities
Cheboksary, Russian Federation
svetlana-goncharova7@rambler.ru*

Abstract. Objective: The aim of the study is to analyze the informativeness of Chuvash historical traditions for the reconstruction of the general picture of the historical past of the Kazan Khanate and the Chuvash region within it.

Research materials: The article is based on the study of both published and unpublished historical traditions (sources) stored in the funds of the scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities.

Results and scientific novelty: The author traced the main historical plots of the Kazan Khanate period, covering which of the traditions can significantly supplement and expand the source base of the researcher. The conducted research has shown that Chuvash legends are an important source for reconstructing the domestic and foreign policy of the Kazan Khanate, but their use requires cross-checking with written and archaeological data, as well as taking into account such genre features of folklore as hyperbolization and symbolism. The analysis of legends requires a critical approach, but they allow us to look at the events of the era through the prism of the collective memory of the Chuvash people, who were within the orbit of the Khanate's influence, while maintaining elements of autonomy and cultural identity. The events of the Kazan Khanate in legends are often mixed with earlier (Volga Bulgaria) or later (the period of the Russian state) eras. Most of the legends were recorded in the 18th–19th centuries which could have resulted in distortion of the original plots under the influence of Russian culture and Orthodoxy.

Keywords: historical legends, Kazan Khanate, Chuvash region, Chuvashes, Tatars, historical source

For citation: Okhotnikova S.V. Chuvash historical legends as a source for the Kazan Khanate history: to the problem statement. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 4, pp. 928–938. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.928-938> (In Russian)

В условиях крайнего дефицита исторических источников по истории народов Казанского ханства сложно переоценить значение дошедших до наших дней исторических преданий, созданных коллективной народной памятью на основе реальных фактов. К изучению чувашских исторических преданий о Казанском ханстве обращались как дореволюционные этнографы и историки (В.К. Магницкий, С.М. Михайлов, Н.В. Никольский), собиравшие и публиковавшие их тексты, так и ученые советского периода (М.Я. Сироткин, В.Ф. Каховский, В.Д. Димитриев и др.), проводившие исследования в рамках марксистско-ленинской методологии. На современном этапе чувашские исторические предания о Казанском ханстве нуждаются в дальнейшем изучении, особенно в плане разработки новых методологических подходов и комплексного анализа в контексте истории и культуры Поволжья. Данная статья призвана стать шагом в данном направлении.

Предания, как известно, содержат большее количество исторических сведений, нежели другие фольклорные жанры. Рассмотрим основные сюжеты из истории Казанского ханства, получившие отражение в чувашских преданиях. В преданиях освещено хозяйственное развитие Чувашского края в составе Казанского ханства. Записи сообщают, что основные занятия чувашей заключались в хлебопашестве, скотоводстве, сборе орехов и желудей, заготовке лыка и плетении лаптей, охоте на пушных зверей (куниц, зайцев, хорьков, норок), бортничестве. Они свидетельствуют об активной торговле между русскими и чувашами. Согласно преданиям, чувашаи активно занимались кузнечным делом и металлообработкой, и среди них были весьма искусные кузнецы [17, с. 79–80]. Несмотря на богатство края, жили крестьяне весьма скромно: чувашские деревни были небольшие, с хаотичной застройкой без улиц, окна в избах были маленькие¹. В казну казанских ханов с чуваш собирали ясак [17, с. 163]. Чувашаи обрабатывали земли феодалов, строили им дома². Некоторые феодалы злоупотребляли рекрутской повинностью, и брали рекрутов «по семи раз в год» [9, с. 367].

В чувашских преданиях получила отражение внутренняя политика, проводимая в ханстве по отношению к подчиненным народам. Управление Чувашским краем находилось в руках татарских феодалов, обосновавшихся на Горной стороне. Имена некоторых из них и места их проживания упоминаются в преданиях. К примеру, близ д. Малые Яуши (Кёсёң Кипек) Вурнарского муниципального округа жил наместник казанского хана Кибек³, в д. Шигали Канашского муниципального округа – татарский князь Шигалей⁴, в д. Янгильдино Красночетайского муниципального округа – татарский феодал Янглей⁵ и др. Кроме того, предания сообщают о татарских надмогильных плитах («чол-боба») XV–XVI вв., имевшихся в прошлом на правобережье Волги на территории Ядринского уезда⁶. В целом они представляют татарских феодалов жесткими управленцами [12, с. 331], угнетавшими чувашских крестьян⁷. Эта оценка во многом перекликается со сведениями марийских преданий, сообщающих о притеснениях общинников-марийцев со стороны хана и мурз [11, с. 147, 151].

Согласно преданию, записанному в конце XIX в. в с. Шумшеваши Ядринского уезда (ныне Аликовский муниципальный округ), чувашаи в составе Казанского ханства имели своего «царя» (окружной князь «ёмпұ») и своих начальников (чувашские феодалы). Последним чувашским «царем», терпевшим унижения от казанского хана, был Пике. Устав от подобного отношения, Пике отправился к русскому царю и попросил его завоевать Казанское ханство [17, с. 87–88].

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 101. С. 41–48.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 208. С. 376–383.

³ НА ЧГИГН. Т. 617. Л. 37–39 об. Запись И.Г. Зябликова 1923 г.; Л. 67. Запись И. Григорьева 1929 г.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 196. С. 25. Запись И. Флоренцева 1900 г.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 17. Л. 50. Запись П.А. Ястребова 1929 г.

⁶ ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 13. Л. 26, 265, 297; Д. 26. Л. 18, 20, 26; НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 196. С. 328. Запись В. Кедрова 1900 г.; Отд. III. Ед. хр. 374. Л. 2, 6. №1. Запись Е.С. Сидоровой 1974 г.; Ед. хр. 513. Л. 97.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 21. С. 256.

Многочисленны предания, подробно характеризующие чувашских феодалов – князей и тарханов, находившихся в подчинении татарских военачальников и наместников. В них чувашские князьки зачастую описаны как угнетатели крестьян, служившие надежной опорой казанских ханов и татарских феодалов. В памяти народа сохранились сведения о чувашском улбуге Шемердене, жившем на месте современного с. Большие Шемердяны Ядринского муниципального округа. Злой Шемердень очень сильно притеснял слуг, работавших в его хозяйстве, поэтому слуги из Четаевских деревень уходили от него с проклятиями. Он настолько враждовал со своими братьями Хмаркой и Таганашем, что родственники покинули его и осели в других деревнях. С тех пор бытует пословица «Не садитесь на шемерденево место, не выстругав его». Согласно другому преданию, сын Шемерденя Хочаш также был вынужден удалиться из отцовского дома и поселиться на месте современного с. Хочашево⁸. Чувашский феодал Уразмедь, живший в д. Уразмедево Чебоксарского уезда, также заслужил недобрую славу у крестьян, собирая с них подать для хана и захватывая силой девушек. Уразмедь был очень богат: в деревне «у него были два сада, между садами в середине были каменные дома», где хранились золото и серебро [1, с. 288, 289]. Казанское правительство, устав от жалоб населения, выслало войско, схватившее и убившее Уразмеда⁹.

Предания сообщают и о чувашских феодалах, проявлявших себя как справедливые и мудрые правители. Так, благодаря одному из них, жившему вблизи от с. Александровское Моргаушского муниципального округа в крепости Сярт, местные чувашы были богаче, чем «чувашы, подведомые другим князькам»¹⁰. Были и те, кто осмеливался открыто выступить против ханских людей для защиты крестьян от творимого произвола: чувашский тархан Ахплат, живший в д. Пинер (ныне г. Канаш), разбил отряд военачальника казанского хана Шихабыла, сжегшего д. Шихабылово (ныне Урмарский муниципальный округ) и захватившего чувашей в плен [17, с. 88].

Из преданий известны некоторые сведения о межрелигиозных взаимодействиях татар и чувашей на территории Чувашского края. Одно из них сообщает о случае похищения чувашек отрядом казанских татар и обращения их в мусульманскую веру. После возвращения в д. Чуракасси (Средние Шешкары) Татаркассинского района (ныне д. Чуракасси Моргаушского муниципального округа) женщины остались приверженками ислама¹¹. Некоторые чувашские феодалы (например, упомянутый выше Уразмедь), приняв мусульманство, также склоняли к этому чувашских крестьян, находившихся в их ведении¹². Имеются также предания, свидетельствующие о достаточно лояльном отношении татар к язычникам, служившим казанскому хану. Среди таковых упоминаются знахарь Салтык из д. Вурумсют Чебоксарского уезда, вылечивший хана¹³, юмзя (жрец) Орахча, живший у р. Шинер¹⁴.

⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 208. С. 376–383; ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 9. Л. 45; Д. 14. Л. 144.

⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 581. Л. 32.

¹⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 196. С. 262, 263. Запись В. Громова и С. Огоркова 1900 г.; Т. 579. Л. 169; Т. 154. С. 77, 78. Запись И.И. Иванова 1905 г.

¹¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 579. Л. 18.

¹² НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 581. Л. 32.

¹³ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 196. С. 141. Запись В. Смелова 1900 г.

В исторических преданиях чувашей получили отражение некоторые аспекты внешней политики Казанского ханства, центральным вопросом которой являлись взаимоотношения с Москвой. Противостояние с Русским государством сопровождалось постоянными военными действиями, нередко происходившими на территории Чувашии. Летописи, сохранившие не все сведения о вооруженных конфликтах, сообщают о девяти сражениях на чувашской земле, случившихся в период с 1467 по 1530 гг. [4, с. 28]. Так, в предании о городище Пиндерь Сырч, расположенном южнее д. Изамбаево Ядринского муниципального округа, говорилось о том, что «русское войско стреляло по городищу из пушек» [9, с. 367]. С вооруженным конфликтом между чувашами и русскими предание связывает происхождение кургана у д. Сятраево Ядринского муниципального округа¹⁵. В предании о д. Большое Аккозино Мариинско-Посадского муниципального округа сообщается о конфликте русских и чувашей, во время которого священный дуб якобы испускал туман, который скрыл чувашей от русских воинов¹⁶.

Чувашское предание содержит сведения и о противостоянии гарнизона татарской крепости и русских войск на марийской земле. При нападении русских на острог, находившийся на Сундырской горе (около с. Малый Сундырь Козьмодемьянского уезда) и окруженный дубовым лесом, гарнизон скатывал на них с вершины горы огромные дубовые стволы, которые низвергали нападавших в Волгу [12, с. 33–35, 43].

Некоторые из чувашских феодалов были активными участниками «войн», выступая на стороне ханских войск. Так, улбут Шемердень известен благодаря преданию как воинственный владетель, совершавший походы против соседних народов. Кроме того, он имел связи с русскими князьями¹⁷. Исходя из этих сведений, фольклорного Шемерденя отождествляют с упомянутым в летописи князем Шемердедем Чурачиковым, который в 1529 г. в составе посольства казанского хана участвовал в переговорах с великим князем Василием III [6, с. 24; 15, с. 46]. Предание сообщает, что чувашский феодал Уразмедь, некоторое время живший у казанского хана, также был предводителем войска и ездил с татарами на войну [1, с. 288, 289]. Хан настолько ценил Уразмедя и его друга Юмаша, что после их смерти «велел поставить над ними камни и курганы»¹⁸.

Согласно преданиям, представители чуваш иногда сами становились инициаторами военных конфликтов, обращаясь к русским властям за помощью в случаях притеснений со стороны татарских феодалов. В одном из них говорится, что на городище Пиндерь Сырч в давние времена жил властелин, обижавший подвластных ему чувашей. «Выведенные из терпения чуваш пожаловались на него русскому царю, и тот выслал против властелина войско» [9, с. 367]. В другом предании повествуется, что чувашский наездник

¹⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 196. С. 262, 263. Запись В. Громова и С. Огоркова 1900 г.; Т. 579. Л. 169.

¹⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 580. Л. 127.

¹⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 580. Л. 267; Т. 618. Л. 40. Запись Я. Осипова 1926–1927 (?) гг.

¹⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 208. С. 376–383; ГИА ЧР. Ф. 334. Оп. 1. Д. 9. Л. 45; Д. 14. Л. 144.

¹⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 581. Л. 32.

Сарый из д. Сарыево (ныне д. Сареево Ядринского муниципального округа), защищая свою дочь от татарского феодала, «обратился за помощью к русскому царю, давши обещание быть вожаком, чтобы указывать войскам все дороги и укрепления, какие тогда находились у татар» [12, с. 331, 332]. Третье предание, записанное в д. Верхние Олгаши Моргаушского муниципального округа, рассказывает о чуваше Кочаке, гостившем у татарского хана. Татары ободрали лошадь чуваша, поэтому обиженный Кочак пошел к русскому царю и привел его с войском. После большого сражения татары были отброшены на луговую сторону Волги [3, с. 53]. Похожие сюжеты встречаются в преданиях марийского народа. В одном из чувашских преданий герои марийского народа Акпарс, Ковеш и Яник, боровшиеся против власти хана вместе с русскими, названы чувашами¹⁹.

Неизбежным итогом военных столкновений становились пленные. Часть пленных размещалась в чувашских селениях. Чувашские предания сообщают, что среди пленных были и русский «царь» (то есть князь), захваченный татарским ханом, которого держали в заточении в крепости на урочище «Холавырын» в Ядринском уезде. Источник относит событие к XV столетию²⁰.

Активная внешняя политика казанских властей требовала соответствующей подготовки на местах. Чувашский край находился в своеобразном режиме «военного положения»: местное население было обязано обеспечивать нужды феодалов-военачальников и их воинов, проживавших в городках-крепостях. Предания сохранили множество сведений о подобных военных укреплениях. Подробные записи, сделанные в 1870-х гг., имеются о крепости у д. Криуши Чебоксарского уезда (ныне Козловский муниципальный округ). Согласно преданию, крепостью управляли татарские мурзы [6, с. 272], а примечательна она была тем, что имела подземные ходы²¹. Согласно преданиям, крепости и укрепленные поселения казанской военно-феодалной администрации располагались также на левой стороне реки Средний Аниш на Белой горе (ныне территория Урмарского муниципального округа)²², восточнее села Яндашево (ныне в черте г. Новочебоксарск) [16, с. 20], вблизи д. Вотланы Цивильского муниципального округа²³, вблизи с. Большая Шатьма [2, с. 215, 216] и южнее д. Четрики Красноармейского муниципального округа²⁴, южнее д. Изамбаево Ядринского муниципального округа [9, с. 367].

Предания свидетельствуют о размещении на территории современной Чувашии части татарских вооруженных отрядов во главе с ханскими наместниками в укрепленных пунктах облегченной конструкции со стенами, обмазанными глиной. В одном из них сообщается, что наместник казанского хана Кибек близ с. Малые Яуши Вурнарского муниципального округа построил себе дом и вокруг него возвел стены из хвороста, облив их глиной²⁵. Кроме того, на чувашских землях размещались татарские сторожевые и наблюда-

¹⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 21. С. 256.

²⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 196. С. 277–278. Запись Н. Архангельского 1899 г.; Т. 579. Л. 162.

²¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 267. Л. 201–203. Запись Я. Соловьева 1914 г.

²² НА ЧГИГН. К.п. 10. Инв. № 4607. Запись А.П. Черновой 1982 г.

²³ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 579. Л. 40 а.

²⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 196. С. 275–286; Т. 579. Л. 162.

²⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 579. Л. 91, 269; Т. 617. Л. 37–39 об., 67.

тельные пункты (на территории Козловского муниципального округа), сообщавшие о появлении неприятелей зажжением костров²⁶, а также стоянки войск [14].

Как справедливо указывал В.Д. Димитриев, не все указанные в преданиях городища и укрепленные поселения были созданы в период Казанского ханства, некоторые из них относятся к более раннему времени [4, с. 55]. Однако несомненным является тот факт, что в середине XV – первой половине XVI в. на территории современной Чувашии находились татарские укрепленные поселения.

Чувашские предания являются важным источником для освещения вопроса вхождения Чувашского края в состав Российского государства. Множество преданий посвящено событиям в Чувашском крае накануне и во время Казанской войны 1545–1552 гг. Предание о походе русских войск во главе с Иваном Грозным 1549–1550 гг. рассказывает, что по пути из Нижнего Новгорода на Казань царь проехал через Чебоксары. Русское войско, передвигавшееся по левобережью Волги, попало в болото и еле выбралось оттуда²⁷. Интерес представляет предание о строительстве Свияжска. Оно гласит, что по повелению Ивана Грозного место строительства города было скрыто шторами из белого холста, собранного с чувашского населения. Под прикрытием штор Свияжск был возведен за три дня. Несмотря на принятые меры, казанский хан узнал о строительстве города и начал подготовку к войне²⁸.

В некоторых преданиях сообщается о помощи чувашей русским войскам во время их походов на Казань. Предания о деревнях, ныне расположенных в Моргаушском муниципальном округе, рассказывают о трудностях с продовольствием, которые русские воины решили благодаря снабжению от сельских жителей²⁹. Кроме того, чувашки радушно встречали русские войска, направлявшиеся на Казань, строили для них дороги и мосты³⁰. В одном из преданий указано, что «когда Иван Грозный шел с войском разрушать Казань, чувашки указывали ему дорогу. Этих чувашей Иван Грозный будто бы награждал большими угодами земли»³¹.

В преданиях получили отражение сражения русских и татарских войск на территории Чувашского края. Согласно их сведениям, армия Ивана Грозного сражалась с татарским войском близ д. Чебаково и у д. Никиткино Ядринского муниципального округа, недалеко от д. Максикасы Моргаушского муниципального округа, у д. Вурмеры и д. Первые Тойси Цивильского муниципального округа, у д. Шинерпоси Чебоксарского муниципального округа и др.³² На месте битв были похоронены погибшие воины. Предания упоминают

²⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 196. С. 133. Запись И. Смирнова 1900 г.; Т. 580. Л. 128.

²⁷ НА ЧГИГН. К.п. 8. Инв. №3825. Запись Н.П. Петровой 1971 г.

²⁸ НА ЧГИГН. К.п. 10. Инв. № 4658. Запись Н.И. Егорова 1980 г.

²⁹ НА ЧГИГН. К.п. 8. Инв. № 3825. Запись В. Константинова 1969 г.

³⁰ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 81. С. 96–98. Запись Д.П. Вершкова 1952 г.; Ед. хр. 84. Л. 169–171. Запись Д.П. Вершкова 1952 г.; Ед. хр. 195. С. 237–239. Записи П. Баранова 1939 г., Н. Митевского 1940 г.; Ед. хр. 218. Л. 88–89. Запись Д.П. Вершкова 1961–1962 (?) г.; Ед. хр. 376. Л. 53 об., 68.

³¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 247. С. 141–142. Запись С. Сергеева 1913 (?) г.

³² НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 580. Л. 1, 101, 124, 212; Рукописное собрание В.Д. Димитриева. Т. 81. Л. 369. Запись И.Т. Семенова 1958 г.

места, где во время походов на Казань русские войска насыпали курганы³³ и имели стоянки³⁴. Благодаря преданиям наиболее известна стоянка Ивана Грозного с войском на горе Чарту между деревнями Криуши и Кинеры Козловского муниципального округа, где царь принимал посольство чувашей³⁵.

Ряд преданий посвящены завоеванию Казани и падению Казанского ханства. Они сообщают о добровольном обращении предводителей чувашей к русскому правителю. В одном из них говорится, что чувашский царь подал жалобу на татарского царя Ивану Грозному из-за пропажи своего коня. По этой причине русский царь рассердился на татарского царя. Договорившись, русский и чувашский правители выступили в поход для завоевания Казани³⁶. В другом предании чувашский царь отправился к русскому царю и убедительно просил его покорить Казанское царство для избавления подвластных хану царей от насмешек и издевательств. Иван Грозный сочувственно отнесся к этой просьбе и покорил Казанское царство³⁷. Предание о чувашском предводителе Анчике повествует об обращении чувашей за помощью к Ивану Грозному в борьбе против татарского хана [17, с. 86].

Предания позволяют проследить путь, пройденный русскими войсками для покорения Казани: они подошли к юго-западной части современной территории Чувашии и по ее юго-восточному краю подошли к Свияжску³⁸. К русским войскам, двигавшимся на Казань, присоединялись чувашские отряды во главе с их предводителями. Предания сохранили имена чувашских военачальников Ахплата, Байдеряка Барзаева, братьев Карабая и Егетбая, тархана Етруха³⁹. Помимо продовольствия, чуваша снабжали русских воинов плотами для переправы из Свияжска на левый берег Волги⁴⁰.

Многочисленны чувашские предания, повествующие о взятии Казани Иваном IV. Распространен сюжет о татарском хане-волшебнике, который во время осады Казани «срамил русского царя» и был неуязвим для пуль. Русский воин сразил его ружьем, заряженным крестом, однако хан обратился в гуся и улетел⁴¹. В других вариантах предания татарский хан превращался в лебедя, огнедышащего дракона, голубя⁴². Мотив превращения правителя в птицу встречается в преданиях татар и других тюркских народов [5, с. 80].

Предания описывают процесс завоевания Казани следующим образом. Под городские стены русские сделали подкоп из-под реки Казанки и подка-

³³ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 580. Л. 85, 178, 209; Отд. III. Ед. хр. 17. Л. 115 об.

³⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 579. Л. 25–26; Отд. III. Ед. хр. 125. Л. 25. Запись И.Д. Никитина; Ед. хр. 376. Л. 75.

³⁵ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 5. Л. 169. Запись 1907–1913 гг.

³⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 242. С. 238.

³⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 196. С. 207–208. Запись Н. Лаврентьева 1899 г.

³⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 150. С. 487; Отд. III. Ед. хр. 66. С. 1. Запись И. Иванова-Пайдаш 1950 г.; Ед. хр. 181. Л. 189.

³⁹ НА ЧГИГН. К.п. 10. Инв. № 4292. С. 17–19. Запись Е.А. Турхана 1962 г.; Инв. № 4607. Запись А.И. Черновой 1982 г.; Отд. I. Т. 196. С. 319–320. Запись И. Миролюбова 1900 г.

⁴⁰ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 296. С. 17. Запись П.Ф. Федулова 1967–1968 гг.

⁴¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 151. С. 98. Запись С. Филимонова 1904 г.

⁴² НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 21. С. 411. Запись Н.И. Ашмарина 1898–1902 гг.; Т. 244. С. 32. Запись И. Матвеева 1913 г.; ГИА ЧР. Ф. 221. Оп. 1. Д. 326. Л. 3. Запись Константиновой 1927 г.

тили 40 бочек пороху. Солдат поставил свечу на бочку и зажег ее. Взрыва сразу не последовало, поэтому Иван Грозный казнил солдата-поджигателя, обвинив в измене. После этого раздался взрыв, стены Казани были разрушены и татары покорены [10, с. 439]. Данный сюжет о взятии Казани соответствует сюжету русской исторической песни [7, с. 90–110]. Согласно преданиям, определить расстояние до стены Казанской крепости для устройства подкопа помог чуваш – гусляр⁴³ или сурначей (музыкант, игравший на дуде)⁴⁴. Сюжет о гусларе представлен также в фольклоре горных марийцев [13, с. 265]. Ряд преданий отмечают заслуги чувашей при взятии Казани. Чуваш Пидубай, Пайдул, Ишутка, Илтемес, Уразгильд, Пичура и другие воины, отличившиеся ратными подвигами, были награждены Иваном IV землями⁴⁵.

Анализ сведений по истории Казанского ханства, содержащихся в чувашских преданиях, позволил выявить некоторые особенности этих исторических источников. Они практически не содержат мифических, сказочных сюжетов и образов, преобладает фактографическое изложение событий. В преданиях близко к историческим фактам освещено хозяйственное развитие Чувашского края в составе Казанского ханства, отражена внутренняя политика, проводимая по отношению к подчиненным народам, затронуты некоторые аспекты внешней политики ханства. Особое внимание в преданиях уделяется русско-чувашским взаимоотношениям, они отображают постепенное развитие связей чуваш с русскими и процесс вхождения Чувашского края в состав Российского государства. В сюжетах некоторых чувашских преданий прослеживается сильная взаимосвязь с марийским фольклором, что вполне объяснимо, учитывая тесные этнокультурные и языковые контакты горных марийцев и чувашей в рассматриваемый период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арзамасов М.П. Несколько преданий чувашей и татар Чебоксарского уезда Казанской губернии // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (ИОАИЭ). Т. 3: 1880–1882 гг. Казань: тип. Император. ун-та, 1884. С. 285–290.
2. Архангельский Н.А. Археологические достопримечательности Ядринского уезда Казанской губернии // ИОАИЭ. Т. 16: 1900 г. Вып. 2. Казань: типо-лит. Император. Казан. ун-та, 1900. С. 213–225.
3. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. В 17 т. Т. 7. Чебоксары: Народный Комиссариат по просвещению ЧАССР, 1934. 335 с.
4. Дмитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX вв.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. 453 с.
5. Дмитриев В.Д. Чувашские исторические предания: очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX в. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. 383 с.

⁴³ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 213. С. 480–483. Запись Г.И. Комиссарова до 1961 г.; Рукописное собрание В.Д. Дмитриева. Т. 81. Л. 59. Записано от А.К. Ургалкина в 1958 г.

⁴⁴ НА ЧГИГН. К.п. 10. Инв. № 4658. Запись Н.И. Егорова 1980 г.

⁴⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 6. С. 310–311. Запись В.И. 1903 г.; Отд. III. Ед. хр. 292. С. 2–3. Запись В.О. Ахуна 1960 г.

6. Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань: тип. Император. ун-та, 1875. 279 с.
7. Исторические песни XIII–XVI вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-е, 1960. 696 с.
8. История Татарии в документах и материалах. М.: Гос. социально-экономич. изд-во, 1937. 503 с.
9. Магницкий В.К. Городище «Пиндер Сырч» и курганы в Ядринском и Курмышском уездах // ИОАИЭ. Т. 13: 1895–1896 гг. Вып. 5. Казань: типо-лит. Император. Казан. ун-та, 1896. С. 364–373.
10. Магницкий В.К. Поездка в Курмышский и Ядринский уезды с археологической целью // ИОАИЭ. Казань, 1898. Т. 14: 1897–1898 гг. Вып. 4. С. 434–441.
11. Марийский фольклор: мифы, легенды, предания / сост. В.А. Акцорин. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1991. 285 с.
12. Михайлов С.М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары: [б. и.], 1972. 423 с.
13. Нечаева А.А. Проблема сравнительного изучения Марийской исторической прозы (на материале преданий о взятии Казани) // Вестник Чувашского университета. 2007. № 4. С. 264–270.
14. Одюков И.И. Исторические предания о древних и волжских болгарях. Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, 1984. (на чув. яз.). 70 с.
15. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1. СПб: тип. И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.
16. Смолин В.Ф. Археологические разведки в Чувашской республике в 1926 г. // ИОАИЭ. Т. 33. Вып. 4. Казань: тип. «Красный печатник», 1927. С. 15–32.
17. Чувашское народное творчество. Исторические предания / сост. О.Н. Терентьева, Т.И. Семенова. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 2007. (на чув. яз.). 462 с.

REFERENCES

1. Arzamasov M.P. Several legends of the Chuvash and Tatars of Cheboksary uyezd, Kazan province. *Izvestiya obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete = Proceedings of the Society for Archaeology, History and Ethnography at the Kazan Imperial University*. Vol. 3: 1880–1882. Kazan: Kazan University, 1884, pp. 285–290. (In Russian)
2. Arkhangel'sky N.A. Archaeological sites of the Yadrinsky district of the Kazan province. *Izvestiya obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete = Proceedings of the Society for Archaeology, History and Ethnography at the Kazan Imperial University*. 1900, vol. 16, Iss. 2. Kazan: Tipolitografiia Imperatorskogo universiteta, 1900, pp. 213–225. (In Russian)
3. Ashmarin N.I. Dictionary of the Chuvash language. In 17 volumes. Vol. 7. Cheboksary: Narodnyy Komissariat po prosveshcheniyu ChASSR, 1934. 335 p. (In Russian)
4. Dimitriev V.D. Chuvashia in the era of feudalism (16th – early 19th centuries). Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, 1986. 453 p. (In Russian)
5. Dimitriev V.D. Chuvash historical legends: essays on the history of the Chuvash people from ancient times to the middle of the 19th century. Cheboksary: Chuvash book publishing house, 2017. 383 p. (In Russian)
6. Zolotnitsky N.I. Root Chuvash-Russian dictionary, compared with the languages and dialects of different peoples of the Turkic, Finnish and other tribes. Kazan: Tipolitografiia Imperatorskogo universiteta, 1875. 279 p. (In Russian)
7. Historical songs of the 13th–16th centuries. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1960. 696 p. (In Russian)

8. History of Tatarstan in documents and materials. Moscow: Gosudarstvennoe sotsialno-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1937. 503 p. (In Russian)
9. Magnitsky V.K. The Pinder Syrch settlement and burial mounds in the Yadrinsky and Kurmyshsky districts. *Izvestiya obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete = Proceedings of the Society for Archaeology, History and Ethnography at the Kazan Imperial University*. 1895–1896, vol. 13: Iss. 5. Kazan: Tipolitografiia Imperatorskogo universiteta, 1896, pp. 364–373. (In Russian)
10. Magnitsky V.K. A trip to the Kurmyshsky and Yadrinsky districts with archaeological purposes. *Izvestiya obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete = Proceedings of the Society for Archaeology, History and Ethnography at the Kazan Imperial University*. 1898, vol. 14, Iss. 4, Kazan, pp. 434–441. (In Russian)
11. Mari folklore: myths, legends, traditions. Comp. by V.A. Aktsorin. Yoshkar-Ola: Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991. 285 p. (In Russian)
12. Mikhailov S.M. Works on the ethnography and history of the Russian, Chuvash and Mari peoples. Cheboksary: [s.n.], 1972. 423 p. (In Russian)
13. Nechaeva A.A. The problem of comparative study of Mari historical prose (based on the legends about the capture of Kazan). *Vestnik Chuvashskogo universiteta = Bulletin of the Chuvash University*. 2007, no. 4, pp. 264–270. (In Russian)
14. Odyukov I.I. Historical legends about the ancient and Volga Bulgarians. Cheboksary: Chuvash State University, 1984. 70 p. (In Chuvash)
15. Complete Collection of Russian Chronicles (Polnoe sobranie russkikh letopisei, PSRL). Vol. 13. Part 1. St. Petersburg: Tipografiia I.N. Skorohodova, 1904. 302 p. (In Russian)
16. Smolin V.F. Archaeological exploration in the Chuvash Republic in 1926. *Izvestiya obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete = Proceedings of the Society for Archaeology, History and Ethnography at the Kazan Imperial University*. Vol. 33. Iss. 4. Kazan: Tipografiia "Krasny Pechatnik", 1927, pp. 15–32. (In Russian)
17. Chuvash folk art. Historical legends. Comp. by O.N. Terentyeva, T.I. Semenova. Cheboksary: Chuvash book Publ., 2007. 462 p. (In Chuvash)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Светлана Валерьевна Охотникова – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (428015, Московский проспект, 29, корп. 1, Чебоксары, Российская Федерация); ORCID: 0009-0005-9824-8008. E-mail: svetlana-goncharova7@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Okhotnikova – Cand. Sci. (History), Research Fellow of the Chuvash State Institute of Humanities (29, building 1, Moskovsky Ave., Cheboksary 428015, Russian Federation); ORCID: 0009-0005-9824-8008. E-mail: svetlana-goncharova7@rambler.ru

Поступила в редакцию / Received 13.03.2025

Поступила после рецензирования / Revised 24.11.2025

Принята к публикации / Accepted 01.12.2025

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.939-958>

EDN: RHZLCT

УДК 94(47).043+902.6+27-788

ХРОНОЛОГИЯ МОСКОВСКО-КАЗАНСКИХ ВОЙН 1467–1530 гг.
И ЦЕРКОВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

А.Л. Новосёлов ✉, А.А. Литвин

Казанский федеральный университет

Казань, Российская Федерация

✉ alenovo92@yandex.ru

Резюме. Цель исследования – анализ русской летописной хронологии московско-казанских войн 1467–1530 гг. в контексте церковного календаря. Решается вопрос о символическом содержании выбора памятного календарного дня для проведения военно-политических акций московскими князьями против Казанского ханства.

Материалы исследования. Русские летописи XV–XVI вв. содержат целый ряд датированных известий о военных столкновениях Московского великого княжества и Казанского ханства в годы правления Ивана III и Василия III. В историографии отмечалось, что для русской воинской культуры был характерен календарный символизм, когда те или иные военные действия могли быть приурочены к конкретному церковному празднику и памятным дням святых. В этом отношении интерес представляют московско-казанские войны в период с 1467 по 1530 г., описанные и осмысленные в летописных памятниках с религиозных позиций.

Результаты и научная новизна. Впервые выявлена и систематизирована корреляция между хронологическими указаниями русских летописей о крупных военных конфликтах Московского великого княжества против Казанского ханства в 1467–1530 гг. и церковными праздниками. Установлено, что датированные события московско-казанского противостояния в указанный период приходятся на памятные дни святых, покровительствовавших русскому воинству и московским князьям, переходящие праздники Пасхального круга и иные значимые дни церковного календаря. Доказано, что при проведении запланированных военных действий (подготовка к походу, выход основных сил, отправка отдельных отрядов) великие князья и воеводы учитывали церковный календарь с целью укрепления воинского духа за счет приурочивания совершаемых действий к религиозным праздникам или памявному дню небесного покровителя, а также легитимации военно-политических притязаний Москвы по отношению к Казани.

Ключевые слова: Казанское ханство, Московское великое княжество, Иван III, Василий III, церковный календарь, московско-казанские войны

Для цитирования: Новосёлов А.Л., Литвин А.А. Хронология московско-казанских войн 1467–1530 гг. и церковный календарь // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 4. С. 939–958. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.939-958>
EDN: RHZLCT

© Новосёлов А.Л., Литвин А.А., 2025



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

CHRONOLOGY OF THE MOSCOW-KAZAN WARS OF 1467–1530 AND THE CHURCH CALENDAR

A.L. Novoselov ✉, A.A. Litvin

Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation
✉ alenovo92@yandex.ru

Abstract. Objective: The aim of this study is to analyze the chronology of the Moscow-Kazan wars (1467–1530) as presented in Russian chronicles, within the context of the church calendar. The study addresses the symbolic meaning behind the Moscow princes' choice of particular commemorative calendar dates for conducting military and political actions against the Kazan Khanate.

Materials of the research: Russian chronicles of the 15th–16th centuries contain a number of dated accounts of military clashes between the Grand Duchy of Moscow and the Kazan Khanate during the reigns of Ivan III and Vasily III. Historians have noted that Russian military culture was characterized by calendar symbolism, in which certain military actions were deliberately timed to coincide with specific church feasts or the commemorative days of saints. In this context, the Moscow-Kazan wars between 1467 and 1530, described and interpreted in the chronicles from a religious perspective, are of particular interest.

Results and scientific novelty: For the first time, this study identifies and systematizes the correlation between the chronological data in Russian chronicles concerning major military conflicts between the Grand Duchy of Moscow and the Kazan Khanate (1467–1530) and the corresponding church holidays. It has been established that the dated events of the Moscow–Kazan confrontation often coincide with the feast days of saints who were regarded as patrons of the Russian army and Moscow princes, with the changing feasts of the Easter cycle, and with other significant dates of the church calendar. The findings demonstrate that in planning military operations – such as preparing for campaigns, mobilizing the main forces, or dispatching separate detachments – the grand princes and voivodes deliberately took the church calendar into account. This was done both to strengthen the morale of the troops by aligning military actions with religious feasts or the commemorations of heavenly patrons, and to legitimize Moscow's military and political claims toward Kazan.

Keywords: Kazan Khanate, Moscow Grand Duchy, Ivan III, Vasily III, church calendar, Moscow-Kazan wars

For citation: Novoselov A.L., Litvin A.A. Chronology of the Moscow-Kazan wars of 1467–1530 and the Church Calendar. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 4, pp. 939–958. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.939-958> (In Russian)

Исследование московско-казанских отношений XV–XVI вв. осложняется спецификой источниковедческого анализа русских летописей, основного источника информации о внешней политике этих государств. В первую очередь, сложность вызывает определение текстологических связей между сводами, сохранившими свидетельства о военных столкновениях Руси и Казанского ханства. Кроме того, показания отдельных летописных памятников о противостоянии Москвы и Казани в указанный период отрывочны, а встречающиеся в ряде летописей обильные известия противоречивы. В обширной историографии уточнены многие летописные данные о завоевании Казанско-

го ханства¹. Однако ценностью обладает не только фактическая сторона, но и идеологическая составляющая летописных свидетельств о военно-политических контактах Московского княжества и Казанского ханства в XV–XVI вв. Восприятие и оценка политики великих московских князей по отношению к казанским ханам с позиции книжника-христианина основательно анализируются А.В. Аксановым. Исследователь приходит к выводу о том, что летописцы осмысливали взаимоотношения Москвы и Казани при помощи библейских образов войны праведников с язычниками. Выявление этих образов и их интерпретация служит ведущим методологическим подходом А.В. Аксанова. Официальные летописные своды XV–XVI вв. отражали позицию московского правительства, поэтому закономерным является вопрос о степени восприятия московскими великими князьями и их воеводами противостояния с Казанью в религиозном контексте. Для ответа на поставленный вопрос первоначально следует обратиться к анализу хронологии казанско-московских войн, а именно – соотношению дат военно-политических акций с памятными днями церковного календаря.

По мнению А.Я. Гуревича для средневекового мировоззрения свойственно дуалистическое восприятие времени как сакрального и земного. Время собственной жизни человек средневековья переживал вместе со временем священной истории, в котором протекали события общеисторического масштаба [10, с. 127]. Д.С. Лихачёв выражал ту же мысль: «В событиях ... Ветхого и Нового Заветов обнаруживаются непреходящие явления, как бы живущие вечно, повторяющиеся в ежегодном круговороте не только праздников, но и всех дней недели, связанных с той или иной памятью о священных событиях» [20, с. 272]. Религиозное сознание средневекового человека включало в себя также представления о времени войны.

В средневековой Европе церковь последовательно выстраивала собственную концепцию войны как борьбы за установление мира и порядка. Составной частью религиозных представлений о войнах была регламентация времени ведения боевых действий. В XI в. во Франции появляется «божье перемирие» – запрет на военную деятельность во время главных христианских праздников, памятных дней святых и по воскресениям [47, с. 222]. Позднее западноевропейская средневековая церковь вырабатывала понятие «справедливой войны», т.е. войны против язычников и еретиков. Такие войны допускались даже в дни важнейших церковных праздников [17, с. 291]. Так, например, хронисты Четвертого крестового похода датировали ключевые этапы боевых действий церковными праздниками [44, с. 40].

На материале русских летописей и содержащихся в них известий XIV–XV вв. Н.С. Борисов приходит к выводу, что церковные иерархи и князья стремились укрепить «идею небесного покровительства своей власти» [6, с. 131] через выбор памятного дня для проведения важнейших мероприятий, в том числе военно-политических акций. И.Н. Данилевский отметил, что выбор дня недели или конкретной даты для начала боевых действий обладал религиозным смыслом, связанным с представлениями о благоприятности тех или иных дней церковного календаря для определенного вида деятельности

¹ Подробный историографический обзор представлен в монографии А.В. Аксанова [1].

[11, с. 233–234]. Закономерности сакрализации «времени войны» в Древней Руси прослеживал А.Е. Мусин. Применительно к XV в. исследователь обращал внимание на привязку военных действий войск Ивана III против Новгорода и Твери к памятным календарным датам [23, с. 283–284]. По мнению А.Е. Мусина, составители летописей воспринимали «совпадение церковного празднования с воинским успехом... как помощь свыше», а победу – как результат вмешательства почитаемого в этот день святого [23, с. 285]. Ю.В. Селезнёв отмечал, что выбор дня для отъездов русских князей в Орду также мог иметь сакральный смысл [43, с. 257]. Летописная датировка памятными днями княжеских выездов в степь несла функции проведения параллелей между чтимым святым и князем, подчеркивания смирения князя, его готовности, с одной стороны, принять мученическую смерть, с другой – верить в божественное заступничество [43, с. 261]. А.В. Лаушкин обратил внимание на религиозный смысл выбора дат для княжеских выездов в Орду в связи с совершаемыми накануне отправки богослужениями. Отправляясь в степь чаще всего в двенадцатые праздники или памятные дни особо чтимых святых князья совершали молебны, направленные на религиозное воодушевление и призванные укрепить надежду на покровительство прославляемых в празднуемый день Бога, Богородицы и святых [18, с. 121–122]. Также, А.В. Лаушкин проанализировав датированные летописные известия об отправке княжеских дружин на войну в домонгольской Руси, определил, что такие «праздничные выходы» были «элементом воинской культуры христианской Руси», целью которых был духовный подъем воинов и надежда на помощь высших сил [19, с. 56]. В рамках настоящего исследования предпринимается попытка апробации исследований летописных датировок в контексте церковного календаря на материале известий русских летописей о московско-казанских войнах второй половины XV в. – первой трети XVI в.

Важная проблема настоящего исследования заключается в крайне сложном характере летописной хронологии. По наблюдениям А.Ю. Виноградова во владимирском летописании второй половины XII в. подавляющее большинство событий имели точную датировку, соотношенную с месяцесловом [7, с. 273–274]. Применительно к летописям XIV–XV вв. А.Ю. Виноградов пришел к выводу о тенденции к сокращению количества как точно датированных событий, так и отсылок к церковным праздникам [7, с. 274]. Еще одну трудность вызывает понимание подходов составителей летописей к фиксации событий. Так, например, К.Ю. Ерусалимский обозначил проблему избирательности внимания составителей летописей к датировке событий из жизни Ивана IV, в которой летописцы исходили более из представлений о деятельности царя и его окружения в контексте пасхального годичного цикла, чем из реальной придворной жизни [12, с. 305–306]. Ю.В. Селезнёв предположил, что запись точных чисел и месяцев княжеских выездов в Орду происходила после завершения поездки, когда появлялась возможность оценить её значение с провиденциальной точки зрения [43, с. 262]. В то же время, Ю.Г. Алексеев высказал суждение о том, что события похода русских войск на Казань в 1487 г. могли быть датированы составителями летописей по официальным источникам, содержащим донесения воевод [3, с. 280]. Так или иначе, при анализе календарного символизма летописных дат следует учитывать специфику работы составителей летописей, преследовавших задачу оценивания

событий, а не точную протокольную их запись. К сожалению, разрядные книги не вносят ценной информации в хронологию конфронтации Москвы и Казани в 1467–1530 гг.: за этот период в них содержится лишь 3 известия с указанием числа и месяца.

Вопрос о религиозном значении хронологических указаний в летописных повествованиях о походах русских войск при Иване III на Казанское ханства поднимался нами в рамках конференции «Европа в Средние века и раннее Новое время: Общество. Власть. Культура» (Ижевск, 12–13 ноября 2024 г.). Результаты проведенного исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1

Соотношение церковных праздников и хронологии московско-казанских войн 1467–1487 гг. русских летописей²

№	Военная операция	Дата	Памятный день
Московско-казанская война 1467–1469 гг.			
1.	Поход Касима	14 сентября 1467	Воздвижение
2.	Поход князя Семена Романовича Ярославского	6 декабря 1467 г.	День памяти Николая Чудотворца
3.	Начало «Владимирского стояния»	7 февраля 1468 г.	«за 3 недели до Великого заговенья» [35, с. 280]
4.	Поход весны 1468 г.	после 17 апреля 1468 г.	после Пасхи
5.	Поход Ивана Руно	9 мая 1468 г.	День памяти Николая Чудотворца
6.	Поход Федора Хрупина	4 июня 1468 г.	День Святой Троицы (5 июня)
7.	Поход весны 1469 г.	9 апреля 1469 г.	Антипасха
8.	Поход Ивана Руно	18–21 мая 1469 г.	День Святой Троицы (21 мая)
9.	Поход воеводы Константина Александровича Беззубцева (<i>не состоялся</i>)	24 июня ³ 1469 г.	Рождество Иоанна Предтечи
10.	Поход осени 1469 г.	15–20 августа ⁴ 1469 г.	Успение Богородицы (15 августа); сбор войск перед Куликовской битвой (15–20 августа)

² Таблица составлена на основе хронологических указаний, содержащихся в Московском летописном своде конца XV века, летописных сводах 1497 и 1518 гг., Никоновской, Воскресенской, Софийской второй, Львовской, Тверской, Типографской, Вологодско-Пермской, Никаноровской, Иоасафовской, Новгородской (по списку П.П. Дубровского) летописях. Прочерком обозначены затруднения с определением примечательного дня церковного календаря.

³ Дата гипотетически установлена Н.С. Борисовым [5, с. 378].

⁴ Дату предположил Ю.Г. Алексеев [3, с. 90–91].

Московско-казанская война 1477–1478 гг.			
11.	Поход весны 1478 г.	26 мая 1478 г.	-
Московско-казанский конфликт 1482 г.			
12.	Поход лета 1482 г.	после 16 июля ⁵ 1482 г.	-
Московско-казанская война 1487 г.			
13.	Поход весны 1487 г.	12 апреля 1487 г.	Великий Четверг
14.	Отправка Мухаммад-Амина	24 апреля 1487 г.	Радоница
15.	Прибытие московских войск под Казань	17 мая 1487 г.	Четверг пятой недели после Пасхи
16.	Взятие Казани	9 июля 1487 г.	Память священномученика Панкратия
17.	Восшествие на престол Мухаммед-Амина	14 июля 1487 г.	память святого апостола Акилы / победа на Шелони в 1471 г. /
18.	Получение вести о взятии Казани в Москве	20 июля 1487 г.	Ильин день
19.	Прибытие пленённого казанского хана Ильхама в Москву	31 августа 1487 г.	«за неделю до Рождества Пресвятой Богородицы» [26, с. 323]; перенесение мощей митрополита Петра (24 августа)

Целью данной статьи является продолжение предпринятого ранее анализа хронологии московско-казанских войн и обобщение результатов исследования календарного символизма датировок военных кампаний Москвы против Казани в русских летописях за 1467–1530 гг. Основным предметом анализа является летописная репрезентация хронологии как элемент идеологического нарратива.

Василий III продолжил политику отца в освоении земель к востоку от Москвы, что неизбежно влекло за собой сложные взаимоотношения с Казанским ханством. Четыре раза за 1505–1533 гг. казанско-московские противоречия перерастали в военные конфликты: 1505–1507, 1523–1524, 1529, 1530 гг.

1. Война Московского великого княжества и Казанского ханства 1505–1507 гг.

24 июня 1505 г. в Казани был пленен московский посол Иван Клепик. Точная дата этого события с указанием церковного праздника Рождества Иоана Предтечи содержится в целом ряде летописных сводов [26, стб. 372–375; 27, с. 244–246; 28, с. 259; 29, с. 2–4; 31, с. 375–376; 34, с. 215–216; 37, с. 339; 38, с. 140; 41, с. 213]. Очевидно, что датировка этого события 20 июня «на рождество святого Ивана Предтечи» в Вологодско-Пермской летописи ошибочна [36, с. 297]. В Степенной книге указана дата («месяца июня 24») без упоминания праздника, а в Устюжской летописи наоборот – праздник («в

⁵ Датировка Ю.Г. Алексеева [3, с. 273].

рожество Иоанна Предтечи») без даты [32, с. 566; 40, с. 52]. Также летописи сообщают, что оппозиционные по отношению к Москве казанские элиты неслучайно выбрали 24 июня для пленения посла и избияния русских: в день памяти Иоана Предтечи проходила ежегодная ярмарка, на которую «мнози гости... приезжают» [4, с. 300–301].

В сентябре 1505 г. разорению подвергся Нижний Новгород – «татарове от Нижняго ездяче до Муром, волости пленяху...» [26, стб. 372–375; 27, с. 244–246; 28, с. 259; 29, с. 2–4; 31, с. 375–376; 34, с. 215–216; 37, с. 339; 38, с. 140; 41, с. 213]. Точная дата этого похода Мухаммед-Амина на Русь в летописях отсутствует.

В апреле 1506 г. в ответ на казанскую агрессию Василий III начал военный поход. Выход войск из Москвы в летописях датирован только указанием месяца апреля [26, стб. 372–375; 27, с. 244–246; 28, с. 259; 29, с. 2–4; 31, с. 375–376; 34, с. 215–216; 37, с. 339; 38, с. 140; 41, с. 213]. Б.А. Илюшин предполагает, что воеводы выдвинулись из Москвы ранее 10 апреля, потому что «ни один из... воевод не упомянут в связи с прошедшей в этот день свадьбой князя В.С. Стародубского» [14, с. 127, прим. 69]. Пасха в 1506 г. приходилась на 12 апреля, поэтому, вероятно, что основные войска вышли накануне или вскоре после Пасхи, как это было в московско-казанских войнах в 1468 г. и 1487 гг.

22 мая 1506 г. под Казань прибила судовая рать великого князя и состоялся бой с казанцами. В летописях не содержится какого-либо указания на церковный праздник, отмечается только день недели – «в пяток» [26, стб. 372–375; 27, с. 244–246; 28, с. 259; 29, с. 2–4; 31, с. 375–376; 34, с. 215–216; 37, с. 339; 38, с. 140; 41, с. 213]. Между тем, 22 мая – день памяти Второго Вселенского Собора, а вся Седьмая неделя после Пасхи посвящена воспоминанию святых отцов Первого Вселенского Собора.

9 июня 1506 г. Василий III получил известие о поражении под Казанью и в этот же день направил подкрепление во главе с В.Д. Холмским. Столь быстрая организация подкрепления могла быть приурочена к памяти Кирилла Белозерского и упованию на его заступничество за русское войско. Великий князь весьма почитал обитель преподобного, о чем свидетельствуют ежегодные вклады, совершаемые семь дней в году, в том числе 9 июня. Каждый «корм» сопровождался молебном монахов за благоверного великого князя Василия Ивановича здравие, и «за благоверныя великия княгини, и за его благородныя чяда, и за христолубивое воинство, и за все православное христианство...» [2, с. 25].

22 июня 1506 г. к Казани прибыла конная рать, а 25 июня 1506 г. состоялся штурм города [26, стб. 372–375; 27, с. 244–246; 28, с. 259; 29, с. 2–4; 31, с. 375–376; 34, с. 215–216; 37, с. 339; 38, с. 140; 41, с. 213]. Обе даты в летописях не содержат указаний на памятные церковные дни. Следует отметить, что приступ 25 июня был совершён против воли великого князя [14, с. 144].

2. Московско-казанская война 1523–1524 гг.

28 июля 1523 г. Василий III выдвинулся из Москвы к Нижнему Новгороду, в который пришел 23 августа. Точное указание числа и месяца выхода великого князя из Москвы (28 июля) сохранилось только в Типографской летописи [34, с. 222], а дата прибытия в Нижний Новгород (23 августа) присутствует в

целом ряде летописных сводов [25, с. 264; 27, с. 270–271; 29, с. 43–44; 31, с. 402–403], но не упоминается в Типографское летописи. Путь великого князя «з братиею» проходил через Переславль, Юрьев, Суздаль и Владимир, в котором была совершена двухнедельная остановка [25, с. 264; 27, с. 270–271; 29, с. 43–44; 31, с. 402–403]. Б.А. Илюшин оценивает этот поход Василия III как подготовку к войне с Казанью, отмечая при этом, что «попутно он наверняка совершал многие моления по известным монастырям» [14, с. 204]. Действительно, на время шествия великого князя из Москвы в Нижний Новгород приходятся два двенадцатых праздника: Преображение Господне (6 августа) и Успение Богородицы (15 августа). Далее, Б.А. Илюшин реконструирует ход событий следующим образом: 27 августа полки Василия III выдвинулись из Нижнего Новгорода по Волге к Казани, а 1 сентября в устье реки Суры была заложена Васильсурская крепость [14, с. 205]. При определении первой даты 27 августа Б.А. Илюшин опирается на единичное сообщение летописи по Воскресенскому Новоиерусалимскому списку [25, с. 281], а об основании Васильсурска сведения подчёрпнуты из группы близких по тексту летописей [25, с. 264; 27, с. 270–271; 29, с. 43–44; 31, с. 402–403].

15 сентября 1524 г. Василий III вернулся в Москву из Нижнего Новгорода [25, с. 264; 27, с. 270–271; 29, с. 43–44; 31, с. 402–403]. В Типографской летописи читается датировка этого события указанием праздника «после Покрова», т.е. после 1 октября [34, с. 222]. А.А. Зимин, опираясь на ряд источников уточнил, что 15 сентября Василий III вернулся в Москву, а 1 октября великий князь ненадолго ездил в Александрову слободу [13, с. 254]. Б.А. Илюшин по летописным данным реконструирует иную картину: 1 октября Василий III прибыл в Александрову слободу, а в Москву вернулся после Покрова. Хронологические расхождения в летописях Б.А. Илюшин объясняет отсутствием данных о длительности пребывания великого князя в Нижнем Новгороде, где он мог задержаться для контроля постройки Васильсурска [14, с. 208–209]. Таким образом, то, что 1 октября Василий III был в Александровой слободе не подлежит сомнению, спорным остается вопрос, посещал ли слободу великий князь из Москвы, или же он заехал туда по дороге из Нижнего Новгорода в Москву. Безусловно, что поездка в Александрову слободу, в которой была резиденция Василия III и с 1513 г. находился Покровский собор, была приурочена к празднику Покрова (1 октября).

О летнем казанском походе 1524 г. сохранились противоречивые сведения Типографской летописи, разрядных книг, Хронографа редакции 1512 г., Волоколамской летописи, «Казанской истории» и «Записок о Московии» Сигизмунда Герберштейна.

В мае 1524 г. судовая и конная рати вышли из Москвы в поход против Казанского ханства. В большинстве летописей содержится лишь указание месяца, в который началась эта военная акция [25, с. 264; 27, с. 270–271; 29, с. 43–44; 31, с. 402–403]. В Типографской летописи уточняется дата – «месяца мая 12» [34, с. 222]. Однако Б.А. Илюшин обратил внимание на расхождение этой датировки похода 1524 г. с данным разрядных книг. В разрядных книгах имеется запись о выходе судовой рати за неделю (8 мая) или за день (14 мая) до Троицы, празднование которой в 1524 г. приходилось на 15 мая. Конные отряды, согласно записи разрядных книг, выступили на Троицу (15 мая). Б.А. Илюшин справедливо отмечает, что исходя из анализа предшест-

вующих казанских походов, ввиду значительно большей скорости передвижения судовая рать должна была отплыть за день до выхода конной, т.е. 14 мая [14, с. 235]. 24 июня 1524 г. произошла битва русской конной рати с татарами на Свяиге. Точная дата этого события, случившегося в Рождество Иоана Предтечи, читается только в Типографской летописи [34, с. 222] и отсутствует в других летописных текстах [25, с. 264; 27, с. 270–271; 29, с. 43–44; 31, с. 402–403; 36, с. 312].

Известия Хронографа редакции 1512 г. в целом совпадают с показаниями Типографской летописи, но ключевым различием является датировка 28 июля битвы русской конницы с татарами на «Отяковом поле» у Свяиги [33, с. 520].

Совершенно иная датировка летнего казанского похода 1524 г. отразилась в Волоколамской летописи, сведения которой приводил А.А. Зимин. 29 мая – выход морских и сухопутных войск великого князя из Москвы; 3 июля судовая рать приплыла под Казань, укрепившись около нее «острогом» на «Царевом лугу», на который 19 июля безуспешно напали татары; в конце июля у Свяиги произошла битва русской конницы с татарами; 8 августа («за неделю до Оспожина дня») – соединение пешей рати с подошедшей конницей, сражение русских войск с казанцами, в результате которого защитники Казани запросили мир [13, с. 262–263].

В рассказе «Казанской истории» о походе лета 1524 г. хронологических указаний нет [15]. Но последовательность изложения событий отличается от предыдущих версий тем, что конница подошла к Казани раньше, чем морские силы, задержанные по пути атакой черемисов.

Наконец, третий вариант хронологии событий лета 1524 г. содержится в «Записках» Герберштейна. 7 июля судовая рать под командованием Михаила Юрьевича Захарина расположилась у Гостиного острова недалеко от Казани, ожидая прибытия конницы. 28 июля войска М.Ю. Захарина переправились через Волгу и встали лагерем непосредственно у самой крепости, постоянно отражая вылазки казанских отрядов. В это время им на помощь Василий III направил флот под командованием И. Палецкого и 500 всадников сушей, которые подверглись атаке черемисов. К основным силам русских под Казанью добрались лишь остатки судов И. Палецкого и конницы. Здесь вновь на корабли напали черемисы. Основная конная сила великого князя переправилась через Свяигу и к 15 августа прибыла к Казани. В этот же день произошел штурм города объединенными русскими войсками [9, с. 176–179].

А.А. Зимин считал версию Герберштейна о прибытии под Казань сначала судовой рати, а затем конной более правдоподобной [13, с. 265]. А.И. Филишкин при реконструкции похода 1524 г. опирается как на летописные показания, так и на «Записки» Герберштейна, сведения которого у историка вызывают больше неясности [46, с. 268–269]. И.Б. Михайлова констатировала, что «Волоколамский летописец подтверждает сведения С. Герберштейна» и воспроизводила хронологию событий 1524 г. по этим источникам [22, с. 41–42]. Кроме того, И.Б. Михайлова обратила внимание на дату сражения русской конницы с татарами на «Отяковом поле» возле Свяиги по Хронографу редакции 1512 г. – 28 июля [22, с. 41–42], которая противоречит датировке 24 июня этой битвы в Типографской летописи. В «Истории татар с древнейших времен» выход русской конницы к «Отякову полю» возле Свяи-

ги датирован 24 июля [4, с. 307]. Вероятно, что так авторы стремились коррелировать летописные хронологические данные, сняв противоречия между Типографской летописью и Хронографом редакции 1512 г. По мнению Б.А. Илюшина, если принять 28 июля верной датой, то противоречия разных источников становятся менее кардинальными, в случае допущения задержки конницы до 15 августа для разорения черемисских сёл [14, с. 244–245]. А.В. Аксанов обращает внимание на то, что в общей летописной версии московско-казанской войны 1523–1524 гг., читаемой в Воскресенской, Никоновской и Львовскую летописях, «создатели сводов... придали конфликту религиозный характер» [1, с. 159].

Итак, первое ключевое событие казанского похода 1524 г. – выход судовой и конной ратей состоялся в канун Троицы (15 мая). Об это свидетельствует Типографская летопись и разрядные книги. Во всех известных источниках упоминается о битве русских войск с татарами на Свияге 24 июня, в Рождество Иоанна Предтечи (Типографская летопись), 28 июля (Хронограф редакции 1512 г.). Наконец, с памятным днем, Успением Богородицы (15 августа), связан штурм Казани: в Волоколамской летописи это событие датируется «за неделю до Оспожина дня», что отчасти подтверждается Герберштейном, относившим нападение на город к 15 августа.

3. Рейд московской конницы на казанские земли.

В 1529 г., согласно разрядным книгам, «ходили воеводы полем под Казань» [42]. Месяц и число в этой записи не указаны, а в летописных источниках известий о походе конной рати на Казань в 1529 г. не содержится. Б.А. Илюшин отмечает, что эта военная акция была малозначимой, либо она представляла собой набег малыми силами на Горную сторону [14, с. 273].

4. Поход войск Василий III направил на Казань 1530 г.

В мае 1530 г. Василий III направил на Казань войско. Указание месяца содержится в разрядных книгах [40] и отсутствует в летописных памятниках [27, с. 273; 29, с. 47; 31, с. 407], а в Постниковском летописце, Хронографе 1512 г., Софийской второй летописи выход полков датируется апрелем [39, с. 16]. К Казани русские рати подошли «месяца июля въ 10, въ неделю» [27, с. 273; 29, с. 47; 31, с. 407]. В 1530 г. 10 июля приходилось на воскресенье, поэтому это летописное известие верно. Б.А. Илюшин, опираясь на летописные показания и ряд других сведений из источников, считает, что воеводы Василия III отправились в поход после 12 апреля [14, с. 298]. Пасха в 1530 г. праздновалась 17 апреля, поэтому следует предположить, что выход войск состоялся в канун Пасхи, как это было в московско-казанских войнах в 1468 г. и 1487. Неверным Б.А. Илюшин считает известие разрядных книг о соединении судовой и конной ратей 12 июня, противоречащее другим хронологическим указаниям летописей и не укладывающееся в обычные сроки передвижения военных сил [14, с. 299]. Согласно Никоновской летописи, штурм Казани начался 10 июля (по разрядам – 12 июля) после того, как на Казанской стороне конная и судовая русские рати объединились [29, с. 47]. В эту дату церковь вспоминает преподобного Антония Печерского. В «Казанской истории» рассказывается о захвате острога в результате ночной атаки полком князя И.Ф. Овчины Оболенского. Но разные списки «Казанской ис-

тории» приписывают это событие к ночи либо с 14 на 15 июля [16, с. 70; 28, с. 34;], либо с 15 на 16 июля [15]. После взятия острога воеводы великого князя «всташа около града и повелеша по граду ис пушекъ и ис пищалей бити» [29, с. 47]. В результате обстрелов защитники Казани инициировали мирные переговоры. События после приведения казанский князей к присяге московскому государю подробно зафиксированы в Постниковском летописце. Постниковский летописец содержит запись о том, что «великого князя воеводы... стояли под городом 20 денъ» [39, с. 16]. Далее, сообщается, что 30 июля русские войска отошли от Казани, 31 июля переправились через Волгу, «пошли на украинные муромские и на темниковские на усение пречистые» [39, с. 16], т.е. 15 августа, «а пришли на Семень день воеводы к Москве» [32, с. 224](память Симеона Столпника, 1 сентября).

В январе-феврале 1532 г. казанский хан Сафа-Гирей возобновил походы на русские земли, но к новому нападению московских войск на Казань это не привело: весной 1532 г. Сафа-Гирей был свергнут, и Василий III «царя на царство въ Казани посадили июня 29 въ субботу» [29, с. 56]. 29 июня – день памяти апостолов Петра и Павла. Большой интерес представляют наблюдения А.В. Аксанова, касающиеся идейной направленности летописных рассказов о московско-казанских отношениях. Идеал взаимодействия Москвы и Казани, согласно официальным летописям, заключался в «необходимости покровительства православного государя над ханством» [1, с. 169].

Для обобщения полученных результатов все свидетельства о военных действиях 1467–1530 гг. разделяются на тематические группы:

- 1) подготовительные действия великокняжеских войск к войне с Казанским ханством;
- 2) частные военные операции русских воевод и союзников великого князя;
- 3) выход основных сил великого князя (конной и судовой ратей);
- 4) передвижения русского войска (прибытие к Казани, соединение конной и судовой рати, отступление);
- 5) штурм, взятие Казани русскими войсками;
- 6) отдельные боевые столкновения русских и казанских вооруженных сил;
- 7) военно-политические мероприятия.

К первой группе, **подготовительные действия великокняжеских войск к войне с Казанским ханством**, относятся «Владимирское стояние» Ивана III (февраль 1468 г.) и закладка Васильсурской крепости Василием III (1 сентября 1524 г.). Оба события обладают календарным символизмом. Сосредоточение русских войск во Владимире в феврале 1468 г. для предстоящего похода на Казань проходило в преддверии Великого поста, который, по мнению А.Е. Мусина, «воспринимался как время аскетического подвига и победы над собой, что могло распространяться и на воинский подвиг, на воинскую победу» [23, с. 278]. Примечательно соотношение религиозного менталитета и воинской культуры в основании Василием III крепости на Волге в Новолетие. По мнению А.А. Зимина, Васильсурск рассматривался Василием III как плацдарм для наступления на Казанское ханство и полного его покорения [13, с. 254]. Кроме того, по сообщению Нижегородского летописца, во-

первых, крепость на Суре была названа в честь самого Василия III, а, во-вторых, в Васильсурске была построена церковь во имя покрова Пресвятой Богородицы с пределами в честь Михаила Архангела и Николая Чудотворца [8, с. 32].

Вторая группа, **частные военные операции русских воевод и союзников великого князя**, представлена известиями о боевых действиях против Казани войск Касима и С.Р. Ярославского в 1467 г., И. Руно и Ф. Хрупина в 1468 г.; И. Руно и К.А. Беззубцева в 1469 г.; Мухаммад-Амина в 1487 г.; подкрепления во главе с В.Д. Холмским в 1506 г. В хронологии этих событий дважды фигурируют день памяти Николая Чудотворца, Троица, по одному разу – Воздвижение, Рождество Иоанна Предтечи, Радоница, память преподобного Кирилла Белозерского. Почитание Николая Чудотворца к концу XV в. приобрело функции покровительства русского воинства [21, с. 62], поэтому ведение боевых действий в памятный день соответствовало религиозным представлениям о военных функциях его культа. Кирилл Белозерский на рубеже XV–XVI вв. почитался в качестве покровителя московских великих князей [21, с. 62], что также обуславливало неслучайность выбора его памятного дня для военных акций московских воевод. Культ Иоанна Предтечи начал возникать в правление Ивана III и Василия III, а в последствии распространялся в качестве инструмента сакрализации царской власти Иване IV [45, с. 151]. Трудно оценить значение Иоанна Предтечи в русской воинской среде, однако его культ для московских великих князей рубежа XV–XVI вв. мог обладать политическим смыслом: в правление Владимира Мономаха часть десницы (перст) Иоанна Предтечи, служившей знаком власти византийских императоров, была перевезена из Константинополя в Киев [24]. Кроме того, пророк проповедовал язычникам, а одно из его чудес связано с избавлением от змея, которому язычники приносили жертвы в Антиохии. Церковные праздники были для проведения военных операций не только удобными ориентирами во времени, но и символическим воплощением законности притязаний московских правителей и помощи высших сил в их победе над врагом.

Ключевое значение имеют известия третьей группы, **о выходе основных сил великого князя (конной и судовой ратей)**. За время четырех войн Ивана III с Казанью и четырех Василия III летописи содержат 9 свидетельств об отправке великим князем ратей на Казанское ханство. 5 раз русское воинство выдвигалось в поход в апреле, дважды в мае, по одному разу в июле и августе. В день Воскресения Христова войска великих князей отправлялась в поход дважды; четыре раза в памятные дни, связанные с Пасхой: на следующий день после великого праздника, Антипасху, Великий Четверг, Троицу. Любопытно, что в разрядных книгах сохранилась запись об отправке Василием III войск под Казань в 1524 г. с «праздничной» датировкой: «А судовых воевод отпустил за день до троицына дни, а конных на троицын день» [2]. Выход основных сил великих князей на Казань в Пасху и связанными с ней значимыми праздниками может объясняться изменениями в восприятии войны. Если в домонгольской Руси, по наблюдениям А.Е. Мусина, идея войны заключалась в «великопостном подвиге», тяжком испытании и труде, то в XIV–XV вв. акцент сместился в сторону победы как праздника. В эпоху Москов-

ской Руси усиливаются провиденциальные воззрения на военное дело: причины, ход и итоги войн предопределены высшими силами [23, с. 285–286].

Частично в летописях отразились данные о **передвижениях русского войска** в ходе военных кампаний против Казани. Прибытие великокняжеских ратей под Казань зафиксировано пять раз, но определить отчетливо календарный контекст этих событий не удастся. Из хронологических сведений примечательно лишь 10 июля 1530 г., память преподобного Антония Печерского, когда конная рать достигла Казани. Культ основоположника русского монашества преподобного Антония Печерского оформился во второй половине XV в., когда в 1460-е гг. была составлена служба святому [24]. Датировка соединения флота и конного войска русских и их совместного выдвижения на казанские земли имеется только в рассказе о московско-казанской войне 1530 г., но указанная дата противоречит разрядным книгам. Наконец, хронология успешных и безуспешных штурмов столицы Казанского ханства насчитывает четыре даты. Календарным символизмом, на наш взгляд, обладают лишь приступы к Казани 9 июля 1487 г. (память священномученика Панкратия) и 15 августа 1524 г. (Успение Богородицы). Панкратий жил в I в. и, согласно житию, был направлен апостолами Петром и Павлом на Сицилию для проповеди. Панкратий изгнал оттуда демонов и язычников, обратил к Богу её правителя, крестил многих жителей [24]. Таким образом, датировка дня взятия Казани 9 апреля вполне укладывается в идеологию московских князей и царей, рассматривавшую победу Московского великого княжества над Казанским ханством как триумф православной веры над язычеством.

К **отдельным боевым столкновениям русских и казанских вооруженных сил** следует отнести Свияжскую битву 24 июня / 28 июля 1524 г.; бой на Царевом лугу 28 июля 1524 г.; сражение на Арском поле 15 июля 1530 г. В церковном календаре 28 июля посвящено Смоленской иконе Божьей Матери, но празднование установлено в 1525 г. Если же принять датировку Свияжской битвы по Типографской летописи (24 июня), то она приходится на Рождество Иоанна Предтечи. Календарным символизмом обладает день сражения на Арском поле – 15 июля, когда церковь вспоминает равноапостольного князя Владимира. Великий князь Владимир Святославович упоминается в «Казанской истории» после рассказа о стоянии на Угре, когда «Русская земля...обрела ... снова прежнее свое величие и благочестие и богатство, как и при первом великом князе Владимире преславном», а также Иван IV хотел походить на Владимира [15].

Военно-политические мероприятия включают два известия о получении великим московским князем информации о действиях русских войск под Казанью в Ильин день 1487 г. и на память Кирилла Белозерского в 1506 г. Обе даты символичны. Пророк Илия почитается как ревнитель истинной веры: когда израильтяне отпали от веры в Единого Бога, Илия стал обличать идолопоклонство и умертвил языческих жрецов. Культ Кирилла Белозерский, как уже отмечалось выше, был значим для московских великих князей. Очевидна неслучайность выбора 14 июля (память святого апостола Акыла) для восшествия на казанский престол московского ставленника Мухаммед-Амина в 1487 г. Апостол от семидесяти Акила известен своей активной миссионерской деятельностью в Азии, в которой он активно боролся с идолопож-

лонством, основывал церкви, а в конечном счете принял мученическую смерть от язычников [24]. За неделю до Рождества Богородицы (31 августа) произошло прибытие пленённого казанского хана Ильхама в Москву. В контексте церковного календаря интерпретировать это событие можно как окончательную победу Московского великого княжества над Казанским ханством, произошедшую 24 августа, в день перенесения мощей митрополита Петра, небесного покровителя и хранителя Москвы.

Итак, в летописной хронологии московско-казанских войн 1467–1530 гг. насчитывается 45 событий, из которых 82% датированы. Оценка точности хронологических данных, содержащихся в летописях, затрудняется, с одной стороны, скудостью сведений параллельного источника – разрядных книг, с другой стороны, имеющимися расхождениями. Большая часть противоречивых дат содержится в показаниях источников о провалившемся летнем походе 1524 г. Вероятно, это можно объяснить тем, что воеводы, возглавлявшие отдельные части русского войска, в своих донесениях в Москву пытались скрыть неудачные последствия собственных действий.

Из 37 датированных событий, происходивших в ходе московско-казанских войн 1467–1530 гг., 38% приходится на памятные дни святых; на двенадцатые и иные праздники, отсчитываемые от Пасхи, – 27%; на Покров Богородицы и Новолетие – 5%. Затруднения при определении примечательного праздничного дня церковного календаря вызывают 30% хронологических указаний. Среди святых, к памятным дням которых приурочивались военно-политические акции Москвы против Казани, упоминаются: 1) Панкратий, Акила и Илия, которые известны как ревнители истинной веры и борцы с язычниками; 2) Иоанн Предтеча, Кирилл Белозерский, Владимир Святославич, культы которых имели особую значимость для московских князей, с одной стороны, и, с другой стороны, небесный покровитель Москвы – митрополит Петр; 3) Николай Чудотворец в качестве покровителя русского воинства. Следовательно, московские великие князья и воеводы при ведении боевых действий учитывали церковный календарь, стремясь проводить запланированные военно-политические акции против Казани в памятные дни святых, известных своей борьбой против язычников, наделённых военными функциями и покровительствовавших московским князьям. Выходы основных сил великого князя, приходившиеся преимущественно на переходящие праздники Пасхального цикла, могут трактоваться в русле провиденциальных воззрений: начало похода против Казани в период главного христианского праздника подчеркивало предопределенность великой победы христианского царства над язычниками.

При анализе датированных известий московско-казанского противостояния в 1467–1530 гг. обращает на себя внимание, что в 46% из них в той или иной форме содержится прямое указание праздника. Это позволяет сделать предположение о том, что московские книжники осознанно могли подчеркивать календарный символизм военно-политических происшествий. Так, большая часть событий войны 1467–1469 гг. датирована в летописях религиозными праздниками. Отчетливым символизмом обладает день начала этой войны, определяемый словосочетанием «съ вздвиженива дни», которым, по мнению А.В. Аксанова, летописец «придает конфликту религиозный харак-

тер, так как Крестовоздвижение было символом успеха в борьбе с нечестивыми иноверцами» [1, с. 65–66]. Сознательная сакрализация московскими книжниками хронологии характерна для описания кампании 1487 г., события которой приходятся на памятные дни Панкратия, Акилы, Илии, митрополита Петра. Как было отмечено выше, празднования в честь этих святых обнаруживают тематическую близость, созвучную общей идейной направленности рассказа о войне 1487 г. – победа московского православного воинства над язычниками-казанцами. Летописные известия о походах русских войск на Казань в 1524 г. и 1530 г. не содержат упоминаний о праздничных днях, но ключевые события этих кампаний происходят в значимые с религиозной точки зрения праздники: закладка Васильсурской крепости (Новолетие), выход войск великого князя (Троица), Свияжская битва (Рождество Иоанна Предтечи), штурм Казани в 1524 г. (Успение Богородицы) и битва на Арском поле в 1530 г. (память Владимира Святославича). Отсутствие «праздничных» датировок и, как следствие, явной идейной направленности летописных свидетельств о войнах Василия III против Казанского ханства могло быть вызвано неоднозначностью их результатов в сравнении с победами Ивана III.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксанов А.В. Казанское ханство и Московская Русь: Межгосударственные отношения в контексте герменевтического исследования: Монография. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016. 288 с.
2. Алексеев А.И. Первая редакция вкладной книги Кирилло-Белозерского монастыря (1560-е гг.) // Вестник церковной истории. 2010. №3–4 (19–20). С. 17–117.
3. Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2009. 464 с.
4. Бахтин А., Хамидуллин Б. Политическая история Казанского ханства // История татар с древнейших времен. В семи томах. Т. IV. Татарские государства XV–XVIII вв. Казань, 2014. С. 289–358.
5. Борисов Н.С. Иван III. Отец русского самодержавия. М.: Академический проспект, 2016. 619 с.
6. Борисов Н.С. К изучению датированных летописных известий XIV–XV веков // История СССР. 1983. № 4. С. 124–131.
7. Виноградов А.Ю. Месяцесловные датировки в летописании Северо-Восточной Руси середины XII – начала XIV в. // Graphosphaera: Письмо и письменные практики. 2024. Т. 4, № 2. С. 254–277.
8. Гациский А.С. Нижегородский летописец. Нижний Новгород: типография Губернского правления, 1886. 144 с.
9. Герберштейн С. Записки о Московии / пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. М.: Изд-во МГУ, 1988. 430 с.
10. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с.
11. Данилевский И.И. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.); Курс лекций: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 1998. 399 с.
12. Ерусалимский К.Ю. Месяцы в московских летописных сводах за 1530–1567 гг.: О распределении датировок итинерария Ивана Грозного // Graphosphaera: Письмо и письменные практики. 2024. Т. 4, № 2. С. 296–308.

13. Зимин А.А. Россия на пороге нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М.: Мысль, 1972. 456 с.
14. Илюшин Б.А. Казанские войны Василия III: монография. Казань: Издательский дом «Логос», 2021. 428 с.
15. Казанская история [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5148> (дата обращения 22.04.2025).
16. Казанская история. М.-Л.: Изд-во Академия наук СССР, 1954. 195 с.
17. Контамин Ф. Война в Средние века / пер. с фр. Ю.П. Малинина, А.Ю. Карачинского, М.Ю. Некрасова; под ред. Ю.П. Малинина. СПб.: Ювента, 2001. 416 с.
18. Лаушкин А.В. «Видя беду страшну и грозну»: ещё раз о днях отъезда русских князей в Орду // Исторический вестник. 2014. Т. 10. С. 110–127.
19. Лаушкин А.В. «Праздничные выходы» на войну в домонгольской Руси // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 53–57.
20. Лихачёв Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979. 352 с.
21. Мельник А.Г. Небесные покровители русского воинства в конце XV–XVI вв. // Макарьевские чтения. Вып. 18: «Воинство земное – воинство небесное»: материалы XVIII Всероссийской научной конференции, памяти Святителя Макария. 2011. С. 61–68.
22. Михайлова И.Б. Москва и Казань: военные кампании 1523 и 1524 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета (ЛГУ) имени А.С. Пушкина. 2015. Т. 4. История: научный журнал. №. 2. С. 35–44.
23. Мусин А.Е. Milites Christi Древней Руси. Воинская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2005. 368 с.
24. Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/> (дата обращения 22.04.2025).
25. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Софийские летописи. СПб: Тип. Эдуарда Праца, 1853. 358 с.
26. Полное собрание русских летописей. Т. 6. Вып. 2. Софийская вторая летопись. М.: «Языки русской культуры», 2001. 240 с.
27. Полное собрание русских летописей. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М.: «Языки русской культуры», 2001. 312 с.
28. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. 266 с.
29. Полное собрание русских летописей. Т. 13. 1-я половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1904. 302 с.
30. Полное собрание русских летописей. Т. 19. История о Казанском царстве. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1903. 308 с.
31. Полное собрание русских летописей. Т. 20. 1-я половина. Львовская летопись. Ч. 1. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. 418 с.
32. Полное собрание русских летописей. Т. 21. 2-я половина. Книга Степенная царского родословия. Ч. 2. СПб: Тип. М.А. Александрова, 1913. 708 с.
33. Полное собрание русских летописей. Т. 22. Вып. 1. Хронограф редакции 1512 года. СПб., 1911. 580 с.
34. Полное собрание русских летописей. Т. 24. Летопись по Типографскому списку. Пг., 1921. 272 с.
35. Полное собрание русских летописей. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.-Л., 1949. 464 с.

36. Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.-Л., 1959. 413 с.
37. Полное собрание русских летописей. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. М.-Л.: Изд-во АН, 1963. 411 с.
38. Полное собрание русских летописей. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М.: «Наука», 1965. 240 с.
39. Полное собрание русских летописей. Т. 34. Постниковский летописец. М.: «Наука», 1978. 304 с.
40. Полное собрание русских летописей. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л.: «Наука», 1982. 228 с.
41. Полное собрание русских летописей. Т. 43. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М.: «Языки славянской культуры», 2004. 367 с.
42. Разрядная книга 1475–1605 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/acts/16/possevino/razryady_1475b_00.htm (дата обращения 22.04.2025).
43. Селезнёв Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV веках. Воронеж: Центрально-чернозёмное книжное издательство, 2013. 472 с.
44. Смирнов А.Г. Роль религиозного сознания в идеологических установках и жизненной практике рыцарей Четвертого крестового похода // Вестник Московского Государственного Гуманитарного Университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2015. № 1. С. 37–47.
45. Устинова Ю.В. Царский ангел. Новые сюжеты в иконографии св. Иоанна Предтечи эпохи Ивана Грозного // Искусствознание. 2022. № 2. С. 150–185.
46. Филюшкин А.И. Василий III. М.: Молодая гвардия, 2010. 346 с.
47. Флори Ж. Повседневная жизнь рыцарей в Средние века / пер. с фр. Ф.Ф. Несетрова. М.: Молодая гвардия, 2006. 356 с.

REFERENCES

1. Aksanov A.V. The Kazan Khanate and Muscovy: Inter-state Relations in the Context of Hermeneutic Research: Monograph. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 288 p. (In Russian)
2. Alekseev A.I. The First Edition of the Kirillo-Belozersky Monastery's Book of Contributions (1560s). *Bulletin of Church History*. 2010, no. 3–4 (19–20), pp. 17–117. (In Russian)
3. Alekseev Yu.G. Campaigns of Russian troops under Ivan III. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2009. 464 p. (In Russian)
4. Bakhtin A., Khamidullin, B. Political History of the Kazan Khanate. In: History of the Tatars from Ancient Times. In seven volumes. Vol. IV. Tatar States of the 15th–18th Centuries. Kazan, 2014, pp. 289–358. (In Russian)
5. Borisov N.S. Ivan III. Father of Russian Autocracy. Moscow: Academic Prospect, 2016. 619 p. (In Russian)
6. Borisov N.S. On the Study of Dated Chronicle Reports of the 14th–15th Centuries. In: History of the USSR. 1983, no. 4, pp. 124–131. (In Russian)
7. Vinogradov A.Yu. Monthly dates in the chronicles of North-Eastern Russia in the mid-12th – early 14th centuries. In: Graphosphera: Writing and Writing Practices. 2024. Vol. 4, no. 2, pp. 254–277. (In Russian)
8. Gatsisky A.S. The Nizhny Novgorod Chronicler. Nizhny Novgorod: Provincial Government Printing House, 1886. 144 p. (In Russian)

9. Herberstein S. Notes on Muscovy. Trans. from German by A.I. Malein and A.V. Nazarenko. Moscow: Moscow State University Press, 1988. 430 p. (In Russian)
10. Gurevich A.Y. Categories of Medieval Culture. Moscow: Iskustvo, 1972. 318 p. (In Russian)
11. Danilevsky I.I. Ancient Rus through the eyes of contemporaries and descendants (9th–12th centuries); Lecture course: Textbook for university students. Moscow: Aspect Press, 1998. 399 p. (In Russian)
12. Jerusalemky K.Y. Months in Moscow Chronicle Compilations for 1530–1567: On the Distribution of Dates in Ivan the Terrible's Itinerary. In: Graphosphaera: Writing and Writing Practices. 2024. Vol. 4, no. 2, pp. 296–308. (In Russian)
13. Zimin A.A. Russia on the Threshold of a New Era: (Essays on the Political History of Russia in the First Third of the 16th Century). Moscow: Mysl, 1972. 456 p. (In Russian)
14. Ilyushin B.A. Vasily III's Kazan Wars: Monograph. Kazan: Logos Publishing House, 2021. 428 p. (In Russian)
15. Kazan History [Electronic resource]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5148> (accessed 22.04.2025). (In Russian)
16. History of Kazan. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1954. 195 p. (In Russian)
17. Contamin Ф. War in the Middle Ages. Translated from French by Yu.P. Malinin, A.Yu. Karachinsky M.Yu. Nekrasov; edited by Yu.P. Malinin. St. Petersburg: Juventa, 2001. 416 p. (In Russian)
18. Loushkin A.V. "Seeing a terrible and frightening disaster": once again about the days of the departure of Russian princes to the Horde. Historical Herald. 2014. Vol. 10, pp. 110–127. (In Russian)
19. Laushkin A.V. "Festive Departures" to War in Pre-Mongol Rus'. *Ancient Rus': Questions of Medieval Studies*. 2019, no. 1 (75), pp. 53–57. (In Russian)
20. Likhachev D.S. Poetics of Old Russian Literature. 3rd ed., rev. Moscow: Nauka, 1979. 352 p. (In Russian)
21. Melnik A.G. Heavenly patrons of the Russian army at the end of the 15th–16th centuries. In: Makariev Readings. Issue 18: 'The earthly army – the heavenly army': materials from the 18th All-Russian Scientific Conference, in memory of St. Macarius. 2011, pp. 61–68. (In Russian)
22. Mikhailova I.B. Moscow and Kazan: Military Campaigns of 1523 and 1524. *Bulletin of Leningrad State University (LSU) named after A.S. Pushkin*. 2015. Vol. 4. History: Scientific Journal, no. 2, pp. 35–44. (In Russian)
23. Musin A.E. Milites Christi of Ancient Rus. Military culture of the Russian Middle Ages in the context of religious mentality. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2005. 368 p. (In Russian)
24. Orthodox Encyclopedia [Electronic resource]. URL: <https://www.pravenc.ru/> (accessed 22.04.2025). (In Russian)
25. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 6. Sofia Chronicles. St. Petersburg: Typography of Eduard Prats, 1853. 358 p. (In Russian)
26. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 6. Issue 2. Second Sofia Chronicle. Moscow: Languages of Russian Culture, 2001. 240 p. (In Russian)
27. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 8. Continuation of the Chronicle According to the Voskresensky List. Moscow: Languages of Russian Culture, 2001. 312 p. (In Russian)
28. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 12. Chronicle Collection Known as the Patriarchal or Nikon Chronicle. St. Petersburg: Typography of I.N. Skorokhodov, 1901. 266 p. (In Russian)

29. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 13. Part 1. Chronicle Collection Known as the Patriarchal or Nikon Chronicle. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov Printing House, 1904. 302 p. (In Russian)
30. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 19. History of the Kazan Kingdom. St. Petersburg: I. N. Skorokhodov Printing House, 1903. 308 p. (In Russian)
31. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 20. Part 1. Lviv Chronicle. Part 1. St. Petersburg: Typography of M.A. Aleksandrov, 1910. 418 p. (In Russian)
32. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 21. Part 2. Book of the Royal Genealogy. Part 2. St. Petersburg: Typography of M.A. Aleksandrov, 1913. 708 p. (In Russian)
33. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 22. Issue 1. Chronograph of the 1512 edition. St. Petersburg, 1911. 580 p. (In Russian)
34. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 24. Chronicle Based on the Typographical List. Petrograd, 1921. 272 p. (In Russian)
35. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 25. Moscow Chronicle Compilation of the Late 15th Century. Moscow; Leningrad, 1949. 464 p. (In Russian)
36. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 26. Vologda-Perm Chronicle. Moscow; Leningrad, 1959. 413 p. (In Russian)
37. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 28. Chronicle Compilation of 1497. Chronicle Compilation of 1518. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences Publishing House, 1963. 411 p. (In Russian)
38. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 30. Vladimir Chronicle. Novgorod Second (Archival) Chronicle. Moscow: Nauka, 1965. 240 p. (In Russian)
39. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 34. Postnikovsky Chronicle. Moscow: Nauka, 1978. 304 p. (In Russian)
40. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 37. Ustyuzhsky and Vologda Chronicles of the 16th–18th Centuries. Leningrad: Nauka, 1982. 228 p. (In Russian)
41. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 43. Novgorod Chronicle according to the list of P.P. Dubrovsky. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 367 p. (In Russian)
42. Rank Book 1475–1605 [Electronic resource]. URL: http://krotov.info/acts/16/possevino/razryady_1475b_00.htm (accessed 22.04.2025). (In Russian)
43. Seleznev Yu.V. Russian Princes in the Ruling Elite of the Jochi Ulus in the 13th–15th Centuries. Voronezh: Central Black Earth Book Publishing House, 2013. 472 p. (In Russian)
44. Smirnov A.G. The role of religious consciousness in the ideological attitudes and life practices of the knights of the Fourth Crusade. *Bulletin of the M.A. Sholokhov Moscow State University for the Humanities. History and Political Science*. 2015, no. 1, pp. 37–47. (In Russian)
45. Ustinova Yu.V. The Tsar's Angel. New Motifs in the Iconography of St. John the Baptist in the Era of Ivan the Terrible. *Art Studies*. 2022, no. 2, pp. 150–185. (In Russian)
46. Filyushkin, A.I. Vasily III. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2010. 346 p. (In Russian)
47. Floris J. The Daily Life of Knights in the Middle Ages. Trans. from French by F.F. Nesterov. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2006. 356 p. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александр Леонидович Новосёлов – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории и архивоведения, Казанский федеральный университет (420008, ул. Кремлевская, 18, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-4545-9125; Researcher ID: ACI-8729-2022; Scopus Author ID: 57211501724. E-mail: alenovo92@yandex.ru

Александр Алтерович Литвин – доктор исторических наук, заведующий кафедрой отечественной истории и архивоведения, Казанский федеральный университет (420008, ул. Кремлевская, 18, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-2337-3304; Researcher ID: AAM-9932-2021; Scopus Author ID: 57201648291. E-mail: hist33rus@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander L. Novoselov – Cand. Sci. (History), Senior Lecturer of the Department of Russian History and Archival Studies, Kazan Federal University (18, Kremlevskaya Str., Kazan 420008, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-4545-9125; Researcher ID: ACI-8729-2022; Scopus Author ID: 57211501724. E-mail: alenovo92@yandex.ru

Alexander A. Litvin – Dr. Sci. (History), Head of the Department of Russian History and Archival Studies, Kazan Federal University (18, Kremlevskaya Str., Kazan 420008, Russian Federation); ORCID : 0000-0003-2337-3304; Researcher ID: AAM-9932-2021; Scopus Author ID: 57201648291. E-mail: hist33rus@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 01.09.2025

Поступила после рецензирования / Revised 24.11.2025

Принята к публикации / Accepted 02.12.2025

ХРОНИКА

Краткое сообщение / Brief message

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.959-962>

EDN: RKWHSO

УДК 94(47).031+061.232+902

ОБЗОР НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ЧЕСТЬ 85-ЛЕТИЯ М.Г. КРАМАРОВСКОГО «ЗОЛОТАЯ ОРДА И ПРИЧЕРНОМОРЬЕ. МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ»

Л.О. Смирнова ✉, *А.Н. Теплякова*

Государственный Эрмитаж

Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ teplyakova@hermitage.ru

Резюме. В статье представлен обзор научной конференции, посвященной 85-летию ведущего научного сотрудника Отдела Востока Государственного Эрмитажа Марка Григорьевича Крамаровского, прошедшей 12–14 ноября 2025 года в Государственном Эрмитаже. Конференция состояла из восьми секций, посвященных вопросам археологии, истории, историографии, искусствоведения, нумизматики и многим другим, охватывавшим широкий спектр проблем, посвященных истории и культуре Улуса Джучи и государств, образовавшихся на их территориях, а также проблем взаимодействия культур стран Востока и Запада, кочевнического и оседлого населения. Отдельной темой было выделено исследование истории и культуры Солхата и Крыма в XIII–XVI вв. В 2025 году исполнилось 100 лет с момента начала археологических исследований на городище Солхата экспедицией И.Н. Бороздина, которые впоследствии, с 1978 года, продолжились экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством М.Г. Крамаровского.

В работе конференции приняли участие коллеги из Симферополя, Воронежа, Волгограда, Москвы, Казани, Уфы, Екатеринбурга, Санкт-Петербурга и Баку.

Проведенная конференция показала интерес коллег к теме и формату мероприятия, а также необходимость организации конференции по золотоордынской тематике в стенах Государственного Эрмитажа на регулярной основе.

Ключевые слова: Золотая Орда, Причерноморье, М.Г. Крамаровский, археология, источниковедение, история

Для цитирования: Смирнова Л.О., Теплякова А.Н. Обзор научной конференции в честь 85-летия М.Г. Крамаровского «Золотая Орда и Причерноморье. Между Востоком и Западом» // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 4. С. 959–962. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.959-962> EDN: RKWHSO

© Смирнова Л.О., Теплякова А.Н., 2025



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

REVIEW OF THE SCIENTIFIC CONFERENCE
IN HONOR OF THE 85th ANNIVERSARY OF M.G. KRAMAROVSKY
"THE GOLDEN HORDE AND THE BLACK SEA REGION.
BETWEEN EAST AND WEST"

L.O. Smirnova ✉, A.N. Teplyakova

State Hermitage Museum
St. Petersburg, Russian Federation

✉ teplyakova@hermitage.ru

Abstract. This article presents a review of the scientific conference dedicated to the 85th anniversary of the leading researcher of the Oriental Department of the State Hermitage Museum, Mark G. Kramarovsky, held on November 12–14, 2025, at the State Hermitage Museum. The conference consisted of eight sections devoted to issues of archeology, history, historiography, art history, numismatics and many other topics, covering a wide range of problems and dedicated to the history and culture of the Ulus of Jochi, the Ulugh Ulus, and the states that formed on their territories, as well as problems of interaction between the cultures of the countries of the East and West, nomadic and sedentary populations. A separate topic was the study of the history and culture of Solkhat and Crimea in the 13th–16th centuries. The year 2025 marked 100 years since the beginning of archaeological research at the Solkhat settlement with the expedition of Ilia Borozdin, which was subsequently revived in 1978 by the State Hermitage Museum expedition led by Mark Kramarovsky.

Colleagues from Simferopol, Voronezh, Volgograd, Moscow, Kazan, Ufa, Yekaterinburg, St. Petersburg, and Baku took part in the conference.

The conference revealed interest in the topic and format of the event, as well as the need to organize a conference on the Golden Horde within the walls of the State Hermitage Museum on a regular basis.

Keywords: Golden Horde, Black Sea region, Mark Kramarovsky, archeology, source studies, history

For citation: Smirnova L.O., Teplyakova A.N. Review of the scientific conference in honor of the 85th anniversary of M.G. Kramarovsky "The Golden Horde and the Black Sea Region. Between East and West". *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 4, pp. 959–962. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.959-962> (In Russian)

3 марта 2025 года исполнилось 85 лет Марку Григорьевичу Крамаровскому, ведущему научному сотруднику Отдела Востока Государственного Эрмитажа, доктору исторических наук. М.Г. Крамаровский участвовал в археологических экспедициях в Западной Сибири и Поволжье, а с 1978 г. руководит работой Золотоордынской (Старокрымской) археологической экспедиции Эрмитажа в Восточном Крыму. М.Г. Крамаровский – автор нескольких монографических выставок: «Сокровища Золотой Орда» (Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан, Казань, 2000; Государственный Эрмитаж, 2001), «Золотая Орда: История и Культура» (Центр «Эрмитаж-Казань», 2005); «Золотая Орда и Причерноморье: уроки Чингисидской империи» (Центр «Эрмитаж-Казань», 2019). Он является автором нескольких сотен научных работ, среди которых – издания средневековых памятников, статьи по археологии Восточного Крыма, каталоги выставок и монографии.

В рамках празднования этой круглой даты в Зале Совета Государственного Эрмитажа 12–14 ноября 2025 г. прошла научная конференция «Золотая Орда и Причерноморье. Между Востоком и Западом» с участием коллег из Симферополя, Воронежа, Волгограда, Москвы, Казани, Уфы, Екатеринбурга, Санкт-Петербурга и Баку.

Участников приветствовал Генеральный директор Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровский, отметив и важность обсуждаемых тем и роль М.Г. Крамаровского в изучении Золотой Орды и в истории Отдела Востока, охарактеризовав его как хранителя духа Отдела Востока эпохи В.Г. Луконина.

Открывал конференцию заместитель директора Государственного Эрмитажа Г.В. Вилинбахов, вручивший М.Г. Крамаровскому благодарность за многолетний труд. Г.В. Вилинбахов отметил, что многое в работах Марка Григорьевича, равно как и других исследователей культуры Золотой Орды представляет интерес для геральдики, для новых направлений в этой дисциплине, связанных с исследованием татарских тамг, кавказских родовых знаков и ранних геральдических знаков Восточной Европы, и выразил надежду на то, что эта тема будет представлена на последующих конференциях по золотоордынской тематике.

Свои поздравительные слова М.Г. Крамаровскому прислали директор Института истории им. Ш. Марджани АН РТ Р.Р. Салихов, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Н.Н. Крадин и руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ И.М. Миргалеев.

Доклады конференции были посвящены различным проблемам в сфере археологии, истории, историографии, искусствоведения, нумизматики и другим, охватывавшим широкий спектр вопросов по истории и культуре Улуса Джучи и тюрко-татарских государств, а также проблемам взаимодействия культур стран Востока и Запада, кочевнического и оседлого населения.

Отдельной темой в докладах выделяется исследование истории и культуры Солхата и Крыма в XIII–XVI вв. В 2025 году исполнилось 100 лет с момента начала археологических исследований на городище Солхата экспедицией И.Н. Бороздина, которые впоследствии, с 1978 года, продолжились экспедицией Государственного Эрмитажа под руководством М.Г. Крамаровского.

Вопросы исследования Солхата и памятников материальной культуры, связанных с этим средневековым городом затрагивались в докладах Ю.В. Селезнева, М.Г. Крамаровского и Э.И. Сейдалиева, Д.В. Грачева, Т.В. Шлыковой, М.А. Усейнова, М.Н. Арсеньева, Д.Э. Сейдалиевой.

Наиболее полно в программе конференции была представлено изучение Крыма, Северного Причерноморья и Кавказа в XIII–XVI вв. Во-первых, вопросы, связанные с археологическими исследованиями на памятниках, были освещены в докладах С.Б. Адаксиной, А.И. Айбабина и Э.А. Хайрединовой, В.В. Майко и Э.И. Сейдалиева, Н.Д. Денисенко Во-вторых, общеисторические проблемы, связанные с изучением письменных источников и нумизматических данных, были выражены в докладах Т.И. Слеповой, В.Е. Науменко, и В.С. Битюкова.

Более пристальное внимание к исследованию письменных памятников было уделено в докладе Е.С. Кузнецова о католических монахах в Улусе

Джучи в период с 1259 по 1343 гг. и в масштабном исследовании коллектива авторов: Л.Ф. Абзалова М.С. Гатина, И.А. Мустакимова и Р.Ю. Почекаева об идентификации должностей и статусов золотоордынских чиновников Крыма и Северного Причерноморья.

Еще одна обширная тема – это изучение изделий ремесленного производства Золотой Орды на основе археологических данных. В этом разделе были представлены доклады Л.Ф. Недашковского, Е.В. и Р.Р. Руслановых, К.С. Ковалевой, В.И. Близнюковой, Е.Ю. Гончарова.

Проблемы изучения ремесленных изделий, памятников декоративно-прикладного искусства, их прототипов и дальнейшей трансформации как орнаментов, так и технологии изготовления поднималась в докладах В.П. Степаненко, А.Д. Притулы, Т.С. Матехиной, Н.Н. Точиловой, А.Ю. Завитаевой, А.М. Боголюбова. Отдельной секцией в этом разделе стали доклады о тканях и костюмах золотоордынского и постзолотоордынского периода М.Л. Меньшиковой, С.М. Шашуновой, А.Н. Тепляковой, Д.В. Васильевой и М.Н. Гавриловой.

Последняя тема посвящена всестороннему изучению архитектурных и археологических памятников сопредельных территорий в золотоордынское и пост-золотоордынское время. С докладами выступили Э.Д. Зиливинская, Д.В. Садофеев, Л.О. Смирнова и Д.А. Кириченко.

Конференция «Золотая Орда и Причерноморье. Между Востоком и Западом» стала первой за долгое время конференцией по золотоордынской тематике, организованной на площадке Государственного Эрмитажа. Интерес коллег, их готовность принимать участие в конференции показали, как отметил в своей заключительной речи директор Института археологии Крыма РАН В.В. Майко, необходимость в организации конференции на регулярной основе.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лариса Олеговна Смирнова – научный сотрудник Отдела Востока, Государственный Эрмитаж (191181, Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-5757-3542. E-mail: sofochka2000@rambler.ru

Анастасия Николаевна Теплякова – научный сотрудник Отдела Востока, Государственный Эрмитаж (191181, Дворцовая наб., 34, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-5460-8009. E-mail: teplyakova@hermitage.ru

INFROMATION ABOUT THE AUTHORS

Larisa O. Smirnova – Research Fellow of the Oriental Department, The State Hermitage Museum (34, Dvortsovaya emb., St. Petersburg 191181, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-5757-3542. E-mail: sofochka2000@rambler.ru

Anastasiya N. Teplyakova – Research Fellow of the Oriental Department, The State Hermitage Museum (34, Dvortsovaya emb., St. Petersburg 191181, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-5460-8009. E-mail: teplyakova@hermitage.ru

Поступила в редакцию / Received 17.11.2025

Поступила после рецензирования / Revised 28.11.2025

Принята к публикации / Accepted 02.12.2025

Краткое сообщение / Brief message

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.963-966>
EDN: WVJTKS

УДК 929

УЧЕНЫЙ, ПРОСВЕТИТЕЛЬ: 65-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ИСКАНДЕРА ИЗМАЙЛОВА

Л.С. Гиниятуллина

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
lusiia@mail.ru*

Резюме. В декабре 2025 года научное сообщество отмечает 65-летие выдающегося историка и археолога, доктора исторических наук Искандера Леруновича Измайлова. Юбиляр является ведущим научным сотрудником Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова. Его почти 50-летняя научная деятельность внесла фундаментальный вклад в изучение средневековой истории тюрко-татарских государств, военного дела и оружейведения Евразии, этногенеза татарского народа. Ученым разработаны новаторские методики и опубликованы десятки монографий и научных статей. Помимо исследовательской работы, И.Л. Измайлов активно занимается просветительской деятельностью, выступая с лекциями, участвуя в создании учебников и публикуя научно-популярные материалы. Он также входит в состав Геральдического совета при Президенте РТ и редколлегий ведущих журналов. Его многолетний труд отмечен высокими государственными наградами, включая звание «Заслуженный деятель науки Республики Татарстан».

Ключевые слова: Искандер Измайлов, юбилей, историческая наука, археология, Золотая Орда, Волжская Булгария, военное дело, просветительская деятельность

Для цитирования: Гиниятуллина Л.С. Ученый, просветитель: 65-летний юбилей Искандера Измайлова // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 4. С. 963–966. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.963-966> EDN: WVJTKS

SCHOLAR AND EDUCATOR: THE 65th ANNIVERSARY OF ISKANDER IZMAILOV

L.S. Giniyatullina

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
lusiia@mail.ru*

Abstract. In December 2025, the academic community marks the 65th birthday of the outstanding historian and archaeologist, Doctor of Historical Sciences Iskander Lerunovich Izmailov. The jubilarian is a leading researcher at the M.A. Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates. His nearly 50-year scholarly career has made a fundamental contributions to the study of the medieval history of the Turkic-Tatar states,

© Гиниятуллина Л.С., 2025

the ethnogenesis of the Tatar people, and the military affairs and weaponry of Eurasia. The scholar has developed innovative methodologies and published dozens of monographs and scientific articles. Beyond research, I.L. Izmailov is actively engaged in public outreach, delivering lectures, contributing to the creation of textbooks, and publishing popular science materials. He is also a member of the Heraldic Council under the President of the Republic of Tatarstan and the editorial boards of leading journals. His long-standing work has been recognized with high state awards, including the honorary title "Honored Scientist of the Republic of Tatarstan."

Keywords: Iskander Izmailov, anniversary, historical science, archaeology, Golden Horde, Volga Bulgaria, military affairs, scholarly outreach

For citation: Giniyatullina L.S. Scholar and Educator: the 65th Anniversary of Iskander Izmailov. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2025, vol. 13, no. 4, pp. 963–966. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2025-13-4.963-966> (In Russian)

В декабре 2025 года научное сообщество отмечает 65-летие известного ученого, доктора исторических наук Искандера Леруновича Измайлова – ведущего научного сотрудника Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ



[1]. Его научная биография представляет собой уникальный пример преданного служения исторической науке, органично сочетающего фундаментальные исследования с широкой просветительской деятельностью и активной общественной позицией.

Искандер Измайлов родился 12 декабря 1960 года в посёлке Сеймчан Магаданской области. Еще в школьные годы у него сформировался интерес к истории и археологии, который еще больше укрепился благодаря участию в археологических раскопках на Колыме и Чукотке под руководством профессора Н.Н. Дикова. Решающим моментом в

выборе профессионального пути стала поездка в 1977 году на раскопки Биллярского городища, где он познакомился с профессором А.Х. Халиковым. Эта встреча определила его судьбу – последующее поступление на исторический факультет Казанского университета и всю дальнейшую научную карьеру.

За почти 50-летнюю научную деятельность И.Л. Измайлов внес значительный вклад в развитие отечественной исторической науки. Достаточно отметить, что им подготовлено более двух десятков научных монографий и отдельных изданий, а также свыше 80 статей, опубликованных в коллективных монографиях. Широта его исследовательских интересов охватывает ключевые направления медиевистики и этнологии: археологию и историю тюрко-татарских средневековых государств, проблемы этногенеза и этни-

ческой истории татарского народа и народов Волго-Уральского региона, историю вооружения и военного дела средневековых обществ Евразии, а также формирование и институционализацию татарской исторической науки. Его кандидатская диссертация «Вооружение и военное дело волжских булгар X–XIII вв.» (1996) и докторская «Волжская Булгария в IX – первой трети XIII века: становление социальной, религиозной и этнополитической структуры общества» (2013) стали фундаментальными трудами в области средневековой истории и археологии. Ученый разработал принципиально новые подходы к изучению этнических процессов в средневековье, предложив альтернативу традиционным советским концепциям. Его методика основана на комплексном анализе всех видов источников с применением современных этнологических теорий. Особое значение имеет его вклад в развитие оружейведения, где он обосновал концепцию «комплекса вооружения» как инструмента реконструкции социальной структуры средневековых обществ.

Помимо научно-исследовательской деятельности, Искандер Лерунович ведет активную просветительскую работу. Он является автором многочисленных научно-популярных и публицистических материалов, включая аналитические и острополемические статьи, регулярно публикующиеся в периодической печати. Его выступления на телевидении и радио, а также публичные лекции по истории татарского народа и Татарстана способствуют распространению и популяризации исторических знаний и пользуются неизменным интересом у широкой аудитории [2].

За годы плодотворной работы И.Л. Измайлов удостоен многих наград и званий, включая медаль «В память 1000-летия Казани» (2005), почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Татарстан» (2019), медаль Всемирного конгресса татар (2020). Его научные заслуги отмечены благодарностями и почетными грамотами различных учреждений и организаций.

Юбилей Искандера Леруновича Измайлова – это не только подведение итогов, но и взгляд в будущее. Его труды продолжают оказывать значительное влияние на развитие современной исторической науки, задавая новые направления исследований в области золотоордынской медиевистики, военной археологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ожерелье дружбы: история средневековых татар. Сб. статей к 65-летию Искандера Леруновича Измайлова / Редколл.: Р.Р. Салихов, И.М. Миргалеев, Э.Г. Сайфетдинова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2025. 320 с., ил.
2. Гиниятуллина Л.С. Вопросы историку о времени, науке и прошлом // Ожерелье дружбы: история средневековых татар. Сб. статей к 65-летию Искандера Леруновича Измайлова / Редколл.: Р.Р. Салихов, И.М. Миргалеев, Э.Г. Сайфетдинова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2025. С. 10–29.

REFERENCES

1. Necklace of Friendship: History of the Medieval Tatars. Collection of Articles for the 65th Anniversary of Iskander Lerunovich Izmailov. Ed. by R.R. Salikhov, I.M. Mirgaleev, E.G. Saifetdinova. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2025. 320 p. with illustrations. (In Russian)
2. Giniyatullina L.S. Questions for a Historian on Time, Science, and the Past. In: Necklace of Friendship: History of the Medieval Tatars. Collection of Articles for the 65th Anniversary of Iskander Lerunovich Izmailov. Ed. by R.R. Salikhov, I.M. Mirgaleev, E.G. Saifetdinova. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2025, pp. 10–29. (In Russian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Люция Сулеймановна Гиниятуллина – младший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-3904-6079, ResearcherID: W-4335-2019, Scopus Author ID: 57201655777. E-mail: lusiia@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyutsiya S. Giniyatullina – Research Fellow of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-3904-6079, ResearcherID: W-4335-2019, Scopus Author ID: 57201655777. E-mail: lusiia@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 24.11.2025

Поступила после рецензирования / Revised 14.12.2025

Принята к публикации / Accepted 15.12.2025



Академия наук Республики Татарстан является правообладателем исключительных имущественных прав на свои издания. Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

The Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property rights of its publications. Any use of the material of this publication (publishing online, reprinting, republishing, etc.), in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

На обложке: Тарханный ярлык казанского хана Сахиб-Гирея Шейху-Ахмеду и его родственникам. 1523 г. Из фондов Национального музея Республики Татарстан (НМРТ КП-5757).

On the cover: Tarkhan label (yarlyk) of the Kazan Khan Sahib Giray to Sheikh Ahmed and his relatives. 1523. From the collection of the National Museum of the Republic of Tatarstan (NMRT KP-5757).

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials of the “Golden Horde Review” are available under the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)



ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2025. Т. 13, №4

GOLDEN HORDE REVIEW. 2025, vol. 13, no. 4

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.
Distributed in the Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен
в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ
420111, ул. Батурина, 7, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Подписано в печать 22.12.2025 г. Дата выхода в свет 29.12.2025 г.

Формат 70×108 ¹/₁₆ Печ. л. 15,25 Тираж 200 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Академии наук Республики Татарстан
420111, ул. Баумана, 20, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация
E-mail: izdat.anrt@yandex.ru



Сайт
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>